ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

PROPERTY OF THE
LIBRARY OF THE
MAR 24 1960
WOMAN'S COLLEGE
UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA

2

МОСКВА·1960

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА"

НОВЫЕ КНИГИ

История СССР

АЙРАПЕТЯН М. Э. **Основные принципы внешней политики СССР.** М. 1959. 34 стр. 10 000 экз. 45 коп.

Большевистская печать в дооктябрьский период. М. Изд-во Московского ун-та. 1959. 294 стр. 5 000 экз. 10 руб.

БЫСТРЫХ Ф. П. **Большевистские организации Урала в революции 1905—1907 годов.** Свердловск. Кн. изд-во. 1959. 363 стр. 1 500 экз. 8 р. 20 к.

ДЖАМГЕРЧИНОВ Б. **Присоединение Киргизии к России.** М. Соцэкгиз. 1959. 435 стр. 6 000 экз. 11 р. 55 к.

Из истории СССР (Эпоха феодализма и капитализма). Л. Изд-во Ленинградского ун-та. 1959. 243 стр. 2 625 экз. 9 р. 75 к.

Краткие сообщения. Вып. 27. М. Изд-во АН СССР. 1959 110 стр. 1 500 экз. 5 р. 50 к.

МАССОН В. М. **Древнеземледельческая культура Маргианы.** М.-Л. Изд-во АН СССР. Ленинградское отделение. 1959. 216 стр. 1 400 экз. 16 р. 20 к.

МЕЛЬКУМОВ В. Г. **Очерк истории парторганизации Туркменской области Туркестанской АССР (1920—1924 гг.).** Ашхабад. Туркменгосиздат. 1959. 238 стр. 3 000 экз. 2 р. 40 к.

Памятники зарубинецкой культуры. М.-Л. Изд-во АН СССР. 1959. 192 стр. 1 500 экз. 14 р. 70 к.

ПОРФИРЬЕВ Е. И. **Полтавское сражение 27 июня 1709 г.** М. Воениздат. 1959. 110 стр. 2 р. 75 к.

Против фальсификации истории. М. Соцэкгиз. 1959. 448 стр. 10 000 экз. 11 р. 40 к.

Революционное движение в России в мае — июне 1917 г. Июньская демонстрация. Изд-во АН СССР. 1959. 662 стр. 3 000 экз. 23 р. 40 к.

СЕВАСТЬЯНОВА Т. М. **Первые большевистские газеты в Воронеже.** Воронеж. Кн. изд-во. 1959. 92 стр. 1 500 экз. 1 р. 10 к.

ЧАГИН Б. А. **Борьба марксизма-ленинизма против философского ревизионизма в конце XIX — начале XX веков.** Л. Изд-во Ленинградского ун-та. 1959. 203 стр 3 000 экз. 9 р. 50 к.

ЧЕРМЕНСКИЙ Е. Д. **Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. в России.** Пособие для учителей. М. Учпедгиз. 1959. 264 стр. 15 500 экз. 4 р. 60 к.

ШЕЛЕСТОВ Д. К. **Борьба за власть Советов на Алтае в 1917—1919 гг.** М. Изд-во Московского ун-та. 1959. 135 стр. 3 000 экз. 5 руб.

Всеобщая история

АЛЕКСАНДРОВ Г. Ф. **Очерк истории социальных идей в древней Индии.** Минск. Изд-во АН БССР. 1959. 301 стр. 5 000 экз. 11 руб.

БЕЛЕНЬКИЙ А. Б. **Разгром мексиканским народом иностранной интервенции 1861—1867.** М. Изд-во АН СССР. 1959. 157 стр. 3 000 экз. 5 руб.

Буй-конг-Чынг. **Северный Вьетнам на пути построения социализма.** Перевод с вьетнамского. М. Соцэкгиз. 1959. 174 стр. 7 000 экз. 2 р. 10 к.

Византийский временник. Т. 16. М. Изд-во АН СССР. 1959. 411 стр. 1 500 экз. 23 р. 35 к.

XVIII Национальный съезд Коммунистической партии Австралии. Сидней 4—7 апреля 1958 г. Перевод с английского. М. Госполитиздат. 1959. 200 стр. 2 р. 60 к.

ГОРОШКОВА Г. Н. **Движение Немецкого народного конгресса за единство Германии и мирный договор (1947—1949).** М. Изд-во ИМО. 1959. 272 стр. 3 500 экз. 10 р. 10 к.

XX съезд Коммунистической партии Дании. Копенгаген, 31 октября — 2 ноября 1958 г. Перевод с датского. М. Госполитиздат. 1959. 104 стр. 1 р. 20 к.

ЕФИМОВ Г. **Революция 1911 года в Китае.** М. Учпедгиз. 1959. 131 стр. 8 500 экз. 2 р. 30 к.

История международного рабочего и национально-освободительного движения. Ч. 1. 60—80-е годы XVIII в.— 1917 г. Учебное пособие. М. Изд-во ВПШ и АОН. 1959. 548 стр. 45 000 экз. 11 руб.

КЕРЖЕНЦЕВ П. М. **История Парижской Коммуны 1871 г.** Изд. 2-е. М. Соцэкгиз. 1959. 511 стр. 12 000 экз. 18 р. 55 к.

КОТОВСКИЙ Г. Г. **Аграрные реформы в Индии.** М. Изд-во восточной литературы. 1959 119 стр. 1 800 экз. 4 руб.

Новейшая история. Учебное пособие. Ч. 2. 1939—1959. М. Изд-во ВПШ и АОН. 1959. 672 стр. 150 000 экз. 12 р. 70 к.

Новейшая история стран Запада. Учебное пособие. М. Учпедгиз. 1959. 776 стр. 34 500 экз. 13 р. 05 к.

Реформизм, ревизионизм и проблемы современного капитализма (Сборник статей). М. Изд-во АН СССР. 1959. 487 стр. 5 000 экз. 17 руб.

СЕНКЕВИЧ И. Г. **Освободительное движение албанского народа в 1905—1912 гг.** М. Изд-во АН СССР. 1959. 262 стр. 1 600 экз. 10 р. 55 к.

ТОРНЕР Д. **Аграрный строй Индии.** Перевод с английского. М. Изд-во восточной литературы. 1959. 128 стр. 1 600 экз. 4 р. 25 к.

III съезд Польской объединенной рабочей партии. Варшава, 10—19 марта 1959 г. Перевод с польского. М. Госполитиздат. 1959. 500 стр. 8 р. 50 к.

ХОЛМ Х. **Заработная плата, жизненный уровень и классовые различия в Норвегии.** Перевод с норвежского. М. Изд-во иностранной литературы. 1959. 72 стр. 1 р. 20 к.

ЦАПКИН Н. В. **Германская Демократическая Республика.** М. Изд-во ВПШ и АОН. 1959. 104 стр. 2 500 экз. 1 р. 60 к.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

№ 2 ФЕВРАЛЬ 1960 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» МОСКВА

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

С. Н. Иконников — Ленинский план реорганизации Рабоче-крестьянской инспекции и его осуществление в 1923—1925 годах . . . 3

А. Т. Кинкулькин — Совершенствовать историческое образование в школе 22

Академик В. В. Струве (Ленинград) — Удельный вес рабского труда в храмовом хозяйстве досаргоновского Лагаша 34

Группа по изучению истории профсоюзного движения при Всекитайской федерации профсоюзов (КНР) — Положение и борьба рабочего класса Китая в районах гоминдановского господства (1937—1945 гг.) 61

Индржих Веселы (Чехословакия) — Роль рабочего класса в истории Чехословакии 75

ДИСКУССИИ

Д. Ангелов (Болгария) — О некоторых вопросах социально-экономической истории Византии 91

ИСТОРИОГРАФИЯ

А. Л. Хорошкевич — Внешняя торговля Руси XIV—XVI вв. в освещении современной буржуазной историографии 104

СООБЩЕНИЯ

М. Н. Маркелов (Иркутск), председатель совнархоза — Из истории деятельности Иркутского совнархоза 118

Ф. И. Калинычев — Новые материалы о большевистской фракции IV Государственной думы 130

В. Я. Лаверычев — Процесс монополизации хлопчатобумажной промышленности России (1900—1914 годы) 137

Л. М. Зак — Деятельность Французской коммунистической группы РКП(б) в 1918—1919 годах 152

Е. А. Белов — Крестьянское восстание в Китае под руководством Бай Лана (1912—1914 гг.) 167

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

История СССР

М. Е. Найденов — А. Ф. Чмыга. Очерки по истории колхозного движения на Украине (1921—1925 гг.) 181

Ф. В. Попов — П. Голуб. Солдатские массы Юго-Западного фронта в борьбе за власть Советов (март 1917 — февраль 1918 года) 186

С. А. Никитин — П. А. Зайончковский. Кирилло-Мефодиевское общество (1846—1847) 190

Всеобщая история

М. Хан, О. С. Сороко — «История Кореи». Том II 194

И. А. Лебедев — Р. Палм Датт. Кризис Британии и Британской империи 200

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

П. И. Рощевский (Тюмень) — «Великая Октябрьская социалистическая революция. Борьба за власть Советов в период иностранной военной интервенции и гражданской войны». Указатель литературы, изданной в 1957—1958 гг. в связи с 40-летием Великой Октябрьской социалистической революции; **В. К. Яцунский** — Новые работы по исторической географии Польши 206

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

Д. А. Колесниченко, В. А. Твардовская — Научная конференция о революционном народничестве 211

И. А. Малахова — О работе научной экспедиции по изучению современного сектантства 218

Хроникальные заметки 219

От редколлегии 221

Борис Николаевич Заходер 222

СТАТЬИ

ЛЕНИНСКИЙ ПЛАН РЕОРГАНИЗАЦИИ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЙ ИНСПЕКЦИИ И ЕГО ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ в 1923—1925 годах

С. Н. Иконников

В. И. Ленин отводил большую роль государственному аппарату в осуществлении задач социалистического преобразования страны. В своих трудах «Очередные задачи Советской власти», «Набросок правил об управлении советскими учреждениями», «О придании законодательных функций Госплану», «По поводу проекта директивы Малому СНК» и в других произведениях и выступлениях: «Как нам реорганизовать Рабкрин», «Лучше меньше, да лучше» — он дал глубокую разработку вопросов организации и деятельности Советского государства.

Основатель Советского государства уделял большое внимание Рабоче-крестьянской инспекции и рассматривал ее как орудие улучшения деятельности нашего государственного аппарата и одну из важных форм вовлечения трудящихся в управление государством.

Ярким показателем той громадной роли, которую отводил В. И. Ленин Рабоче-крестьянской инспекции, служит следующий факт. Из пяти статей, которые знаменовали завершающий этап разработки ленинского плана построения социализма в СССР, две — «Как нам реорганизовать Рабкрин» и «Лучше меньше, да лучше» — были посвящены Рабоче-крестьянской инспекции и плану ее реорганизации. Над этими статьями Владимир Ильич долго и упорно работал. Об этом свидетельствуют материалы к статье «Как нам реорганизовать Рабкрин», опубликованные в недавно вышедшем XXXVI «Ленинском сборнике». Они включают план упомянутой работы и три ее предварительных варианта, подготовленных 9 и 13 января 1923 года. План реорганизации РКИ был в основном претворен в жизнь в последние годы восстановления народного хозяйства СССР. Изучение истории его реализации имеет актуальное значение на современном этапе, когда проводится в гигантских масштабах работа по совершенствованию госаппарата в связи с осуществлением задачи развернутого строительства коммунизма в СССР.

В исторической литературе ленинский план реорганизации Рабкрина и его воплощение в жизнь получили известное освещение [1]. В настоя-

[1] Укажем некоторые работы по этой проблеме: Н. Сперанский. Десять лет Рабкрина. Журнал «Советское государство», 1933, № 1—2; С. Берцинский. Ленинский путь развития РКИ (там же); П. Дроздов. Ленин и Сталин о советском государственном контроле. «Вестник государственного контроля», 1947, №№ 9, 10, 11; А. Е. Лунев. Государственный контроль в СССР. М. 1951; кандидатские диссертации: А. И. Миркин. Борьба большевистской партии за реорганизацию РКИ в 1923—1925 гг. М. 1950; Г. М. Дорохова. Основные вопросы истории организации и деятельности РКИ по развитию и укреплению Советского государства (1920—1923 гг.). М. 1952; Г. П. Смирнов. Борьба большевистской партии за дальнейшее укрепление советского государственного аппарата в период перехода на мирную работу по восстановлению народного хозяйства. М. 1952.

В статьях и кандидатских диссертациях советских историков и юристов в целом правильно освещаются основные вопросы ленинского плана реорганизации РКИ и руководящая роль Коммунистической партии в осуществлении этого плана. Нельзя, однако, не видеть, что всем работам, трактующим эти вопросы, написанным и изданным

щей статье делается попытка показать на новом архивном материале осуществление ленинского плана реорганизации Рабкрина в 1923—1925 годах.

★

После победы Великой Октябрьской социалистической революции, в условиях гражданской войны, когда шел процесс становления и упрочения Советского государства, его деятельность была подчинена решению главной задачи — подавлению контрреволюции и организации обороны страны от иностранных интервентов. Тогда была проведена в жизнь система чрезвычайных мероприятий, обеспечивавших мобилизацию всех ресурсов страны для обороны. Эта система получила название политики «военного коммунизма». Структура и методы работы госаппарата были предельно централизованы, что диктовалось суровой обстановкой гражданской войны. С переходом к новой экономической политике перед Советским государством встали новые задачи. В соответствии с ними Коммунистическая партия под руководством В. И. Ленина осуществила глубокую перестройку госаппарата. Эта перестройка включала реорганизацию органов хозяйственного управления. Система управления промышленностью, основанная на предельной централизации управленческих функций, была заменена такой системой, которая предоставляла оперативную самостоятельность хозяйственным организациям. В связи с заменой продразверстки продналогом изменились методы работы и организационная структура налогового аппарата. Реорганизации подверглись сельскохозяйственные и другие органы.

В ходе этой перестройки в соответствии с задачами нэпа все острее стала ощущаться необходимость в придании большей планомерности работе по совершенствованию Советского государства. У нас тогда имелся Народный комиссариат Рабоче-крестьянской инспекции, который непосредственно должен был заниматься этими вопросами. Однако обилие возложенных на него задач при серьезном сокращении штатов привело к тому, что деятельность РКИ, по существу, свелась лишь к выявлению отдельных недостатков в работе госаппарата. С главной же задачей, заключавшейся в определении причин имевшихся в работе недостатков и принятии мер для их устранения, НК РКИ не справлялся. В письме членам коллегии НК РКИ (август 1922 г.) В. И. Ленин отмечал: «Боюсь, что работа не совсем правильно стоит. Тип работы — отдельные обследования и доклады. Старина. А переделки аппарата и улучшения его нет» [2].

Внимательно изучив опыт деятельности Рабоче-крестьянской инспекции, В. И. Ленин приступил к разработке плана ее реорганизации. Уже в проекте «Постановления о работе замов (заместителей председателя СНК и СТО)», написанном 11 апреля 1922 г., Владимир Ильич выдвинул ряд предложений об использовании Рабкрина как рычага для улучшения советского государственного аппарата. Против этого выступил Троцкий, который пытался доказать, что Рабкрин должен выполнять лишь строго ограниченные задачи. По существу, Троцкий вел линию на упразднение РКИ.

Давая отповедь Троцкому по этому вопросу, В. И. Ленин указывал: «...нельзя обойтись без Рабкрина сейчас. Над ним можно и должно поработать систематично и упорно, чтобы сделать из него аппарат проверки и улучшения всей госработы. Иначе никакого практического сред-

---

до XX съезда КПСС, свойственны существенные недостатки. Главный из них состоял в том, что в этих работах недостаточно полно и всесторонне освещалась роль В. И. Ленина и преувеличивалась роль И. В. Сталина, слабо использовались архивные источники.

[2] В. И. Ленин. Соч. Т. 36, стр. 532.

ства проверять, улучшать, учить работе нет... Иначе бороться с ведомственностью и бюрократизмом нельзя. Иначе нельзя учить беспартийных рабочих и крестьян управлению, а от этой задачи ни принципиально, ни практически, в данный момент, отказаться нельзя»[3].

Основные положения ленинского плана реорганизации Рабкрина сводились к следующему:

1. Орудием улучшения, сокращения и удешевления госаппарата должен стать объединенный партийный и государственный орган — ЦКК — РКИ, обладающий высоким авторитетом и большими правами. По замыслу В. И. Ленина, деятельность ЦКК — РКИ должна была касаться абсолютно всех государственных учреждений. Ленинская постановка вопроса о возможности соединения партийных и советских учреждений для выполнения определенных функций имела большое практическое и теоретическое значение. «Такое соединение,— отмечал В. И. Ленин,— является единственным залогом успешной работы»[4].

2. Объединение ЦКК с РКИ В. И. Ленин предлагал осуществить на следующих условиях: состав ЦКК довести до 75—100 чел. из рабочих и крестьян; состав Наркомата РКИ СССР свести к 300—400 служащим, проверенным в отношении добросовестности и знания управленческого, канцелярского труда.

3. В обязанность этого органа вменялось проверять и улучшать деятельность советского государственного аппарата на базе научной организации труда (НОТ).

4. В качестве основных принципов его работы выдвигалась тесная связь с широкими массами трудящихся и коллективность руководства (с этой целью, в частности, и расширялся состав ЦКК).

По идее В. И. Ленина объединенный орган должен был стать одним из главных рычагов, с помощью которого Коммунистическая партия смогла бы разрешить грандиозные задачи социалистического строительства. В работе «Лучше меньше, да лучше» В. И. Ленин писал: «Я связываю в своих мыслях общий план нашей работы, нашей политики, нашей тактики, нашей стратегии с задачами реорганизованного Рабкрина. Вот в чем для меня состоит оправдание тех исключительных забот, того исключительного внимания, которое мы должны уделить Рабкрину, поставив его на исключительную высоту, дав ему головку с правами ЦК и т. д. и т. п.

Это оправдание состоит в том, что лишь посредством максимальной чистки нашего аппарата, посредством максимального сокращения всего, что не абсолютно необходимо в нем, мы в состоянии будем удержаться наверняка. И притом мы будем в состоянии удержаться не на уровне мелкокрестьянской страны, не на уровне этой всеобщей ограниченности, а на уровне, поднимающемся неуклонно вперед и вперед к крупной машинной индустрии.

Вот о каких высоких задачах мечтаю я для нашего Рабкрина. Вот для чего я планирую для него слияние авторитетнейшей партийной верхушки с «рядовым» наркоматом»[5].

Ленинский план реорганизации Рабкрина был обсужден на страницах партийной и советской печати. Он получил одобрение широкой общественности. Ф. Э. Дзержинский в докладной записке в ЦК РКП(б) 3 апреля 1923 г. отмечал: «Призыв тов. Ленина в его статье от 2 марта 1923 г. не должен быть сужен к частичному вопросу об организации РКИ и ЦКК — но должен стать знаменем и душой всей работы нашей Партии и всех ее ячеек в советских аппаратах. Ибо разрешение во-

---

[3] В. И. Ленин. Соч. Т. 33, стр. 316, 317.
[4] Там же, стр. 454.
[5] Там же, стр. 459—460.

проса госаппарата есть вопрос существования Рабоче-крестьянской России»[6].

На XII съезде РКП(б), проходившем 17—25 апреля 1923 г., ленинский план реорганизации РКИ был единодушно поддержан. Проект решения по этому вопросу разрабатывался под руководством Ф. Э. Дзержинского в организационной секции съезда[7]. Съезд принял резолюцию «О задачах РКИ и ЦКК».

В соответствии с ленинскими указаниями XII съезд партии поставил перед новым контрольным органом (ЦКК — РКИ) следующие ближайшие конкретные задачи:

а) всемерно содействовать улучшению государственного, административного и хозяйственного аппарата, привлекая к этому делу рабочих и служащих, б) проверять работу государственных и хозяйственных органов, содействовать партии и государству в подборе руководящих кадров, осуществлять практическую подготовку рабочих и крестьян к руководящей работе, в) обследовать и изучать причины преступлений и бесхозяйственности в государственном аппарате и принимать меры к их устранению, г) бороться за рационализацию техники управления, делопроизводства, счетоводства и отчетности, д) выполнять специальные задания и поручения партийного и советского характера, а также осуществлять контроль за правильным проведением в жизнь государственными учреждениями постановлений и решений партийных и советских органов, е) решительно бороться с бюрократизмом, с проявлениями барства и пренебрежения к нуждам и запросам рабочих и крестьян, ж) систематически и планомерно использовать советскую и партийную печать для выполнения задач, стоящих перед ЦКК и РКИ[8].

26 апреля 1923 г. пленум ЦКК РКП(б) выдвинул кандидатуру В. В. Куйбышева на пост народного комиссара Рабоче-крестьянской инспекции[9]. 30 апреля Президиум ВЦИК назначил В. В. Куйбышева народным комиссаром РКИ, а Совет народных комиссаров СССР по его представлению 5 мая утвердил коллегию наркомата в составе В. А. Аванесова (первый заместитель), А. С. Киселева (второй заместитель), Е. Ф. Розмирович, Н. Н. Баранского, С. Е. Чуцкаева, В. И. Манцева, Н. И. Ильина, Н. М. Шверника (члены коллегии)[10].

Для руководства основными инспекциями, отделами и секциями наркомата были назначены члены ЦКК РКП(б). Например, М. И. Седов и А. М. Цихон — управляющими инспекциями, Ф. В. Ленгник, П. Н. Амосов, В. А. Радус-Зенкович и Е. О. Бумажный — заведующими секциями[11].

На первом заседании коллегии 7 мая 1923 г. было образовано шесть комиссий по следующим вопросам: выработка общего плана работы РКИ и ЦКК в соответствии с постановлениями XII съезда партии — под руководством В. В. Куйбышева; изучение аппарата НК РКИ и установление плана его реорганизации — под руководством А. С. Киселева; составление законопроектов об освобождении РКИ от ряда функций, не отвечающих новым задачам (руководитель В. А. Аванесов); выработка плана объединения с Наркоматом РКИ всех существовавших учреждений, работавших в области научной организации труда (В. И. Манцев); составление плана проверки личного состава и комп-

---

[6] Партархив Института марксизма-ленинизма (ИМЛ) при ЦК КПСС, ф. 79, оп. 1, д. 256, л. 3.

[7] См. В. И. Ленин. Соч. Т. XXVII. Изд. 3-е, стр. 562 (примечания).

[8] См. «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Ч. I. Госполитиздат. 1953, стр. 722.

[9] «Правда», 27 апреля 1923 года.

[10] Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства (ЦГАОР и СС), ф. 130, оп. 7-а, д. 2-а, л. 104.

[11] Там же, ф. 374, оп. 1, д. 24, л. 11.

лектования реорганизованного НК РКИ (Н. Н. Баранский); комиссия по выработке плана организации местных органов РКИ под руководством С. Е. Чуцкаева [12].

25 мая 1923 г. коллегия наркомата постановила войти с ходатайством в правительство о назначении ввиду реорганизации РКИ специального совещания при Совнаркоме для предварительного рассмотрения выработанных комиссией НК РКИ законопроектов, связанных с этой реорганизацией [13]. 29 мая Совнарком образовал Особое совещание в составе: коллегии НК РКИ, Ф. Э. Дзержинского (НКПС), Н. В. Крыленко (НКЮ), С. Г. Струмилина (Госплан), А. А. Андреева (ВЦСПС), Г. М. Леплевского (МСНК) и др. под общим руководством заместителя председателя Совета Народных Комиссаров А. Д. Цюрупы [14].

6 сентября 1923 г. ЦИК и СНК СССР приняли два постановления: «О реорганизации народных комиссариатов Рабоче-Крестьянской Инспекции союзных республик» и «Об освобождении Рабоче-Крестьянской Инспекции от ряда принадлежавших ей функций» [15]. Последним постановлением РКИ разгружалась от многих мелких дел, что давало ей возможность сосредоточить внимание на главных вопросах улучшения советского государственного аппарата.

12 ноября ЦИК по предложению правительства утвердил «Положение о Народном Комиссариате Рабоче-Крестьянской Инспекции СССР» [16]. Согласно «Положению», права нового объединенного органа значительно расширялись по сравнению с прежней Рабоче-крестьянской инспекцией. Особо отмечалось право Народного комиссариата или коллегии НК РКИ СССР объявлять в прессе списки должностных лиц, уличенных при ревизии в преступлениях, проступках, бесхозяйственном и пренебрежительном отношении к интересам трудящихся. Эта мера должна была сыграть большую роль в укреплении государственной дисциплины и социалистической законности. Ряд новых прав был предоставлен инспекции в связи с возложенным на нее руководством деятельностью учреждений, занимавшихся научной организацией труда и управления.

По «Положению» структура НК РКИ была значительно упрощена и улучшена. Был четко проведен функциональный принцип построения, являвшийся наиболее целесообразным в тех условиях: оперативное управление; управление по улучшению госаппарата; управление по счетоводству и отчетности; общее управление. Самостоятельные отделы: информационно-издательский, юридический и центральное бюро жалоб и заявлений [17]. Таким образом, структура аппарата Рабоче-крестьянской инспекции была приспособлена к выполнению задач, поставленных перед ней XII съездом партии.

Наряду с упрощением и совершенствованием аппарата НК РКИ необходимо было улучшить состав его работников. Аппарат наркомата до реорганизации состоял в основном из сотрудников старого, дореволюционного государственного контроля. Многие из них не имели достаточной квалификации, плохо справлялись с возложенными на них обязанностями. Среди них были сильны консервативные настроения. Новые задачи, поставленные перед РКИ, потребовали улучшения личного состава, подбора наиболее квалифицированных и способных работников. Состав наркомата необходимо было улучшить и в социальном отношении. Требовалось пополнить контингент работников рабочими и кре-

---

[12] Там же, д. 8, л. 1.
[13] Там же, л. 2.
[14] Там же, ф. 4085, оп. 1, д. 317, л. 49; ф. 130, оп. 7-а, д. 2-а, л. 146.
[15] СУ РСФСР, 1923 г., № 99, стр. 983 и 984.
[16] СУ РСФСР, 1923 г., № 109—110, ст. 1042.
[17] ЦГАОР и СС, ф. 374, оп. 4, д. 62, л. 49.

стьянами, положительно проявившими себя на партийной, советской и хозяйственной работе.

Укомплектование штатов в Наркомате РКИ началось с учреждения президиумом ЦКК и коллегией Наркомата РКИ 7 июня 1923 г. специальной комиссии под председательством заместителя наркома РКИ А. С. Киселева (в нее вошли Ф. В. Ленгник, Я. К. Бунгш и Н. О. Кучменко). Эта комиссия провела проверку личного состава РКИ. На основании материалов комиссии коллегии НК РКИ приняла меры к улучшению состава реорганизованного Наркомата РКИ, прежде всего за счет привлечения в Рабоче-крестьянскую инспекцию партийных кадров. Если на 1 января 1923 г. в Наркомате РКИ СССР было 10,5% коммунистов, то уже к 1 января 1924 г. их было 33% [18], а к декабрю 1925 г. этот процент повысился до 42 [19]. Одновременно штат НК РКИ был значительно сокращен. К работе НК РКИ привлекались студенты вузов и комвузов в качестве практикантов-инспекторов. Для повышения квалификации работников РКИ была организована специальная секция из 30 человек на последнем курсе Свердловского университета. Были организованы также курсы инспекторов при НК РКИ СССР на 70 человек [20].

В соответствии с указаниями В. И. Ленина в основу своей работы объединенный НК РКИ СССР и ЦКК ВКП(б) положил укрепление и развитие связей с широкими массами трудящихся.

В. И. Ленин неоднократно отмечал, что важнейшей задачей и условием работы РКИ является организация широких трудящихся масс для участия в управлении государством и контроль над деятельностью его аппарата. В постановлении XII съезда РКП(б) указывалось, что РКИ и ЦКК должны систематически привлекать к работе по улучшению государственного аппарата рабочих и крестьян.

С точки зрения укрепления связи РКИ с массами большое значение имело ее сотрудничество с наиболее массовой организацией рабочего класса — профсоюзами. Это сотрудничество получило организационное оформление. Совместным циркуляром ВЦСПС и НК РКИ СССР [21] закреплялась связь местных органов РКИ с фабрично-заводскими комитетами на основе взаимного содействия.

При фабзавкомах или месткомах создавались комиссии (по производству, торговле, жилищным делам, быту, улучшению госаппарата и т. д.). Наряду с выполнением своих постоянных текущих задач комиссии выполняли специальные задания РКИ (участие в обследовании работ различных органов и др.). Комиссии по улучшению госаппарата направлялись в своей работе непосредственно органами РКИ. Перед комиссиями были открыты широкие возможности для проявления инициативы. Они выдвигали перед соответствующими органами РКИ свои предложения о необходимости обследования тех или иных объектов и вносили предложения в составляемые планы работ РКИ [22].

В целях дальнейшего укрепления связи органов РКИ с фабрично-заводскими комитетами 27 марта 1925 г. за подписью В. В. Куйбышева, председателя ЦКК и наркома НК РКИ СССР, Ф. Э. Дзержинского, председателя ВСНХ СССР, и А. И. Догадова, секретаря ВЦСПС, было направлено письмо органам РКИ и профорганизациям, в котором указывалось о необходимости дальнейшего содействия органов РКИ профсоюзам в организации комиссий при фабзавкомах, в налаживании их работы [23].

Это мероприятие еще больше укрепило связь органов РКИ с профсоюзами. Представители профсоюзов участвовали в работе РКИ и поми-

[18] «Ленинградская правда», 10 мая 1924 года.
[19] «РКИ в советском строительстве». М. 1926, стр. 17.
[20] ЦГАОР и СС, ф. 374, оп. 1, д. 8, д. 24, л. 84.
[21] Газета «Труд», 21 мая 1924 года.
[22] Там же.
[23] Партархив ИМЛ, ф. 79, оп. 1, д. 290, л. 1.

мо комиссий. Так, почти все инспекции РКИ привлекали для единовременного участия в ревизиях и обследованиях представителей тех профсоюзов, в ведении которых находились рабочие и служащие обследуемых учреждений. При этом профсоюзы в большинстве случаев охотно отзывались на приглашение РКИ содействовать проведению обследований. Это давало профсоюзам возможность ближе ознакомиться с состоянием интересующих их областей государственного управления и хозяйственной жизни. Некоторые предпринимаемые РКИ обследования (например, о выдаче заработной платы и др.) касались непосредственно вопросов профсоюзной работы. Об активном участии профсоюзов в деятельности РКИ свидетельствуют следующие данные: в работе Московской РКИ приняло участие 4 016 представителей профсоюзов [24]; в Полтавской РКИ за период июль — декабрь 1924 г.— 36 представителей профсоюзов, а за январь — июль 1925 г.— 167 человек; в Киевской РКИ с мая 1924 г. по январь 1925 г.— 197 представителей профсоюзов фабрик и заводов [25] и т. д.

Большое значение в деятельности ЦКК — РКИ по улучшению советского государственного аппарата имели секции РКИ городских и районных Советов, которые состояли не только из членов Советов, но и из представителей фабрик и заводов, выделяемых общественными организациями. Например, в секции РКИ при Московском и районных городских Советах в 1925 г. работало 1 114 человек [26], при Екатеринославском городском Совете в секции РКИ было 86 человек [27].

Вовлечению трудящихся в работу органов РКИ содействовали отчеты и доклады представителей Рабоче-крестьянской инспекции о ее деятельности. Так, при обследовании сельских Советов и районных исполнительных комитетов органами РКИ на Украине в 1924 г. было проведено 68 собраний трудящихся, на которых присутствовали 16 825 человек [28]. На них были заслушаны отчеты РКИ, разработаны рекомендации по улучшению работы госорганов.

Широкие связи ЦКК — РКИ установила с советской и партийной печатью, с рабкоровскими и селькоровскими организациями.

На основании директив XII съезда РКП(б) и письма Наркомата РКИ СССР от 23 декабря 1923 г. органы Рабоче-крестьянской инспекции стали популяризировать в печати задачи и методы работы РКИ и ее деятельности по улучшению советского государственного аппарата. С мая по декабрь 1923 г. Наркоматом РКИ СССР было направлено 112 статей и 329 заметок для опубликования в центральной и местной печати [29], ЦКК — РКИ УССР за период с апреля 1924 г. по 25 августа 1925 г. направила в печать для опубликования по разным вопросам деятельности РКИ 159 статей и 420 заметок [30] и т. д.

Придавая большое значение установлению связи с рабселькоровскими организациями, коллегия НК РКИ СССР 6 ноября 1924 г. приняла решение об образовании комиссии, которой было поручено разработать предложения о связи НК РКИ СССР с бюро рабочих корреспондентов [31]. 27 января 1925 г. было опубликовано письмо об установлении связи РКИ с рабселькоровскими организациями, в котором рекомендо-

---

[24] «Отчет XIV Губпартконференции. Работа МКК — МРКИ. Январь — октябрь 1925 г.». М. 1925, стр. 10.

[25] «Итоги работы ЦКК и Рабкрина Украины за 1924—1925 гг.». Харьков. 1925, стр. 30—31.

[26] «Отчеты XIV Губпартконференции. Работа МКК — МРКИ. Январь — октябрь 1925 г.», стр. 18.

[27] «Итоги работы ЦКК и Рабкрина Украины за 1924—1925 гг.», стр. 31.

[28] Там же, стр. 30.

[29] «Краткий отчет о деятельности НК РКИ за период май — декабрь 1923 г.» М. 1924, стр. 60.

[30] «Итоги работы ЦКК и Рабкрина Украины за 1924—1925 гг.», стр. 36.

[31] ЦГАОР и СС, ф. 374, оп. 1, д. 47, л. 3.

валось органам Рабоче-крестьянской инспекции проводить совещания с представителями рабселькоровских организаций, ставить доклады РКИ на собраниях рабселькоров, срочно рассматривать их заметки и т. д. [32].

ЦКК — РКИ подходила осторожно к реорганизации местных органов Рабоче-крестьянской инспекции. Она исходила из того, что нужно накопить определенный опыт работы реорганизованного центрального аппарата. Это соответствовало решению XII съезда РКП(б), который, как известно, не нашел возможным одновременно провести реформу РКИ в центре и на местах. Резолюцией съезда было оговорено, что намечаемая съездом реорганизация вначале коснется только центрального аппарата РКИ.

Реорганизация органов РКИ сверху донизу, установление связи местных органов РКИ с контрольными комиссиями РКП(б) и выработка форм слияния и установления единообразия в их структуре потребовали известного времени. С этой целью было прежде всего осуществлено инспектирование местных работников РКИ. 3—4 февраля 1924 г. по инициативе президиума ЦКК и коллегии НК РКИ СССР было созвано Всесоюзное совещание руководителей РКИ союзных и автономных республик, областных и губернских органов совместно с представителями соответствующих контрольных комиссий. Совещание обсудило следующие вопросы: доклад о задачах и деятельности ЦКК и РКИ; работа РКИ по научной организации труда, план работы РКИ на ближайший квартал; связь местных органов РКИ с КК РКП(б); организационные вопросы; финансовое положение местных органов РКИ и др. [33].

В истории РКИ это совещание имело большое значение. Оно наметило ряд важных мероприятий по дальнейшему сближению органов контрольных комиссий с органами РКИ на местах и т. д.

Объединение органов КК с органами РКИ на местах началось сразу же после Всесоюзного совещания руководителей РКИ и представителей КК РКП(б). Например, слияние городской контрольной комиссии РКП(б) с РКИ в Москве произошло 4 февраля 1924 года [34].

К XIII съезду РКП(б) этот процесс был в основном завершен.

Реорганизация РКИ проходила сверху донизу в условиях первых успехов, достигнутых на основе новой экономической политики в промышленности и на транспорте, в сельском хозяйстве, в положении рабочего класса.

Принимая активнейшее участие в перестройке и улучшении деятельности государственного аппарата, объединенные органы РКИ и КК РКП(б) содействовали тем самым скорейшему завершению восстановления народного хозяйства, дальнейшему развитию промышленности, сельского хозяйства, торговли и кооперации.

В 1923—1925 гг. органы ЦКК — РКИ занимались углубленным изучением структуры аппарата управления. В результате этого изучения было установлено, во-первых, ненормальное соотношение руководящего состава к общему числу служащих [35], во-вторых, рост штатной номенклатуры (вместо 600 наименований в дореволюционном госаппарате насчитывалось свыше 2 тыс. разных должностей) [36].

Понятно, что прежде всего перед ЦКК—РКИ встал вопрос о выработке твердой номенклатуры должностей с установлением для всех ведомств и учреждений однотипных (стандартных) наименований. В 1924 г. Наркомат РКИ СССР разработал номенклатуру должностей для неко-

---

[32] «Итоги работы ЦКК и Рабкрина Украины за 1924—1925 гг.», стр. 31.

[33] «Всесоюзное совещание руководителей РКИ и представителей контрольных комиссий РКП(б) 3—4 февраля 1924 г.». Стенографический отчет. М. 1924, стр. 3.

[34] Московский областной государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства (МОГАОР и СС), ф. 165, оп. 26, д. 3, л. 88.

[35] Журнал «Техника управления», 1925, № 1, стр. 24.

[36] МОГАОР и СС, ф. 165, оп. 26, д. 2, том 1, л. 94.

торых центральных учреждений СССР и РСФСР. Было определено количественное соотношение административного состава, оперативно-технического, учетно-счетного и обслуживающего персонала. В результате научно обоснованной работы Наркомата РКИ СССР по 17 наркоматам СССР и РСФСР (НКИД, Госплан, НКТ, НКФ, ВСНХ, НКО, Наркомзем, НКВД, Наркомпрос, Наркомздрав и др.) номенклатура должностей была сокращена до 450, то есть на 150 наименований меньше по сравнению с дореволюционным госаппаратом. Административная группа по отношению к оперативно-технической, учетно-счетной и обслуживающей составляла не более 10%, что в тех условиях считалось приемлемым.

Проводилась значительная работа по сокращению управленческого аппарата. Это не только улучшало управление хозяйством, но и давало возможность высвободить для работы на производстве значительную часть квалифицированных кадров и использовать сэкономленные денежные средства для дальнейшего развития экономики и культуры советского общества. В мае 1924 г. Наркомат РКИ СССР произвел обследование состояния штатов наркоматов и центральных учреждений СССР. Учитывая фактическую нагрузку сотрудников, объем работы и функции учреждений, Наркомат РКИ нашел возможным сократить штаты и за счет этого уменьшить расходную часть государственного бюджета на 11% [37] и т. д. С 1923 по 1924 г. штат государственного аппарата был сокращен на 28,5% [38], а к 1927 г.— до 40% [39].

Проводимая РКИ работа по сокращению штатов, их нормированию и упрощению аппарата значительно улучшала деятельность государственных учреждений, уменьшала расходы по его содержанию. Интересные данные привел нарком РКИ УССР Д. З. Лебедь в своем докладе о работе НК РКИ УССР на 9-м Всеукраинском съезде Советов (1925 г.), свидетельствовавшие о том, что на содержание государственного аппарата республика расходовала средств меньше, чем Бельгия и Франция. «Мы имеем территорию,— говорил Д. З. Лебедь,— в 446 400 кв. км, в то время как территория Бельгии равняется 30 486 кв. км; население Украины составляет 27 млн. (на 1925 г.— *С. И.),* а Бельгии — 7,5 млн., но в то время, как Бельгия в 1922—23 гг., в переводе на наши деньги, тратила на содержание своего государственного аппарата 68 миллионов рублей, мы на содержание своего аппарата на Украине истратим в 1924—25 гг. около 55,5 млн. рублей. Меньшая в 15 раз по территории и в 4 раза по населению Бельгия тратит на содержание своего государственного аппарата на 13 млн. больше нашего. Франция на содержание своего государственного аппарата тратит в 2 раза больше нашего, в то время как ее население всего на 40% больше нашего. Наш аппарат, обслуживающий армию, стоит в десять раз дешевле военного аппарата в странах буржуазных» [40].

Для упрощения и удешевления госаппарата и повышения уровня его организаторской работы важное значение имела правильная организация делопроизводства, учета и отчетности. Правильную организацию учета и отчетности В. И. Ленин считал одним из главнейших вопросов работы органов управления.

«Вопрос о правильной отчетности местных органов перед СТО,— писал Владимир Ильич 21 мая 1921 г.,— приобретает исключительную важность, ибо одно из главных зол, которым мы страдаем, состоит в недостатке изучения практического опыта, обмена опытом, взаимоконтроля —

---

[37] ЦГАОР и СС, ф. 5446, оп. 1, д. 1084, л. 18.

[38] «Техника управления», 1925, № 1, стр. 23.

[39] См. «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Ч. II. Госполитиздат. 1953, стр. 264.

[40] Д. Лебедь. Рабкрин и перестройка советского аппарата. Харьков. 1925, стр. 24.

распоряжений центра практикой мест и практики мест руководством центра» [41].

В. И. Ленин снова поставил вопрос об отчетности в письме к И. В. Сталину «К вопросу о задачах Рабкрина, их понимании и их исполнении» (27 сентября 1921 г.): «Постановка отчетности, напр., есть вещь основная во всех ведомствах и учреждениях... Повторяю, вопрос о постановке отчетности есть вопрос основной» [42].

Для рационализации учета и отчетности в государственных учреждениях и предприятиях президиум ЦКК и коллегия НК РКИ СССР еще 11 сентября 1923 г. приняли постановление об учреждении Счетного совета при Управлении по счетоводству и отчетности НК РКИ СССР [43]. В задачу Счетного совета входило обсуждение принципиальных вопросов счетоводства и отчетности, разработка основных положений счетной теории и практики, дача заключений по вопросам, поступавшим в НК РКИ от других ведомств. Был создан также специальный институт государственных бухгалтеров-экспертов при НК РКИ СССР [44]. Положение о последнем Совнарком СССР утвердил 18 августа 1925 года [45]. В задачу института входило давать заключения по всем вопросам счетоводства и отчетности.

3 июля 1924 г. коллегия НК РКИ СССР утвердила новую инструкцию по счетоводству и отчетности для административных союзных наркоматов. Эта инструкция значительно отличалась от прежней (1923 г.) и по существу принципиально разрешенных в ней вопросов и самим порядком ее изложения. Переработанная инструкция представляла более простой и уточняющий прием и методы учета операций административных наркоматов. 21 августа СНК СССР утвердил инструкцию и ввел ее в действие с 1 октября 1924 года [46].

Большое значение имела работа РКИ в области рационализации учета в промышленности. Ей предшествовало обследование отчетности на 145 предприятиях. При обследовании было вскрыто много недостатков и упущений. Главным из них был параллелизм в системе учета и отчетности (бухгалтерской, технической, оперативной, статистической). Это поставило перед РКИ задачу разработки единой отчетности взамен существовавших параллельно друг другу систем отчетности. Был выработан, например, «Наряд на работу» — первичный, единый для всех видов учета документ для определения действительной затраты рабочего времени и заработка рабочего.

Одновременно РКИ разработала форму основного первичного документа по учету материалов — «Накладная на отпущенный материал» [47].

Далее, РКИ с широким привлечением работников с мест разработала и издала три инструкции для металлозаводов: по учету рабочей силы и заработной платы; материалов, полуфабрикатов и готовых изделий; накладных расходов [48].

В соответствии с этими инструкциями было издано в мае 1925 г. «Практическое руководство по учету и отчетности в предприятиях металлопромышленности» [49]. Это «Практическое руководство» было обсуждено и одобрено ленинградским совещанием директоров заводов и трестов, а также совещанием оперативных работников металлопромышленности в Харькове и Всесоюзным съездом бухгалтеров ВСНХ СССР [50].

---

[41] В. И. Ленин. Соч. Т. 32, стр. 359—360.
[42] В. И. Ленин. Соч. Т. 33, стр. 21, 24.
[43] ЦГАОР и СС, ф. 374, оп. 1, д. 24, л. 38.
[44] Там же, ф. 5446, оп. 6, д. 1064, лл. 3—4.
[45] Там же, оп. 5, д. 1064, л. 35.
[46] Там же, ф. 374, оп. 3, д. 30, л. 1.
[47] Там же, оп. 4, д. 62, л. 26.
[48] Там же.
[49] «Бюллетень ЦКК РКП(б) и НК РКИ СССР», 1925, № 8, стр. 47.
[50] «РКИ в советском строительстве», стр. 28.

Вначале «Практическое руководство» в виде опыта стало осуществляться на заводах Коломенском, «Красном пролетарии», «Серпе и молоте» и на фабриках Дедовской мануфактуры [51]. Результаты проверки, например, Коломенского завода обсуждались на заседании коллегии НК РКИ СССР в декабре 1925 года. Был заслушан доклад директора завода. В своем решении коллегия НК РКИ отметила, что новая форма отчетности дала возможность сократить ее в несколько раз и позволила директору завода быть постоянно в курсе дела всего производства.

Одновременно с изданием «Практического руководства» для металлопромышленности 1 октября 1925 г. коллегия НК РКИ СССР утвердила «Инструкцию по учету и отчетности текстильных предприятий» [52]. Эта инструкция аналогично «Руководству» была разбита на отделы по учету материалов, учету накладных расходов, учету стоимости производства и т. д.

В области улучшения постановки учета и отчетности в административно-хозяйственном аппарате были достигнуты серьезные результаты. «Мы достигли,— говорил В. В. Куйбышев в докладе на курсах работников РКИ в 1925 г.,— значительных успехов, в области счетоводства и отчетности — в частности, металлопромышленности, в области административной техники — в области делопроизводства волисполкома, в области документа оборота,— т. е. постановки канцелярского дела» [53].

Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) (июль — август 1927 г.) в своем постановлении «О работе ЦКК — РКИ» подчеркнул, что работа Рабкрина привела к сокращению излишней отчетности на 50—70% в государственных учреждениях [54].

ЦКК — РКИ много внимания уделяла борьбе с бюрократизмом и волокитой в работе органов управления. В первые годы Советской власти Советское государство не имело подготовленных кадров из среды рабочих и крестьян. Поэтому оно вынуждено было наряду с выдвижением кадров в органы управления из среды трудящихся масс привлекать старых специалистов, которые вместе со своими знаниями внесли в госаппарат и старые, бюрократические порядки. Наличие бюрократических извращений в работе госаппарата объяснялось также оживлением в городе и деревне капиталистических элементов, которые разлагали отдельных неустойчивых работников. В борьбе с бюрократизмом и волокитой партия принимала все меры, вплоть до чрезвычайных. По инициативе В. И. Ленина законодательными органами Советской власти были приняты специальные постановления. В 1918 г. Совет рабочей и крестьянской обороны принял постановление «О точном и быстром исполнении распоряжений центральной власти и устранении канцелярской волокиты» [55]. Вслед за этим Совнарком в 1920 г. издал за подписью В. И. Ленина декрет «Об устранении волокиты», где подчеркивалось, что «деятельным содействием» всех граждан республики можно «улучшить и ускорить работу советских органов, устранить злую волокиту, сводящую иногда на нет мероприятия рабоче-крестьянской власти, направленные к удовлетворению насущных нужд граждан Республики» [56].

Особую роль в борьбе с бюрократизмом В. И. Ленин отводил органам РКИ.

ЦКК — РКИ не только констатировала факты бюрократизма и волокиты и строго наказывала виновных [57], но и принимала предупреди-

---

[51] «Бюллетень ЦКК РКП(б) и НК РКИ СССР». 1925, № 8, стр. 47.

[52] ЦГАОР и СС, ф. 374, оп. 1, д. 47, л. 119.

[53] В. Куйбышев. Задачи ЦКК и РКИ по рационализации госаппарата в плане работ РКИ на 1925—1926 гг. М. 1925, стр. 6.

[54] См. «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Ч. II, стр. 264.

[55] СУ РСФСР, 1918 г., № 93, ст. 929.

[56] СУ РСФСР, 1920 г., № 1, ст. 7.

[57] ЦГАОР и СС, ф. 374, оп. 1, д. 48, лл. 180—181.

тельные меры, препятствовавшие проявлению бюрократизма и волокиты в советском государственном аппарате. В целях борьбы с возможным проявлением бюрократизма и волокиты при проведении кампании по единому сельскохозяйственному налогу в 1923/24 г. Наркомат РКИ СССР предложил своим органам на местах принимать от населения жалобы и заявления на медлительность, излишний формализм и пренебрежительное отношение со стороны налоговой инспектуры, финансовых органов и налоговых комиссий; проверять своевременность рассмотрения налоговыми комиссиями жалоб налогоплательщиков и ходатайств о применении скидок и льгот по сельхозналогу; не допускать формализма и бюрократизма при рассмотрении налоговыми комиссиями поступавших к ним жалоб и ходатайств, требуя своевременного рассмотрения их по существу. При обнаружении неправильностей принимать через соответствующие финорганы, налоговые комиссии, исполкомы и партийные комитеты меры к улучшению работы налогового аппарата [58].

Могучим средством выявления и устранения недостатков, в частности бюрократизма и волокиты, в работе государственного и хозяйственного аппарата являлась и является критика недостатков снизу, со стороны широких трудящихся масс. Одной из форм этой критики служат жалобы и заявления трудящихся. Они помогают вскрывать факты волокиты, беззакония, нарушения прав граждан, разоблачать корыстных людей, бездушных чиновников и т. д. В. И. Ленин придавал большое значение правильной организации разбора жалоб. «Дельные жалобы,— говорил он,— имеют серьезное значение и приводят к серьезным результатам» [59]. В написанных им «Набросках правил об управлении советскими учреждениями» указывалось, что в каждом учреждении должны быть вывешены правила о днях и часах приема посетителей, организованы справочные бюро, которые выдавали бы справки как устные, так и письменные, и т. д.

Органами, непосредственно занимавшимися рассмотрением жалоб и заявлений трудящихся, были бюро жалоб при органах ЦКК — РКИ. До 1923 г. работа бюро жалоб при РКИ шла главным образом по линии удовлетворения законных претензий отдельных жалобщиков и разрешения конфликтов между отдельными лицами и учреждениями. С возникновением института прокуратуры и широко развитой сети судебных учреждений, которые должны были рассматривать все эти вопросы, характер деятельности бюро жалоб изменился. Вмешательство РКИ во всякие мелкие конфликтные дела, не связанные с работой госаппарата, могли лишь отвлекать РКИ от ее основных задач. Согласно новому положению о бюро жалоб (сентябрь 1923 г.), на таковые возлагалось рассмотрение жалоб и заявлений на бюрократизм, волокиту и другие недостатки в работе советского государственного аппарата [60]. Чтобы придать особый вес и авторитет бюро жалоб, в их состав были введены наиболее ответственные работники. Так, в Бюро жалоб Наркомата РКИ СССР дела рассматривались комиссией, состоявшей из члена ЦКК (председатель), управляющего ЦБЖ, представителей коллегии НК РКИ и ВЦСПС; в местных органах РКИ в комиссию по рассмотрению жалоб и заявлений входили заведующий губинспекцией, представители губКК и губпрофсовета.

19 ноября 1923 г. Центральное бюро жалоб НК РКИ СССР направило письмо в редакции газет «Правда», «Известия», «Беднота», «Гудок», «Рабочая Москва» с просьбой о направлении ЦБЖ всех заметок и писем рабочих и крестьян, указывавших на бюрократизм, волокиту и пренебрежительное отношение к нуждам трудящихся, на все, что отделяет госаппарат от непосредственных нужд рабочих и крестьян [61]. Приведем один

[58] Там же, д. 10, л. 69.
[59] «Ленинский сборник» XXI, стр. 227.
[60] ЦГАОР и СС, ф. 374, оп. 1, д. 27, л. 86.
[61] Там же, оп. 3, д. 42-а, л. 139.

типичный пример. Крестьянин Венков обратился в ЦБЖ НК РКИ СССР с заявлением на медлительность движения его жалобы в отделе спорных земельных дел Особой коллегии высшего контроля по земельным делам. Расследование, произведенное ЦБЖ НК РКИ СССР по этому поводу, установило, что жалоба крестьянина Венкова лежала в отделе без всякого движения с 25 сентября по 18 декабря 1923 г., то есть около трех месяцев, и только после этого она была направлена в Тверское ГЗУ на заключение, так как не требовала расследования по существу в отделе спорных земельных дел. Считая, что волокита совершенно недопустима в учреждении, игравшем роль высшего земельного контроля по делам, затрагивавшим крестьян наиболее близко, НК РКИ СССР предложил председателю Особой коллегии объявить выговор заведующему отделом и установить порядок, гарантирующий быстрое прохождение крестьянских дел [62].

Коммунистическая партия высоко оценила роль органов РКИ по борьбе с бюрократизмом в советском государственном аппарате. Объединенный пленум ЦК и ЦКК 9 августа 1927 г. одобрил «работы Рабкрина в области борьбы с бюрократическими извращениями государственного аппарата» [63].

В улучшении деятельности государственного аппарата важное значение имела борьба органов ЦКК — РКИ с фактами нарушения государственной дисциплины.

Важнейшим показателем соблюдения государственной дисциплины является точное, своевременное выполнение заданий партии и правительства. Однако в работе некоторых органов управления имели место нарушения государственной дисциплины: невыполнение производственных планов, перерасход фонда заработной платы, невыполнение в установленные сроки постановлений законодательных органов и т. д. Органы НК РКИ СССР вели решительную борьбу против всех этих фактов нарушений государственной дисциплины в госаппарате. В частности, 3 июня 1924 г. Наркомат РКИ СССР произвел проверку соблюдения декрета Совнаркома РСФСР от 18 октября 1922 г. «Об учете подрядчиков». Этим декретом предусматривалось, что все учреждения и предприятия — государственные и частные,— а равно и отдельные лица, заключавшие договоры с сдаче подрядов или поставках, обязаны были по истечении месячного срока со дня заключения договора представить сведения в местный (губернский) финансовый отдел. Своевременное представление этих сведений было необходимо для обложения подрядчиков промысловым налогом, кроме того, и это главное, для ограничения и борьбы с частным капиталом.

В результате обследования ряда государственных и хозяйственных органов Наркоматом РКИ СССР было установлено, что в учете подрядчиков была проявлена недопустимая небрежность как со стороны финансовых, так и в особенности со стороны хозяйственных органов, выразившаяся в том, что финорганы слишком поздно приступили к составлению для хозяйственных органов отчетных форм, а хозяйственные органы представили сведения с огромным запозданием, доходящим до 15 месяцев (Ковровский государственный трест), и т. д.[64].

Коллегия НК РКИ СССР 19 июня 1924 г. предложила президиуму ВСНХ (в отношении Всероссийского махорочного синдиката, Сахаротреста, Ковровского, Богородско-Шелковского трестов) и коллегии Наркомпути (в отношении правлений Московско-Курской и Московско-Белорусско-Балтийской ж. д.) объявить выговор председателям правлений в форме приказа по ведомствам за проявление волокиты в деле представления сведений по учету подрядчиков.

---

[62] «Известия», 11 марта 1924 года.

[63] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Ч. II, стр. 263.

[64] ЦГАОР и СС, ф. 374, оп. 1, д. 42, л. 92.

Президиуму ВСНХ и коллегии Наркомпути было предложено выявить непосредственных виновников непредставления сведений по декрету СНК от 18 октября 1922 г. об учете подрядчиков и подвергнуть их судебному преследованию [65].

В годы завершения восстановления народного хозяйства СССР в области промышленности важнейшее хозяйственное и политическое значение имело снижение себестоимости промышленных изделий, сокращение накладных расходов, от которых зависели такие важнейшие вопросы, как прочность связи города и деревни, развитие товарности сельского хозяйства, емкость внутреннего рынка, повышение реального уровня заработной платы рабочих, развертывание экспорта и устойчивость денежной системы. Работа ЦКК — РКИ в этом направлении была весьма плодотворной.

Руководствуясь решениями XII съезда РКП(б) об упорядочении калькуляции (то есть исчисления себестоимости продукции), НК РКИ СССР в 1923—1924 гг. произвел обследование состояния калькуляции на 52 промышленных предприятиях [66], а в 1924—1925 гг.— на 132 [67]. В конце 1923 г. Наркомат РКИ СССР произвел обследование по выявлению себестоимости чугуна на Урало-Надеждинском комбинате (ныне Серовский завод). Последний имел очень сложное хозяйство: угольные копи, рудники, мартеновское и листопрокатное производство и др. Калькуляция на комбинате находилась в запущенном состоянии и не давала возможности выявить себестоимость изделий. В результате обследования Наркомату РКИ СССР удалось доказать возможность снижения цен на металл с 1 руб. 50 коп. за пуд до 1 руб. 25 коп. [68], а затем до 95 копеек [69]. Эта работа РКИ, тщательно проведенная и давшая совершенно бесспорное вычисление себестоимости, имела большое значение.

В конце 1924 г. Наркомат РКИ СССР обследовал состояние угольно-коксового хозяйства Сталинского (Юзовского) и Макеевского комбинатов треста «Югосталь» с целью выявления действительной и сметной (на 1924/25 г.) себестоимости угля и кокса, имевшей важное значение в понижении стоимости продукции этого треста. С установлением реальной стоимости на уголь и кокс ВСНХ смог значительно снизить цены на некоторые виды продукции треста на 1924/25 г.: цена на чугун была снижена на 56,1%, мартеновскую сталь — на 64% и кровельное железо — на 52,1% [70].

Какими же путями были достигнуты эти результаты? Прежде всего РКИ пришлось наладить калькуляцию на предприятиях. Например, по калькуляции Макеевского комбината отчетная стоимость определялась: на уголь — 24,9 коп., на кокс — 42,29 коп., а комиссия НК РКИ СССР установила стоимость угля в 16,5 коп. и кокса — в 29 коп. за пуд [71].

Как указывал в своем отчете Наркомат РКИ СССР, было установлено, что понижение цен не только покрывало действительные эксплуатационные расходы по производству, но и давало запас средств на восстановление основных капиталов «Югостали».

В 1924 г. Наркомат РКИ СССР вместе с НК РКИ УССР провели работу по установлению калькуляции в управлении «Донугля». Эта работа, указывал В. В. Куйбышев, по свидетельству всех органов, которые знакомились с работой РКИ, в том числе и самих руководителей донецкой топливной промышленности, являлась первым научным и серь-

---

[65] Там же, л. 91.
[66] ЦГАОР и СС, ф. 374, оп. 1, д. 55, л. 128.
[67] «Бюллетень ЦКК РКП(б) и НК РКИ СССР», 1925, № 8, стр. 48.
[68] В. Куйбышев. Задачи ЦКК и РКИ. М. 1925, стр. 50.
[69] В. Куйбышев. Работа ЦКК и РКИ в связи с общепартийными задачами. Тифлис, 1925, стр. 23.
[70] ЦГАОР и СС, ф. 374, оп. 1, д. 45, л. 288.
[71] Там же, оп. 67, д. 7, л. 8.

езным вкладом в дело определения себестоимости угля при новых усло-виях [72].

Активное участие приняли органы РКИ в борьбе за снижение себе-стоимости продукции легкой промышленности, особенно хлопка, основ-ного вида сырья для текстильной промышленности. Специальная комис-сия СТО под руководством члена ЦКК РКП(б) В. М. Косарева проделала важную работу по снижению себестоимости хлопка в Туркестане в 1924 году. На основании материалов обследования законодательными органами было принято предложение комиссии СТО о снижении цены на хлопок с 27 руб. 79 коп. до 21 руб. 50 коп. за пуд [73].

Наркомат РКИ СССР в 1924/25 г. произвел обследование на круп-ных заводах сельскохозяйственного машиностроения «Красный Аксай» и «Профинтерн» с целью изучения вопроса о снижении себестоимости сельхозмашин. В результате работы РКИ на ростовском заводе «Крас-ный Аксай» была выявлена возможность установить сметную стоимость по каталогу выпускаемых машин. Данные РКИ послужили основанием для определения цен на плуги на второе полугодие 1924/25 г., причем заводы «Красный Аксай» и «Профинтерн» по сельхозмашиностроению стали рассчитываться за свою продукцию по довоенным прейскурант-ным ценам [74].

Вся эта работа РКИ в громадной степени содействовала ликвидации «ножниц» между ценами на продукцию промышленности и сельскохо-зяйственного производства.

Благотворные результаты деятельности РКИ и ЦКК сказывались во всех отраслях промышленности, в том числе и тяжелой. Это можно проследить на примере развития химической, суперфосфатной, вырабатывающей минеральные удобрения для сельского хозяйства. На основании постановления X Всероссийского съезда Советов в 1922 г. был создан трест «Фосфатук» (Государственное объединение химических заводов и фосфоритных рудников) [75]. В состав треста входили два химических завода — в Кинешме и Н. Новгороде — и два фосфоритных месторождения в Кинешме и Вятской губернии. В 1924 г. Наркомат РКИ СССР произвел обследование работы треста. 11 июля 1924 г. материалы обследования треста «Фосфатук» обсуждались на заседании коллегии НК РКИ СССР, констатировавшей, что в работе треста имеется «невыполнение производственных планов, хроническая задержка заработной платы и неудовлетворительные жилищные условия» [76]. Коллегия обратила внимание президиума ВСНХ РСФСР на сугубую важность для Союза ССР сохранения и дальнейшего развития суперфосфатной промышленности и предложила президиуму ВСНХ РСФСР совместно с Наркомземом и Сахаротрестом определить реальную потребность в фосфоритных удобрениях на ближайшие годы, для чего предложила составить перспективный план, исходя из необходимости всемерного поощрения применения удобрений и нежелательности их ввоза из-за границы. В то же время было указано Наркомвнешторгу не выдавать лицензий на ввоз суперфосфата в 1924 и 1925 гг., а выданные и неиспользованные аннулировать. Также было предложено президиуму ВСНХ РСФСР улучшить жилищные условия рабочих и служащих и наладить своевременную выдачу заработной платы [77].

Материалы обследования и постановление коллегии НК РКИ СССР о работе треста «Фосфатук» обсуждались на рабочих собраниях данного треста. В постановлении общего собрания рабочих и служащих химиче-

[72] См. В. Куйбышев. Задачи ЦКК и РКИ, стр. 51.
[73] Там же.
[74] «РКИ в советском строительстве», стр. 47.
[75] ЦГАОР и СС, ф. 374, оп. 1, д. 42, л. 130.
[76] Там же, л. 109.
[77] Там же.

ского завода (Н. Новгород) от 24 ноября 1924 г. выражалась «пролетарская благодарность ЦКК — РКИ за их энергичное вмешательство в судьбу треста и его заводов, приведшее к их оздоровлению и улучшению положения рабочих» [78].

ЦКК — РКИ интересовалась работой и кожевенной промышленности. Например, в августе 1924 г. Наркомат РКИ произвел обследование Сарапульского кожевенного треста. В результате было установлено, что продажные цены на продукцию треста намного дороже рыночных цен однородных государственных предприятий, были вскрыты серьезные недостатки в постановке делопроизводства и отчетности, обращено внимание на нерационально поставленный и дорогостоящий торговозаготовительный аппарат треста и т. д.

Материалы обследования РКИ были обсуждены на заседании бюро Сарапульского окружного комитета РКП(б) 17 августа 1924 г. совместно с бюро фракции окрисполкома, окрпрофбюро, окрпрофсоюза кожевников и фабзавкома кожтреста, представителей окрРКИ в присутствии дирекции Кожтреста и группы областной РКИ [79]. Информационный доклад о результатах обследования сделал работник НК РКИ Забродин. Бюро окружного комитета РКП(б) предложило руководству треста «безотлагательно принять все меры к устранению отмеченных в процессе обследования РКИ дефектов, служащих тормозом к нормальному развитию производства» [80].

Большое внимание ЦКК — РКИ уделяла восстановлению сельского хозяйства. Громадное значение с точки зрения укрепления союза рабочего класса и крестьянства имела деятельность органов РКИ по упорядочению налогового дела, особенно в отношении проведения единого сельскохозяйственного налога. Обследование состояния единого сельскохозяйственного налога в 1923 г. было поставлено очень широко в смысле объектов обследования. Вся работа проводилась при активной поддержке и участии всех местных советских и партийных организаций. Это обследование дало возможность Наркомату РКИ собрать большой фактический материал для разработки практических мероприятий и внести их затем в законодательные органы. На основании предложения НК РКИ Совнарком СССР 24 августа 1923 г. [81] принял декрет об установлении 5-процентной скидки с общей ставки налога, что дало возможность освободить от налога 17% налогоплательщиков, по преимуществу беднейшие хозяйства. «Это было, — говорил В. В. Куйбышев,— предложение РКИ» [82].

В 1924 г. Наркомат РКИ предпринял новое обследование, имевшее целью выяснить прежде всего, насколько полно осуществляются льготы для маломощных хозяйств. Обследование охватило общесоюзный и республиканские центры, а также 26 губерний с 50 уездами (округами) и 86 волостями [83]. Для руководства обследованием на местах были созданы при губКК и губРКИ авторитетные комиссии. Кроме того, Наркомат РКИ дал местам директиву о широком обсуждении результатов обследования как с волостными и уездными исполкомами, так и на крестьянских сходах и в специальных беседах с крестьянами.

Материалы обследования РКИ по единому сельхозналогу имели большое практическое и политическое значение. Они помогли партии и правительству устранить серьезные недостатки, отмеченные РКИ. Так, при

---

[78] Там же, л. 149.
[79] Там же, ф. 5453, оп. 8, д. 150, л. 163.
[80] Там же.
[81] «Краткий отчет о деятельности НК РКИ за период май — декабрь 1923 г.», стр. 24.
[82] «Всесоюзное совещание руководителей РКИ и представителей контрольных комиссий РКП(б) 3—4 февраля 1924 г.», стр. 72.
[83] ЦГАОР и СС, ф. 374, оп. 4, д. 62, л. 6.

рассмотрении проекта декрета о едином сельхозналоге Совнарком 7 мая 1925 г. учел следующие предложения РКИ: об обязательном предоставлении льгот отдельным плательщикам одновременно с вручением окладного листа и об облегчении условий аренды земли из госфондов для маломощного крестьянства. Были утверждены Совнаркомом в виде отдельного постановления следующие предложения РКИ: о полном использовании фондов сельхозпремирования; об устранении совпадения сроков уплаты единого сельхозналога со сроками погашения семссуды и платежей по обязательному окладному страхованию; отмене штрафов за неуплату в срок единого сельхозналога; о приеме платежей по единому сельхозналогу органами Наркомпочтеля и кассами всех без исключения волостных исполкомов [84] и некоторые другие.

В 1924 г. Советскую страну постигло большое бедствие: неурожай в ряде районов. Борьба с неурожаем находилась в центре внимания партии и правительства. В борьбе с неурожаем и его последствиями приняли активное участие и органы ЦКК — РКИ. 8 августа 1924 г. на заседании коллегии НК РКИ СССР обсуждался вопрос «О мерах борьбы с неурожаем». Коллегия обязала местные органы РКИ неурожайных губерний выяснить положение: с доставкой семссуды; о помощи населению, в частности детям; об организации общественных работ; о деятельности местных органов власти в борьбе с неурожаем и его последствиями.

Коллегия НК РКИ СССР в целях борьбы с неурожаем постановила «срочно командировать тт. Магидова Б. О. и Ларина В. Ф. (члены ЦКК — работники НК РКИ СССР.—*С. И.)* в объезд губерний — Самарской, Саратовской, Область немцев Поволжья и Царицынской с тем, чтобы указанные товарищи не только ознакомились с материалами в губернских центрах, но и выяснили бы положение на местах в отдельных волостях и деревнях» [85].

Принятые Советским государством меры в связи с неурожаем 1924 г. не только спасли миллионы крестьян от голода и разорения, но и обеспечили дальнейший подъем сельского хозяйства.

Большой заслугой ЦКК—РКИ был объективный критический анализ результатов работы Центрального статистического управления (ЦСУ) СССР по составлению предположительного хлебофуражного баланса на 1925/26 год. Как известно, в июне 1925 г. ЦСУ опубликовало данные о хлебофуражном балансе, на цифрах которого «новая» оппозиция во главе с Каменевым и Зиновьевым строила свои антипартийные выводы о расслоении деревни, отрицала роль середняка как центральной фигуры деревни и преувеличивала роль кулачества. Обследование работы ЦСУ с привлечением ряда виднейших специалистов ЦКК — РКИ проводила по поручению Совнаркома СССР. Оно имело целью дать правительству заключение: соответствуют ли цифры и выводы ЦСУ действительности [86].

Работа эта началась в сентябре 1925 г. и продолжалась свыше двух месяцев. 26 ноября коллегия НК РКИ СССР заслушала доклад комиссии РКИ о предположительном хлебофуражном балансе ЦСУ на 1925/26 год. В своем постановлении коллегия отметила, что групповой хлебофуражный баланс ни по методу его построения, ни по материалам, легшим в его основу, не может служить основанием для суждения об избытках и недостатках, о товарности, об экономических отношениях главных слоев крестьянства, в то же время он искажает и затемняет социально-экономическое значение средних слоев крестьянства [87].

Обследование РКИ предположительного хлебофуражного баланса ЦСУ на 1925/26 г. явилось не только простой проверкой его деятельно-

---

[84] Там же.
[85] Там же, оп. 1, д. 43, л. 339.
[86] «РКИ в советском строительстве», стр. 30.
[87] Там же.

сти, но и дало большие результаты в области разработки основных экономических и политических вопросов развития народного хозяйства.

В начале 1923 г. перед партией и правительством встала важная задача: организация экспорта хлеба за границу. С целью выработки мероприятий, обеспечивавших СССР выполнение экспортного плана, президиум ЦКК создал особую комиссию, которая на основе обследований организаций, занимавшихся экспортом хлеба, выяснила, что программа, намеченная правительством (225 млн. пудов хлеба), является вполне осуществимой, и наметила ряд мероприятий по успешному выполнению этого плана, которые были с некоторыми изменениями утверждены ЦК РКП(б) [88].

В условиях новой экономической политики вопросы организации торговли и укрепления кооперации приобретали первостепенное экономическое и политическое значение. Эти вопросы обсуждались на XII и XIII съездах партии, конференциях и пленумах ЦК ВКП(б) в качестве жизненно важных для строительства социализма в нашей стране.

Перед органами ЦКК — РКИ в области внутренней торговли прежде всего встала задача ее рационализации. В связи с этим НК РКИ СССР были: «а) собраны и изучены материалы о деятельности синдикатов — текстильного, соляного и сахаротреста, ведомственные бюллетени, материалы обследования других ведомств за разное время и т. д.; б) обследована банковская политика финансирования торговли и промышленности; в) обследована работа и методы калькуляции цен в Текстильном синдикате и т. д.» [89]. Затем НК РКИ произвел изучение путей прохождения товаров от производителя к потребителям и устранения всех ненужных звеньев, которые лишь повышали накладные расходы и удорожали стоимость товара. В результате изучения причин высоких цен и затруднений в сбыте промышленной продукции НК РКИ СССР установил, что в большинстве случаев баснословные накладные расходы являлись следствием крайне нерационального ведения дела в предприятиях госорганов, а также кооперации [90]. Зачастую товар, прежде чем попасть к потребителю, проходил много ступеней: фабрика, трест, синдикат, Центросоюз, губсоюз, райкоопсоюз, единое потребительское общество, магазин,— и в каждой ступени делались большие накидки на цену товара. Кроме того, недопустимо медленно осуществлялся оборот товаров в государственной и кооперативной торговле — в 2—3 раза медленнее, чем у частного торговца [91].

В связи с этим Наркомат РКИ СССР предпринял в конце 1923 г. широкое обследование органов внутренней торговли Белоруссии, Украины, Закавказья и юго-востока Российской Федерации [92]. В результате этого было установлено, что во всех обследованных республиках и районах частный капитал все еще играл значительную роль в торговле. Повсюду кооперативная организация страдала громоздкостью, многоступенчатостью, вызывавшей высокие накладные расходы. Например, на Украине товары по кооперативной сети поступали с повышенными накладными расходами, достигавшими 84% [93]. Было отмечено слабое кредитование кооперации, особенно низовой сети. Повсеместно фиксировались высокие цены на промышленные товары. С 8 по 16 марта 1924 г. Московская РКИ провела широкое обследование 22 кооперативов в

---

[88] «Краткий отчет о деятельности НК РКИ за период май — декабрь 1923 г.», стр. 14—15.

[89] Там же, стр. 18.

[90] Там же.

[91] Журнал «Вопросы советского хозяйства и управления» (орган ЦКК — РКИ СССР), 1924, № 8—9, стр. 170—171.

[92] «Краткий отчет о деятельности НК РКИ за период май — декабрь 1923 г.», стр. 19.

[93] Там же.

Москве и ее губернии [94]. В каждый кооператив, подлежащий обследованию, были командированы специальные комиссии в составе представителей МКК, МРКИ и МСПС. Всего в обследовании участвовало свыше 100 человек [95]. Было установлено, что кооперативные организации (райпотребсоюзы) достигли некоторых успехов в обслуживании нужд потребителей. В то же время отмечалась высокая цена на ряд товаров, их недостаточный ассортимент, рост частной торговли и т. д.

Материалы обследования послужили основанием для постановки доклада о состоянии внутренней торговли на Политбюро ЦК партии. Ввиду исключительной важности и большого общественного значения этого вопроса он был вынесен на пленум ЦК РКП(б) [96]. На пленуме ЦК 31 марта — 2 апреля 1924 г. был обсужден доклад «О потребкооперации и внутренней торговле», с которым по поручению ЦКК выступал В. В. Куйбышев. Пленум ЦК партии принял соответствующее решение, направленное на укрепление кооперации и внутренней торговли.

Упорная борьба Коммунистической партии и советского народа за укрепление позиций советской торговли и вытеснение из нее частного капитала к концу восстановительного периода принесла положительные результаты. В этой борьбе, как отмечалось, активную роль сыграли органы ЦКК — РКИ.

Выступая с докладом о работе ЦКК РКП(б) на XXI Ленинградской губернской партийной конференции в январе 1925 г., нарком РКИ РСФСР Н. М. Шверник подчеркнул, что работа РКИ по совершенствованию внутренней торговли и кооперации в серьезной мере содействовала усилению позиции госторговли и кооперации и вытеснению частника [97].

В 1923—1925 гг. деятельность реорганизованной РКИ была посвящена осуществлению важнейших задач завершения восстановления народного хозяйства СССР, повышения активности широчайших масс рабочих и вообще трудящихся, развертывания критики и самокритики, усиления борьбы с бюрократизмом, с имевшимися фактами извращения классовой пролетарской линии и элементами разложения некоторых сотрудников советского государственного аппарата, повышения культурного уровня трудящихся масс города и деревни.

Подводя итоги работы ЦКК и РКИ, XIV съезд ВКП(б) в декабре 1925 г. по докладу В. В. Куйбышева признал, что «в результате работы ЦКК и РКИ достигнут ряд улучшений в нашем госаппарате» [98].

На XV съезде партии (в декабре 1927 г.) Г. К. Орджоникидзе, разоблачая оппозиционеров, клеветавших на советский государственный аппарат, говорил, что партия на вопрос о том, удалось ли ей за десять лет заставить советский государственный аппарат работать на пользу пролетариата и социалистического отечества, ответила: «Соваппарат в наших руках, он служит нашему социалистическому отечеству, он — наш аппарат» [99].

Восстановив разрушенное народное хозяйство, советский народ приступил к выполнению плана индустриализации, а затем коллективизации, осуществление которых привело к победе социализма в нашей стране.

---

[94] МОГАОР и СС, ф. 165, оп. 2, д. 11, л. 120.
[95] Там же.
[96] В. Куйбышев. Задачи ЦКК и РКИ, стр. 17.
[97] «Ленинградская правда», 29 января 1925 года.
[98] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Ч. II, стр. 82.
[99] «XV съезд ВКП(б)». Стенографический отчет. М. 1935, стр. 385.

СОВЕРШЕНСТВОВАТЬ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ШКОЛЕ

А. Т. Кинкулькин

В величественных планах развернутого коммунистического строительства, разработанных XXI съездом КПСС, большое внимание уделяется школе, образованию молодежи, воспитанию ее в духе идей коммунизма. В нашей стране достигнуты выдающиеся успехи в развитии народного образования. Советская школа сыграла решающую роль в осуществлении культурной революции, способствовала политическому, хозяйственному и культурному подъему всех народов СССР. Она внесла крупнейший вклад в воспитание десятков миллионов советских граждан, героически трудившихся во время довоенных пятилеток, самоотверженно боровшихся на фронтах Великой Отечественной войны, отдающих строительству коммунизма все свои силы, знания и способности.

Несмотря на огромные успехи народного образования в нашей стране, Советское государство и Коммунистическая партия не довольствуются достигнутым, а стремятся поднять деятельность советской школы на новую, высшую ступень, сделать подготовку кадров более всесторонней и квалифицированной. Перспективы технико-экономического развития Советского Союза, задачи дальнейшего повышения культурного уровня и сознательности народа предъявляют новые требования ко всем труженикам нашей страны. Между тем средняя школа при всех ее успехах до последнего времени отставала от возросших потребностей коммунистического строительства. Главный недостаток в ее работе заключался в том, что она, давая теоретические знания, плохо готовила молодое поколение к практической деятельности, к непосредственному участию в общественно полезном труде. Обучение, в известной мере оторванное от жизни, не связанное или плохо связанное с производительным трудом, приводило к тому, что многие юноши и девушки, оканчивая среднюю школу, не имели трудовых навыков, не знали производства, неохотно шли работать на фабрики и заводы, в колхозы и совхозы, а некоторые из них по-барски, пренебрежительно относились к труду, особенно к физическому. Перестройка работы школы, дальнейшее развитие системы народного образования стали поэтому одной из насущных задач Коммунистической партии и Советского государства.

В партийных и государственных документах: в решениях XX и XXI съездов КПСС, выступлениях Н. С. Хрущева, тезисах ЦК КПСС и Совета Министров СССР о школе и законе «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР» — на основе обобщения практики и анализа назревших потребностей советского общества получили дальнейшее развитие марксистско-ленинские положения о коммунистическом воспитании молодежи. В этих документах нашли конкретное воплощение указания К. Маркса, Ф. Энгельса о «соединении воспитания с материальным производством»[1], В. И. Ленина о воспитании и обучении «всесторонне развитых

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 4. Изд. 2-е, стр. 447.

и всесторонне подготовленных людей, людей, которые умеют все делать»[2].

В настоящее время, когда построение коммунизма превратилось в непосредственное практическое дело, наступил новый этап и в развитии советской школы. «Тесная связь обучения с жизнью, с производством, с практикой коммунистического строительства должна стать ведущим началом изучения основ наук в школе, основой воспитания подрастающего поколения в духе коммунистической нравственности»[3]. Во время своего визита в США Н. С. Хрущев напомнил о том, что у нас создаются такие условия, чтобы «все люди были образованными, потому что без этого нельзя строить коммунизм. Коммунизм — это наука»[4].

Для лучшей организации обучения и воспитания подрастающего поколения среднее образование в нашей стране разделено на два этапа. Первым является восьмилетняя трудовая политехническая школа, дающая неполное среднее образование. Вместо всеобщего обязательного семилетнего обучения вводится всеобщее обязательное восьмилетнее, что будет способствовать дальнейшему повышению образованности и культуры широких народных масс. Второй этап среднего образования будет осуществляться в таких основных типах учебных заведений, как вечерние (сменные) средние общеобразовательные школы (школы рабочей и сельской молодежи); средние общеобразовательные трудовые политехнические школы с производственным обучением; техникумы и другие средние специальные учебные заведения. Здесь молодежь будет завершать среднее образование на основе соединения его с производительным трудом.

Главной задачей советской школы является подготовка учащихся к жизни, общественно полезному труду, дальнейшее повышение уровня общего и политехнического образования, выпуск образованных людей, хорошо знающих основы наук, воспитание молодежи в духе глубокого уважения к принципам социалистического общества, в духе идей коммунизма. В решении этих задач выдающаяся роль принадлежит историческим знаниям — одному из средств коммунистического воспитания, раскрывающим революционные и трудовые традиции, доблесть и героизм народа, его самоотверженную борьбу за создание нового общества. Коммунистическая партия и социалистическое государство постоянно заботятся о высоком идейном уровне преподавания истории в школе, о том, чтобы изучение конкретно-исторического материала подводило учащихся к марксистско-ленинскому пониманию истории.

Определяя основы перестройки школы, Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР подчеркнули большое значение гуманитарного образования в деле формирования коммунистического мировоззрения[5]. «Наше молодое поколение,— говорил Н. С. Хрущев в докладе на XXI съезде КПСС,— не прошло той большой школы жизни и борьбы, которая выпала на долю старшего поколения. Молодые люди не знают ужасов и бедствий дореволюционного времени и лишь по книгам могут иметь представление об эксплуатации трудящихся. Весьма важно поэтому, чтобы наше молодое поколение знало историю страны, борьбы трудящихся за свое освобождение, героическую историю Коммунистической партии, воспитывалось на революционных традициях нашей партии, нашего рабочего класса»[6].

---

[2] В. И. Ленин. Соч. Т. 31, стр. 32.

[3] «Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза». Стенографический отчет. Т. I. Госполитиздат. 1959, стр. 59.

[4] «Жить в мире и дружбе! Пребывание Председателя Совета Министров СССР Н. С. Хрущева в США». М. 1959, стр. 83—84.

[5] См. «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в стране». Тезисы ЦК КПСС и Совета Министров СССР. М. 1958, стр. 24.

[6] «Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза». Стенографический отчет. Т. I, стр. 58.

Замечательным примером неустанной заботы нашей партии и Советского государства о дальнейшем развитии системы народного образования, об усилении роли школы в коммунистическом воспитании учащихся является постановление Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР «О некоторых изменениях в преподавании истории в школах»[7]. Это постановление определяет систему исторического и правового образования в восьмилетней и средней школе, содержит важнейшие указания о дальнейшем повышении идейного уровня преподавания истории, Конституции СССР и других общеобразовательных предметов, ставит ответственные задачи перед советской исторической наукой.

Возрастание роли истории как предмета обучения объясняется рядом причин. Для перехода к коммунизму необходима не только развитая материально-техническая база, но и высокий уровень сознательности и политической зрелости всех граждан. «Коммунизм строят люди, и чем выше будет сознательность миллионных масс, тем успешнее будет наше продвижение вперед»,— указывает Центральный Комитет КПСС[8].

Воспитание у молодежи коммунистической идейности, высоких нравственных качеств неразрывно связано с искоренением пережитков капитализма в ее сознании, с привитием чувства нетерпимости к буржуазной идеологии и морали. Учителя истории призваны вскрывать антинародную сущность империализма, его агрессивную политику, попытки буржуазных идеологов приукрасить капиталистическую действительность, раскрывать вред оппортунизма, разоблачать происки современных ревизионистов. Преподаватель истории, показывая на конкретном материале возможность и необходимость мирного сосуществования и экономического соревнования государств с различными социальными системами, вместе с тем неустанно должен разъяснять учащимся, что одним из основных факторов современного общественного развития является идеологическая борьба социализма и капитализма. В этой сбласти не было и не может быть мирного сосуществования между социализмом и капитализмом. «...Вопрос стоит т о л ь к о т а к: буржуазная или социалистическая идеология... в с я к о е умаление социалистической идеологии, в с я к о е о т с т р а н е н и е от нее означает тем самым усиление идеологии буржуазной»[9].

В наше время, как никогда раньше, сильно стремление миллионов людей творчески овладеть марксизмом-ленинизмом; ни один предмет школьного обучения не закладывает такую базу для последующего изучения марксистско-ленинской теории, как история.

Соединение обучения с производством, личное участие школьников в труде вместе с рабочими и колхозниками — лучшая школа революционного воспитания молодых строителей коммунизма. Осуществляемая в школе всесторонняя подготовка к труду еще более повышает роль преподавания истории. «Знание прошлого,— указывал А. М. Горький,— необходимо для того, чтобы молодежь научилась думать исторически. Исторически думать — это значит понимать, как вслед за работой создания материальной культуры и на ее почве возникла и развивается умственная, интеллектуальная культура... Историческая мысль показывает нам победоносную силу труда, чудесную, неукротимую силу разума, организуемого трудом, и в свою очередь организующего все действия, всю работу людей»[10].

Преподаватель истории, используя накопленный учащимися опыт непосредственного участия в общественно полезном, производительном труде, учит школьников ценить и любить самое главное в жизни советского человека — труд на благо общества. Роль обучения истории еще

[7] Собрание постановлений правительства СССР, 1959, № 18, ст. 144.
[8] «Правда», 23 мая 1959 года.
[9] В. И. Ленин. Соч. Т. 5, стр. 355—356.
[10] М. Горький. Собрание сочинений. Т. 27. М. 1953, стр. 500.

более возрастает, ибо именно этот предмет вместе с курсом Конституции СССР способствует выработке у учащихся отношения к труду как к делу общественного, государственного значения, убеждает их, что непрерывное повышение производительности труда, бережное отношение к социалистической собственности является наиболее важным показателем сознательности советского человека, выражением его благородного морального облика, его преданности делу коммунизма.

Следует отметить и еще одно обстоятельство. В условиях самого короткого в мире рабочего дня и самой короткой рабочей недели, которые в ближайшее время будут введены в нашей стране, возможности для получения образования станут еще более широкими. «Необходимо добиться того,— говорит Н. С. Хрущев,— чтобы люди, занимаясь полезным трудом в обществе, в свободное от работы время имели бы, при желании, больше возможности учиться в таких учебных заведениях, где они изучали бы искусство, живопись, музыку, гуманитарные науки» [11]. Именно история, являясь основой гуманитарного образования, должна способствовать развитию у молодежи стремления к изучению гуманитарных наук, прививать любовь к ним.

Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР в своем постановлении «О некоторых изменениях в преподавании истории в школах» следующим образом определили задачи школьного исторического образования: «Курс истории в средней школе должен способствовать выработке у учащихся в доступной для них форме научного понимания закономерностей истории развития общества, формировать у учащихся убеждение в неизбежности гибели капитализма и победы коммунизма, последовательно раскрывать роль народных масс как подлинных творцов истории, создателей материальных и духовных ценностей и значение личности в истории.

Особое значение приобретает в настоящее время изучение вопросов современного этапа коммунистического строительства, раскрытие роли Коммунистической партии как ведущей, руководящей и направляющей силы советского общества.

Преподавание истории и других общеобразовательных предметов в школе призвано воспитывать молодежь в духе коммунистической идейности и морали, нетерпимости к буржуазной идеологии, в духе социалистического патриотизма и пролетарского интернационализма, глубокого уважения к труду и способствовать подготовке учащихся к активной общественной жизни».

Историческое образование в средней школе дает относительно законченный круг знаний об истории человеческого общества с древнейших времен до наших дней, помогает учащимся осознать важнейшие закономерности общественного развития и выработать умение правильно оценивать исторические явления, готовит молодежь к активному и сознательному участию в производственной и общественно-политической жизни. В процессе изучения истории формируются и укрепляются основы коммунистического мировоззрения советского человека. «Молодые люди,— говорил Н. С. Хрущев на Пленуме ЦК ВЛКСМ,— часто задумываются над тем, каким должен быть человек коммунистического общества. Ответить на это можно кратко: настоящим ленинцем. Это значит — всегда и во всем, на любом посту, в любом деле быть борцом и революционером. Это значит — ясно сознавать, что родился ты не просто для того, чтобы прожить положенные тебе годы. Ты родился в социалистическом обществе и живешь не только для себя, но, прежде всего, для общества, иду-

---

[11] Н. С. Хрущев. Воспитывать активных и сознательных строителей коммунистического общества. Речь на XIII съезде ВЛКСМ 18 апреля 1958 года. М. 1958, стр. 16.

щего к великой цели. И поэтому все твои дела, помыслы и поступки должны быть подчинены этой благородной цели»[12].

Система существовавшего до сих пор школьного исторического образования в нашей стране была определена постановлением СНК Союза ССР и ЦК ВКП(б) от 16 мая 1934 года «О преподавании гражданской истории в школах СССР». В последующие годы в нее вносились лишь небольшие изменения. За прошедшие 25 лет история заняла важное место в идейно-политическом воспитании и всестороннем развитии молодого поколения нашей страны. За этот период на основе успехов советской исторической науки разработано конкретное содержание школьного исторического образования, накоплен большой опыт преподавания, созданы учебники и методические руководства.

Сложившаяся система школьного исторического образования во многом себя оправдала. Вместе с тем в ней имелись до последнего времени и серьезные недостатки. Главный из них состоял в том, что учащиеся, общее образование которых ограничивалось семилетней школой, получали знания лишь по истории древнего мира и средних веков и имели отрывочные представления об отечественной истории, почерпнутые из курса истории СССР в IV классе. Таким образом, значительная, правда, постоянно уменьшавшаяся в связи с ростом числа обучающихся в старших классах средней школы, где обстоятельно освещалась история нашей Родины и всеобщая история, часть молодежи не овладевала необходимыми каждому советскому гражданину знаниями по истории своей страны и совершенно не обладала хотя бы элементарными сведениями о наиболее важных событиях новой и новейшей истории зарубежных стран. Сейчас в связи с переходом к всеобщему обязательному восьмилетнему обучению созданы условия для устранения этого недостатка.

Часть школьников в настоящее время не умеет применять полученные исторические знания к анализу явлений современности. Обучение истории пока еще недостаточно способствует росту политической и производственной активности учащихся старших классов. В отдельных программах и учебниках слабо раскрывается роль трудящихся масс как подлинных творцов истории. Мало внимания уделяется глубокому рассмотрению экономических вопросов, в частности истории и перспектив развития социалистической экономики.

На преподавании истории отрицательно сказывается перегруженность программ и некоторых учебников. Многие учебные пособия написаны сухим, малодоступным для учащихся языком, они перегружены датами, географическими и иными названиями. К тому же отдаленные исторические периоды рассматриваются чрезмерно дробно, что в конечном счете затрудняет усвоение главного в историческом процессе и снижает у школьников интерес к предмету. Некоторые учебники (особенно по истории СССР для IX и X классов) не соответствуют современному уровню науки. Все это наносит известный ущерб качеству идейно-политического воспитания и обучения учащихся. К сожалению, в отдельных недавно переработанных учебниках излишняя краткость приводит к схематичному изложению ряда вопросов, к недостатку яркого, красочного материала, что, как показывает опыт, затрудняет использование учебника и не помогает преодолеть перегрузку учащихся. Преподавание истории в школах еще не в полной мере используется в воспитательных целях и нередко сводится к бесстрастному пересказу учителем фактов, изложенных в учебнике.

Задачи повышения уровня коммунистического воспитания подрастающих поколений, разделение среднего образования на два этапа, переход к всеобщему обязательному восьмилетнему обучению потребовали некоторых изменений в построении исторического и правового образова-

[12] «Правда», 30 октября 1958 года.

ния, улучшения качества преподавания истории и Конституции СССР в школе. В связи с этим по поручению ЦК КПСС Академия педагогических наук РСФСР разработала проект улучшения системы школьного исторического образования. Этот проект был подвергнут всестороннему рассмотрению. Вопросы перестройки преподавания истории вызвали большой интерес не только у преподавателей истории и научных работников, но и у широких кругов трудящихся, партийной, советской и комсомольской общественности. Ни один предмет школьного обучения не вызвал такого массового обсуждения, как курс истории. Следует отметить, что в обсуждении насущных проблем школьного исторического образования активно участвовали десятки тысяч преподавателей истории средней и высшей школы.

В РСФСР вопросы построения школьного курса истории рассматривались на многочисленных совещаниях учителей и научных работников, происходивших в районах, городах, областях и краях. В Украинской ССР в обсуждении различных проектов системы исторического образования приняло участие около 20 тыс. человек. В первой половине 1959 г. в РСФСР и УССР состоялись республиканские совещания по вопросу об историческом образовании в школе. Большую помощь органам народного образования в выработке путей улучшения преподавания истории в школе, в правильной оценке различных проектов структуры и программ курса оказали высшие учебные заведения и научно-исследовательские институты (учреждения Академии наук СССР и союзных республик, исторические факультеты университетов и педагогических институтов). В середине сентября 1959 г. проект усовершенствования курса истории был опубликован в «Правде», «Учительской газете» и обсуждался во всех союзных республиках, а также в печати. Редакции газет, Академия педагогических наук РСФСР получили более пятисот письменных откликов, многие из которых выражают мнение коллективов. Намеченный порядок изучения истории и Конституции СССР встретил в целом широкую поддержку масс. Обсуждение насущных проблем школьного исторического образования имело большое значение в выборе наиболее целесообразных путей подъема преподавания истории в школе.

После обсуждения вопросов преподавания истории в школе Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР, исходя из задач развернутого коммунистического строительства в нашей стране, современного этапа развития советской школы и учитывая долголетний опыт преподавания истории и Конституции СССР, определили следующий порядок изучения истории в школе: IV класс — эпизодические рассказы из истории СССР; V — элементарный курс истории древнего мира; VI — элементарный курс истории средних веков; VII—VIII классы — элементарный курс истории СССР, предусматривающий ознакомление учащихся с важнейшими сведениями об общественном и государственном устройстве Советского Союза, а также по новой и новейшей истории зарубежных стран; IX—XI классы — систематические курсы истории СССР и новой и новейшей истории. Конституция СССР, основные сведения из гражданского, уголовного, трудового и других отраслей советского права, главные положения Конституции союзной республики будут также изучаться в XI классе средней школы. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР предусматривает в школах союзных республик прохождение курса истории народов этих республик. Порядок изучения истории республики определяется ЦК КП и советами министров союзных республик.

ЦК КПСС и Совет Министров СССР обязали Министерство просвещения РСФСР подготовить и издать новые учебники истории, написанные ярко и убедительно, на высоком научном и педагогическом уровне. До 1 июня 1961 г. должны быть изданы: книга рассказов по истории СССР для IV класса, учебники по истории древнего мира, средних веков,

истории СССР (для VII—VIII классов). К 1 июня 1962 г. должны выйти в свет учебники по новой и новейшей истории зарубежных стран, Конституции СССР, истории СССР (для IX—XI классов). Министерству просвещения РСФСР рекомендовано издавать пробными тиражами отдельные учебники по наиболее сложным курсам истории. Учебные пособия по истории союзных республик предложено выпустить до 1 июня 1961 года.

Для составления учебников должны быть организованы авторские коллективы из ученых и лучших преподавателей средней школы. Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР обязали Институт истории АН СССР, институты истории академий наук союзных республик и Академию педагогических наук РСФСР принять активное участие в составлении учебников по истории, а также в научной проверке и обсуждении рукописей учебников, представляемых авторскими коллективами в министерства просвещения союзных республик.

Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР предусматривает: издание в течение трех — пяти лет для учащихся средней школы хрестоматий и книг для внеклассного чтения по истории; увеличение выпуска научно-популярной и художественной литературы по истории, общественному и государственному устройству СССР, рассчитанной на учащихся различных возрастов, а также методических пособий для учителей, расширение выпуска исторических карт, картин и других наглядных пособий по истории и Конституции СССР, увеличение производства учебных кинофильмов.

Министерству просвещения и Академии педагогических наук РСФСР поручено разработать предложения об улучшении исторического образования в средних общеобразовательных школах рабочей и сельской молодежи, а также о подготовке специальных учебников по истории для этих школ.

Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР обязали ЦК компартий и советы министров союзных республик, крайкомы и обкомы партии повысить контроль за качеством преподавания истории и Конституции СССР в школе, систематически оказывать необходимую помощь учителям истории в повышении их теоретических знаний. Предложено также рассмотреть и утвердить практические мероприятия по подготовке в высших учебных заведениях кадров учителей истории в соответствии с потребностью в них школ, имея в виду, чтобы в ближайшее время к преподаванию истории во всех восьмилетних и средних школах допускались только лица, имеющие высшее историческое образование.

Остановимся на некоторых принципиальных положениях ныне вводимого нового порядка преподавания истории в школе. Он исходит из того, что законченную систему знаний основ исторической науки может дать только 11-летняя школа. Содержание и структура курсов истории на первом и втором этапах обучения рассматриваются как органические части общей системы школьного образования, построенной в соответствии с требованиями науки и отвечающей задачам идейно-политического воспитания молодежи.

Положение о неразрывности обучения на первом и втором этапах среднего образования имеет важное значение для построения курсов истории. Неполная средняя 8-летняя школа не может и не должна давать законченную систему знаний по истории. Это соображение тем более необходимо подчеркнуть, что в нашей стране за семилетие (1959—1965 гг.) значительно возрастет количество учащихся не только в 8-летних, но и средних школах. Так, в РСФСР, УССР и других союзных республиках за семилетие число учащихся в старших (IX—XI) классах различных типов средних школ увеличится в два раза. «В наш век атомных электростанций, завоевания космоса, в век автоматики,— говорил Н. С. Хрущев на XIII съезде ВЛКСМ,— мы должны про-

вить максимум партийной и государственной заботы о том, чтобы все рабочие и работницы, колхозники и колхозницы имели среднее образование. Когда наши рабочие и колхозники будут иметь среднее образование, труд станет еще более производительным, а непрерывное повышение производительности труда и есть в конечном счете главное условие успешного строительства коммунизма» [13].

Новый порядок прохождения курса истории в школе исходит из того, что основные задачи обучения этому предмету могут быть разрешены лишь при получении школьниками известной суммы знаний об историческом процессе в целом; только при этом условии учащиеся могут быть подведены к пониманию развития человеческого общества как закономерного процесса и получить необходимые исторические сведения.

Согласно установленному порядку изучения истории, в 8-летней школе учащиеся должны усвоить лишь первоначальную систему исторических знаний. Учитывая, что ученики среднего школьного возраста готовятся к активному участию в общественной жизни и проявляют живой интерес к истории своей Родины, неполная средняя школа должна дать им знания об истории страны с древнейших времен до наших дней и положить начало изучению всеобщей истории.

С историей Родины учащиеся знакомятся еще в начальной школе. В I—III классах дети путем объяснительного чтения рассказов и статей, имеющихся в книгах для чтения, получают элементарные сведения исторического характера: о жизни рабочих и крестьян до революции, о борьбе трудящихся против угнетателей, о В. И. Ленине, о жизни и труде советских людей и т. п. В IV классе изучаются небольшие по объему и вполне доступные для детей 10—11-летнего возраста эпизодические рассказы из истории СССР. Сообщаемые учащимся сведения излагаются здесь в течение 70 уроков. Они развивают у детей интерес к прошлому и настоящему родной страны, способствуют их коммунистическому воспитанию. Программа по истории в IV и последующих классах строится таким образом, чтобы дать учителю больше возможностей для использования краеведческого материала, для связи истории с окружающей жизнью.

В V—VIII классах учащиеся знакомятся с элементарными курсами истории. Задачи общего образования учащихся, их воспитания в духе советского патриотизма и пролетарского интернационализма требуют знания не только истории СССР, но и истории зарубежных стран. Однако введение в 8-летней школе полных курсов всеобщей истории и истории СССР невозможно, особенно при сравнительно ограниченном учебном времени и еще недостаточном (в силу возрастных особенностей) развитии познавательных способностей детей и подростков. Поэтому в 8-летней школе историческое образование начинается с истории древнего мира и средних веков.

Элементарный курс истории древнего мира (72 часа) включает строго отобранный круг важнейших фактов истории человеческого общества в древности, знакомит с возникновением классов и государства, с двумя общественно-экономическими формациями — первобытнообщинной и рабовладельческой, закладывает первоначальное понимание закономерности исторического процесса. Элементарный курс истории средних веков (72 часа) на наиболее ярких фактах средневековья дает учащимся представление о закономерности возникновения феодального строя, основных этапах его развития, о зарождении в его недрах капиталистических отношений, о положении, труде и классовой борьбе народных масс в феодальную эпоху. Изучение истории древнего мира и средних веков постепенно подводит школьников к пониманию закономерностей гибели докапиталистических общественно-экономических формаций. Без знакомства

[13] Н. С. Хрущев. Воспитывать активных и сознательных строителей коммунистического общества, стр. 12.

с древней и средневековой историей такие явления и понятия, как эксплуатация, классы, религия, представлялись бы учащимся вечными, всегда присущими человеческому обществу, а не исторически преходящими.

В VII—VIII классах изучается элементарный курс истории СССР; учащиеся узнают важнейшие сведения об общественном и государственном устройстве Советского Союза, а также познакомятся с наиболее важными событиями новой и новейшей истории зарубежных стран (всего около 180 часов). Этот курс призван дать школьникам элементарные знания по отечественной истории, причем особое внимание уделяется периоду трех русских революций и истории советского общества. Последний раздел этой программы включает краткие сведения об общественном и государственном устройстве СССР, правах и обязанностях советских граждан (18 часов).

Для более глубокого понимания истории нашей Родины, выявления ее связей с зарубежными странами, роли в мировом историческом процессе, а также для подведения учащихся к правильной оценке важнейших событий современности в курс вводятся синхронно с историей СССР важнейшие сведения из новой и особенно новейшей истории зарубежных стран (примерно 50 часов). В доступной форме школьники познакомятся с английской буржуазной революцией и началом промышленного переворота в Англии, войной за независимость в Северной Америке и образованием США, буржуазной революцией конца XVIII в. во Франции, возникновением научного коммунизма, революцией 1848 г. в Европе, основанием I Интернационала, гражданской войной в США, Парижской коммуной, переходом капитализма в империалистическую стадию, первой мировой войной, подъемом революционного движения в капиталистических странах после Великой Октябрьской социалистической революции, образованием и деятельностью III, Коммунистического Интернационала, подготовкой, ходом и итогами второй мировой войны, возникновением, ростом и укреплением мировой социалистической системы, национально освободительным движением народов колониальных и зависимых стран, обострением противоречий в капиталистическом мире после второй мировой войны, борьбой миролюбивых сил против империалистических поджигателей войны, современным международным коммунистическим и рабочим движением и др. Являясь органическим продолжением изучаемых в V—VI классах курсов истории древнего мира и средних веков, сведения по новой и новейшей истории помогут создать у школьников необходимые представления об основных этапах истории человечества, в том числе о становлении и упадке капиталистического строя, о возникновении и развитии мировой социалистической системы. Однако перед 8-летней школой не ставится задача дать целостное знание новой и новейшей истории, ибо это повело бы к перегрузке школьников. Изучение полных курсов новой и новейшей истории зарубежных стран предусмотрено на втором этапе обучения.

Установленный порядок изучения истории исходит из того, что только в старших классах (IX—XI) учащимся посильно глубокое усвоение системы основных исторических знаний, вырабатывающей научное понимание важнейших закономерностей общественного развития и обеспечивающей марксистско-ленинский подход к анализу и оценке общественных явлений прошлого и современности. В старших классах учащиеся получат знания более широкие, чем в 8-летней школе, полную систему основных исторических понятий, глубже усвоят закономерности исторического процесса. Здесь значительно больше времени уделяется истории СССР, новой и новейшей истории зарубежных стран. В старших классах, таким образом, изучается история наиболее близких к нам эпох, имеющих важнейшее значение для формирования коммунистического мировоззрения учащихся, для их подготовки к сознательному и актив-

ному участию в коммунистическом строительстве, для их правильной ориентировки в явлениях современности.

Проходимый в IX—XI классах систематический курс истории СССР (на изучение его в школах с производственным обучением отводится около 180 часов) строится с учетом знаний, полученных школьниками в VII—VIII классах. В соответствии с учением об общественно-экономических формациях в этом курсе будут показаны основные этапы развития народов нашей страны (период до конца XVII в. предполагается осветить в виде краткого очерка). Глубоко будет раскрыта героическая борьба трудящихся против царизма, помещиков и капиталистов, история построения социализма и коммунизма в СССР. Особое внимание уделяется при этом освещению роли Коммунистической партии как руководящей и направляющей силы советского общества, изучению современного этапа коммунистического строительства в СССР, обстоятельному ознакомлению учащихся с решениями XXI съезда КПСС и борьбой советского народа за претворение их в жизнь.

Крайне велико воспитательное значение курса отечественной истории, знакомящего учащихся с основными фактами развития нашей Родины с древнейших времен до сегодняшнего дня. Из курса истории СССР молодежь узнает, какой трудный путь прошли люди старшего поколения, чтобы дети и внуки их имели счастливую жизнь, чтобы наша страна стала образцом для всего человечества в его борьбе за прогресс. История СССР играет особенно важную роль в трудовом воспитании учащихся, ибо, как говорил А. М. Горький, «история нашего народа — это история великого труда и великой борьбы... нигде труд так не возвышается до героизма, до творчества и поэзии, как в нашей стране» [14].

Изучение истории родной страны, раскрытие сущности славных революционных традиций, немеркнущих трудовых и ратных подвигов народов СССР открывает широкие возможности для воспитания учащихся в духе любви к Советской Родине, в духе нерушимой дружбы народов. Курс истории СССР, включающий историю не только русского, но и других народов нашей страны, вызывает чувство глубочайшей патриотической гордости за свою Родину, трудящиеся которой под руководством Коммунистической партии первыми ликвидировали эксплуатацию, в ожесточенной борьбе с врагами первыми в мире построили социализм, отстояли его в кровавой схватке с фашизмом и первыми вступили в период развернутого коммунистического строительства.

Наша молодежь проявляет живейший интерес к героической истории Коммунистической партии Советского Союза, и школа в необходимой степени удовлетворяет этот интерес. В курсе истории СССР, изучаемом в старших классах в органической связи с ходом классовой борьбы в России, с осуществлением строительства социализма и коммунизма в СССР, а также в тесной связи с международным рабочим и коммунистическим движением (курс новой и новейшей истории), раскрываются важнейшие события двух основных периодов в истории КПСС: борьбы за свержение царского самодержавия и капитализма в нашей стране, за построение социализма и коммунизма. Крайне важно отметить следующее обстоятельство: на уроках истории учащиеся осознают, что КПСС, будучи по своему характеру партией интернационалистов, в то же время выступает как подлинно патриотическая сила, выражает и защищает последовательно и до конца интересы своего народа.

Систематический курс новой истории (свыше 110 часов), изучаемый в IX—X классах, ознакомит учащихся с историей человеческого общества в эпоху утверждения капитализма в передовых для того времени странах мира, покажет роль и место рабочего класса в истории, расскажет о возникновении и распространении марксизма, раскроет основные

[14] «М. Горький в воспоминаниях современников». М. 1955, стр. 362.

закономерности развития капитализма и его перерастания в свою последнюю стадию — империализм. Новейшая история (XI класс — 60 часов) осветит важнейшие события в жизни зарубежных стран в нашу эпоху, основным содержанием которой является переход от капитализма к социализму и коммунизму, начатый Великой Октябрьской социалистической революцией в России. Этот курс покажет историческую обреченность капиталистического строя, углубление общего кризиса капитализма, рост классовой борьбы и организованности пролетариата, возглавляемого его авангардом — коммунистическими и рабочими партиями, историю образования и укрепления мировой социалистической системы, распада колониальной системы империализма.

В выпускном, XI классе в курсах истории СССР и новейшей истории будут широко освещены величайшие сдвиги, происшедшие в судьбах народов мира после второй мировой войны, всесторонне охарактеризованы рост и укрепление мировой системы социализма, показано решающее влияние на ход мировой истории достижений СССР, КНР и других стран социалистического лагеря в развитии народного хозяйства и культуры, конкретно раскрыта борьба народов в защиту мира. Важное место займут вопросы, связанные с экономическим соревнованием и сосуществованием двух мировых систем — социалистической и капиталистической. Учащиеся убедятся в том, что ленинский принцип мирного сосуществования государств независимо от различий в их общественном и государственном строе является незыблемой основой внешней политики Коммунистической партии и Советского правительства, всех стран социалистического лагеря.

В постановлении «О задачах партийной пропаганды в современных условиях» Центральный Комитет КПСС указал на целесообразность введения с 1961/62 учебного года в старших классах средней школы популярного курса основ политических знаний. Этот курс, опираясь на знания школьников по отечественной и мировой истории, будет завершать среднее историческое образование, способствовать формированию марксистско-ленинского мировоззрения учащихся, их высокой сознательности, глубокому пониманию политики Коммунистической партии.

Принятый порядок обучения истории в школе учитывает один из важнейших педагогических принципов: объем изучаемого материала и глубина его раскрытия должны соответствовать познавательным возможностям учащихся различных классов. Школьники V—VI классов владеют очень ограниченным кругом представлений и понятий, недостаточным запасом слов, почти не умеют работать самостоятельно. Поэтому в этих классах будет обращено внимание на подробное и неоднократное объяснение причинно-следственных связей между историческими явлениями. Учащимся V—VI классов необходимо прививать умение приобретать исторические знания, их познавательные способности будут развиваться таким образом, чтобы в старших классах, прежде всего в VII—VIII, обеспечить возможность сравнительно глубокого изучения истории.

Преподавание истории как в неполной, так и в полной средней школе призвано вырабатывать коммунистические убеждения у молодежи. Поэтому нужен всесторонний анализ конкретно-исторического материала, чтобы, как учил В. И. Ленин, «не было верхоглядства, чтобы знали факты» [15]. Учителю надо располагать временем для приведения убедительных фактов, их разбора и обсуждения, обстоятельной аргументации своей позиции, для того, чтобы научить школьников делать необходимые выводы и обобщения. Построение курса истории должно создавать условия и для совершенствования методов обучения, в первую очередь для усиления активности учащихся, их самостоятельности, инициативы, а также для ликвидации перегрузки школьников.

Все изложенные выше обстоятельства учитываются при распределе-

[15] В. И. Ленин. Соч. Т. 36, стр. 488.

нии учебного времени между отдельными курсами истории. В результате перестройки школьного образования произойдет некоторое увеличение числа часов, отводимых на изучение истории. Если раньше в РСФСР в 7-летней школе на это выделялось всего около 265 часов, то теперь в 8-летней школе отводится свыше 390 часов.

Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О некоторых изменениях в преподавании истории в школах» ставит ряд неотложных задач перед советской исторической наукой, перед профессорско-преподавательским составом высших учебных заведений. Выработка у подрастающего поколения научного понимания закономерностей истории развития общества, уверенности в неизбежности гибели капитализма и победы коммунизма, глубокое изучение современного этапа коммунистического строительства, воспитание молодежи в духе коммунистической идейности требуют усиленной разработки этих важнейших проблем. На необходимость углубленного исследования названных вопросов указал XXI съезд КПСС, потребовавший от работников общественных наук создания фундаментальных трудов, обобщающих закономерности общественного развития, постепенного перехода к коммунизму, а также критикующих современный ревизионизм и буржуазную идеологию.

Одной из наиболее сложных проблем школьного курса истории является раскрытие роли народных масс как подлинных создателей материальных и духовных ценностей. К сожалению, учителя не могут в данном случае в достаточной степени опереться на исследования наших ученых. Усилить научную разработку проблемы «роль народных масс в истории» — неотложная задача представителей общественных наук. Значительно должно быть расширено исследование истории Коммунистической партии как руководящей и направляющей силы советского общества.

В связи с перестройкой исторического образования в школах в полной мере должна быть восстановлена и развита славная традиция крупнейших деятелей советской науки, считавших создание учебников для школы своим почетным долгом. К написанию новых учебников должны быть привлечены наиболее квалифицированные научные силы, способные в содружестве с учителями-практиками создать учебники, достойные нашей замечательной эпохи, а также другие пособия для всех типов школ, особенно для школ рабочей и сельской молодежи.

Серьезно следует улучшить теоретическую и практическую подготовку учителей истории в университетах и педагогических институтах, а также повысить квалификацию преподавателей.

Постановление ЦК КПСС и Совета Министров развивает и закрепляет одно из проявлений ленинской национальной политики в области народного образования — предусматривает изучение в школах истории союзных республик. Оно должно быть пронизано идеями дружбы народов, пролетарского интернационализма и советского патриотизма и тесно связано с общим курсом истории СССР. Это стало возможным в результате того, что в республиках созданы фундаментальные труды по их истории. Однако ряд важных вопросов, связанных с историей развития республик в советское время, значением нерушимой дружбы народов нашей страны, ждет глубокого изучения.

Работа по дальнейшему подъему исторического образования в школе настоятельно требует установления тесного сотрудничества между соответствующими научными учреждениями, вузами. Поэтому заслуживает внимания предложение о создании при Академии педагогических наук РСФСР Ученого совета по историческому образованию, который мог бы координировать всю деятельность в этой области.

УДЕЛЬНЫЙ ВЕС РАБСКОГО ТРУДА В ХРАМОВОМ ХОЗЯЙСТВЕ ДОСАРГОНОВСКОГО ЛАГАША

Академик В. В. Струве

Наличие в обществах древнего Востока рабовладельческих отношений, а не крепостнического строя нашло общее признание в советской историографии[1]. Оно было установлено на основании изучения документов архивов царско-храмового хозяйства III династии Ура (2132—2024 гг. до н. э.)[2]. Конечно, данное установление — только начало разрешения проблемы о характере эксплуатации рабочей силы в обществах древнего Востока.

Дальнейшее изучение указанной проблемы требует углубленного исследования документов других эпох Шумера[3] и в первую очередь детального анализа документов архива храма богини Баба в Лагаше эпохи царя-реформатора Урукагины и его ближайших предшественников (конец XXV — начало XXIV в. до н. э.)[4]. В распоряжении историка, исследующего этот архив, имеется около 2 тыс. опубликованных документов, язык которых уже настолько изучен, что не представляет для их интерпретации непреодолимых трудностей[5]. Наряду с документами хозяйственной отчетности могут служить ценнейшим источником для установления социального строя общества Шумера эпохи Урукагины, царя Лагаша и исторические надписи последнего. Поэтому, исследуя источ-

---

[1] См. сказанное А. И. Тюменевым в его труде «Государственное хозяйство древнего Шумера» (М.-Л. 1956, стр. 15). Построение истории древневосточных обществ в I и II томах «Всемирной истории» обусловлено признанием этих обществ рабовладельческими, а не крепостническими, как утверждает буржуазная историография.

[2] А. И. Тюменев. Указ, соч., стр. 268, прим. 2.

[3] Академик А. И. Тюменев полностью осознал необходимость исследования документов хозяйственной отчетности других эпох истории шумерийского общества. В книге «Государственное хозяйство древнего Шумера» нашел отражение произведенный им анализ громадного количества источников всех эпох Шумера, начиная с древнейшей династии Урука и кончая III династией Ура. Созданный А. И. Тюменевым труд является замечательным достижением советской историографии.

[4] Первичное исследование документов хозяйственной отчетности архива храма богини Баба эпохи царя Лагаша Урукагины было произведено немецким шумерологом А. Деймелем в №№ 1, 2, 4—7, 14—17, 20, 21, 26, 28, 32, 34—35, 43—44 (1920—1929 гг.) первой серии «Orientalia», изданной в Риме (в дальнейшем: Or. I.). Ряд документов указанного архива А. Деймель исследовал во II томе серии «Analecta Orientalia» (Рим. 1931), а со стр. 71 сл. этого тома он попытался подвести итоги результатам своего изучения табличек архива храма богини Баба. Среди документов, рассмотренных А. Деймелем, имеются и те 322 таблички, которые были образцово изданы и исследованы основоположником русской ассириологии М. В. Никольским в его прекрасном труде «Документы хозяйственной отчетности древнейшей эпохи Халден» (СПБ. 1908). В дальнейшем издание М. В. Никольского будем сокращенно обозначать «Ник.».

[5] См. A. Poebel. Grundzüge der sumerischen Grammatik. Rostock. 1923; A. Deimel. Sumerische Grammatik der archaistischen Texte. Roma 1924. В 1939 г. А. Деймель опубликовал второе издание своей грамматики, несколько расширив ее. В обоих изданиях грамматика Деймеля покоится преимущественно на грамматическом материале документов хозяйственной отчетности архива храма богини Баба, а также на материале исторических надписей шумерийских правителей досаргоновской эпохи. Следует также указать на трехтомный труд французского шумеролога R. Jestin «Le verbe sumerien» (Париж. 1943, 1947, 1954).

ники указанной эпохи, можно установить в Шумере линию развития производственных отношений, которые стали окончательно доминантными в эпоху III династии Ура.

Исследование документов хозяйственной отчетности Лагаша эпохи царя-реформатора является тем более закономерным, что все известные нам источники этой эпохи, как исторические надписи, так и документы архива храма богини Баба, отражают развитие классовых отношений и классового общества [6]. Если же действительно общество Шумера на рубеже XXV—XXIV вв. являлось классовым, то можно, казалось бы, уже априори, на основании марксистско-ленинской периодизации истории человечества, предположить, что и в эпоху Урукагины шумерийское общество являлось рабовладельческим, в котором труд рабов должен был играть значительную роль [7].

Данное априорное предположение, однако, не подтверждается тем выводом, к которому пришла часть исследователей в работах о хозяйстве храма богини Баба времени Лугаланда и Урукагины [8]. Они считают, что это хозяйство было основано на эксплуатации местного производящего населения, которое вместе с относительно немногочисленными рабами составляло рабочий персонал хозяйства [9]. При этом указанные исследователи подчеркивают, что рабы ничем не отличались от остальной массы работников хозяйства храма богини Баба [10]. Данный вывод о незначительной роли рабского труда в храмовом хозяйстве эпохи Урукагины заставляет, если он соответствует действительности, пересмотреть решение вопроса об общественном строе шумерийского и вообще древневосточных обществ. Опровержение этого вывода о ничтожном значении рабского труда еще в эпоху царя-реформатора Лагаша простой ссылкой на марксистско-ленинскую периодизацию истории не является допустимым. Положение о существенном участии рабов в хозяйстве древневосточных классовых обществ может получить общее признание не путем догматического утверждения, а лишь посредством прочно аргументированного доказательства; источники, находящиеся в нашем распоряжении, на самом деле подтверждают указанное положение. Автор ставит задачу доказать, что вывод о ничтожном значении рабского труда, сделанный из документов храмового архива богини Баба, является незакономерным, и установить существенное участие труда рабов в создании хозяйственных ценностей уже в эту эпоху истории Шумера [11].

Приступая к решению поставленной задачи, я остановлюсь в пер-

---

[6] Это устанавливает и академик А. И. Тюменев (см. указ. соч., стр. 195). Он подчеркивает, что хозяйство, отраженное в документах архива храма богини Баба, «представляет собой первую форму собственно государственного хозяйства, соответствовавшего уже стадии полного развития классовых отношений и классового общества» (там же).

[7] В последнее время, правда, в советской историографии высказывалось положение о существовании рабовладельческих обществ, в которых труд рабов не имел существенного значения.

[8] A. Schneider. Die Sumerische Tempelstadt, Essen a. d. Ruhr. 1920. Работа основана на материале, предоставленном ее автору А. Деймелем. Вывод о несущественном значении рабского труда мы находим и в труде А. И. Тюменева «Государственное хозяйство древнего Шумера» (ч. II, главы вторая и третья).

[9] A. Schneider. Указ. соч., стр. 135; А. И. Тюменев. Указ. соч., стр. 195.

[10] А. И. Тюменев. Указ. соч., стр. 148.

[11] Мы, правда, располагаем для рубежа XXV—XXIV вв. свидетельством документов лишь одного архива, но имеем некоторое основание предполагать, что и в других городах-государствах Шумера установились те же производственные отношения. Основанием для подобного предположения может служить факт единообразия производственных отношений в эпоху III династии Ура в различных областях Шумера, засвидетельствованный документами, дошедшими до нас из архивов Лагаша, Уммы, Ура, Ниппура, Дрехема и Абада. См. В. В. Струве. Новые данные об организации труда и социальной структуре общества Шумера эпохи III династии Ура («Советское востоковедение». Т. VI, 1947, стр. 149—184); А. И. Тюменев. Указ. соч., ч. III, стр. 243—414).

вую очередь на вопросе о выделении рабов среди прочих работников храмового хозяйства, поскольку было высказано мнение, что положение первых мало чем отличалось от положения остального персонала хозяйства храма. В дальнейшем я остановлюсь на определении признаков, отличавших в документах архива храма Баба рабов от свободных людей. Но уже теперь я считаю себя вправе включить в число рабов группу работников храма, называемых «игинуду» («не поднимающие глаз»), поскольку засвидетельствованы случаи происхождения их из числа военнопленных [12] и случаи их купли и продажи [13], вследствие чего большинство исследователей готово видеть в них рабов [14]. В подавляющей массе своей игинуду не имели собственных земельных наделов, и счетоводы храмового управления включали их в особые списки получателей зернового довольствия, отличные от списков, в которых перечислялись храмовые работники, владевшие земельным наделом. Такое отличие было обусловлено тем, что по спискам, перечислявшим игинуду, зерновое довольствие выдавалось ежемесячно, а по спискам, включавшим людей, имевших земельный надел, лишь четыре раза в год, поскольку вторая категория храмовых работников была еще обеспечена зерном урожая со своего небольшого земельного надела [15].

Подобное отделение рабов-игинуду, лишенных средств производства, от храмовых работников, владевших земельными наделами, засвидетельствовано рядом датированных правлением Урукагины списков храмовых работников с земельными наделами, но без включения в них рабов-игинуду [16]. От времени же правления предшественника Урукагины, патеси [17] Лугаланды, до нас дошел лишь один список с перечислением работников храма, имевших земельные наделы, и на основании данного документа был сделан вывод, что в годы правления Лугаланды, по-видимому, игинуду еще не выделялись в особые списки, но перечислялись совместно с храмовыми работниками, обладавшими земельными наделами [18]. Этот документ, датированный 6-м годом Лугаланды, был опубликован Ф. Тюро-Данженом в 1903 г. в известном его издании «Recueil de tablettes chaldennes» (в дальнейшем: RTC) под № 54 [19] и содержал, согласно своей заключительной части, вторую выдачу ячменя «людям назначенного (надела) кормления» [20].

В данном документе, в третьем столбце, в строках 6 сл. мы находим текст, который был понят как упоминание игинуду: (6) «1 муж 72 меры (зерна) (7) 4 мужа (по) 48 мер (зерна) (8) 1 помощник садовника [21]

---

[12] См. В. В. Струве. Основные вехи войны Урукагины и Лугалзаггиси. «Вестник древней истории» (далее: «ВДИ»), 1958, № 4, стр. 5 и сл. Об этом я буду говорить ниже более подробно.

[13] M. Lambert. Textes commerciaux de Lagash (époque presargonique) Revue d'Assyriologie (в дальнейшем: R. Ass.). T. 47, 1953, стр. 66—69. На купле-продаже рабов я ниже остановлюсь подробно.

[14] А. И. Тюменев. Указ. соч., стр. 146, прим. 1. Здесь приведена литература об игинуду. См. также В. В. Струве. Рабство в древнейшем Шумере («Известия ГАИМК», т. 97, стр. 13—14).

[15] В. В. Струве. Рабство в древнейшем Шумере, стр. 18 и прим. 166; А. И. Тюменев. Указ. соч., стр. 151, прим. 2.

[16] См. A. Deimel. Or. I, №№ 34—35, стр. 5—31. Здесь дана транскрипция 11 подобных документов.

[17] Я еще не вполне уверен в закономерности чтения «ensi$_2$» для группы знаков «pa-te-si» и поэтому придерживаюсь старого чтения — «патеси».

[18] А. И. Тюменев Указ. соч., стр. 148, прим. 2.

[19] Транскрипцию таблички дал А. Деймель. Or. I, №№ 34—35, стр. 2—5.

[20] К определению «Iu-kur$_6$-dab$_5$-ba» см. там же, стр. 32—34.

[21] «du$_3$-a-tar», согласно А. Деймелю, «копающий», то есть тот работник сада, который вскапывал почву сада. Их в садах было немного по сравнению с игинуду, а поэтому можно предположить, что они являлись помощниками садовников. См. A. Deimel. Or. I, №№ 43/44, стр. 117—118. Я на этом термине ниже остановлюсь более подробно.

48 мер [9]. Зерно их 2 больших меры, 24 меры [22]. Анаму [23] [10], Садовники».

В приведенном тексте лица, не перечисленные поименно, названы «мужами», а не «игинуду», но, тем не менее, они были определены в качестве игинуду, поскольку рядом с ними упомянут помощник садовника (дуатар) и они подчинялись тем же садовникам, как и в годы правления Урукагины [24]. Следует сказать, что все здесь перечисленные названы «садовниками», а не только упомянутый по имени Анаму. В документе второй выдачи зернового довольствия людям с земельным наделом от года патесиата Урукагины [25] мы находим перечисление тех же 5 садовников и 1 помощника садовника, но без указания имени Анаму [26]. Стало быть, Анаму являлся не надзирателем, а лишь старшим из указанных 5 садовников [27]. Эти же последние не могут быть отождествлены с игинуду на основании RTC 54, III, 6—10, документа 6 года Лугаланды, еще и ввиду того, что игинуду и во время правления Лугаланды включались в особые списки (перечислявшие игинуду наряду со всеми категориями работников храмового хозяйства, не имевших земельных наделов). О данном факте с полной убедительностью свидетельствует документ VAT [28] 4416, отмечавший первую выдачу зернового довольствия указанным храмовым работникам в 6 году Лугаланды, и VAT 4628, отмечавший девятую выдачу зернового довольствия в том же самом году [29]. В них перечислено около 34 игинуду и около 8 помощников садовника (дуатаров) [30], находившихся под надзором 5 поименно перечисленных садовников: Анаму, Этур, Этаэ, Урки и Энкисалси. Порядок их перечисления является тождественным в обоих документах, и надо полагать, что указанный первым Анаму являлся старшим садовником. В противоположность игинуду и дуатарам (помощникам садовника) всем 5 садовникам не выдавалось, согласно обоим документам, никакого зернового довольствия, ибо они получали, очевидно, свой ячмень по другой ведомости, составленной для всех тех, которые владели земельными наделами.

Поэтому имеются веские причины утверждать, что эти 5 поименно перечисленных садовников, являвшихся надзирателями игинуду и дуатаров, должны быть отождествлены с теми 5 садовниками, которые названы в вышеуказанном документе RTC 54, III, 6—7. Для опровержения подобного отождествления не может служить то обстоятельство, что в последнем документе из 5 садовников назван по имени один лишь Ана-

[22] Мера, называемая мной «большая мера», делилась на 144 меры, называемые «га».

[23] Главный садовник храмового хозяйства богини Баба.

[24] А. И. Тюменев. Указ. соч., стр. 148, прим. 2.

[25] То есть первого года правления Урукагины, так как уже во втором году своего правления он объявил себя царем.

[26] M. Hussey. Summerian tablets in the Harvard Semitic Museum (в дальнейшем STH) I, 6, III, 11—14.

[27] Надзиратель всегда называется по имени в документах изучаемого архива. Возможно, что в I году правления Урукагины, после свержения Лугаланды, администрация хозяйства храма богини Баба еще не решила окончательно, кого сделать своим старшим садовником. Захват власти Урукагиной нашел отражение и в документе STH I, 6, III, 13, поскольку помощник садовника получил здесь по сравнению с RTS 54, III, 9, зерновое довольствие в двойном размере, то есть 96 мер вместо 48. Он, очевидно, каким-то образом во время переворота отличился и был поэтому в отношении зернового довольствия выделен среди 5 садовников, которые продолжали и в первый год Урукагины получать ту же норму, что и при его предшественнике.

[28] VAT является сокращением для Vorderasiatische Texte берлинских государственных музеев. Транскрипция тех из них, которые не были автографированы W. Förtsch в его издании «Altbabylonische Wirtschaftstexte aus der Zeit Iugalanda's und Urukagina's». Leipzig. 1916 (в дальнейшем: Fö), была дана А. Деймелем в различных выпусках I серии «Orientalia» (см. прим. 4 настоящей работы).

[29] Оба названных документа транскрибированы в Or. I, №№ 34—35, стр. 43—51. К сожалению, как я уже сказал, А. Деймель ограничился одной лишь транскрипцией.

[30] Текст, отмечавший количество игинуду и дуатаров, несколько поврежден.

му. Он был удостоен данной чести, будучи старшим садовником. Что же касается упомянутого в RTC 54, III, 8 помощника садовника (дуатара), то он, являясь одним из дуатаров храмового хозяйства богини Баба, был по какой-нибудь причине выделен из среды прочих дуатаров и включен в ведомость людей с земельными наделами. Возможно, что он за какие-то заслуги получил небольшой земельный надел, который он впоследствии, во второй год царствования Урукагины, из-за какой-то провинности потерял. По крайней мере, в документе STH I, 7, IV, 9—V, 1, содержавшем вторую зерновую выдачу людям с земельным наделом во втором году царя-реформатора, уже не упоминается больше вместе с 5 садовниками ни один из их помощников. Не встречается упоминание какого-либо из 9 помощников садовника в выдачах зернового довольствия храмовым работникам с земельным наделом от последующих лет царствования Урукагины. Зато мы находим в некоторых документах о выдаче зернового довольствия храмовым работникам, лишенным земельного надела, указание на то, что один из помощников садовника получал свое довольствие из другого источника, нежели прочие [31]. Очевидно, это был помощник садовника, почему-то выделенный среди прочих своих товарищей и поэтому получавший свое довольствие из другого закрома. Подобное выделение того или другого работника из прочей массы имело место нередко в храмовом хозяйстве богини Баба во время правления Урукагины.

Подводя итог сказанному о положении 5 садовников и 1 помощника садовника, упомянутых в RTC 54, III, 6—10, надлежит отвергнуть отождествление их с игинуду, а тем самым опровергнуть и предположение, что в годы правления Лугаланды игинуду включались еще вместе с людьми, владевшими земельными наделами, в общую ведомость по получению зернового довольствия. Игинуду не включались в ведомость получения зернового довольствия людьми с земельными наделами не только в отношении довольствия ячменем, но и эммером, который выдавался в праздники. Сохранились две ведомости получения довольствия эммером храмовыми работниками, владевшими земельными наделами (см. STH I. 15 от года патесиата Урукагины и Ник. 13 от второго года его царствования) [32]. Таким образом, и в данном случае мы находим отделение людей с земельным наделом от игинуду, лишенных средств производства.

Не свидетельствуют о равном положении людей с земельным наде-

[31] В документах Ник. 2, 1, 11 и H. de Genouillac. Tablettes sumeriennes archaiques (в дальнейшем: TSA) (Paris. 1909, 15, 1, 10), содержавших выдачу зернового довольствия людям, лишенным земельного надела, отмечается размер довольствия, получаемый помощником садовника Эдинебатумом, не полукруглыми цифрами, как обычно, а клинописными. Я не могу согласиться с мнением А. Деймеля, будто подобное написание размера довольствия указывало на то, что оно по какой-то причине не выдавалось (Or. I, №№ 34—35, стр. 120). Ссылка Деймеля на STH, I, 19 не доказывает его положения. И названный помощник садовника Эдинебатум и другие лица, размер довольствия которых был отмечен клинописными цифрами, получали свое довольствие, но они получали его из какого-то другого зернового закрома, нежели все прочие. К вопросу об использовании клинописных цифр в хозяйственных документах архива храма богини Баба см. еще Or. I, № 21, стр. 13.

[32] Документов о выдаче эммера рабам-игинуду не сохранилось, а может быть, подобные документы и не существовали, поскольку эммер выдавался тем, кто принимал участие в процессиях, связанных с религиозными празднествами. В последних, надо полагать, рабы не участвовали. Мы имеем, правда, краткую итоговую справку от 6 года Урукагины о выдаче эммера. наряду с людьми, имевшими земельные наделы, и рабыням и детям, а именно в табличке VAT 4648, транскрибированной в «Analecta Orientalia», II, стр. 7. Но игинуду в нем не упомянуты в противоположность аналогичному документу — справке VAT 4646 (Or. I, №№ 34—35, стр. 36), в котором отмечена выдача довольствия ячменем. Последний выдавался, согласно указанному документу, наряду с людьми, владевшими земельным наделом, не только рабыням и детям, но также и игинуду. Об этих документах см. замечания А. Деймеля в «Analecta Orientalia» II (стр. 120). О привлечении рабынь и детей для торжественных храмовых действий см. работу И. М. Дьяконова в «ВДИ», 1950, № 2, стр. 84—85.

лом и игинуду и размеры того продовольствия, которое они получали [33]. Первые получали в большинстве своем 72 меры зерна [34], а вторые, работавшие в садах с финиковыми пальмами [35],— 48 мер [36]. Правда, игинуду получали зерновое довольствие ежемесячно, а люди, владевшие земельными наделами, лишь 4 раза в год, но зато они имели урожай со своего земельного надела. Что же касается второго разряда игинуду, а именно игинуду-гишкинти, то есть игинуду-ремесленников, которых при Лугаланде было всего 9 человек [37], то они получали ежемесячно весьма значительное зерновое довольствие — в 96 мер (в $2^2/_3$ раза больше, чем их надзиратели) [38]. Об игинуду-ремесленниках я буду говорить ниже, когда коснусь проблемы о значении рабского труда в ремесле, а здесь попытаюсь лишь объяснить столь большие размеры зернового довольствия, выдаваемого этой группе храмовых работников. Это объясняется, как я полагаю, и тяжестью выполняемого ими труда [39] и, может быть, сложностью некоторых процессов их ремесленного производства. Получение же игинуду шерсти по 4 мины (то есть в той же норме, в какой получало и большинство людей с земельными наделами [40]) было обусловлено, конечно, отсутствием у громадной части игинуду (как у игинуду садов, так и у игинуду-ремесленников) земельных наделов, на которых они могли бы держать несколько овец. Если же, наконец, согласно свидетельству документов хозяйственной отчетности храма Баба, трое из общего числа игинуду, а именно игинуду Урбау [41], игинуду Урэ [42] и наконец игинуду Кикугу [43] имели небольшие земельные наделы, то это было исключением, которое допускалось в любом рабовладельческом обществе по отношению к рабам, заслужившим особое благорасположение со стороны господствующего класса [44].

[33] А. И. Тюменев. Указ. соч., стр. 148.

[34] См. хотя бы данные, засвидетельствованные в неоднократно упомянутом документе RTS 54.

[35] Они назывались поэтому «игинуду-гиш», то есть «игинуду дерева».

[36] См. данные вышеприведенных табличек VAT 4416 и VAT 4628.

[37] VAT 4416, II, 8 и VAT 4628, II, 8.

[38] RTC 54, III, 11—12. I гиштугпикарра (к интерпретации см. ниже), один из которых был надзирателем 9 игинуду-ремесленников, получал по 36 мер зерна.

[39] Подобное явление мы находим и в римском рабовладельческом хозяйстве. Здесь раб, управляющий имением, получал меньшее довольствие, нежели рядовые рабы имения, так как он выполнял более легкую работу в физическом отношении. См. В. В. Струве. Рабство в древнейшем Шумере, стр. 39, прим. 170.

[40] См. данные документов «Allotte de la Fuye, Documents présargoniques» (в дальнейшем: DP), 171. Транскрипцию дал А. Деймель в «Analecta Orientalia» II, стр. 60—65. Документ датирован 2 годом царствования Урукагины.

[41] TSA 7, об. ст. VI, 3.

[42] Ник. 1, 41, III, 3—4.

[43] DP, 592, II, 3—4. Имя этого игинуду, последний силлабический знак которого несколько разрушен, прочитал А. Деймель в транскрипции текста (Or. I, № 4, стр. 25—26) Ki-ku-gu. Надлежит указать, что в тексте данного документа следует за «Кикугу-игинуду» имя Amar-ezen без какого-либо указания на земельный надел, а поэтому следует предположить, что это имя связано с предшествующим текстом. Носителем же имени Amar-ezen являлся один из надзирателей игинуду-ремесленников, засвидетельствованный восьмой выдачей зернового довольствия игинуду от 2 года царствования Урукагины (DP 113) и четвертой выдачей довольствия от 4 года Урукагины (TSA 4). В документе, отмечавшем шестую выдачу 4 года (Ник. 2), вместо Amarezen появился Ur-d-Ab-u. На основании сказанного можно предположить, что игинуду Кикугу входил в состав игинуду-ремесленников и что его земельный надел был связан каким-то образом с его надзирателем Амарэзеном.

[44] Все три случая свидетельства о существовании игинуду — владельцев земельных наделов — среди документов храма богини Баба были отмечены А. И. Тюменевым (см. указ. соч., стр. 149, прим. 1). Других примеров упоминания игинуду с земельными наделами я не знаю; они, несомненно, были очень редки, поскольку в документах, специально посвященных перечислению людей с земельными наделами, игинуду не упоминаются. Не следует в данном случае указывать на документ DP 130, IV, 13 (3 год царствования Урукагины), упоминающий среди людей с земельным наделом получателей хлеба и трех игинуду, но эти последние являлись надзирателями за игинуду-ремесленниками — Урдунпаэ, Амарэзеном, Этаэ, засвидетельствованными в документе DP 113, III, 6, 9, 12. Они здесь вместе с подчиненными им игинуду названы

Выводом из приведенного материала является положение, что лишь в исключительных случаях игинуду, являвшиеся рабами, имели земельные наделы; как правило, они противопоставлялись лицам, обладавшим земельным наделом.

Стало быть, и в обществе Лагаша эпохи Урукагины так же, как и в других рабовладельческих обществах, устанавливается в качестве одного из характерных признаков рабского состояния отрыв от земли, то есть от средств производства. Академик А. И. Тюменев в своем труде о государственном хозяйстве в Шумере также считает владение земельным наделом существенным признаком свободного человека. Он коснулся этого вопроса, когда в примечании № 1 на стр. 74, в главе, посвященной храмовому хозяйству раннего Ура, пытался решить вопрос о тождестве кузнеца Ушумгала, упомянутого в двух табличках изучаемого архива Ура, с Ушумгалом, указанным в списке рабов и рабынь этого архива. А. И. Тюменев с полным основанием отверг это отождествление, указав на то, что кузнец Ушумгал имел земельный надел, согласно свидетельству одного из документов архива Ура, а поэтому и не мог быть отождествлен с рабом Ушумгалом. Вместе с тем акад. А. И. Тюменев был вполне прав, когда далее объяснял предоставление и непредоставление земельного надела тем, что получавшие земельные наделы были более отдалены от хозяйства храма или правителя, а люди, находившиеся на полном зерновом довольствии и поэтому лишенные земельных наделов, стояли ближе к хозяйству храма или правителя [45]. Дело в том, что эта близость к хозяину и являлась характерной особенностью положения раба. Вспомним слова Аристотеля: «Раб ведь живет в постоянном общении со своим господином» [46]. Конечно, наряду с рабами могли быть близкими храмовому хозяйству, как мы увидим ниже, и свободные работники, которые за свой непрерывавшийся труд в течение года получали ежемесячное зерновое довольствие.

Наряду с игинуду не имели земельных наделов также и носильщики, которые вместе с носильщицами перечислялись поименно в ряде документов ежемесячной выдачи зернового довольствия [47]. Число их колебалось в различные годы между 12 [48] и 21 человеком [49]. Подобно игинуду, носильщики и носильщицы перечислялись отдельными отрядами, во главе которых стояли надзиратели [50]. Но надзиратели наблюдали за работой и отрядов шублугалов, имевших коллективные земельные наделы [51], а поэтому наличие надзирателей само по себе и нельзя рассматривать в Лагаше эпохи Урукагины как признак, характерный для рабского состояния храмовых работников. Вместе с тем надо признать, что на-

---

игинуду-ремесленниками, но зерновое довольствие они получали вместе с людьми, имевшими земельные наделы. См. STH 1, 8, VII, 4, 9, 12. Таким же надзирателем являлся и упомянутый в сильно разрушенном документе DP 231, л. ст., X, 3—4 и об. ст. VI, 2—4 игинуду Загму. Он, очевидно, тождествен с Загму, одним из надзирателей за игинуду — работниками сада, засвидетельствованным в DP 113, III, 2. Что же касается игинуду Кикугу, упомянутого в DP 334 в связи с ладьей, то он был, очевидно, рабом рыбака Уригиамаше, который поручил ему управление своей второй ладьей вместе со своими двумя братьями и сыном.

[45] А. И. Тюменев. Указ. соч., стр. 159.

[46] Аристотель. Политика. I, гл. 5, 10. Я даю перевод С. А. Жебелева (М. 1911, стр. 36).

[47] VAT 4416 (Or. I, №№ 34—35, стр. 43—47), первая выдача от 6 года Лугаланды; VAT 4628 (Or. I, №№ 34—35, стр. 47—51), девятая выдача от 6 года Лугаланды; STH I, 15, шестая выдача года патесиата Урукагины и т. д.

[48] DP 114 (5 года Урукагины).

[49] VAT 4416 (6 года Лугаланды).

[50] При Лугаланде носильщики и носильщицы делились на три отряда (VAT 4416 и 4628), а при Урукагине, начиная со 2 года царствования, на четыре менее многолюдных отряда (DP 113).

[51] Шублугалы перечислялись в первую очередь в ведомостях, посвященных людям с земельными наделами. См. В. В. Струве. Рабство в древнейшем Шумере, стр. 15 сл.; его же. «ВДИ», 1959, № 2, стр. 12 сл.

личие надзирателей, наблюдавших за работой людей, лишенных земельных наделов, еще более подчеркивало рабское положение последних. Таким образом, и работа под наблюдением надзирателя при отсутствии земельных наделов дает надежное основание для определения игинуду и носильщиков в качестве рабов.

Носильщицы в разделе, посвященном им, назывались не «gim» — «рабынями», а «женщинами», но это обусловлено тем, что они здесь были противопоставлены носильщикам-мужчинам. В итоговой же части документов STHI24 и TSA13 они были включены в число gim (рабынь) вместе с har-tud (прислужницами). Если бы носильщицы не рассматривались в качестве рабынь, то они могли бы быть названы «женщинами» и в итоговой части документа, вместе с прислужницами и рабынями, получавшими высшую норму довольствия. Последние же могли бы быть названы «женщинами», поскольку их число было незначительно по сравнению с 20 носильщицами и прислужницами.

Возвращаясь к вопросу о признаках рабского состояния, отмечу еще один признак, который отличал в досаргоновском Шумере свободного человека от раба, а именно несение военной службы. Дело в том, что до нас дошли от годов царствования Урукагины списки работников храмового хозяйства, обязанных нести военную службу [52]. Среди лиц, поименованных здесь, указаны люди, имевшие свои земельные наделы; я не нашел среди них упоминания игинуду и тщетно искал имена громадного большинства носильщиков, перечисленных в ведомостях ежемесячной зерновой выдачи [53].

Мы не имеем никаких оснований предполагать, как это сделал А. Деймель, что существовали еще какие-то особые списки военнообязанных, которые рекрутировались из числа игинуду и носильщиков [54]. Предположение А. Деймеля могло бы быть принято во внимание, если бы дошедшие до нас списки военнообязанных были составлены по образцу ведомостей получения зернового довольствия и лица, перечисленные в них, были бы определены в качестве людей с земельными наделами. В таком случае можно было бы предположить, что существовали в делопроизводстве храмового хозяйства богини Баба еще и другие списки военнообязанных, в которых перечислялись лица, не владевшие земельными наделами. В противоположность же ведомостям выдачи зернового довольствия лица, перечисленные в списках военнообязанных, не назывались людьми с «землей кормления», а «людьми собственности богини Баба» [55]. Собственностью же богини Баба были представители всего персонала храма, как люди с земельным наделом, так и без такового. Поэтому нет никаких оснований для предположения о существовании особых списков военнообязанных, в которых перечислялись бы представители иных категорий храмового персонала. Не должно нас смущать и указание А. Деймеля на то, что в списках военнообязанных последних лет царствования Урукагины не упомянут надзиратель Кака со своим

[52] См. VAT 4681 (Or. I, № 26, стр. 36—39) от 2 года Урукагины; Wengler 2 (Or. I, № 26, стр. 39—40) от 5 года Урукагины; DP 136 от 5 года Урукагины; Ник. 3 также от 5 года Урукагины; DP 135 от 6 года Урукагины; TSA 47 от 4 года Урукагины, содержащий список рыбаков, составленный, надо полагать, для военных целей.

[53] Из 21 засвидетельствованного имени носильщиков я лишь два имени нашел среди списков военнообязанных, но эти два имени могут быть и именами шублугалов, которые в ведомостях зернового довольствия людям с земельным наделом не перечислялись поименно. Возможно, правда, что один из этих двух носильщиков, а именно Шуна, является тождественным с одним из воинов по имени Шуна в списке военнообязанных от 6 года Урукагины. См. ниже.

[54] См. A. Deimel. Analecta Orientalia II, стр. 112—113. А. Деймель пришел к возможности подобного вывода, так как он не поставил вопроса о тех признаках, которые отличали в хозяйстве храма Баба рабов от свободных работников, то есть от непосредственных производителей, входивших в состав граждан Лагаша.

[55] Так, например, Ник. 3, об. ст., VIII, 3—4: Iu-u-rum ^{d} Ba-ba$_6$ — люди собственности богини Баба.

отрядом шублугалов, а он, согласно мнению Деймеля, «был, наверное, подобно всем другим его коллегам, начальником военного отряда» [56]. С данным утверждением немецкого шумеролога нельзя согласиться, так как отряд шублугалов надзирателя Кака был распределен между отрядами других надзирателей [57]. Поэтому отсутствие названного надзирателя в списках военнообязанных в качестве начальника боевого отряда было, очевидно, обусловлено возрастом, который препятствовал его участию в военных действиях. Кака упоминался в качестве надзирателя уже в 3 и 4 годах правления «Энлитарзи, предшественника Лугаланды» [58]. Следовательно, предположение о преклонном возрасте названного надзирателя в 6 году Урукагины является возможным. В ведомостях выдачи ежемесячного зернового довольствия перечислялись поименно вслед за носильщиками еще около 53 мужчин и 10 женщин, получавших свое зерновое довольствие на основании «единичной таблички», то есть получали его индивидуально, а не коллективно, через надзирателей, которых они, очевидно, не имели [59]. В работе 1934 г. («Известия ГАИМК», № 97, стр. 19 и сл.) я безоговорочно включил всех лиц, получавших ежемесячное довольствие в индивидуальном порядке, в число рабов, и академик А. И. Тюменев был вполне прав, когда он не согласился с этим моим утверждением, указав на то, что в список людей, получавших ежемесячное довольствие по «единичным табличкам», входили наряду с персоналом, обслуживавшим богиню Баба и жену патеси или царя Лагаша, и представители административного аппарата, начиная с писцов и кончая сравнительно крупным чиновником, каким являлся «сукал» [60]. Высшие же чиновники, как, например, «сукал мах», то есть «сукал великий», не засвидетельствованы табличками архива богини Баба среди лиц, получавших ежемесячное довольствие в индивидуальном порядке [61]. Рядовой же сукал [62] являлся, как я уже говорил, лишь сравнительно крупным чиновником. В архиве храма богини Баба, согласно моим подсчетам, упоминается с подобным титулом 13 человек. Из двух сукалов, Лугалбиррикиага и Наммахни, получавших свое ежемесячное довольствие на основании «единичной таблички», второй имел землю [63], то есть входил в число граждан Лагаша.

---

[56] A. Deimel. Analecta Orientalia II, стр. 113.

[57] Это отмечает и сам А. Деймель. Там же, стр. 113.

[58] В DP 614 от 3 года Энлитарзи и в DP 559 от 4 года того же правителя.

[59] О числе мужчин, получавших ежемесячное зерновое довольствие по единичной табличке, см. В. В. Струве. Рабство в древнейшем Шумере, стр. 19 и прим. 179; А. И. Тюменев. Указ. соч., стр. 163, табл. 3. Данные здесь числа относятся ко 2 году Урукагины.

[60] А. И. Тюменев. Указ. соч., стр. 150, прим. 4.

[61] Упоминания о «сукале великом» мы встречаем изредка в архиве. При Лугаланде носителем титула был Энкарани (Ник. 176; DP 211; Fö. 179); при Урукагине «сукалом великим» был Урбаба (DP 133; TSA 5). Как Энкарани, так и Урбаба не имели ничего общего с людьми, получавшими ежемесячное довольствие по «единичным табличкам». Что же касается «верховного жреца дворца Укуша», который упоминается в ведомости получавших ежемесячное довольствие, то он сам не получал довольствия по этой ведомости, а получал его человек, работавший у Укуша. См. STH I, 17, об. ст. VI, 1. Не следует также включать в число высших сановников людей, называвшихся «nim», ибо «nim» соответствует этническому термину «эламитянин», как, например, Ник. 11. К написанию «nim», «эламитянин», см. в письме жреца Нинмар Луэнна о поражении, нанесенном эламитянам (л. ст. столб. III, 5). Интерпретацию текста см. В. К. Шилейко. Вотивные надписи шумерийских правителей. Птгр. 1915, стр. XX, прим. 4. См. к написанию «nim», «эламитянин», также надпись Гудеи на цилиндре А. XV, 6.

[62] По мнению А. Деймеля в «Sumer. Lexikon», 321, 4-й сукал являлся чаще придворным чиновником, чиновником патеси или царя, нежели чиновником храма. Во всяком случае, не следует видеть в рядовом сукале верховного сановника, соответствующего визирю феодального Ближнего Востока.

[63] См. DP 563, III, 6—7. Здесь сукал Наммахни покупает вместе с другими храмовыми работниками за ячмень у Шаг Шаг, жены Урукагины, шерстяную ткань. См. также Fö 183. Если же он имел зерно, за которое мог купить шерстяную ткань, то он, очевидно, имел земельный надел.

Наряду с сукалом Наммахни можно установить наличие земельных наделов и для ряда других лиц, получавших ежемесячное довольствие по «отдельным табличкам»: для слуг (гашуду) Лугалла и Лугалкагина, для «человека внутреннего дома»[64] Нигулпаэ, для человека, участвующего в процессии, Бирурму[65], для корабельщика Урнинни[66] и, наконец, для вратарей Ниггакурра и Наммахни, resp. Наммах[67]. Оба названных вратаря упомянуты в списках воинов[68], и там же встречается и их сотоварищ Губбани[69]. Надо полагать, что вратари в шумерийских городах-государствах включались в первую очередь в ряды ополчения, поскольку они так же, как и в Египте, играли роль полиции и были поэтому опытны в употреблении оружия.

Не только вратари, но и ремесленник, а именно строитель (адэ) Шагнугал, получавший ежемесячное довольствие, был включен в число воинов[70]. Следует отметить, что в ополчение храма богини Баба входило все боеспособное мужское население, владевшее земельными наделами, то есть наряду с людьми, занимавшимися земледельческим трудом, и ремесленники всех родов, как на это справедливо указал академик А. И. Тюменев[71]. В данном отношении шумерийские города-государства ничем не отличались от греческих городов-государств, в ополчение которых включались и ремесленники, и один лишь Лакедемон представлял собой исключение, так как его полноправные граждане не должны были заниматься ремесленным трудом[72].

Среди лиц, получавших ежемесячное довольствие в индивидуальном порядке, находились, как я уже выше отметил, и женщины, среди которых было несколько прислужниц (хартуд) богини Баба[73]. Из них Этеме, Ниналшаг и Бабалушагга были упомянуты в документе DP 563, перечислявшем ряд лиц, получавших ежемесячное довольствие, в качестве обладателей значительных запасов зерна, то есть имевших, очевидно, земельный надел[74]. Надо полагать, что должность прислужницы (хартуд) богини Баба, а также жены патеси или царя была настолько почетной, что ею могла не гнушаться и свободная женщина. Поскольку же хартуд по характеру своей работы была занята круглый год, то она

---

[64] Буквально: «дом сердца», очевидно, одно из внутренних помещений храма.

[65] Все четверо — Лугалла, Лугалкагина, Нигулпаэ и Бирурму — упоминаются вместе с сукалом Наммахни в документе DP 563 в качестве покупателей за ячмень шерстяной ткани.

[66] Согласно документу DP 475, заведующий храмовым хозяйством Энигал поручает ему доставку дерева, то есть создается впечатление, что корабельщик Урнинни действовал как свободный представитель храмового персонала.

[67] Они оба включены в ведомость получения зерна людьми с земельным наделом от 1 года патесиата Урукагины (STH I, 6).

[68] Наммах встречается по 2 раза в двух списках воинов (DP 136, IX, 6, X, 5 и Ник., 3 об. ст. V, 11, VI, 6) и каждый раз без указания профессии или должности, но я согласен с академиком А. И. Тюменевым (Указ. соч., стр. 156, прим. 6), что один из них тождествен с вратарем Наммахом, resp. Наммахни из ведомостей выдачи ежемесячного довольствия. Товарищем этого вратаря Наммаха и являлся, как я полагаю, перечисленный в списках военнообязанных DP 135 и Ник. 14 Ниггакурра, хотя имя его также приводится без указания его профессии.

[69] Я полагаю, что Губбани, упомянутый в списке воинов DP 136 от 5 года Урукагины, тождествен с вратарем Губбани ведомостей ежемесячной выдачи зернового довольствия, например, TSA 14 и других.

[70] Строитель Шагнугал перечисляется среди людей, получавших ежемесячное довольствие по «единичным табличкам», в документах STH 1, 18 и DP 115 от 6 года Урукагины. В списке воинов Ник. 3 от 5 года Урукагины он упоминается в четвертой строке третьего столбца оборотной стороны. Наличие земельного надела у него засвидетельствовано документами Ник. 44 от 1 года Лугаланды и TSA 7 от 4 года Урукагины.

[71] А. И. Тюменев. Указ. соч., стр. 156.

[72] См. рассказ Плутарха в биографии Агесилая, гл. 26.

[73] См., например, табличку TSA 14, содержащую четвертую выдачу ежемесячного довольствия от 4 года Урукагины.

[74] Этеме в качестве обладательницы земельного надела упоминается в документах STH I, 40 и VAT 4625 (Or. I, № 6, стр. 19) от 1 года Урукагины.

и получала свое довольствие ежемесячно [75]. Очевидно, в таком же положении находились и те перечисленные выше представители храмового персонала с земельными наделами, которые, как прислужницы богини Баба, получали ежемесячное довольствие. Выполняя круглый год свои обязанности, они получали зерновое довольствие каждый месяц, а не 4 раза в год, подобно основной массе работников храма, имевших свои земельные наделы.

Все прочие, примерно 34 мужчины и 7 женщин, перечисленных в ведомостях ежемесячной выдачи довольствия по «единичным табличкам», не упоминаются ни в списках людей с земельным наделом, ни в списках военнообязанных, а поэтому можно предположить, что они не обладали «землей кормления» и не входили в состав ополчения Лагаша, то есть были рабами. Правда, они являлись рабами, находившимися в более привилегированном положении, нежели общая масса рабов, поскольку трудились без наблюдения со стороны надзирателей. Отсутствие последних, очевидно, обусловлено характером их труда, ибо они были, с одной стороны, представителями обслуживающего персонала (например, парикмахеры, пекари, носильщики питьевой воды), а с другой стороны, ремесленниками (ваятели, кузнецы, столяры и т. д.) [76].

Рабами же в самом полном смысле этого слова в обществе Лагаша времени правления Лугаланды и Урукагины являлись игинуду и носильщики, так как положение их характеризуется тремя признаками, которые были выше установлены в качестве основания для включения тех или иных работников храмового хозяйства богини Баба в число рабов. На самом деле и игинуду («не поднимающие глаз») и носильщики в основной своей массе не имели земельных наделов ни коллективных, ни индивидуальных, поскольку они не перечислялись в списках выдачи ячменя вместе с людьми, имевшими наделы, «земли кормления». Конечно, имелись редкие исключения, и мы нашли, как уже отмечалось, среди документов хозяйственной отчетности архива храма богини Баба упоминания о трех игинуду, которые владели небольшими земельными наделами. Это были те немногие рабы, которые, согласно оценке администрации храма, заслуживали выделения из общей массы своих товарищей по несчастью. Последние же, как «игинуду гиш», «игинуду дерева», то есть «игинуду-садоводы», так и «игинуду гишкинти», то есть «игинуду-ремесленники», а также и носильщики работали организованными отрядами под начальством надзирателей. «Игинуду-садоводы» трудились под наблюдением «ну-кири», садовников, как это мы выше видели; «игинуду-ремесленники» — под наблюдением «гиштугпикарра», прачечников, о которых речь будет впереди, и, наконец, носильщики, мужчины и женщины, под наблюдением надзирателей (угула) носильщиков. На основании списков лиц, входивших в ополчение храма богини Баба в годы правления Урукагины, можно установить, что игинуду и носильщики не привлекались к военной службе.

Таким образом, все три признака, определявшие раба в храмовом хозяйстве богини Баба эпохи Урукагины, соответствуют чертам, характеризующим положение игинуду и носильщиков. Поэтому я на основании сказанного и считаю себя вправе утверждать, что игинуду и носильщики являлись действительно рабами. Согласно же свидетельству нескольких отдельных дошедших до нас документов, которых я уже

[75] Тем не менее в рабовладельческом обществе люди, обслуживавшие самого хозяина, рассматривались в качестве рабов, поэтому и прислужницы были включены как мы выше видели, в итоговой части документов STH I, 24 и TSA 13, в число рабынь.

[76] Следует указать, что и пекари и ремесленники, перечисленные в списках людей с земельными наделами, не имели надзирателей. О составе людей, получавших ежемесячное кормление по «единичным табличкам», см. В. В. Струве. Рабство в древнейшем Шумере, стр. 19; А. И. Тюменев. Указ. соч., стр. 150.

вкратце касался, игинуду могли стать предметом купли и продажи. Так, в одной из табличек, датированной 6 годом правления Лугаланды, жена последнего Барнамтарра купила у садовника Нигинмуда за 15 сиклей серебра одного игинуду. Сделка была закреплена несколькими свидетелями, имена которых перечислены [77]. В другой, недатированной табличке та же Барнамтарра купила у другого садовника по имени Ургир еще одного игинуду также за 15 сиклей серебра. В этом чрезвычайно кратком документе не перечислены свидетели, закрепившие сделку [78].

Опираясь на эти два документа, мы можем сделать вывод, что садовники (ну-кири), выступавшие, как было отмечено, в качестве надзирателей игинуду хозяйства богини Баба, могли быть также собственниками подобных людей. Я решаюсь настаивать на данном выводе, так как в специальной литературе имело место отрицательное суждение о возможности того, чтобы частные лица могли стать собственниками игинуду. В связи с этим было высказано предположение, что садовники, работавшие в хозяйстве богини Баба, «приобретали игинуду в качестве садовых работников именно для этого хозяйства» [79]. Надлежит признать, что подобное предположение едва ли может быть согласовано со свидетельством первого из только что приведенных документов о купле и продаже игинуду. В самом деле, если бы один из контрагентов данной сделки, садовник Нигинмуд [80], приобрел упомянутого в документе игинуду в качестве садового работника для хозяйства жены правителя Лагаша, то, конечно, для подобной операции в пределах одного и того же хозяйства не потребовалось бы ее закрепления 5 свидетелями, среди которых был сам заведующий хозяйством Барнамтарры — Энниггал [81].

Для более точного определения содержания термина «игинуду» является существенным документ Ник. 293, датированный, как и вышеприведенный документ, 6 годом Лугаланды [82]. Мы читаем здесь: «(Л. ст.) 1 (1) 1 мину чистого серебра (2) за продажу игинуду (3) Урэнинни (4) торговый агент дома жены правителя [83] (5) унес II (1). Из них: Это 1 игинуду (2) 14 сиклей серебра (3) он (то есть Урэнинни) принес для себя (4). Урки (5), садовник [84] (6), унес (7). Это 1 раб [85] (Об. ст.) (1)

---

[77] Fö, 144. Перевод и транскрипцию см. R. Scholtz. Die Strucktur der sumerischen engeren Verbalpräfixe (в дальнейшем: SSEVP). Т. 39, вып. 2. «Mitteilungen der Vorderasiatisch — Aegyptischen Gesellschaft». Лейпциг. 1934, стр. 170. См. также M. Lambert. R. Ass. T. XLVII, 1953, стр. 66—67. Об упомянутом здесь садовнике Нигинмуде я скажу ниже несколько слов.

[78] Fö, 141. Перевод и транскрипцию текста см. SSEVP, стр. 58—59 и M. Lambert. R. Ass. T. XLVII, 1953, стр. 66—67. В собранном мной материале имен архива храма богини Баба имя Ургир я встретил только здесь.

[79] А. И. Тюменев. Указ. соч., стр. 146, прим. 4.

[80] Садовник Нигинмуд имел брата Урну, также садовника, согласно свидетельству DP 187. Вместе с братом Нигинмуд был включен в ведомости людей, получавших ежемесячное довольствие. См. Ник. 2; TSA 15; TSA 16; DP 114. Он и его брат Урну были не только садовниками, но также и огородниками. Они были свободными людьми, хотя и получали ежемесячное довольствие. Дело в том, что они были включены, согласно свидетельству документа DP 120, в ряды ополчения храма Баба.

[81] На основании данного соображения R. Scholtz (SSEVP, стр. 170) и включил этот документ в число юридических текстов, определив его документом реальной сделки по купле-продаже.

[82] Пересказ документа дали М. В. Никольский («Документы хозяйственной отчетности древнейшей эпохи Халдеи», стр. 45) и А. Деймель («Sumerische Grammatik». Рим. 1924, стр. 281). Транскрипцию и перевод текста дали R. Scholtz (SSEVP, стр. 59) и M. Lambert (R. Ass. T. XLVII. 1953, стр. 66—67).

[83] Имя торгового агента («дамкара») Урэнинни встречается часто в документах архива храма богини Баба, свидетельствуя тем самым о значительной роли, которую играл обмен в экономике Шумера в последний век досаргоновской эпохи. Урэнинни был не только «дамкаром», но и «великим дамкаром».

[84] Садовник Урки, руководитель отряда игинуду — садовых работников, засвидетельствован многочисленными документами архива Баба.

[85] Буквально: «мужская голова». Рабы обозначались головами, подобно скоту, и в Южном Междуречье и в Египте.

1/3 мины серебра (2) он (то есть Урэнинни) принес для себя (3). Лугалда (4), пастух руноносных овец 86 (5) унес (6). Это игинуду (7) 14 сиклей II (1) он (то есть Урэнинни) принес для себя (2). Анаму (3), садовник 87 унес. 6 (год)».

Мы узнаем, таким образом, из данного документа, что термин «игинуду» мог иметь и более широкое значение, включая в свое содержание не только несвободных садовых работников, но также и домашних рабов. Конечно, обычно «игинуду» обозначал раба, трудившегося на плантациях финиковых пальм, правда, для большей точности требовалось еще указание на то, что он был «игинуду-гиш», то есть «игинуду дерева». Поскольку же садовники имели своих собственных игинуду, то они, очевидно, могли иметь иногда небольшие садовые участки, а в случае ненадобности помощи со стороны своих игинуду могли, подобно упомянутым садовникам Ургиру и Нигинмуду, продать их тому большому хозяйству, в котором они работали.

Не только путем купли в соседних Шумеру областях пополнялись ряды рабов в Лагаше, они могли пополняться, во всяком случае при предшественниках Урукагины, путем купли детей у их родителей, о чем свидетельствуют две таблички, дошедшие до нас из архива храма богини Баба. Первый из этих документов восходит ко времени предшественника Лугаланды Энлитарзи, а второй — ко времени Лугаланды 88. Оба документа содержали договоры о купле женами названных правителей Лагаша одного gala у их отцов. Согласно свидетельству шумерийских источников, gala являлись храмовыми певцами 89, и, вероятно, обе знатные женщины покупали себе молодых певцов для своего личного услаждения. В первом случае покупная цена певца равнялась 20 сиклям серебра и обильному продовольствию, а во втором — 10 сиклям серебра, и, кроме продовольствия, отдавался еще небольшой земельный участок в 1/3 гектара. Подобных договоров от времени правления Урукагины до нас не дошло, и надо полагать, что подобные случаи купли детей у их родителей, бывших гражданами Лагаша, являлись одним из фактов ростовщичества со стороны класса крупных рабовладельцев, с которым боролся царь-реформатор 90.

Наряду с куплей источником пополнения рабов в Шумере были, несомненно, и войны, которые велись между отдельными городами-государствами, с воинственными кочевниками окружающих степей, а также с горцами Востока. Правда, высказывалось предположение, отрицающее захват пленных во время войн между шумерийскими городами-государствами. Оно было аргументировано ссылкой на свидетельство знаменитой стелы коршунов и песни-плача о разгроме области Лагаша после поражения Урукагины 91. Подобное предположение, ставящее шумерийский народ в особое положение среди прочих народов древности, не может не вызвать сомнения, поскольку и ссылка на указанные памятники не является вполне убедительной. На самом деле надпись на стеле

86 Пастух руноносных овец Лугалда засвидетельствован еще в DP 259, но мы имеем основание видеть в «Лугалда» сокращение имени «Лугалданумеа», засвидетельствованного многочисленными документами архива храма Баба.

87 Анаму являлся главным садовником храмового хозяйства богини Баба; это засвидетельствовано многочисленными документами, часть которых рассмотрена выше.

88 Первый был издан Ф. Тюро-Данженом в RTC под № 17. Его транскрипцию и перевод дал M. Lambert (R. Ass. T. XLVII. 1953, стр. 112—113). Второй текст VAT 4434 транскрибирован и переведен A. Deimel в «Sumerische Grammatik» (стр. 173). См. также M. Lambert. (R. Ass. T. XLVII, стр. 112, 113).

89 К значению «gala» см. «Sumer. Lexikon». 211, 89. Урукагина, царь-реформатор Лагаша, проявил специальную заботу по отношению к «gala» в своей большой надписи от 1 года царствования, увековеченную на цилиндрах B и C.

90 В моей работе, посвященной интерпретации и комментарию исторических надписей Урукагины, я попытаюсь выявить подлинную тенденцию реформ его, которая в последнее время определяется недостаточно четко

91 А. И. Тюменев. Указ. соч., стр. 160.

коршунов в лапидарном стиле [92] подчеркивает кровопролитность битвы между Лагашем и Уммой, а поэтому и отмечает лишь число убитых врагов, а не количество захваченных пленных. Что же касается песни-плача о разгроме области Лагаша, то здесь автор текста, сторонник царя-реформатора, с ужасом повествует о пролитии крови в храмах несчастной страны, то есть о самом страшном кощунстве, которое можно было совершить в храме, где жители побежденной страны искали спасения от гибели [93]. Конечно, в подобном поэтическом тексте, подчеркивавшем греховные деяния врагов в храмах богов области Лагаша, не было места для упоминания о захвате пленных. О захвате же пленных на поле битвы свидетельствуют с несомненностью изображения на так называемом штандарте, раскопанном в Уре [94] и датируемом эпохой I династии Ура, которая, как теперь установлено, была хронологически не столь отдалена от времени правления царя Лагаша Урнанше (около 2500 г. до н. э.) [95]. К более древнему времени восходят изображения, украшавшие стены дворца города Киша, и здесь мы находим изображения пленных, которых связанными подводят к царю [96].

Несомненно, в Шумере, так же как и в Греции, при захвате враждебного города убивали нередко мужчин как опасных противников и уводили в плен преимущественно женщин и детей. Так, Фукидид (V, 116) повествует, что афиняне умертвили всех захваченных взрослых мелиян, а детей и женщин обратили в рабство. Точно так же поступали в середине XIX в. работорговцы в Африке, согласно свидетельству H. Barth'a, который сообщает, что во время одной из таких охот за рабами «взрослые мужчины были безжалостно убиты или же их оставляли истекать кровью, обрубая им одну из ног; число их равнялось 170» [97].

Но в рабовладельческий период истории человечества, конечно, не всегда всех военнопленных мужчин убивали, и для Шумера факт использования военнопленных мужчин в качестве рабов засвидетельствован табличкой DP 339, датированной четвертым годом Урукагины. В данном документе перечисляются поименно 12 игинуду, а в заключительной его части называется место их происхождения — город Уру-аз, то есть «Город собаки». Последний упоминается в ряде надписей великого правителя Лагаша Эаннатума в числе тех городов, которые он разрушил. Надписи отмечают, что во время разгрома города правитель его был убит Эаннатумом. Стало быть, в войне Эаннатума с вечным врагом Лагаша — с Уммой — Уру-аз был на стороне последнего. Врагом же Лагаша город Уру-аз являлся, надо полагать, и во время той войны, которая велась в годы царствования Урукагины между Лагашем и Уммой. В результате удачных боевых действий войск Лагаша и имело место, очевидно, новое поражение города Уру-аз, а в связи с этим пленение некоторого количества его граждан, ставших тем самым игинуду, то есть рабами, в Лагаше [98].

---

[92] Стела коршунов, увековечившая сокрушительную победу Эаннатума, древнего правителя Лагаша, над соседней Уммой, сделана из камня, и поэтому стиль надписи ее лапидарен. Она дошла до нас в весьма разрушенном виде, поскольку была разбита врагами после одного из поражений Лагаша. См. L. Heuzey, F. Thureau-Dangin. Restitution materielle de la Stèle des Vautours. Paris. 1909.

[93] Текст был издан и переведен Ф. Тюро-Данженом в R. Ass. (T. VI, стр. 26 сл.).

[94] Изображение этого замечательного памятника дано в I томе «Всемирной истории» (см. таблицу, приложенную к стр. 193). В верхнем ярусе памятника изображен царь, к которому приводят пленных.

[95] Согласно Th. Jacobsen («Zeitschrift für Assyriologie». T. 52, 1957, стр. 125, прим. 73), начало династии Урнанше царя Лагаша и начало I династии Ура примерно одинаковы по времени.

[96] C. L. Wolley. Vr 5000 Jahren. 13-е издание. Штутгарт, стр. 30 и табл. 3.

[97] H. Barth. Reisen u. Entdeckungen in Nord-u. Central Africa in den Jahren 1849—1855. T. I. Gotha. 1857, стр. 175.

[98] См. В. В. Струве. Основные вехи войны Урукагины и Лугальзаггиси, стр. 5 сл. Там дано более обстоятельное исследование, посвященное документу DP 339. В этой

Следовательно, документ DP 339 доказывает, что часть игинуду рекрутировалась из числа военнопленных, которые вместе с купленными игинуду сливались в однообразную массу эксплуатируемых людей нелагашского происхождения. Но документ DP 339 интересен еще и тем, что не все имена перечисленных здесь игинуду являются шумерийскими [99], и этот факт должен служить коррективом утверждения, что имена игинуду были чисто шумерийскими [100]. Вообще же следует подчеркнуть, что для решения вопроса об этнической принадлежности рабов в Шумере их шумерийские имена не являются решающим аргументом. На самом деле в табличке Ник. 11 [101] перечислены поименно 5 лиц, названных «ним», «эламитянами», но два из них носят шумерийские имена: Алла и Несаг. Поэтому нельзя опровергнуть положение, что игинуду и носильщики храма богини Баба были рабами, указанием на наличие у них шумерийских имен. Подобный аргумент не может опровергнуть положение, что игинуду и носильщики являлись рабами, поскольку они были оторваны от земли, работали под наблюдением надзирателей и не включались в ряды ополчения.

Академик А. И. Тюменев с полным основанием указал в одной из глав своего труда, посвященной государственному хозяйству III династии Ура, на подлинную причину наличия шумерийских имен у рабов нешумерийского происхождения. Рассматривая состав работников и административный персонал царского хозяйства III династии Ура, А. И. Тюменев обратил внимание на то, что gim, то есть рабыни, перечисленные в постоянных партиях, организованных в царском хозяйстве, имели шумерийские имена. В противоположность же им военнопленные женщины, пребывавшие временно в лагере для военнопленных, носили не шумерийские, а эламские, семитические и другие иноплеменные имена [102]. Из этих двух фактов академик А. И. Тюменев сделал весьма остроумный и вместе с тем вполне правдоподобный вывод, «что при включении пленных женщин в постоянные партии гим, рабынь, они получали шумерийские имена, образованные обычно по типу «гим дингир» («рабыня бога или богини»)» [103]. Если же такова была практика переименования иноплеменных рабынь и, надо полагать, также иноплеменных рабов в эпоху III династии Ура (2132—2024 гг. до н. э.) [104], то она, несомненно, имела место в Шумере и в досаргоновскую эпоху.

работе в прим. 11 на стр. 5 я не отметил, что указанный документ был еще транскрибирован и переведен М. Ламбером в его статье «Textes commerciaux de Lagash (époque présargonique» (R. Ass. XLVII, 1953, стр. 68—69). Французский шумеролог включил здесь указанный документ в число «коммерческих текстов», хотя в его содержании не имеется никаких моментов какой-либо сделки, связанной с куплей и продажей. Наоборот, это определенно административный документ, подводивший итог распоряжениям Урукагины о передаче 12 игинуду из ведения дворца, то есть царя, в ведение царицы Шаг Шаг. Правда, М. Ламбер поставил названный документ в связь с выше приведенными документами — Ник. 293, Fö 141 и 144,— содержащими сделки о купле и продаже рабов, но ни в одном из них нет указания на связь их с городом Уру-аз, а поэтому они могут быть связаны с любым городом южного Междуречья или соседней с последним области.

[99] На это обратил внимание R. Scholtz в SSEVP, стр. 62, прим. 3 к DP 339 и M. Lambert в R. Ass. T. XLVII, 1953, стр. 68, прим. к DP 339.

[100] А. И. Тюменев. Указ. соч., стр. 149, прим. 1.

[101] Я указал уже выше, что «nim» в документе Ник. 11 не следует интерпретировать «высшим сановником», поскольку «nim» соответствует этническому термину «эламитянин».

[102] См. В. В. Струве. Лагерь военнопленных женщин. «ВДИ», 1952, № 3, стр. 12—15.

[103] А. И. Тюменев. Указ. соч., стр. 281.

[104] Несомненно, в годы правления этой династии, заполненные постоянными войнами, было включено в царско-храмовое и в частное хозяйство немало иноплеменных рабов, но в многочисленных документах хозяйственной отчетности, дошедших до нас от времени III династии Ура, встречаются весьма редко рабы с нешумерийскими именами.

то есть до 2350 г. до н. э. Мы должны учесть для эпохи Урукагины и его предшественников еще и политическое состояние Шумера, ибо тогда Южное Междуречье не было объединено в одно централизованное государство и между отдельными городами-государствами Шумера велись постоянные войны, а поэтому среди рабов, ставших таковыми в результате войны, было немалое количество людей шумерийской народности.

В связи с вопросом о шумерийских именах у рабов храмового хозяйства богини Баба надо принять во внимание еще и то обстоятельство, что многие из этих рабов являлись «доморощенными», то есть были детьми рабынь храмового хозяйства, и им при рождении надзиратели давали, что вполне естественно, шумерийские имена. Вместе с тем следует отметить, что потомство рабынь служило в Шумере, как и во всех других рабовладельческих обществах, вполне определенным источником пополнения класса рабов. Об обилии этого источника для увеличения количества рабов храмового хозяйства богини Баба свидетельствует тот факт, что во втором году Урукагины насчитывалось у 143 рабынь 37 детей мужского пола и 49 детей женского [105]. Я уже отмечал, что некоторые группы игинуду получали сравнительно большое довольствие и размеры выдачи им шерсти равнялись 4 минам, которые получали и свободные представители персонала храма богини Баба, и объяснял это, с одной стороны, тяжелой физической работой, а с другой — отсутствием земельного надела, на котором они могли держать мелкий скот.

Сравнительно обильное зерновое продовольствие, получаемое игинуду, значительно сократилось в 6 году царствования Урукагины [106], когда запасы зерна в государственных закромах стали подходить к концу, а обработка полей должна была прекратиться из-за длительного пребывания врага в области Лагаша. Довольствие носильщикам не было уменьшено в 6 году [107], так как уменьшение его, очевидно, грозило им потерей трудоспособности [108], в то время когда труд их требовался в еще большей степени: надо было носить землю, кирпич и т. д., необходимые для усиления укреплений осажденного города. Труд же игинуду не требовался в такой степени в условиях осады города, поскольку работа в садах сократилась, а работа прачечников была не столь необходима, и поэтому игинуду получали сокращенный паек.

Подобное сокращение ежемесячной выдачи зерна игинуду должно было вызвать их недовольство и породить у них в случае возможности стремление к бегству. Поэтому уже априори можно предположить, что они стали перебегать к врагу во время войны с Уммой и особенно тогда, когда враг начал вторгаться в область Лагаша и пребывать здесь длительное время. Так ведь поступали и афинские рабы, когда во время Пелопоннесской войны враги на длительное время обосновались в Аттике [109]. Это априорное предположение находит свое подтверждение в том факте, что число игинуду-садоводов в 46 человек во 2 году Урукагины [110] начало в последующие годы его царствования уменьшаться, согласно сви-

---

[105] В. В. Струве. Рабство в древнейшем Шумере, стр. 23.

[106] Во 2 году Урукагины игинуду-садоводы получали 48 мер, а игинуду-ремесленники получали 96 мер зерна (DP 113); в 12 месяце 6 года Урукагины и игинуду-садоводы и игинуду-ремесленники получали лишь 36 мер ячменя. См. TSA 13.

[107] Согласно свидетельству DP 113 от 2 года Урукагины и TSA 13 от 6 года Урукагины, они получали 36 мер ячменя.

[108] Надо полагать, что месячное довольствие в 36 мер (около 27 кг) ячменя было минимальным довольствием для человека, занимавшегося тяжелым физическим трудом.

[109] Я высказал подобное предположение уже в работе «Проблема зарождения, развития и разложения рабовладельческих обществ Древнего Востока» («Известия ГАИМК», 1934, 77, стр. 51 и стр. 97, прим. 99).

[110] См. документ DP 113, содержащий выдачу довольствия 8 месяца 2 года Урукагины. Здесь в столбцах I—III, 3 перечисляются выдачи игинуду-садоводам.

детельству документов хозяйственного архива храма богини Баба [111], и достигло наконец в 6 году его правления, когда военное счастье окончательно изменило Урукагине, лишь 12 человек [112]. Результатом подобного уменьшения количества игинуду и явилось следующее мероприятие администрации храмового хозяйства: несколько поредевших отрядов игинуду были объединены в один отряд. Таким образом, в ведомостях ежемесячной выдачи зернового довольствия игинуду, носильщикам и людям, получавшим его, согласно единичной табличке, число отрядов игинуду-садоводов начало сокращаться уже с 3 года царствования Урукагины [113], пока наконец в 6 году царя-реформатора был включен в соответствующую ведомость лишь один отряд игинуду-садоводов под начальством старшего садовника Анаму [114]. Игинуду-ремесленники находились в несколько ином положении по сравнению с игинуду-садоводами в отношении возможностей к бегству. Дело в том, что они по характеру своих занятий пребывали на территории самого города и поэтому находились под более интенсивным наблюдением администрации храма, нежели игинуду-гиш, работавшие на плантациях финиковых пальм. Поэтому число игинуду-ремесленников с 39 человек во 2 году Урукагины [115] упало к 5 году лишь до 30 человек [116]. В 6 году Урукагины число игинуду-ремесленников возросло снова до 39 человек [117], как и во 2 году Урукагины. Я полагаю, что данное увеличение их числа прошло за счет тех 9 дуатаров, которые были сняты в 6 году с ликвидированных 6 отрядов игинуду-садоводов, имевшихся в распоряжении хозяйства богини Баба еще в 5 году Урукагины [118].

Носильщики оказались в еще более неблагоприятных условиях в отношении возможности бегства, нежели игинуду-ремесленники, поскольку они в первую очередь привлекались для переноски материала в целях восстановления и усиления укреплений города [119]. Поэтому число носильщиков-мужчин во 2 году Урукагины [120] снизилось к 6 году лишь до 15 [121], то есть количество их оставалось в течение 4 лет почти стабильным. В противоположность носильщикам, характер работы которых был четко определен, занятия игинуду-садоводов были разнообразны. Так, согласно надписи конусов В и С Урукагины [122], игинуду-садоводы следили за использованием воды колодцев и кэризов, а один из игинуду, по имени

[111] Согласно STH I, 17, в 3 году Урукагины насчитывался 41 игинуду-садовод, согласно TSA 14, в 4 году — 35 человек, а в 5 году, согласно DP 114,— опять 41 человек. Надо полагать, что в 5 году своего царствования Урукагина имел некоторый успех, отбив и второе вторжение врага в область Лагаша (см. В. В. Струве. Основные вехи войны Урукагины и Лугалзаггиси, стр. 12), и в результате этой победы он смог увеличить число игинуду в царско-храмовом хозяйстве.

[112] TSA 13, 12-я выдача довольствия 6 года Урукагины насчитывает 12 игинуду-садоводов под надзором неоднократно упомянутого мной Анаму.

[113] Во 2 году Урукагины, согласно DP 113, насчитывалось в хозяйстве храма богини Баба всего 8 отрядов игинуду-садоводов. В 3, 4 и 5 годах (STH I, 17; TSA 13 и 14) число их уменьшилось до шести.

[114] Любопытно, что в документе TSA 13 от 6 года Урукагины, отмечавшем, как я уже указал, лишь 12 игинуду-садоводов, отсутствуют, таким образом, 29 игинуду-садоводов по сравнению с документом DP 114 от 5 года, упоминавшим всего 41 игинуду-садовода. Надлежит также отметить, что вместе с этими 29 игинуду-садоводами исчезли в ведомости TSA 13 также и 11 садовников и дуатаров, которые получали свое зерновое довольствие вместе с игинуду.

[115] Раздел об игинуду-ремесленниках см. DP 113, III, 4—13.

[116] См. DP 114, III, 6—12.

[117] STH I, 18, 1-й столбец.

[118] См. сказанное мной в прим. 114.

[119] В 6 году один из носильщиков Шуна был, кажется, включен в ряды ополчения Лагаша. См. DP 135, IV, 14. В 6 году Урукагины, когда сила сопротивления Лагаша в борьбе с Уммой и Уруком стала ослабевать, могли включаться в ряды ополчения и люди, в обычное время не имевшие права носить оружие. См. прим. 53.

[120] См. DP 113, III, 14 — VII, 9.

[121] См. TSA 13, III, I—III, 2.

[122] Кон. В, VII, 20 сл. При предшественниках Урукагины они устанавливали расход воды даже тех колодцев и кэризов, которые были созданы личным трудом шубулугалов, то есть общинников.

Адда, должен был мельчить или крушить зерно у пивовара Амаркишкара [123]. Ряд документов говорит о том, что игинуду-садоводы рубили деревья. Поэтому является закономерным предположение, что они занимались также обработкой дерева [124]. Самым же основным занятием игинуду-гиш было садоводство в подлинном смысле этого слова [125]. Среди игинуду-садоводов выделялась особая категория работников, которые назывались «иги-нукири», то есть «глаз садовника» [126]. Они, надо полагать, выполняли более сложные работы, связанные с садоводством. Помощниками садовников, надзирателей отрядов игинуду, выступали, как мы выше видели, «дуатары», один из которых был уже мной упомянут, так как он был перечислен в документе RTC 54 от 6 года Лугаланды вместе с 5 садовниками-надзирателями среди людей, имевших земельные наделы. Он был, очевидно, выделен за какие-то заслуги среди прочих 7—8 дуатаров, которыми располагало хозяйство Барнамтарры, жены Лугаланды. Термин «дуатар» обычно интерпретируется как «землекоп» [127], но я полагаю, что его надлежит понять иначе: дуатары — это люди, которые «насажденное отделяли, resp. собирали», то есть они выполняли ответственную работу по собиранию фиников и тем самым являлись помощниками садоводов-надзирателей. Дуатары, за исключением дуатара, упомянутого в документе RTC 54, являлись рабами, поскольку они трудились под наблюдением садовников-надзирателей, не имели земельных наделов и не привлекались к военной службе. Что же касается дуатара таблички RTC 54 от 6 года Лугаланды, то он был, очевидно, приравнен до некоторой степени к свободным представителям населения Лагаша. Его положение можно, пожалуй, сравнить с положением двух садовников — Урну и Нигинмуда,— которые хотя и получали довольствие по ведомости, совместной с игинуду и носильщиками, но были, тем не менее, включены во 2 году Урукагины в ряды ополчения [128], а один из них — Нигинмуд — был, как мы выше видели, рабовладельцем.

Я в общих чертах рассмотрел все самые существенные данные, которые можно извлечь из источников о садоводстве в хозяйстве храма богини Баба при Лугаланде и Урукагине. Подводя итог сказанному и учитывая свидетельства приведенных мной источников, я имею право высказать вполне определенное суждение, что основной рабочей силой, примененной в садоводстве храмового хозяйства богини Баба указанной эпохи, был труд рабов. Установление уже одного этого факта может в сильнейшей степени подкрепить положение, что эксплуатация собственно рабского труда в обществе Шумера той эпохи играла действительно существенную роль. В самом деле, садоводство с его плантациями финиковых пальм занимало в хозяйстве древнего Южного Междуречья, так же как и современного Ирака, одно из первых мест. Недаром Страбон сообщал в своем географическом труде (XVI, гл. 1, 14), что в Вавилонии, чрезвычайно богатой ячменем, «все остальное дается пальмой, именно из нее приготовляется хлеб, вино, уксус, мед, мука и всякого рода плетеные сосуды. Орехи пальмовые служат для кузнецов вместо углей, а будучи размягчены, дают корм для скота, как для быков, так и для овец. Говорят, есть даже какая-то персидская песня, в которой насчитывается триста

---

123 TSA 10, об. ст. II, 5—6 и TSA 12, об. ст. III, 2.

124 DP 410 и следующие документы этого издания. Здесь упоминаются их надзиратели-садовники Этаэ, Урки и др. и сады этих последних. Деревья рубили, конечно, не надзиратели, а игинуду, их подчиненные.

125 См. документы, собранные А. Деймелем в Or. 1 (№ 16, стр. 45 сл.).

126 Genouillac. TSA, стр. XXXIV.

127 Ср. A. Deimel, Or. I (№№ 34—35, стр. 117—118).

128 См. DP 120, IX, 15—16. Они входили в отряд, возглавленный старшим садовником Анаму. Поскольку в предшествующем тексте таблички были перечислены отряды шублугалов, то можно предположить, что данный документ свидетельствовал о частной мобилизации ополчения Лагаша, проведенной во 2 году царствования Урукагины, когда началась война с Уммой.

шестьдесят употреблений пальмы». Сообщение об этой песне восходит к Платону (Пир VIII, 4, 5), а у Платона, как это установлено, был ученик из Вавилонии [129]. О значении фиников для продовольствия говорил и Ксенофонт в своем Анабасисе (кн. III, 14—16). Известный немецкий ассириолог B. Meissner подчеркивает, что в Вавилонии «финики являлись главной частью человеческой пищи» [130]. Поэтому рабы, которые своим предельно тяжелым трудом [131] обеспечивали население Шумера одним из самых существенных для жизни пищевых продуктов, никак не могут быть скинуты историком со счетов при определении характера производственных отношений этого древнего общества. Подчеркнув данный момент, имеющий столь большое значение для установления удельного веса рабского труда, надлежит сугубо отметить еще и тот факт, что труд игинуду, то есть подлинных рабов, отнюдь не ограничивался одним лишь садоводством. Как я уже отмечал, в хозяйстве Барнамтарры при Лугаланде и в хозяйстве богини Баба при Урукагине имелись наряду с игинуду-гиш, то есть игинуду-рабами, трудившимися в садах, еще и игинуду-гишкинти, то есть игинуду-ремесленники, занятые на других работах. Было, правда, в специальной литературе высказано предположение, что и игинуду-ремесленники были связаны с садоводством и, в частности, занимались первоначальной обработкой деревьев, поступавших с садовых плантаций на склады. Надо, однако, заметить, что в документах архива храма богини Баба, связанных так или иначе с садоводством, упоминаются надзиратели, называвшиеся «садовниками» и являвшиеся, судя по их именам, теми лицами, которые, согласно свидетельству многочисленных документов, стояли во главе отрядов игинуду-садоводов [132].

Что же касается игинуду-гишкинти, то есть игинуду-ремесленников, то они были при Лугаланде и в год патесиата Урукагины организованы в один отряд, возглавленный надзирателем по имени Урдунпаэ [133], а в последующее время были распределены между тремя отрядами, первый из которых возглавлял уже упомянутый Урдунпаэ, а второй и третий — надзиратели Амарэзен и Этаэ [134]. В ведомостях выдачи зерна от времени

---

[129] Установлено на основании свидетельства одного из папирусов из Геркуланума, сохранившего список учеников Платона.

[130] B. Meissner. Babylonien u. Assyrien. T. I. Гейдельберг. 1920, стр. 206.

[131] Благодаря любезности аспиранта Института востоковедения АН СССР А. И. Еланской я мог ознакомиться с любопытным коптским текстом, который свидетельствует о тяжести труда на плантациях финиковых пальм. Мы читаем в тексте (Leipoldt, Sinuthii archimandritae vita et opera omnia, IV Corpus scriptorum christianorum orientalium, 73, Scriptores coptici, textus, series secunda, tomus V, стр. 74): «Что касается людей, которые очень утруждаются, выполняя работы, то ли срезая тростник, то ли срывая пальмовые листья или принося (плоды) с финиковых пальм, или растирая (зерно), или выпекая во время, в котором изготовляют хлеб — вообще всякие работы, в которых они будут утруждаться свыше своих сил — (то) тот, кто заметит (буквально: увидит.— *В. С.*), время, когда они будут нуждаться (в помощи), пусть постановит, чтобы они поели немного и выпили чашу воды». Я следую переводу А. И. Еланской, свидетельствующему о том, что игинуду-садоводы Лагаша эпохи Урукагины своей работой на плантациях финиковых пальм должны были «утруждаться свыше своих сил».

[132] См. документы DP 105, 106, 108, 410, 411, 420 и другие документы, связанные с садоводством, которые собрал А. Деймель в Or. I, № 16, стр. 1 сл. Имена этих надзирателей-садовников были Анаму. Этур, Этаэ, Урки, Энкисалси, Нимгирабзу, Урпу и Загму.

[133] Это засвидетельствовано документами VAT 4416 и VAT 4628 от 6 года Лугаланды и документами STH I, 15, 16, DP 228, Ник. 9 и DP 227 от года патесиата Урукагины.

[134] От 1 года царствования Урукагины не сохранилась ведомость выдачи зернового довольствия игинуду, носильщикам и людям, получавшим довольствие в индивидуальном порядке, но от 2 года его царствования мы имеем подобный документ — DP 113; здесь уже представлены 3 отряда игинуду-ремесленников, возглавленные названными тремя надзирателями: Урдунпаэ, Амарэзен и Этаэ. Это разделение игинуду-ремесленников на 3 отряда сохранилось до конца 6 года Урукагины, о чем свидетельствует ведомость от 12 месяца данного года — TSA 13. За эти годы царствования Урукагины произошло лишь то изменение, что после 4 месяца 4 года был надзиратель Амарэзен

Лугаланды и года патесиата Урукагины надзиратель Урдунпаэ назван термином профессии giš-tug-PI-kar-ra, в ведомостях же последующих лет правления Урукагины и Урдунпаэ и Амарэзен и Этаэ названы лишь по имени, без указания их профессии [135]. Тем не менее, согласно свидетельству ряда других документов, и Амарэзен [136] и Этаэ [137] являлись также giš-tug-PI-kar-ra, resp. giš-tug-geštug-kar-ra. Это идеографическое написание фонетически читалось, согласно свидетельству древних словарей, azlag, что было включено в аккадский язык в качестве ašlaku — слова, обозначавшего профессию прачечника [138]. Очевидно, и в Шумере, так же как и в общинах древнего Египта [139] и Индии, стирка одежды не являлась делом женщин отдельных семей, а находилась в руках людей, специально приставленных к этой работе. В досаргоновском Лагаше таковыми были игинуду-ремесленники, которые под надзором трех прачечников стирали одежду большого коллектива, а именно одежду всех работников и членов их семьи храмового хозяйства богини Баба.

Подобно игинуду-садоводам, и игинуду-ремесленники выполняли ряд побочных работ. Так, согласно свидетельству надписи на конусах B и C (X, 31 сл.), игинуду, очевидно, из игинуду-ремесленников, помогал вместе с ремесленниками из числа свободных ухаживать за тяжелобольным [140]. Во время сбора фиников игинуду-ремесленники принимали участие в побочных работах, по крайней мере, согласно трем документам, в первом отряде, над которым был надзирателем прачечник Урдун, resp. Урдунпаэ, засвидетельствован один дуатар, который, как я выше указал, работал по сбору фиников [141]. Поскольку игинуду-ремесленники имели в качестве прачечников дело с водой реки, то, очевидно, тот или другой был использован в качестве рыбака [142]. Но, конечно, основным занятием игинуду-ремесленников оставалась стирка одежды, являвшаяся очень трудоемкой

сменен надзирателем Урабу, согласно свидетельству документа Ник. 2, соответствующего ведомости выдачи довольствия от 6 месяца 4 года царствования Урукагины. Отметим тот факт, что и Амарэзен и Этаэ засвидетельствованы в качестве гиштугпикарра еще документами времени Лугаланды. Амарэзен, очевидно, уже в 4 году Лугаланды был помощником Урдунпаэ в руководстве игинуду-ремесленниками. Согласно документу RTC 66 от 4 года Лугаланды, он получает 30 мер зерна для выдачи игинуду.

[135] См. STH I, 17, 19 и 24; TSA 14, 15, 16; Ник. 2.

[136] Я уже указал в прим. 134, что Амарэзен был гиштугпикарра и помощником Урдунпаэ уже при Лугаланде, а здесь я хочу перечислить все документы, в которых Амарэзен назван в качестве гиштугпикарра: RTC 66; TSA 7; DP 625; STH I, 7, 8, 9, 10; Ник. 13; Fö 181 и VAT 4658 (= Or. 1, № 34—35, стр. 11). Урабу (в середине 4 года Урукагины сменил Амарэзена в руководстве вторым отрядом игинуду-ремесленников) также засвидетельствован в качестве гиштугпикарра в следующих документах: DP 484; Ник. 52; STH I, 12, 13; Wengler 2 (=Or. 1, № 26, стр. 40).

[137] Начальник третьего отряда игинуду-ремесленников Этаэ, которого, конечно, следует отличать от начальника одного из отрядов игинуду-садоводов (см. перечисление последних в прим. 132), упомянут в качестве гиштугпикарра следующими документами: TSA 7; DP 121, 484, 622, 623, 630; Ник. 13, 16, 79; STH I, 10, 11, 12.

[138] См. M. Lambert, R. Ass. L. 956, стр. 98 и прим. 3 и 4. См. также A. Deimel. Sumer. Lexikon, 141, 296.

[139] См. свидетельство папируса Lansing, IV, 2—4. Я следую интерпретации текста, предложенной, правда, с некоторым колебанием Ad. Erman и H. O. Lange («Papyrus Lansing». Копенгаген. 1925, стр. 51).

[140] Таково мое понимание указанного отрывка большой надписи царя-реформатора. В исследовании, посвященном историческим надписям, я попытаюсь обосновать данную интерпретацию.

[141] См. документы STH I, 19, III, 3 (4 года Урукагины) и DP 114, III, 6—7. (3 выдача довольствия 5 года Урукагины) и DP 115, III, 3—4 (6 года Урукагины). Последние два документа дают его имя Лугалашни.

[142] Об игинуду-рыбаке свидетельствует документ DP 334. Здесь перечисляются рыбаки, имевшие челны. Кикугу игинуду перечисляется за рыбаком Уригиамаше, имевшим один челн и пользовавшимся почетом, судя по ряду других документов храмового архива. Поэтому я полагаю, что «братья его» Урниндар и Несаг и «сын его» Урниндар, перечисленные в тексте вслед за «Кикугу игинуду», связаны не с последним, а с Уригиамаше. Следует еще указать, что «рыбак реки Урниндар» упоминается в списке военнообязанных TSA 47, II, 3. См. также сказанное в прим. 45.

работой, за которую они получали сравнительно обильное довольствие, достигавшее у некоторых из них в первые годы правления Урукагины 96 мер ячменя, то есть около 75 кг в месяц. Правда, уже с 4 года Урукагины оно стало снижаться, в 6 году достигнув 36 мер в месяц [143]. Возможно, что им было поручено и шитье одежды [144].

Академик А. И. Тюменев в главах о храмовом хозяйстве богини Баба эпохи Урукагины обратил внимание наряду с садоводством и на огородничество, подчеркивая, что оно занимало здесь видное место и требовало немалой рабочей силы [145]. Он, несомненно, прав, когда отмечает значение огородничества Шумера, ибо на значение огородов как в хозяйстве правителя, так и в хозяйстве храмов указывает и надпись на конусах B и C Урукагины [146]. До конца прав А. И. Тюменев в своем утверждении, что огородничество требовало везде, и в частности в Шумере, значительной рабочей силы. Для историка же, поставившего перед собой задачу установления характера производственных отношений в Шумере, необходимо определить размеры этой рабочей силы, применяемой хозяйством богини Баба на огородах. Эту интересующую нас столь существенную задачу пытался решить H. de Genouillac. Им было определено следующим образом содержание изданного им документа, составленного для нескольких огородов дворца и одной из царских дочерей: после определения их границ, установленных заведующим хозяйством Энниггалом, отмечалось число людей, обрабатывавших их и определенных в документе знаком, который был прочитан французским шумерологом как «энгар», то есть «земледелец» (cultivateur) [147]. Поскольку же энгарами назывались в документах архива храма богини Баба люди, связанные с обработкой пахотных полей и отнюдь не являвшиеся рабами, то и Женульяк не связывал огородничество с рабским трудом. Следует, однако, признать, что перевод указанного документа, предложенный Женульяком, не является вполне точным, поскольку он был обусловлен недостаточным еще знанием положения энгаров в храмовом хозяйстве богини Баба эпохи Урукагины. Дело в том, что в 1909 г., когда было опубликовано издание H. de Genouillac'a, полагали, что энгары, подобно шублугалам, являлись непосредственными производителями, которые обрабатывали своими силами храмовую землю [148]. Теперь же мы знаем на основании исследований А. Деймеля, что энгары в хозяйстве храма богини Баба эпохи Урукагины отнюдь не были заняты непосредственной обработкой земли, а являлись руководителями обработки сравнительно большого количества храмовых полей. Поэтому число энгаров в храмовом хозяйстве богини Баба было невелико, и нам известны из документов архива хозяйства названного храма не больше 16 энгаров [149]. Уже на основании одного этого определения характера работы энгаров надлежит отказаться от интерпретации словом «энгар», предложенной Женульяком для того кли-

[143] В 4 году (TSA 14) они получали 72 меры, в 5 году (DP 114) — уже 48 мер и, наконец, в 6 году (STH I, 24) — лишь 36 мер.

[144] Дело в том, что среди ремесленников, засвидетельствованных в документах храмового архива богини Баба, мы не находим портных, и было бы весьма заманчивым включить это ремесло в круг работ гиштугпикарра.

[145] А. И. Тюменев. Указ. соч., стр. 177.

[146] Здесь в столбце IV, 9—18 царь-реформатор отмечает среди злоупотреблений, имевших место при его предшественниках, и то, что «быки богов огород патеси обрабатывали. Поле хорошее богов огородом, местом радости патеси стало».

[147] H. de Genouillac. TSA. стр. XLVIII и стр. 94—95, где даны транскрипция и перевод данного документа (№ 40) его издания.

[148] Подобное понимание шумерийского термина «энгар» казалось тем более естественным, что соответствующее ему аккадское слово «ikkaru» обозначало «пахарь», «крестьянин». См. C. Bezold. Babylonisch-Assyrisches Glossar. Гейдельберг. 1926, стр. 28 b.

[149] См. A. Deimel. Or. I, №. 6, стр. 24—26. В данном исследовании «Das Betriebspersonar der Tempeläcker in Alt-Sumer» он дал исчерпывающие определения наряду с термином «энгар» еще и терминов «саг-апин», «риху», «шуб-лугал» и «укиуш».

нописного знака, который, по его мнению, отмечал работника, трудившегося на огороде. Дело в том, что при его интерпретации данного знака число энгаров, трудившихся на огороде, во много раз превышало бы число тех энгаров, которые засвидетельствованы документами хозяйственной отчетности храма богини Баба. Действительно, в одной из табличек храмового архива, посвященной огородничеству, подобные энгары исчисляются цифрами 53, 77 и даже 143 [150].

Вместе с тем надо подчеркнуть, что не только большие числа, сопутствующие данному знаку, не позволяют видеть в нем обозначение «энгара», руководителя обработки ряда храмовых полей, но также и контекст надписи на табличках, которые посвящены огородничеству и приводят этот знак. В целях аргументации моего последнего утверждения я позволю себе привести краткий текст подобного рода [151], причем в моем переводе я сохраню для указанного знака чтение, предложенное Женульяком: «л. ст. I (1) 7 «энгар» (лука) захати [152] (2). 3 «энгар» овощей (корма) скота (из) парника (3). 6 «энгар» (лука) гугуби. II (1) 6 «энгар» (лука) шелу (2). Огород в поле Атабтаб (3). Энниггал, об. ст. I (1) заведующий хозяйством (2), отмерил. 4 (год)» [153].

В документах хозяйственной отчетности Шумера мы не находим «энгаров ячменя» или «энгаров эммера», а поэтому трудно предположить наличие особых энгаров для каждого рода овощей. Решающим же моментом для интерпретации знака, который читал Женульяк как «энгар», «земледелец», является глагольная форма, которой заканчивается текст переведенной мной таблички, «mu-sur» — «отмерил», то есть «заведующий хозяйством Энниггал огород в поле Атабтаб отмерил». Подобное заключение этого документа доказывает, что он посвящен измерению огорода, создаваемого на поле Атабтаб [154], одного из полей территории храма богини Баба, а в таком случае в знаке, читаемом Женульяком как «энгар», скрывается, надо полагать, термин для какой-то меры земли. Мере земли соответствует данный знак и в другом контексте, который встречается в ряде документов, связанных с огородничеством, например, в документе, сохранившем нам упоминания о больших количествах «энгаров», введенных в науку чтением Женульяка: «$1^1/_4$ большой меры овощей «сикил» больших. «Энгары» их 20, площадь их 40 сар [155]. $4^1/_2$ (большой меры) 6 «га»-меры [156] овощей «сикил» малых. «Энгары» их 143, площадь их 1 (ику) 40 сар» [157]. Я полагаю, что и в данном контексте «энгары», «земледельцы», являются неуместными, поскольку речь идет здесь о соответствии меры площади с тем термином, который скрывается за данным знаком. Последний же имеет еще и другое чтение, а не только «энгар», «земледелец». Стало быть, при том понимании этого знака, которого требует контекст приведенных мной документов, следует использовать его

---

[150] Документ DP 394, датированный 3 годом Урукагины. За указанным знаком следуют в этом документе числа 14, 20, 21, 53, 77 и 143.

[151] DP 398. Я остановился на этом тексте ввиду его краткости, благодаря которой весьма рельефно выступают затруднения, создаваемые интерпретацией, предложенной для данного знака Женульяком.

[152] К определению названий различных овощей, упомянутых в табличках, посвященных огородничеству, см. A. Deimel. Or. I, № 17, стр. 24 сл.

[153] 4 год правления или Лугаланды или Урукагины. Заведующий хозяйством Энниггал засвидетельствован документами 4 года обоих правителей.

[154] Огород являлся только частью поля Атабтаб, на котором, согласно свидетельству таблички Ник. 37, сеялись ячмень и другие хлебные злаки.

[155] 1 сар равнялся 35 метрам, и 100 сар соответствовали 1 ику, равнявшемуся примерно ⅓ гектара. См. A. Deimel. Sumerische Grammatik, стр. 196.

[156] Большая мера (gur-sag-gár) зерна включала 144 «га». Я называю ее «большой», поскольку наряду с ней существовала еще другая мера, в которую входили лишь 72 «га»-меры. Согласно Ф. Тюро-Данжену, одно «га» равнялось 0,842 литра, а большая мера — 121,248 литра (R. Ass. 1921, стр. 13).

[157] DP 394, 1, 4—II, 3.

второе чтение, а именно «apin» — «плуг» [158], столь часто встречающийся в документах храма богини Баба и в качестве отдельного слова и в качестве составной части сложного термина, обозначавшего профессию: «sag apin» — «глава плуга», «руководитель плуга» [159].

Надо полагать, что «apin» — «плуг» в приведенном выше контексте документов, связанных с огородничеством, соответствовал той полосе огородной земли, которая в определенный отрезок времени могла быть вскопана, и, таким образом, плуг мог служить обозначением одной из мер площади. Вспомним, что и у нас, в древней Руси, соха, являвшаяся земледельческим орудием, служила мерой земли, соответствуя единице налогового обложения [160]. Следовательно, земледельцы (энгары), которые якобы трудились на огородах хозяйства храма богини Баба, превращаются в результате правильной интерпретации соответствующих текстов в меры земли на территории огородов. Данные меры земли можно сопоставить с огородными грядками, как это уже давно предложил А. Деймель [161].

Для настоящего исследования имеет весьма существенное значение, что интерпретация Женульяка, согласно которой энгары обрабатывали огороды, была опровергнута. В самом деле, если не энгары, являвшиеся свободными людьми, трудились на огородах храма богини Баба, то вполне возможно предположение, что на огородах, как и в садах, работали, отдаваясь трудоемкому уходу за выращиванием овощей, игинуду-гиш, игинуду-садоводы. Подобная догадка находит свое подтверждение в ценном наблюдении, которое сделал академик А. И. Тюменев. Он отметил, что иногда в качестве лиц, производящих обработку огородных участков или сдающих овощи с огородов, значатся садовники (нукири) Анаму, Урну, Этаэ. Можно поэтому думать, что огородничество, по крайней мере отчасти, было связано с садоводством [162]. Подобная связь, засвидетельствованная документами хозяйственной отчетности храма богини Баба, была вполне естественной, поскольку термин «нукири» — «садовник» — может обозначать и «огородника», как правильно отмечает академик А. И. Тюменев [163]. Упомянутые в документах, связанных с огородничеством, садовники, конечно, не сами выполняли тяжелый труд по выращиванию овощей; за них эту работу делали те отряды игинуду-садоводов, которые находились под их начальством. Таким образом, следует в качестве аргументированного вывода установить положение, что игинуду-садоводы играли весьма значительную роль не только в садоводстве, но и в огородничестве. Правда, поскольку земля, предназначенная для огородных грядок, предварительно вспахивалась,

---

[158] Это слово было заимствовано в аккадском языке, как «epennu» — «плуг», что свидетельствует о значении земледельской шумерийской культуры для семитических племен.

[159] В труде А. И. Тюменева «Государственное хозяйство древнего Шумера» (стр. 175) предложено для этого сложного термина чтение «sag engar» — «главный земледелец»; но с подобным чтением и интерпретацией данного термина нельзя согласиться. Дело в том, что в ряде документов (DP 598; Fö 59; VAT 4803 = Or. 1, № 20, стр. 60 и т. д.) засвидетельствовано окончание второго слова, входившего в указанный сложный термин, и таковым окончанием являлся слог na, а не слог ga. В таком случае вторым словом сложного термина могло быть слово «apin» — «плуг», а не слово «engar» — «земледелец». Поэтому надлежит читать этот сложный термин не «саг энгар» — «главный земледелец», а «саг апин» — «глава плуга».

[160] Толковый словарь русского языка. Т. IV, стр. 410.

[161] А. Деймель высказал это положение уже в 1925 г. в Or. I (№ 17, стр. 26). Он повторил его в 1931 г. в «Analecta Orientalia» 2, стр. 89—90. Его положение принял в 1934 г. R. Scholtz b SSEVP (стр. 91 сл.).

[162] А. И. Тюменев. Указ. соч., стр. 178. Здесь в примечании № 3 А. И. Тюменев перечисляет 6 документов, связанных с огородничеством и в которых упоминаются садовники. Число подобных документов можно увеличить, например, документами DP 373, 388, 396, 404, 405, 407; STH I, 51; Fö 108; VAT 4667, 4905. Многие из тех документов, в которых отмечен лишь заведующий хозяйством Энниггал, несомненно, были связаны с садовниками.

[163] А. И. Тюменев. Указ. соч., стр. 178, прим. 3.

то с огородами были до некоторой степени связаны и шублугалы. И, действительно, в некоторых документах, посвященных огородным делам, упоминаются их надзиратели, энгары [164]. Вместе с тем следует признать, что наиболее трудоемкая часть работы на огородах, а именно выращивание овощей и их уборка, являлась делом игинуду-садоводов.

Подводя итог выводам, сделанным из приведенного материала, я имею право утверждать, что рабский труд применялся в садоводстве, в огородничестве и в ремесле, в прачечном деле и, возможно, в изготовлении одежды. Применялся он и в транспортном деле в лице носильщиков, которые были оторваны от средств производства, работали под наблюдением надзирателей и не включались в ряды ополчения. Привлекался, надо полагать, труд игинуду и рабынь и на пахотных полях во время сбора урожая, который, как известно, требовал в 4—5 раз больше рабочих рук, нежели пахота. По крайней мере в одном из документов от 4 года Лугаланды, где отмечались расходы, связанные с обработкой некоторых полей хозяйства храма богини Баба, упоминаются $2^1/_4$ больших мер ячменя для «выдачи ячменя» рабыням, которых унес Нинипини [165], и $2^1/_4$ больших мер и 24 га для «выдачи ячменя» игинуду, которые унес садовник Анаму [166]. Поле, откуда была произведена зерновая выдача рабыням-свиноводкам, называлось «поле новое маленькое». Его урожай в том же 4 году Лугаланды равнялся примерно 340 большим мерам ячменя [167]. Поле же, с которого был выдан ячмень игинуду отряда Анаму, носило название «поле Дагира», и его урожай достиг в том же году $1\,523^3/_4$ большой меры ячменя [168].

Можно, конечно, предположить, что эти две выдачи ячменя рабыням и игинуду не были связаны с работой по снятию урожая, а являлись ежемесячной выдачей зернового довольствия рабыням, занятым у свиновода Нинипини, и игинуду, занятым у садовника Анаму. Но это предположение следует признать маловероятным. На самом деле выдача ежемесячного зернового довольствия непосредственно из урожая храмовых полей, а не из запасов закромов [169] должна была в обычное время чрезвычайно осложнить процесс отчетности храмовых счетоводов. Вместе с тем подобная практика была бы оправдана во время урожайной страды, когда действительно могло быть более удобным на месте выдавать зерновое довольствие людям, снявшим урожай.

Я вообще полагаю, что данный документ от 4 года Лугаланды, перечисляющий расходы, связанные с рядом храмовых полей, должен быть датирован во всем своем объеме временем снятия урожая, когда счетоводы храма стремились из нового урожая храмовых полей покрыть часть расходов хозяйства богини Баба. Так, в начале документа отмечается, что «30 больших мер зерна для довольствия игинуду Амарэзен, гиштугпикарра, унес» [170]. Если мое предположение о датировке документа временем снятия урожая является приемлемым, то, очевидно, можно полагать, что администрация храма решила Амарэзену, помощнику Урдунпаэ, в связи с работой по снятию урожая выдать вперед за несколько лет 30 больших мер ячменя [171], которые унес гиштугпикарра Амарэзен в закром, предназначенный для обслуживания игинуду-ремесленников.

---

[164] Так, энгар Лугалпаэ упоминается в документах DP 391 и VAT 4656 = Or. I, № 17, стр. 11—12.

[165] RTC 66, л. ст. IV, 1—4. В деле свиноводства были использованы рабыни.

[166] RTC 66, об. ст. II, 6—7.

[167] RTC 71, л. ст. IV, 10.

[168] RTC 71, об. ст. I, 5.

[169] A. Deimel в Or. I (№ 5, стр. 19) перечисляет ряд документов, свидетельствующих о ссыпке зерна урожая в закрома.

[170] RTC 66, л. ст. I, 5—II, 2.

[171] Согласно свидетельству документа VAT 4416, содержащего зерновую выдачу 1 месяца от 6 года Лугаланды, выдача зерна игинуду-ремесленникам равнялась 6 большим мерам зерна. См. Or. I, №№ 34—35, стр. 43.

Я уже выше указывал, что наряду с игинуду-ремесленниками к рабам, хотя и более привилегированным, надлежит причислить также тех ремесленников, которые, не имея земельных наделов и не входя в ополчение, получали свое ежемесячное довольствие по единичным табличкам. Среди этих ремесленников были: 1 изготовитель статуй, 7 кузнецов, 1 плотник, 2 кожевника и 2 ремесленника еще не определенной специальности [172]. Можно отметить, что кузнецы работали у двух кузнецов, Шубура и Гарлунуду, являвшихся свободными людьми [173]. Надо полагать, что мы имеем в данном случае зародыш рабовладельческой мастерской в условиях рабовладельческого общества досаргоновского Шумера.

Вслед за ремесленниками в списке ведомости получавших ежемесячное довольствие в индивидуальном порядке перечислены 15 человек [174], которые выполняли различного рода работы, являясь нередко помощниками свободных представителей храмового хозяйства богини Баба.

Несомненно, следует включить в число подлинных рабов часть тех людей, которые получали в индивидуальном порядке ежемесячное довольствие, будучи связанными с личным обслуживанием представителей семьи правителя. За то, что некоторые из этих лиц были рабами в самом подлинном смысле этого слова, говорит, я полагаю, документ Ник. 174, изданный В. К. Шилейко [175], согласно свидетельству которого жертвовались 8 рабов (sag nita) и 3 рабыни (sag mi) [176] в связи с вопрошением оракула о длительности жизни одной из дочерей Урукагины [177]. Надо думать, что некоторые из этих рабов входили в состав персонала, обслуживавшего царевну. Дело в том, что, согласно предположению А. Деймеля, представители персонала, обслуживавшего членов семьи правителя, в случае кончины последних предавались смерти. Немецкий шумеролог учел результаты раскопок в некрополе Ура эпохи I династии, свидетельствующих о существовании человеческих жертвоприношений при погребении шумерийской знати. Он обратил поэтому внимание на то любопытное обстоятельство, что вместе с исчезновением имени третьей дочери Урукагины из документов храмового архива исчезли из них и имена 7 человек, обслуживавших ее. Естественным объяснением подобного исчезновения является предположение, что эти люди, обслуживавшие царевну при ее жизни, должны были быть принесены в жертву после ее смерти [178].

В заключение остановлюсь на проблеме численного соотношения между свободными работниками и рабами в храмовом хозяйстве богини Баба. Для решения этой проблемы я считаю наиболее целесообразным использование документов, дошедших до нас от 2 года Урукагины, когда общественная жизнь в Лагаше протекала более или менее нормально и когда число рабов в храмовом хозяйстве богини Баба было наибольшим.

Если суммировать на основании указанных документов количество всех игинуду-садоводов, как и ремесленников, носильщиков и носильщиц, рабынь и их детей, перечисленных в специальных ведомостях [179], и, наконец, тех из получавших ежемесячное довольствие по единичным таб-

---

[172] См. документ TSA 14, отмечавший 4-ю выдачу ежемесячного довольствия от 4 года Урукагины. Данный документ включает в себя больше лиц, получавших довольствие в индивидуальном порядке, нежели табличка DP 113, датированная 2 годом царя-реформатора.

[173] См. список кузнецов в TSA 14, IX, 6 — X, 9.

[174] Я исключил из этого списка тех лиц, которые или имели земельные наделы, или были включены в ряды ополчения.

[175] В. К. Шилейко. Из Лихачевского собрания. «Сборник статей в честь графини Прасковии Сергеевны Уваровой». М. 1916, стр. 288—290.

[176] Я следую переводу А. Деймеля (Ник. 174), предложенному им в Or. I (№ 26, стр. 9).

[177] См. В. В. Струве. Основные вехи войны Урукагины и Лугалзаггиси, стр. 7.

[178] A. Deimel. Analecta Orientalia II, стр. 110в — 111а. См. также его замечания в Or. I (№ 43—44, стр. 129—130).

[179] Я имею в виду такие документы, как STH I, 21; DP 112; Ник. 1, в которых перечислялись месячные выдачи зерна, получаемые рабынями и их детьми.

личкам, кто был лишен земельных наделов и не входил в ряды ополчения, то общий итог составит 402 человека; из них игинуду-садоводов было 55 [180], игинуду-ремесленников — 39, носильщиков — 17, носильщиц — 21, рабынь — 143, детей-подростков — 86 [181], мужчин, получавших ежемесячное довольствие,— 34 [182] и женщин, получавших ежемесячное довольствие,— 7 [183]. Стало быть, в храмовом хозяйстве богини Баба насчитывалось 145 рабов, 161 рабыня и 86 детей. О работах мужчин, являвшихся рабами, было сказано выше. Касался я также труда носильщиц и женщин, получавших ежемесячный паек в индивидуальном порядке. Не говорил я в моем исследовании лишь о труде тех рабынь, которые перечислялись в ведомостях ежемесячной «выдачи зерна рабыням и (их) детям», поскольку они всеми исследователями — и у нас и за рубежом — безоговорочно признавались в качестве рабынь. Работы, которые выполнялись этими рабынями, стали предметом исследования А. Деймеля, в результате которого было установлено, что рабыни, кроме прислуживания жене правителя, трудились над изготовлением ниток, шерстяных тканей, работали в кухне, в пивоварне, на мельнице, занимались свиноводством [184]. Дети, перечисленные вместе с рабынями, конечно, также привлекались к работам в хозяйстве храма в качестве помощников своих матерей.

Что же касается свободных работников храмового хозяйства богини Баба, то в ведомости 2 года Урукагины выдачи зернового довольствия людям с земельным наделом число последних составляло 261 человек [185]. Если мы прибавим к этому числу 19 мужчин, получавших, правда, ежемесячное довольствие, но занимавших сравнительно высокое положение в иерархии администрации храмового хозяйства [186], имевших земельные наделы и призывавшихся в ряды ополчения, да еще 3 женщин-прислужниц, обладательниц земельных наделов, то получим для хозяйства храма богини Баба всего 283 свободных работника. Среди них, в противоположность рабам, число женщин было ничтожно. Очевидно, свободные жен-

---

[180] Из них 46 игинуду и 9 дуатаров (DP 113).

[181] Это были, очевидно, подростки, которые могли быть привлекаемы к некоторым легким работам в храмовом хозяйстве. За подобное определение возраста детей говорят размеры их довольствия: они получали 12 «га»-мер ячменя, лишь на 6 мер меньше, нежели взрослая рабыня из той категории, которая получала наименьшее довольствие. За такое же определение возраста этих детей говорит и то разногласие, которое имеет место в определении числа рабынь и детей между 3 ведомостями выдачи довольствия рабыням и детям их, датированными 2 годом царствования Урукагины. На самом деле ведомость DP 112, соответствующая 11-й выдаче довольствия 2 года, определяет число рабынь в 143, а детей — в 186; Ник. 1, где отмечалась 12-я выдача довольствия, устанавливает число рабынь 146, а детей их — 84, и, наконец, ведомость STH I, 21 с разрушенным указанием порядкового числа выдачи насчитывает 141 рабыню и 86 детей. Данные противоречия в показаниях 3 однородных документов одного и того же года легче всего объяснить колебаниями их составителей в определении той или другой девочки-подростка в качестве ребенка или взрослой рабыни.

[182] Я включил лишь тех мужчин, которые не имели земельных наделов и не упоминались в списках военнообязанных, и тех женщин, которые не засвидетельствованы в качестве обладательниц земельного надела.

[183] Я не включил в число рабов тех, кто обслуживал детей правителя, хотя некоторые из них были рабами. Дело в том, что вопрос о включении их в число рабов, о которых свидетельствуют документы архива богини Баба, потребовало бы специального исследования, какие из этих людей действительно работали в хозяйстве детей правителей или же были включены их матерью, женой правителя, в ее хозяйство (см. A. Deimel. Or. I № 43—44, стр. 127). Я этого вопроса коснусь в одной своей будущей работе, которую посвящу документам ведомости выдачи зерна рабыням (и их детям) детей правителя. Историк может использовать работу А. Деймеля в Or. I (№ 43—44, стр. 89 сл.).

[184] Там же, стр. 80—88.

[185] См. итоговую часть документа STH I, 7, соответствующего 2-й выдаче зернового довольствия людям с земельным наделом.

[186] Я включил в число свободных работников всех сукалов, писцов, людей сокровищницы и людей внутреннего помещения, хотя не для всех них я мог установить или наличие земельного надела, или вхождение в ряды ополчения.

щины выполняли работы, требовавшиеся в их семейном хозяйстве, в противоположность рабыням, которые не имели ни семьи, ни хозяйства.

Стало быть, в результате подсчета рабочего персонала хозяйства храма богини Баба 402 рабам противостояли во 2 году Урукагины 283 человека свободного трудового люда, рекрутируемого из населения самого Лагаша. Отметим, что последние работали, в противоположность рабам, лишь 4 месяца в году, которые, конечно, распределялись по сезонам сельскохозяйственного года, а поэтому удельный вес труда рабов, эксплуатировавшихся круглый год, в течение 12 месяцев, должен быть признан в хозяйстве храма богини Баба весьма значительным. Следовательно, на основании результатов произведенного выше расчета нельзя утверждать, что в эпоху Урукагины в храмовом хозяйстве богини Баба собственно рабский труд не применялся, а надлежит безоговорочно установить, что наряду с трудом местного населения, владевшего своими средствами производства, труд рабов играл весьма существенную роль.

Столь определенный вывод о значительной роли рабского труда в Лагаше эпохи Урукагины освобождает советского историка от признания парадоксальной характеристики общества досаргоновского Шумера как общества, которое, будучи рабовладельческим, собственно рабский труд в производстве не применяло. Признание же указанной характеристики шумерийского общества XXV—XXIV вв. до н. э. должно неминуемо привести историка к признанию пресловутого азиатского способа производства. В самом деле, если общество Шумера этой эпохи не является рабовладельческим, поскольку его производство почти не знало рабского труда, и еще не являлось крепостническим, то остается один лишь вывод: в данном обществе противостояли два класса — класс представителей государственного аппарата и класс непосредственных производителей, рекрутировавшихся из местного населения, обладавшего своими средствами производства. Советская историография уже давно лишила концепцию азиатского способа производства права на существование. Что же касается предположения, что общество Шумера этой эпохи было переходным, с элементами рабовладения и крепостничества, то оно полностью отпадает, поскольку в последующую эпоху III династии Ура (2132—2024 г. до н. э.) общество Шумера являлось рабовладельческим обществом, в котором отсутствовали какие-либо элементы крепостнического уклада [187].

[187] См. «Всемирная история». Т. I, стр. 216 сл.

ПОЛОЖЕНИЕ И БОРЬБА РАБОЧЕГО КЛАССА КИТАЯ В РАЙОНАХ ГОМИНЬДАНОВСКОГО ГОСПОДСТВА (1937 — 1945 гг.)

Группа по изучению истории профсоюзного движения при Всекитайской федерации профсоюзов

Период с июля 1937 по август 1945 г. занимает важное место в истории китайской народной революции. В течение восьми лет под руководством Коммунистической партии Китая и при поддержке всех антифашистских сил, возглавляемых Советским Союзом, китайский народ вел великую национально-освободительную войну против японских агрессоров. Разгром империалистической Японии имел огромное историческое значение для освобождения китайского народа и явился значительным вкладом в дело мира, демократии и социализма.

Во время национально-освободительной войны против агрессии японского империализма рабочий класс в районах гоминьдановского господства, как и на территории всей страны, проявил большую стойкость. Объединяя демократические слои народа, китайский пролетариат под руководством Коммунистической партии героически боролся против японских захватчиков и национальных предателей. Положение рабочего класса в районах гоминьдановского господства сильно отличалось от положения рабочих на оккупированных врагом территориях и особенно в антияпонских демократических опорных базах, руководимых Коммунистической партией Китая.

После 1927 г. правящая гоминьдановская клика, представлявшая интересы крупных помещиков и крупной буржуазии, тесно связанная с англо-американским империализмом, вела длительную антикоммунистическую, антинародную войну. Когда японский империализм захватил Северо-Восток и вторгся в Северный Китай, правящие гоминьдановские круги заняли позицию непротивления, одновременно подавляя антияпонское сопротивление народа. После инцидента в Лугоуцяо в июле 1937 г. гоминьдановская клика вынуждена была принять участие в антияпонской войне и войти в антияпонский национальный единый фронт, созданный по инициативе Коммунистической партии Китая. Однако она упорно продолжала осуществлять феодально-компрадорскую, фашистскую диктатуру, угнетать народ, бороться против Коммунистической партии, отказывалась от каких бы то ни было демократических преобразований. Поэтому с самого начала образования национального единого фронта происходила острая борьба двух в корне противоположных линий: линии народной войны сопротивления, проводимой Коммунистической партией, и линии гоминьдана на войну сопротивления силами «одного только правительства».

После падения Уханя в октябре 1938 г. политика правящей гоминьдановской клики стала еще более реакционной; она взяла курс на пассивное сопротивление Японии, активно вела антинародную, антикоммунистическую борьбу, продолжая скатываться на позиции соглашательства и капитуляции перед японскими империалистами. С 1939 по 1943 г. гоминьдан провел три антикоммунистические кампании. В районах его

господства усилились фашистский террор и экономическое ограбление народа. Такая политика глушила антияпонские настроения широких народных масс. Контролируемые гоминьданом районы формально находились в состоянии войны с Японией и входили в единый фронт. Фактически же гоминьдан подрывал антияпонскую борьбу, национальное сплочение и собирал реакционные вооруженные силы, чтобы подавить революционно-освободительное движение. В таких сложных и трудных условиях рабочий класс гоминьдановских районов упорно и беззаветно боролся за свободу и независимость китайского народа.

Задача настоящей статьи — охарактеризовать положение и борьбу рабочего класса Китая в период антияпонской войны в районах гоминьдановского господства.

★

В период антияпонской войны промышленность районов гоминьдановского господства и состав рабочего класса претерпели серьезные изменения. До начала войны современная промышленность страны почти целиком концентрировалась в приморских районах и по среднему течению Янцзы. С началом военных действий эти промышленные районы стали главным объектом наступления японского империализма. Антинациональная, предательская политика правящей гоминьдановской клики привела к тому, что уже через год и три месяца после начала войны были потеряны Северный, Восточный, Центральный и обширные районы Южного Китая; важнейшие промышленные города и магистрали целиком оказались в руках японцев.

После падения Уханя японские войска временно приостановили стратегическое наступление против гоминьдановских районов. Поэтому там сложилась относительно стабильная обстановка. Власть гоминьдана в этот период распространялась в основном на десять провинций Северо-Западного и Юго-Западного Китая (Сычуань, Юньнань, Гуйчжоу, Гуанси, Шэнси, Ганьсу, Сикан, Цинхай, Синьцзян, Нинся) с центром в Чунцине, а также на территории провинций Хунань, Гуандун, Хубэй, Хэнань, Цзянси, Аньхуэй, Чжэцзян, Фуцзян, не попавшие в руки японцев. Общая площадь этих районов с населением около 200 млн. человек составляла свыше половины всей территории страны. Названные районы были в довоенном Китае наиболее отсталыми в экономическом отношении. В Сикане, Цинхае, Синьцзяне, Нинся до войны вообще не было современной промышленности; в остальных шести провинциях Северо-Западного и Юго-Западного Китая было несколько мелких предприятий, оборудованных машинами. По данным министерства экономики гоминьдановского правительства, во всей стране, исключая Северо-Восточный Китай, было зарегистрировано 3 935 предприятий современного типа с общим капиталом в 373 359 тыс. юаней, с числом рабочих 456 973 человека. Из этих предприятий только 237 находились в провинциях Юго-Западного и Северо-Западного Китая и в Хунани (капитал — 25 234 тыс. юаней и 33 108 рабочих) [1].

Промышленность Юго-Западного и Северо-Западного Китая получила некоторое развитие в течение первых лет войны и особенно после падения Уханя.

Промышленные районы приморского Китая и бассейна Янцзы были захвачены японцами, и лишь часть предприятий владельцам удалось демонтировать и вывезти во внутренние провинции страны. Так, 639 предприятий (с механическим оборудованием общим весом свыше 120 тыс. т), на которых работало более 12 тыс. квалифицированных рабочих, были в период с 1938 и до конца 1942 г. перемещены из Шанхая,

[1] «Цзинцзи чжоубао» («Экономический еженедельник»). Т. 1, № 6, 6 декабря 1945 года.

Циндао и Уханя в провинции Сычуань, Хунань (в западную часть, не занятую врагом), Шэнси, Гуанси, Юньнань[2], что позволило ускорить промышленное развитие внутренних провинций Китая.

В связи с массовой эвакуацией населения и перемещением раздутого гоминьдановского аппарата во внутренние провинции там сильно возросла потребность в военной продукции и потребительских товарах. В то же время стало невозможным, как в довоенное время, импортировать сюда товары из-за границы, из промышленных районов приморья и Янцзы. Таким образом, создалась относительно благоприятная рыночная конъюнктура для промышленного развития внутренних провинций. Последние располагали богатыми сырьевыми возможностями и достаточным числом свободных рабочих рук. Поэтому часть чиновничьей бюрократии, помещики, купцы, китайские эмигранты из-за границы, представители торгово-промышленной буржуазии оккупированных районов прибывали сюда и вкладывали капитал в строительство фабрик, заводов и шахт.

Бюрократический капитал «четырех семейств» (Чан Кай-ши, Сун Цзы-вэнь, Кун Сян-си, братья Чэнь) после потери Северного и Восточного Китая — основных районов их прежней предпринимательской деятельности — с самого начала монополизировал право на промышленное строительство во внутренних провинциях страны. Используя политическую власть, представители «четырех семейств» путем финансовых, денежных и торговых махинаций наживали огромные барыши и захватывали в свои руки предприятия и шахты. В то же время для сохранения своего реакционного господства и подготовки к антикоммунистической, антинародной гражданской войне «четыре семейства» нуждались в создании военной промышленности и связанных с нею отраслей.

Все это обусловило относительно быстрое развитие промышленности внутренних провинций в период с 1938 по 1942 год. По данным министерства экономики, к концу 1942 г. в гоминьдановских районах было уже 3 758 предприятий с 241 662 рабочими[3]. По сравнению с довоенным периодом количество предприятий увеличилось в 17 раз, число рабочих — более чем в 8 раз.

Высшей организацией монопольной промышленности «четырех семейств» был Комитет по налаживанию предприятий и шахт при гоминьдановском правительстве. Этой промышленностью ведали два крупных учреждения: Комитет ресурсов и Управление военными заводами. В каждом провинциальном городе наряду с казенными заводами и фабриками были предприятия, созданные членами «четырех семейств» под маркой частных лиц.

Удельный вес бюрократического капитала в промышленности к концу 1942 г. (по материалам министерства экономики) определялся такими данными:

Предприятия	Количество		Капитал		Число рабочих	
	абсолютное число	в %	в юанях	в %	абсолютное число	в %
Казенные	656	17,5	1 349 251 404	69,58	77 217	31,95
Частные	3 102	82,5	589 774 631	30,42	164 445	68,05
Общее число	3 758	100	1 939 026 035	100	241 662	100

[2] Вэн Вэнь-хао. Речь на группе партийно-политического воспитания отдела воспитания ЦИК гоминьдана. «Экономическое строительство военных лет». Чунцин. Ноябрь 1941 года.

[3] «Хоуфан гунъе гайкуан тунцзи» («Статистика промышленного состояния тыла»). Чунцин. 1943.

Следует отметить, что в таблице не учтены данные об угольной и военной отраслях промышленности, целиком находившихся в руках «четырех семейств», а также такой важной отрасли, как цветная металлургия. Если принять во внимание эти предприятия, то удельный вес казенной промышленности окажется значительно больше. Например, согласно опубликованным в тогдашней печати сведениям, к концу 1944 г. одному лишь Комитету ресурсов подчинялось 105 фабрик, заводов и шахт с числом рабочих свыше 170 тысяч. Казенная промышленность занимала господствующее положение также в производстве энергетического оборудования, в маслобойной, хлопкоткацкой, кожевенной и многих других отраслях легкой промышленности. Что же касается добычи нефти, редкоземельных элементов, производства электрических проводов, то они целиком находились в руках «четырех семейств».

В годы войны в гоминьдановских районах произошли изменения в соотношении удельного веса отраслей промышленности. Развились военное производство и связанные с ним отрасли.

Изменения в распределении рабочих в гоминьдановских районах по отраслям к 1942 г. по сравнению с 1933 г. (исключая Северо-Восточный Китай) видны из следующей таблицы [4]:

НАИМЕНОВАНИЕ	1933 г.		1942 г.	
	абсолютное число	в %	абсолютное число	в %
Тяжелая промышленность	232 024	36	117 681	48,58
угольная	109 575	17	—	—
электрическая	18 716	2,9	4 618	1,9
сталелитейная	903	0,2	17 404	7,2
обработка цветных металлов	41 845	6,5	47 029	19,46
химическая	40 166	6,2	36 140	14,95
стройматериалы	20 819	3,2	12 490	5,17
Легкая промышленность	412 205	64	123 981	51,32
текстильная	328 119	51	93 265	38,59
пищевая	43 361	6,7	11 447	4,74
другие отрасли	40 725	6,3	19 269	7,99
Общее количество	644 229	100	241 662	100

В гоминьдановских районах в годы войны наблюдалась неравномерность в размещении промышленности во внутренних провинциях Китая. По уровню развития промышленности выделялась провинция Сычуань, затем шли Гуанси, Юньнань, Гуйчжоу, Шэнси, Ганьсу, Хунань (западная часть). Естественно, что здесь число промышленных рабочих было бóльшим, чем в других гоминьдановских районах. Об этом говорят статистические материалы министерства экономики, опубликованные в 1942 году (см. таблицу на следующей странице).

В большинстве своем фабрики, заводы и шахты, особенно частные, в гоминьдановских районах были мелкими по своим масштабам, за исключением части сравнительно крупных казенных предприятий. Так, предприятия с числом не более 30 рабочих составляли 41,47%, от 30 до 50—17,81%, от 50 до 500—37,92%, от 500 до 1 000—1,95% и свыше тысячи рабочих было занято на 0,85% общего числа предприятий [5].

Учитывая в условиях войны постоянную угрозу нападения с воздуха и сырьевые ресурсы внутренних провинций, владельцы нескольких тысяч крупных и мелких предприятий, построенных в гоминьдановских

[4] Данные за 1933 г. см. «Чжунго цзиндай цзинцзиши тунцзи цзыляо сюаньцзы» («Избранные статистические материалы по экономической истории Китая в новое время»). Кэсюэчубаньшэ. 1956; данные за 1942 г. см. «Хоуфан гунъе гайкуан тунцзи».

[5] «Цюньчжун» («Народ»). Т. IX, № 10, 30 мая 1944 года.

районах, рассредоточили их по всей территории. И только Чунцин, Сиань, Ланьчжоу, Куньмин, Гуйлинь, Хэнъян были центрами известной концентрации промышленности. Особенно это относится к Чунцину, где в 1944 г. было свыше 90 тыс. промышленных и более 100 тыс. непромышленных рабочих.

Провинции	Количество предприятий		Число рабочих	
	абсолютное число	в %	абсолютное число	в %
Сычуань	1 654	44,10	108 205	44,77
Юньнань	106	2,82	18 094	7,49
Гуйчжоу	112	2,98	4 578	1,89
Гуанси	292	7,77	15 987	6,63
Хунань	501	13,34	31 574	13,066
Шэнси	385	10,24	23 510	9,74
Ганьсу	139	3,69	7 888	3,26
Общее количество в семи провинциях	3 189	84,94	209 836	86,84
Остальные районы	569	15,06	31 826	13,16
Общее количество	3 758	100	241 662	100

1942 год — высшая точка промышленного развития гоминьдановских районов в период войны. После этого в связи с тем, что правящая гоминьдановская клика монополизировала всю промышленность и политика ее была направлена на удушение национальной промышленности и торговли, в гоминьдановских районах началось сокращение производства. К 1944 г., после крупных военных поражений в Хэнани, Хунани и Гуанси, вслед за военно-политическим кризисом в гоминьдановских районах начался общий экономический развал. Закрылись почти все предприятия частного капитала. Трудно было продержаться и казенным предприятиям.

В период войны с развитием промышленности гоминьдановских районов значительно выросли и ряды китайского пролетариата. Его численность составила с учетом рабочих угольной, военной промышленности и средств сообщения свыше 300 тыс. человек, которые представляли основной отряд рабочего класса. Кроме того, существовала огромная армия рабочих-кустарей. По данным министерства социальных дел гоминьдановского правительства, в этих районах насчитывалось 1 044 462 рабочих и служащих.

В гоминьдановских районах рабочий класс вырос главным образом в годы антияпонской войны. Пополнение происходило почти исключительно за счет новичков. Источником формирования рабочего класса были местные разорившиеся крестьяне, мелкие производители, а также беженцы из оккупированных врагом районов. Естественно, что в среду рабочего класса они принесли различные непролетарские идеи. Однако отряд рабочих, выросший в условиях национальной борьбы и ожесточенной классовой гражданской войны, был самой решительной и последовательной революционной силой в гоминьдановских районах. Ему был присущ ряд характерных особенностей.

В условиях национально-освободительной и классовой борьбы жизнь ежедневно воспитывала и закаляла рабочих. Отсюда стремительный рост их политического сознания. Несмотря на численный перевес новых пролетариев, костяк составляли кадровые рабочие, бежавшие из приморских районов и промышленных городов бассейна Янцзы. Они обладали не только технической квалификацией, но и богатым опытом классовой

борьбы. В военное время текучесть рабочей силы была велика, что, конечно, затрудняло организацию рабочего класса, но в то же время и благоприятствовало установлению тесных контактов и сплочению рабочих. В массе своей пролетарии были выходцами из деревни. Благодаря этому крепли связи рабочего класса с широкими слоями крестьянства.

Положение рабочего класса гоминьдановских районов в годы антияпонской войны было крайне тяжелым. Наряду с военными бедствиями рабочие продолжали испытывать жестокий гоминьдановский гнет.

Миллионы жителей приморского Китая и бассейна Янцзы, в том числе и рабочие, подвергались зверскому террору и издевательствам со стороны японских агрессоров. После того как японцы временно приостановили наступление, они усилили воздушные налеты и бомбардировки городов гоминьдановских районов.

Инфляционная политика гоминьдана и рыночная спекуляция бюрократического капитала привели к тому, что с 1938 г. начался стремительный рост цен в гоминьдановских районах. В 1940 г. наблюдалось развитие промышленности и увеличение на многих предприятиях заработной платы. Однако ее повышение далеко отставало от роста цен. В результате реальные доходы рабочих стремительно падали. Так, в Чунцине, даже по официальным данным, в сравнении с 1937 г. реальная заработная плата рабочих составляла в 1940 г. лишь 42%, в 1941 г.— 28%, а в 1942 г.— 20% [6].

После ноября 1942 г. под предлогом контроля над ценами гоминьдан ввел систему определения так называемой официальной заработной платы. По существу, это был коварный план, рассчитанный на ограбление рабочих. В изданных гоминьдановским правительством «Мерах по урегулированию заработной платы в военное время» указывалось: «Заработную плату от 30 ноября 1942 г. считать нормой официальной зарплаты. Отныне она будет устанавливаться вышестоящими органами в соответствии с местными ценами... предприниматели не должны ни под какими предлогами увеличивать заработную плату». Выше указывалось, что в декабре 1942 г. индекс заработной платы, установленный на первый месяц после введения «официальной» заработной платы, уже далеко отставал от роста цен.

После опубликования постановления заработная плата действительно регулировалась, но цены в гоминьдановских районах продолжали бурно расти, а в последние два года войны они поднимались ежедневно. В условиях продолжавшегося роста цен заработная плата могла изменяться лишь гоминьдановским правительством раз в несколько месяцев, а иногда и реже чем в полгода. Например, с марта 1944 по январь 1945 г. заработная плата рабочих Чунцина вовсе не изменилась, в то время как цены выросли в несколько раз. Когда же гоминьдановские правительственные органы вынуждены были разрешить увеличение заработной платы, они устанавливали ее в соответствии с опубликованными ими же «официальными ценами».

В действительности же на рынке по «официальным ценам» невозможно было купить товары. Необходимые предметы рабочие приобретали по ценам черного рынка, в несколько, а иногда и в десятки раз превышавшие самые высокие «официальные цены». В таких условиях реальные доходы и жизненный уровень рабочих в гоминьдановских районах систематически снижались.

В годы войны вследствие разрушения производства и разгула гоминьдановской реакции рабочие постоянно находились под угрозой без-

---

[6] «Чунцин гунцзы чжишу» («Индексы зарплаты рабочих Чунцина»), №№ 16—35, март 1942 — февраль 1943 года. Изд статистического бюро министерства социальных дел гоминьдановского правительства.

аботицы, особенно после 1942 г., когда промышленность гоминьдановских районов была поражена нараставшим кризисом. Сокращение производства еще больше усиливало безработицу. Министерство социальных дел в апреле 1944 г. сообщало, что 42% общего числа чунцинских 30% чэндуских рабочих были безработными. По неполным данным етиционной группы безработных Чунцина, в октябре 1945 г., когда уже акончилась война, в городе насчитывалось по крайней мере 50 тыс. езработных в текстильной, строительной, механической и полиграфической промышленности, в Куньмине — 30 тыс., в Гуйяне — 40 тысяч. Всего провинциях Сычуань, Юньнань, Гуйчжоу было свыше 175 тыс. безработных. Огромное число их было и в других провинциях. Оставаясь без сяких средств к существованию, рабочий оказывался на улице. Особенно плохо приходилось бежавшим из других районов. Не имея здесь одственников и потеряв работу, они нищенствовали и были обречены а смерть от голода и холода. В условиях массовой безработицы рабоие вынуждены были соглашаться на крайне тяжелые условия труда, озданные предпринимателями.

И до войны условия труда и жизни пролетариев были ужасными, абочий день весьма продолжительным. В период войны рабочему классу гоминьдановских районов, естественно, пришлось еще хуже. Бюрократический капитал, прикрываясь необходимостью ведения войны с Японией, всемерно усиливал эксплуатацию пролетариев. Национальная буржуазия, также испытывавшая притеснения со стороны гоминьдановского правительства и бюрократического капитала, часто обманными утями перекладывала дополнительное бремя на рабочий класс.

В политическом отношении рабочий класс был бесправным. Реакционная гоминьдановская клика, возглавляемая Чан Кай-ши, проводила олитику репрессий и обмана рабочих. Политическое бесправие рабоего класса еще более усилилось после падения Уханя, когда гоминьдан, ассивно сопротивляясь Японии, проводил активную антикоммунистическую, антинародную политику, усилил феодально-компрадорскую, рашистскую диктатуру. Народ жил в постоянном страхе перед полицией, жандармерией и секретной службой «тэу».

Еще до падения Уханя гоминьдан всеми мерами препятствовал нтияпонскому движению спасения родины, организованному рабочим классом, противодействовал созданию общенациональной организации — Всекитайского союза рабочих для борьбы с японскими агрессорами. После падения Уханя рабочим строго запрещалось участвовать в войне сопротивления; были закрыты все организации, созданные рабочими в начале антияпонской войны для борьбы с врагом.

Чтобы держать в узде рабочие массы и не позволить им создать рофсоюзы, действительно представлявшие их классовые интересы, гоминьдан опубликовал в августе 1941 г. «Временные правила контроля над профсоюзами в чрезвычайных условиях», в декабре 1942 г.— «Меры по усилению контроля над рабочими и торговыми объединениями», ноябре 1943 г.— «Закон о профсоюзах». Эти реакционные законы запрещали рабочим и служащим административных и просветительских учреждений, а также рабочим военной промышленности организовываться в профсоюзы. Все другие рабочие и работницы, как только им сполнится 16 лет, должны были вступать в профсоюзы, но они не имели права свободного выхода из них. По новым законам, органами контроля над рабочими в центре являлось министерство социальных дел, провинциях — провинциальные правительства, в уездах и городах — уездные и городские власти. Для подготовительной работы по созданию рофсоюзов нужно было «разрешение соответствующих органов», и эта абота должна была проходить под контролем их уполномоченных. Кроме того, руководители профсоюзов посылались вышестоящими органами «в соответствии с правилами о назначении секретарей профсоюзных

объединений». Руководство профсоюзов периодически подвергалось строгой идеологической проверке и должно было постоянно информировать вышестоящие органы о своей деятельности. Профсоюзы не должны были «по всякому поводу объявлять забастовку» [7]. На основе таких антирабочих законов, с помощью штрейкбрехеров и агентов секретной службы «тэу» гоминьдан в районах своего господства организовал множество официальных профсоюзов. Они выполняли задачу открытого подавления рабочих масс и усиления их гнета.

На некоторых казенных предприятиях руководителей и рядовых членов профсоюзов власти принуждали вступать в гоминьдан и в «Союз молодежи трех народных принципов» с целью воспитания их в духе рабской покорности и «идейной преданности», запрещали чтение прогрессивной литературы. В случае неповиновения их исключали из профсоюзов, приклеивали им ярлыки «враждебных элементов», подвергали аресту.

Гоминьдан создал в Тяньшуе, Сиане, Чунцине, Шаньяо, Гуйчжоу крупные концентрационные и трудовые лагеря. По некоторым данным, тогда в них томилось свыше 200 тыс. рабочих, учащихся. В лагерях гоминьдан фашистскими методами расправлялся с рабочими-активистами и прогрессивным студенчеством.

На казенных и некоторых частных предприятиях гоминьдан содержал группы надзора, состоявшие из нескольких сот полицейских и шпиков. Они подкупали подрядчиков, штрейкбрехеров, заставляли их следить за действиями и образом мыслей рабочих и сообщать о каждом проявлении недовольства, жестоко расправляясь затем с «виновными». В военной промышленности гоминьдан установил особый контроль над рабочими. Полностью контролировались их слова и действия, часто устраивались домашние обыски. К рабочим относились как к преступникам: стоило им немного провиниться, как их судили по законам военного времени, увольняли с работы, арестовывали, а иногда даже приговаривали к смертной казни.

★

В период антияпонской войны Коммунистическая партия Китая руководила борьбой рабочего класса в районах гоминьдановского господства на основе общего курса национального единого фронта и конкретных условий, сложившихся в этих районах.

В годы войны классовая борьба рабочих гоминьдановских районов была частью общего антияпонского национально-освободительного движения. В условиях, когда гоминьдан вынужден был принять участие в едином фронте, он все же проводил линию на пассивное сопротивление, отобрал у рабочих свободы, поставил их в невыносимые условия жизни. Поэтому рабочий класс должен был наряду с борьбой за сплочение всех национальных сил для ведения антияпонской войны вести классовую борьбу за демократию, свободу и улучшение экономического положения. Эта борьба не предполагала разрушения национального единого фронта; она была рассчитана на активное участие рабочих масс гоминьдановских районов в антияпонском движении. Таким образом, классовая борьба не противоречила национальной.

В период войны гоминьдан, находясь в едином фронте с Коммунистической партией, разрешил ей в Чунцине (сначала в Ухане) создать представительство 8-й армии, издавать газету «Синьхуа жибао» и журнал «Цюньчжун». Но эти органы были под строгим контролем гоминь-

---

[7] Эти реакционные законы опубликованы в «Лаогун фагуй» («Трудовое законодательство»). Изд. министерства социальных дел гоминьдановского правительства. Чунцин. Сентябрь 1944 года.

дановской охранки. Что касается коммунистов и партийных организаций, они по-прежнему, как и в период второй гражданской войны, находились на нелегальном положении. В такой обстановке КПК было крайне трудно руководить рабочим движением гоминьдановских районов.

Борьбу рабочего класса гоминьдановских районов в период антияпонской войны можно подразделить на три периода: от начала войны в июле 1937 г. до падения Уханя в октябре 1938 г., от падения Уханя до 1944 г., когда гоминьдановские районы вступили в полосу военного, политического и экономического кризиса, и с 1944 г. до окончания антияпонской войны в сентябре 1945 года.

Июль 1937 — октябрь 1938 г.— период наибольшего потрясения для гоминьдановских районов. Началась общенациональная антияпонская война. Агрессивную войну из Северного Китая японцы перенесли в Восточный и Центральный Китай, многие города (Пекин, Тяньцзинь, Шанхай, Тайюань, Нанкин, Гуанчжоу, Ухань) и обширные районы один за другим оказывались в руках врага. Гоминьдановская армия панически отступала, правительство переехало из Нанкина в Ухань, а затем из Уханя в Чунцин. Все классы пришли в движение, разрасталась общенациональная война. Действовать старыми методами открытого подавления масс гоминьдану становилось трудно. Он вынужден был на словах позволить народу создавать антияпонские организации, бороться за спасение родины, а на деле чинил всякие препятствия и пытался захватить в свои руки руководство движением, чтобы не дать возникшим массовым организациям развиваться дальше.

В условиях начавшейся войны и учитывая антинародную политику гоминьдана, Коммунистическая партия Китая наметила основной курс профсоюзного движения в гоминьдановских районах этого периода. Он заключался в следующем: мобилизовать все силы для завоевания победы в антияпонской войне; использовать все легальные формы и осуществить единый фронт с рабочими различных антияпонских партий и групп; в рамках единого движения организовать рабочих на активное участие в войне, в ходе которой решить проблему ликвидации безработицы, улучшать политическое, экономическое и культурное положение рабочего класса для еще большего укрепления антияпонских сил. Учитывая, что многие важнейшие промышленные города попали в руки врага или находятся под угрозой захвата, Коммунистическая партия Китая дала указание мобилизовать максимальное число рабочих в деревню для участия в партизанской войне.

Под руководством Коммунистической партии рабочий класс гоминьдановских районов с самого начала войны развернул мощную антияпонскую борьбу. Как только раздался первый выстрел в Лугоуцяо, рабочие станции Чансиндянь Пекин-Ханькоуской железной дороги под руководством партии сразу же создали «Отряды обслуживания фронта», самостоятельно прибыли к месту сражения и занялись эвакуацией раненых. Вскоре японцы повели наступление на станцию Ланфан Бэйпинской железной дороги. Находящимся здесь гоминьдановским войскам был отдан приказ отступать, не принимая боя. Железнодорожники стали просить командование оказать сопротивление. Они сами разрушили дорогу, препятствуя продвижению врага. Патриотические действия рабочих воодушевили младших армейских офицеров и солдат, которые вопреки приказу стали отбивать японские атаки.

После начала войны сотни тысяч китайских рабочих, занятых на японских торгово-промышленных предприятиях Шанхая, Циндао, Тяньцзиня, Уханя, все время организовывали антияпонские забастовки. 19 июля рабочие японской фабрики «Чжуншань» провели героическую забастовку, преодолев вооруженное сопротивление японской охраны. 31 июля рабочие металлургического завода японской компании «Азия»

покинули завод. Одновременно китайцы, работавшие в японских фирмах и частных японских домах, несмотря ни на какие денежные вознаграждения, категорически отказались остаться на работе. 11 августа свыше 200 рабочих японской типографии покинули предприятие, намереваясь отправиться на фронт. В течение двух месяцев, с 15 августа по 15 октября, 623 китайских моряка, обслуживавших более 20 японских судов в Гонконге, покинули город.

В дни наступления японцев на Шанхай рабочие города требовали разрешить им участвовать в боях, создали «Отряды обслуживания фронта», помогали антияпонским отрядам строить оборонительные сооружения, разрушали японские предприятия, пристани и военные склады. В ожесточенных боях у Фуцзяку (Сучжоу) и Сунцзяна «Отряды обслуживания фронта», координируя свои действия с войсками, упорно сражались с японскими войсками. И в других районах рабочие создавали добровольческие, санитарные и другие отряды или принимали непосредственное участие в боях.

Когда важные промышленные районы Северного и Восточного Китая попали в руки японских оккупантов, гоминьдановские войска в страхе бежали. Местные гоминьдановские чиновники обычно первыми убегали или сдавались врагу. Рабочие же нередко брались за оружие и героически дрались с японцами и национальными предателями. В начале войны железнодорожники Пекин-Ханькоуской, Чжэнтайской, Цзяочжоу-Цзинаньской, Датун-Пукоуской, Гуанчжоу-Цзюцзюнской дорог, рабочие Пекина, Тяньцзиня, Шанхая, Тайюаня, Циндао и горняки Таншаня, Цзыбо, Янцюяня, Цысяня, Люхэгоу создали 26 партизанских отрядов от 200 до 1 000 человек в каждом и 20 отрядов, каждый из которых насчитывал не менее 100 человек. Эти рабочие партизанские отряды впоследствии слились с 8-й и Новой 4-й армиями, став важной силой национального сопротивления.

В начале войны рабочие гоминьдановских районов под руководством Коммунистической партии создали различные пропагандистские организации: агитационные отряды, хоровые коллективы, лекционные группы, кружки по изучению текущей политики. Они развернули широкую антияпонскую пропаганду для сплочения и просвещения народа и вовлечения его в работу по спасению родины. Агитпоезд рабочих и служащих Пекин-Ханькоуской железной дороги в течение более четырех месяцев вел пропаганду, обслужив население 440 деревень.

В этот же период, участвуя в антияпонском движении, ранее не организованные рабочие постепенно начали объединяться. Рабочие Уханя, Гуанчжоу, Сиане Чунцина, Сюйчжоу создали «Союз сопротивления. врагу», «Рабочие отряды сопротивления врагу» и другие объединения. Железнодорожники Пекин-Шанхайской, Шанхай-Ханькоуской, Тяньцзинь-Пукоуской, Пекин-Ханькоуской, Чжэнтайской и Лунхайской дорог также организовали «Союз сопротивления врагу», «Отряды обслуживания фронта». Особенно активно действовали железнодорожники, моряки, портовые рабочие, которые стали возрождать и создавать профсоюзы.

В условиях небывалого обострения национального кризиса антияпонские настроения рабочих масс быстро росли. В среде гоминьдановских агентов, заправлявших профсоюзами, начался раскол. Часть их стала склоняться к борьбе с Японией и, желая сохранить свои прежние связи с массами, оставалась на постах профсоюзных лидеров. Они активно поддерживали антияпонскую борьбу рабочих. В феврале 1938 г. руководители «Китайской ассоциации труда» по инициативе и под руководством Коммунистической партии совместно с 18 профорганизациями Шанхая, Гуанчжоу, Уханя, Нанкина и др. выступили в Ухане с инициативой создания Подготовительного комитета Всекитайского рабочего союза сопротивления врагу. Коммунистическая партия Китая надеялась через этот союз и антияпонские группы и партии добиться сотрудниче-

ства с лидерами рабочего движения и осуществить единство рабочего класса в общенациональном масштабе.

Создание Подготовительного комитета получило горячую поддержку рабочих всей страны. Только за два месяца свыше 30 рабочих объединений 17 провинций, находившихся под контролем гоминьдана, изъявили желание принять участие в работе Подготовительного комитета. Однако гоминьдан чинил всяческие препятствия созданию всекитайской организации рабочих. Он запретил организацию союза и решил создать с помощью своих агентов «Союз всех слоев населения» с филиалами во всех районах страны. Путем такой подмены гоминьдан пытался взять под свой контроль массовые антияпонские организации. В начале мая 1938 г. подготовительная работа по созданию Всекитайского рабочего союза была сорвана.

Итак, в первый период — с июля 1937 по октябрь 1938 г.— рабочий класс под руководством Коммунистической партии в гоминьдановских районах, преодолевая сопротивление и препятствия, чинимые гоминьданом, различными методами уничтожал врага, поднимал моральный дух людей в их борьбе за спасение родины, проявив, таким образом, высокое национальное самосознание, став авангардом борьбы против агрессоров. Однако рабочему движению этого периода был присущ и ряд недостатков. Главный из них состоял в том, что соответствующие этому бурному времени формы борьбы глубоко не внедрялись в воспитательную и организационную работу в пролетарской среде. В то же время в некоторых районах существовало заблуждение относительно гоминьдана, оказавшего определенное сопротивление японцам. Не было должной бдительности в отношении реакционной, антинародной, антикоммунистической, соглашательской и капитулянтской деятельности гоминьдана. Поэтому в области организационной работы не всегда в должной мере сочетались легальные и нелегальные формы, рабочие лидеры и активисты, выделившиеся в ходе массового движения, не были законспирированы. В отдельных крупных городах, как Ухань, перед их сдачей врагу под влиянием правой линии Ван Мина не была проведена мобилизация рабочих в деревню для участия в партизанской войне, руководимой партией. Все это нанесло ущерб развертыванию рабочего движения в районах гоминьдановского господства [8].

Октябрь 1938 — начало 1944 г.— второй период в развитии рабочего движения. После падения Уханя японцы начали применять тактику политического привлечения гоминьдана, временно приостановив стратегическое наступление на гоминьдановские районы. Здесь начала развиваться промышленность. Гоминьдан продолжал стоять на позициях пассивного сопротивления Японии и активной антикоммунистической борьбы. Часть гоминьдана во главе с Ван Цзин-вэем открыто капитулировала перед врагом, группа во главе с Чан Кай-ши провела три антикоммунистические кампании, тоже готовя капитуляцию. Гоминьдан вновь начал открыто подавлять рабочее движение. В это время все профсоюзные организации, не находившиеся под гоминьдановским контролем, были закрыты под предлогом «наличия в них подстрекательских элементов» или «несоответствия законным нормам» и т. д. Много профсоюзных лидеров и активно участвовавших в антияпонской деятельности рабочих было арестовано и отправлено в трудовые и концентрационные лагеря.

В целях мобилизации народа для борьбы против антикоммунистической капитулянтской деятельности гоминьдана Коммунистическая партия выдвинула центральные лозунги: «Упорно вести антияпонскую войну», «Бороться против капитуляции», «За сплочение, против раскола», «За прогресс, против реакции». В условиях нависшей угрозы капитуляции

---

[8] Ху Цяо-му. Тридцать лет Коммунистической партии Китая. М., 1952, стр. 59—60.

гоминьдана и национального раскола Коммунистическая партия Китая призвала рабочий класс гоминьдановских районов продолжать стоять на передовых позициях национально-освободительной борьбы и вместе со всем народом и армией, ведущими антияпонскую борьбу, преодолеть опасность капитуляции. В ходе борьбы против гоминьдановской политики подавления народа партия также ставила своей целью завоевание демократических прав для рабочих и улучшение их материального положения. Учитывая усиление деятельности гоминьдановской охранки и недостатки массовой работы в некоторых районах, ЦК КПК, определяя курс рабочего движения в гоминьдановских районах, особенно указывал на необходимость идти в массы, упорно работать и организованно, боевыми методами вести длительную нелегальную борьбу, собирать силы и быть готовыми к тому, чтобы в случае измены гоминьдана единому фронту и его капитуляции защитить интересы партии и антияпонской борьбы в целом. Исходя из этого курса, партийные организации гоминьдановских районов проводили кропотливую работу в массах, руководя тяжелой и упорной борьбой рабочего класса.

В конце 1938 г. открытая капитуляция прояпонских элементов гоминьдана во главе с Ван Цзин-вэем вызвала гнев и возмущение рабочих и всего народа. Рабочие крупных городов гоминьдановских районов под руководством Коммунистической партии провели демонстрации против предательской клики Ван Цзин-вэя, требуя доведения антияпонской войны до конца. Когда типографские рабочие Гонконга объявили забастовку, в результате чего закрылись две ванцзинвэевские газеты, и покинули город, рабочие других районов страны выступили с поддержкой, оказали бастующим материальную помощь. Эти действия рабочих нанесли удар по соглашательским, капитулянтским настроениям в гоминьдане, усилили веру населения гоминьдановских районов в победу антияпонской войны.

Защищая свои кровные интересы, пролетариат гоминьдановских районов в этот период вел постоянную борьбу с капиталистами, главным образом с представителями бюрократического капитала, которые, прикрываясь демагогическими фразами о помощи фронту, не обращали внимания на тяжелые жизненные условия рабочих. С 1938 по 1940 г. в Сиане произошло 36 крупных забастовок. Чтобы избежать серьезных поражений в своей борьбе, рабочие прибегали к методу рассеянного действия. Максимальное число участников этих боев достигало 2—3 тыс. человек. Главное содержание борьбы в условиях бешеного роста цен составляли требования увеличения заработной платы, предоставления жилья, увеличения отдыха, прекращения надругательств и беззаконных увольнений с работы. Основными формами борьбы были посылка делегаций к предпринимателям или жалобы в соответствующие гоминьдановские органы; только в исключительных случаях рабочие прибегали к максимально коротким саботажам и забастовкам.

В условиях полного подчинения профсоюзов гоминьдану и запрета создавать рабочие антияпонские организации и профсоюзы Коммунистическая партия в гоминьдановских районах применяла весьма гибкие методы работы. Партия указывала, что коммунисты предприятий и шахт должны законспирироваться, использовать все возможности для вступления в гоминьдановские профсоюзы. В последних они должны были вести систематическую работу среди рабочих, использовать внутрипартийную борьбу в гоминьдане для завоевания на свою сторону части лидеров и активистов, близких к рабочим массам, вести с ними совместную борьбу против реакционных элементов в правительственных профсоюзах и добиваться постепенного перехода их в руки людей, поддерживающих классовые интересы рабочих и пользующихся их доверием. В то же время партийные организации, идя навстречу пожеланиям масс, создавали множество экономических и культурных организаций, которые не вызывали

подозрений гоминьдана: кооперативные лавки и предприятия (например, небольшие мастерские), театральные труппы, хоровые коллективы, спортивные команды (футбол, баскетбол, волейбол, национальные виды спорта) и туристические группы. Для сплочения и просвещения рабочих использовались и такие старые формы, как землячества и братства.

Таким образом, во второй период рабочий класс гоминьдановских районов под руководством Коммунистической партии сохранил свои позиции, закалился, накопил силы и подготовил организационную базу для подъема демократического движения на последнем этапе антияпонской войны.

Начало 1944 — сентябрь 1945 г. — последний период войны. К этому времени в гоминьдановских районах произошли большие изменения. В связи с пассивным сопротивлением Японии и антикоммунистическими кампаниями «народ обнищал, кипит возмущением, повсеместно вспыхивают волнения»[9]. В сентябре 1944 г. КПК от имени всего народа потребовала «ликвидации однопартийной диктатуры гоминьдана и создания демократического коалиционного правительства», что сразу же получило всенародную поддержку. Демократическая лига, демократические группы в гоминьдане и организации китайцев, проживавших за границей, опубликовали обращения с поддержкой линии КПК. В Чунцине, Чэнду, Куньмине были созданы «Общества содействия демократии». В этих же целях рабочие, учащиеся, деятели культуры, женщины проводили собрания и демонстрации. Призывы КПК к «созданию демократического коалиционного правительства» вызвали подъем народно-демократического движения в гоминьдановских районах.

В условиях этого подъема американский империализм стал нагло вмешиваться во внутренние дела Китая. Правящая гоминьдановская клика при поддержке американского империализма продолжала осуществлять фашистскую диктатуру, не идя ни на какие уступки народу, и по-прежнему проводила политику подавления рабочего движения.

1944 год — время военно-политического и экономического кризиса гоминьдана и начала роста демократического движения. Рабочие требовали, чтобы им была гарантирована работа, установлен прожиточный минимум; они выступали против произвола гоминьдановской охранки.

В начале 1945 г. в гоминьдановской столице и в крупном промышленном городе Чунцине возникла большая политическая забастовка против секретной службы «тэу». 20 марта электрическая компания в Чунцине обнаружила, что учреждения «тэу» не платят за электроэнергию. К ним был направлен рабочий Ху Ши-хэ, чтобы отрезать провода в помещении. Тянь Кай, агент «тэу», пытался ему помешать и убил Ху Ши-хэ. Возмущение охватило весь Чунцин, особенно промышленных рабочих. Они требовали немедленного расстрела Тянь Кая. Рабочие электрической компании похоронили Ху Ши-хэ в храме Чанань в центре города. К храму ежедневно тянулись толпы людей. Несколько сот парных свитков, вывешенных в эти дни, свидетельствовали о жгучей ненависти к охранке. Участники шествий требовали демократических свобод. В листовках рабочие донесли до населения города подлинный смысл событий. Все частные чунцинские газеты ежедневно на видном месте помещали сообщения о возникновении инцидента и развитии событий. Гоминьдан всячески пытался защитить убийцу и методами обмана, запугивания и раскола безуспешно старался успокоить рабочих. На седьмой день после возникновения инцидента под давлением общественности гоминьдановские власти вынуждены были расстрелять Тянь Кая. Борьба продолжалась десять дней, в ней приняли участие 200 тыс. рабочих и горожан. И только после казни Тянь Кая забастовка закончилась проведением демонстрации и траурного митинга.

[9] Мао Цзэ-дун. Избранные произведения. Т. 4. М. 1953, стр. 485.

Эта политическая борьба с самого начала велась против гоминьдановской охранки и была направлена на завоевание элементарных демократических прав. Она обнаружила гнилость гоминьдановского господства, разоблачила его действительное лицо. Борьба, поддержанная широкими слоями населения, проходила под руководством Коммунистической партии. Костяком этого мощного политического движения был рабочий класс. Поэтому победа подняла не только боевой дух рабочих Чунцина и других районов страны, но и ускорила также развитие общедемократического движения в Китае.

Борьба чунцинских рабочих против «тэу» показала большой рост политического и классового самосознания пролетариата гоминьдановских районов, находившегося под руководством Коммунистической партии. После чунцинских событий рабочие Чунцина, Сианя, Чэнду, Куньмина, Гуйяна и других городов продолжали вести борьбу. Только в одном Чунцине после июля 1945 г. было 27 крупных рабочих выступлений, закончившихся полной или частичной победой.

В Чунцине борьба на этой стадии имела ряд новых особенностей. Сопротивление охватило все отрасли; даже рабочие военных предприятий в условиях гоминьдановской диктатуры вели борьбу путем коллективных петиций и обращения к общественности страны через печать. Но к этой форме рабочие прибегали лишь в исключительных случаях, не нарушая единого фронта.

Экономическая борьба тесно переплеталась с политической. В этот период основная часть выступлений, кроме небольшого числа политических, была направлена на улучшение материального положения и обеспечение права на труд, то есть носила экономический характер. Однако эта борьба объективно была частью демократического движения за реорганизацию гоминьдановского правительства, прямо или косвенно содействовала успеху демократического движения.

Борьба организованно и планомерно проходила под руководством Коммунистической партии Китая. Она развертывалась в такой последовательности: сначала избирали делегатов, которые разбивались на несколько групп, затем выдвигали наиболее актуальные требования, выполнение которых представлялось возможным Далее через мелких служащих и сменных обращались к предпринимателям, определяя их позиции. Если это не приносило результатов, все рабочие подписывали коллективные требования. Если и это не давало эффекта, рабочие начинали саботаж, а делегаты тем временем вели переговоры. Исчерпав все возможности, рабочие решались на коллективное прошение или объявляли кратковременную забастовку.

Сравнительно широкими были связи рабочих предприятий и их взаимная поддержка. Прежде чем предпринять какое-либо действие, посылались представители для установления контакта, и рабочие других предприятий откликались на это. Во время забастовок они оказывали друг другу материальную помощь, как, например, на 27 предприятиях Шацы (район Чунцина), опубликовавших совместный манифест по поводу массовых увольнений рабочих, призывая к «сплочению и единству действий».

В борьбе этого периода большое внимание уделялось привлечению на сторону рабочего класса средних и низших работников и официальных профсоюзов, готовых к сотрудничеству.

Таким образом, в условиях общенационального демократического подъема борьба рабочего класса гоминьдановских районов получила широкое развитие. После капитуляции Японии она стала частью руководимого Коммунистической партией Китая общего движения за мир и демократию, против гражданской войны и фашистской диктатуры гоминьдана. Борьба рабочего класса гоминьдановских районов вступила в новый этап.

РОЛЬ РАБОЧЕГО КЛАССА В ИСТОРИИ ЧЕХОСЛОВАКИИ*

Индржих Веселы

В первой половине XIX в. у нас на родине на исторической арене появился новый общественный класс — промышленный пролетариат. Чехия принадлежала тогда к числу первых в Европе стран, ставших на путь промышленного развития, а наш рабочий класс одним из первых проявил себя как революционный класс. Восстания разрушителей машин в чешских землях в 40-х годах прошлого столетия Ф. Энгельс относил наряду с восстаниями лионских рабочих и силезских ткачей к крупнейшим выступлениям нарождавшегося в Европе пролетариата. Наш рабочий класс, следовательно, выступил как революционная сила раньше, чем буржуазия, еще до буржуазно-демократической революции 1848 года.

Более чем столетний путь развития рабочего класса и его авангарда — революционной партии составляет величественный эпос нашей национальной истории. Это история безмерного героизма, самоотверженности, солидарности, грандиозных битв, неизвестных в нашей истории после гуситских войн. Еще К. Маркс предсказывал, что каждое крупное боевое выступление рабочего класса в чешских землях неизбежно будет проникнуто духом борьбы таборитов и гуситов. И рабочий класс действительно стал наследником традиций борьбы за свободу, против отечественных и чужеземных эксплуататоров, тех традиций, во имя которых побеждали табориты, поднявшиеся против феодального режима и стремившиеся к новому социальному строю, к братству и равенству людей. Но какой бы глубокий след ни оставила их борьба в национальной истории, как бы сильно ни потрясла она феодальный строй, табориты не могли добиться установления нового общественного строя.

Столь же безуспешными были и восстания крепостных в XVI—XVIII вв., которые в отчаянных битвах вновь и вновь поднимались с цепами и косами против панов, сжигая их замки.

Появившийся на арене классовой борьбы пролетариат не мог потерпеть поражения надолго. Капитализм, чтобы иметь возможность развиваться, должен был вновь и вновь воссоздавать рабочий класс, увеличивать армию пролетариата — своего могильщика.

Пролетариат, борясь за свое освобождение от капиталистической эксплуатации, стремится в то же время к освобождению всех эксплуатируемых классов, выступает за общество без господ и угнетенных, за счастье всего народа.

В чехословацкой историографии до сих пор еще недостаточно освещен тот великий поворот в судьбах нашей родины, который был ознаменован вступлением рабочего класса на арену общественного развития, его борьбой за социализм.

В отличие от буржуазии других западноевропейских стран, которая

---

* В основу статьи положен доклад И. Веселы на III съезде чехословацких историков 17 сентября 1959 г. в Праге.

выполнила свою революционную миссию, свергнув феодальный строй и создав национальные государства, чешская и словацкая буржуазия не была уже способной осуществить это, не сумела решить буржуазно-демократические задачи. Она оказалась не в состоянии освободить наш народ от оков австро-венгерского рабства. Еще неопытный, молодой рабочий класс поднялся на революционную битву раньше, чем буржуазия начала открытую борьбу с австрийской абсолютистской монархией.

В 1848 г. чешская буржуазия не сыграла своей роли революционного класса. Ее слабость и нерешительность объяснялись боязнью народа, нежеланием повести решительное наступление на феодальную габсбургскую монархию, страхом перед пролетариатом.

Таким образом, уже в самом начале политического и экономического развития чешской буржуазии оказалось, что этот класс не в состоянии последовательно бороться за освобождение нации и демократические преобразования. За измену делу революции 1848 г., за поддержку Вены чешская, как и молодая словацкая, буржуазия была награждена, в конце концов, пинком, а наши народы попали в оковы габсбургского абсолютизма. Несмотря на этот наглядный урок, страх перед своим народом, перед рабочим классом и впоследствии всегда гнал буржуазию в объятия реакции. Капитулянтская политика чешской буржуазии проходит красной нитью через всю ее столетнюю историю, от митингового движения 1868—1869 гг. к военному положению в Праге в конце XIX в., через могучее народное движение, вызванное первой русской революцией 1905—1907 гг., через великий революционный подъем в конце первой мировой войны к тридцатым годам нашего века, когда чешская буржуазия совершила мюнхенское предательство.

Отражением такой политики буржуазии являются и ее исторические концепции. Ф. Палацкий выразил их в наиболее радикальной форме. Он сознательно развивал традиции гуситского движения, видел его демократический характер, считал задачей национальной истории борьбу против немецкой агрессии, выступавшей под лозунгом «Drang nach Osten»[1]. Но за всеми эти взглядами скрывался один и тот же вопрос: как сравнительно более слабая чешская нация может воспротивиться опасности наступления могучего соседа? В этом заключались слабость, безысходность и обреченность данной узконационалистической концепции. Ф. Палацкий фактически призывал опираться на Австрию. Однако в ответ на подобную политику Австрия не проявляла никакой благодарности. После проигранной войны с Пруссией и австро-венгерского соглашения 1867 г. габсбургская монархия открыто ориентировалась на союз с германским империализмом и выступала вплоть до первой мировой войны в качестве его пособника и жестокого угнетателя славянских наций Австро-Венгрии.

Масарик смутно почувствовал слабость этой концепции, которая во второй половине прошлого столетия завела чешскую политику в тупик. Однако в своей государственной и публицистической деятельности он оставался и в дальнейшем на буржуазных позициях сотрудничества с австро-венгерской монархией. Эта проавстрийская ориентация поставила в еще более худшее положение Словакию. После революции 1848 г. она была полностью отдана на произвол венгерского дворянства и его политики мадьяризации.

Во времена Масарика рабочий класс уже стал значительной политической силой в стране. Сделав вывод, что гуситская традиция в национальной истории утратила свое революционное содержание, и выдвинув на первый план религиозную сторону в гуситской традиции, Масарик провозгласил лозунг: «Не революция, а реформация»[2]. Тем самым он

[1] F. Palacký. Dějiny národa českého — díl I. Praha. 1876, str. 12.
[2] T. G. Masaryk. Česká otázka, 1. vyd. 1894. Naše nynější krize, 1. vyd. 1895.

отрекся от революционных методов борьбы и при решении национального вопроса совершенно не полагался на внутренние силы народа. Масарик заявил, что чешский вопрос является в то же время европейским вопросом, что принцип демократии необходимо проводить в жизнь не только внутри нации, но и в отношениях между нациями в общеевропейском масштабе.

В представлении Масарика это означало не что иное, как соединение судьбы нашей страны с так называемыми демократическими западными державами, то есть с Францией, Англией, а позднее и с Соединенными Штатами Америки. Однако в то время эти государства уже перестали соблюдать и защищать принципы буржуазной демократии и во внутренней и во внешней политике, в отношениях между народами.

Капитализм уже перешел в стадию империализма. Основным мотивом внешней политики западных государств была не забота о демократии и буржуазной свободе для малых наций, а стремление усилить колониальный гнет во имя интересов монополий, подчинить себе возможно большее число стран на земном шаре. После первой мировой войны, когда действительные причины возникновения самостоятельного чехословацкого государства не были столь очевидными и роль революционной социалистической России сознательно замалчивалась или преуменьшалась, когда усиленно пропагандировалась легенда об освобождении Чехословакии при помощи якобы Масарика и западных держав, многим казалось, что концепция Масарика правильна, что она действительно привела к возникновению самостоятельного чехословацкого государства. Но двух десятилетий было достаточно, чтобы стало ясно, что вся эта концепция была построена на песке.

Мюнхен наглядно показал нашему народу, что такое империализм. Чехословацкий народ шесть лет находился под пятой фашистских оккупантов. Он воочию убедился в несостоятельности буржуазной исторической концепции Масарика.

Отражением дальнейшего упадка чешской буржуазии и ее открытой национальной измены была историческая школа Пекаржа [3]. Пекарж и его сторонники уже совершенно открыто отбросили все демократические и национальные идеалы, во имя которых буржуазия выступала когда-то как прогрессивный класс. В сущности, школа Пекаржа выражала идеологию и политику примирения буржуазии с чужеземным господством во имя совместной борьбы реакционных сил против социализма, прогресса, рабочего класса, несмотря на то, что такая политика влекла за собой катастрофические последствия для всей нации, для всего народа [4].

Всякое проявление борьбы за свободу и демократию в национальной истории было осуждено и объявлено источником несчастий. Особенно яростным нападкам подверглось гуситское движение [5]. Трагедия Белой Горы, которая на 300 лет утвердила национальное порабощение, была возведена школой Пекаржа в ведущую линию национальной истории. Именно школа Пекаржа во всех деталях, со всеми ее выводами, хотела она того или не хотела, стала в 1933—1938 гг. знаменем политики чешской крупной буржуазии и крупных помещиков, добивавшихся во имя своих классовых интересов капитуляции перед гитлеровской Германией [6]. Идеология национального порабощения и в годы фашистской оккупации служила оправданию сотрудничества с нацистскими оккупантами — кровавыми угнетателями чешского и словацкого народов [7].

Полное банкротство этих буржуазных концепций особенно наглядно видно на примере политики западных держав в германском вопросе. Еще

[3] Jan Pachta. Pekař a pekařovština v českém dějepisectví. Brno. 1950, str. 9.
[4] Там же, стр. 11, 67.
[5] Там же, стр. 74—86.
[6] Там же, стр. 53—63.
[7] Там же, стр. 65—66.

более открыто, чем после первой мировой войны, они поддерживают западногерманский реваншизм и милитаризм, вооружение ФРГ [8]. Смысл подобной политики после двух мировых войн ясен каждому. И чешская реакционная буржуазная эмиграция, те самые люди, которые провозглашали себя «патентованными патриотами», ныне в Западной Германии договариваются с бывшими гитлеровскими генералами и эсэсовскими убийцами о развязывании войны против социалистической Чехословакии. Таков логический итог развития чешской буржуазии за последнее столетие.

Столь же губительно проявилась роль буржуазии и в отношениях между двумя наиболее близкими нациями нашей страны — чехами и словаками. Чешская буржуазия показала, что она не может решить даже на буржуазно-демократической основе вопрос об отношениях между этими двумя народами, имевший жизненно важное значение для их судеб. Вместо того, чтобы содействовать сближению чехов и словаков, она насаждала отчуждение между ними, помогала словацким сепаратистам, с которыми, кстати сказать, чешская реакция находилась в тайном сговоре. В период, когда Чехословакии угрожал германский фашизм и особенно требовалась нерушимая сплоченность обеих наций, германскому фашизму удалось создать в Словакии базу для раскола Чехословакии.

На фоне исторического, политического и морального краха чешской буржуазии еще более четко вырисовывается прогрессивная роль рабочего класса в истории Чехословакии. Однако он не выполнил бы свою историческую миссию, если бы ограничился только общедемократическими задачами в рамках национального движения. Рабочий класс сыграл выдающуюся роль в национально-освободительном движении, став к концу первой мировой войны наиболее последовательной силой общедемократического движения и сопротивления габсбургскому режиму. Это произошло потому, что перед рабочим классом стояли ясные революционные цели, вытекавшие из его классового положения: социальное освобождение, построение социализма. Поэтому борьба рабочего класса Чехословакии должна была стать и стала составной частью международного рабочего движения.

Первая предпосылка для этого заключалась в том, чтобы избавиться от руководства и влияния национальной либеральной буржуазии, усвоить марксизм. Решающий шаг был сделан в 70-х годах прошлого столетия в результате создания самостоятельной революционной рабочей партии.

Чешская буржуазия всеми мерами старалась не допустить рабочих к самостоятельной политической деятельности, но ей это не удалось. История образования социал-демократической партии в Чехии была впоследствии искажена. Буржуазные историки приписывали основание чехославянской социал-демократической партии съезду в Бржевнове, состоявшемуся в 1878 г., и считали ее самостоятельной партией. Тем самым они отрицали тот факт, что партия была создана как организация, носившая интернациональный характер. Между тем известно, что социал-демократическая партия в Австрии возникла как партия интернациональная на всеавстрийском съезде в Нойдерфеле в 1874 г. при участии наиболее сознательных рабочих всех национальностей. Уже там в программу партии был включен пункт о свободном самоопределении наций [9].

В отличие от буржуазии с ее националистической программой рабочий класс с самого начала в чешском и словацком национальном вопросе ориентировался на завоевание демократических свобод, на новые общественные силы, на победу социалистической революции.

---

[8] A. Novotný. Zpráva o činnosti ÚV KSČ XI. sjezdu strany. «Nová mysl», zvl. číslo, červen 1958, str. 14—15.

[9] См. «Maketa Učebnice dějin KSČ», str. 52 a připravovaný sborník dokumentů k počátkům dělnického hnutí.

Чешские пионеры социалистического движения активно участвовали в подготовке нойдерфельского съезда. Чешские земли в течение определенного периода являлись главным центром революционного рабочего движения во всей Австро-Венгрии, а Либерец даже был одно время местом пребывания Центрального Комитета всеавстрийской партии. В этот период рабочее движение носило более четко выраженный революционный характер, решительнее выступало против оппортунистических влияний, чем позднее, когда резиденция руководства австрийской социал-демократии была перенесена в Вену[10].

Основание в 1878 г. в Бржевнове отдельной чехославянской социал-демократической партии ознаменовало важный рубеж в развитии рабочего движения в нашей стране, но все же эта организация оставалась составной частью единой тогда интернациональной всеавстрийской партии[11].

После первых успешных шагов рабочего движения австро-венгерская монархия попыталась остановить его развитие путем суровых репрессий, особенно усилившихся в 80-е годы XIX века. Чешская буржуазия помогала австрийской реакции проводить эти репрессии. Примечательно, что в то время в венском министерстве заседал даже ее представитель Пражак. Но тогда же буржуазия воочию убедилась в невозможности помешать пролетариату осуществить его историческую миссию. Ни тюрьмы, ни исключительные законы не могли остановить развития рабочего движения. После ряда лет суровых преследований, подобно грому среди ясного дня, разразились рабочие демонстрации 1 мая 1890 года[12].

Рабочий класс уже в тот период играл весьма важную роль во всеобщем демократическом движении. Наиболее ярко это сказалось во время бурных событий 1905—1907 годов. Ни в одной стране влияние первой русской революции не проявилось так сильно, как в Австро-Венгрии, в особенности в чешских землях. Это объяснялось главным образом тем, что задачи, стоявшие перед Австро-Венгрией, в известном смысле были аналогичны задачам, которые решала русская буржуазно-демократическая революция. На повестке дня в Австрии стояло еще завершение буржуазно-демократической революции. Хотя и не в такой мере, как в России, особую остроту приобретал национальный вопрос. В Австро-Венгрии имелся сильный пролетариат во главе с социал-демократической партией, а буржуазия так же, как и в России, боялась открытого сражения с абсолютизмом, потому что страшилась развертывания народного движения.

Волна всенародного движения в Австрии, разлившаяся с огромной силой, поколебала австро-венгерский трон. Рабочий класс встал во главе этого движения. В. И. Ленин уже разработал тогда в России теорию о ведущей роли рабочего класса в демократической революции, и большевики старались претворить ленинские идеи в действительность. И хотя русская революция потерпела поражение, ее результаты были исключительно важными; идея революции глубоко проникла в сознание масс. Революция 1905—1907 гг. стала исходным пунктом и генеральной репетицией Великой Октябрьской социалистической революции.

В Австро-Венгрии революционное движение 1905—1907 гг. окончилось частичным успехом (введением всеобщего избирательного права), и все же, остановившись на полпути, оно не сыграло такой роли, как первая русская революция[13]. Почему так произошло? Руководство социал-демократии не имело ясного курса, не осуществляло линии на завоевание рабочим классом ведущей роли в буржуазно-демократической революции. В руководстве социал-демократии уже находились оппортуни-

---

[10] «Maketa Učebnice dějin KSČ», str. 72.
[11] Там же, стр. 69.
[12] Rollová a další. První máj 1890. Praha. 1950.
[13] «Maketa Učebnice dějin KSČ», str. 182—183.

стические элементы, которые отвергали революционные методы борьбы, подчинялись политическому руководству буржуазии и вместе с ней стремились затормозить и остановить революционное движение. Ведущие деятели чешской социал-демократии совместно с Т. Г. Масариком и другими представителями чешских буржуазных партий подписали обращение, в котором они фактически призывали массы прекратить борьбу. Хотя на съездах партии и принимались формальные резолюции, осуждавшие ревизионизм, в практической политике ревизионистские концепции, отрицавшие классовую борьбу и ориентацию на социалистическую революцию, глубоко проникали в рабочую партию и вели ее в болото оппортунизма.

Крах партий II Интернационала, в том числе австрийской и чешской социал-демократии, в начале первой мировой империалистической войны имел важные последствия для последующей истории нашей страны. Во главе стихийного антиавстрийского и антимилитаристского движения с самого начала фактически шел рабочий класс, что наложило на это движение определенный отпечаток. В сознании широчайших слоев народа идея национального освобождения связывалась с идеей социального освобождения, переплетаясь с идеями социализма.

В полной мере это проявилось после победы Великой Октябрьской социалистической революции. Клемент Готвальд высоко оценил огромное значение Октябрьской революции для истории наших народов, отметив, что без Октябрьской революции не было бы и самостоятельной Чехословакии. Однако до сих пор недостаточно изучено, как влияние Октября конкретно сказалось на политике основных классов тогдашнего общества — пролетариата и буржуазии.

Под непосредственным воздействием событий в России в чешских землях развернулось гигантское антиавстрийское и антивоенное движение, главной силой которого был пролетариат. Оно началось в первые дни декабря 1917 г. в Праге и других городах могучими манифестациями, участники которых требовали заключить перемирие и начать переговоры о заключении мирного договора с Советским правительством на основе его предложений. Это движение расширилось в январе 1918 г. во время всеобщей забастовки, которая охватила не только Австрию и Венгрию, но затронула и соседнюю Германию.

О новом характере национального движения свидетельствовали события, имевшие место 1 мая 1918 года. Волна массовых выступлений разбила режим чрезвычайных ограничений военного времени и обеспечила проведение легальной майской демонстрации в чешских землях и в Словакии. Стотысячные колонны демонстрантов в Праге шли с красными знаменами, с лозунгами: «За социалистическую нацию!» [14]. В этом призыве ясно выразилось настроение рабочего класса и широчайших масс народа, в сознании которых уже тогда национальное освобождение было неотделимо от освобождения социального. Народные массы представляли себе будущую самостоятельную республику как республику социалистическую.

Под руководством Богумира Шмераля была сделана попытка высвободить рабочую политику из-под опеки буржуазии из Национального комитета и создать Социалистический совет и рабочие Советы. Движение достигло своей кульминации во время всеобщей стачки 14 октября 1918 года. Именно рабочий класс и связанные с ним другие слои трудящихся первыми провозгласили тогда самостоятельную Чехословацкую республику, одновременно требуя, чтобы она была республикой социалистической [15].

---

[14] J. Veselý. O vzniku a založení KSČ. Praha. 1952, str. 30.
[15] Там же, стр. 44.

Это героическое выступление рабочего класса нанесло окончательный удар австро-венгерскому господству над чешской и словацкой нациями. Но не хватало твердой революционной партии, вооруженной учением марксизма-ленинизма, имеющей ясное представление о своих целях и действиях. Поэтому в 1918 г. самостоятельная Чехословакия, несмотря на требования народа, возникла не как социалистическая республика. Результатами долголетней, полной самоотверженности борьбы трудящихся масс воспользовалась буржуазия.

Возникновение Чехословацкой республики было исторически прогрессивным явлением, поскольку оно знаменовало ликвидацию полуфеодальной абсолютистской австро-венгерской монархии и национальное освобождение чехов и словаков. Словацкий народ избавился от гнета венгерских господствующих классов и спасся от угрожавшей ему опасности мадьяризации. С этой точки зрения создание Чехословацкой республики означало для Словакии большой шаг вперед также в национальном и культурном отношениях, хотя словаки в Чехословацкой буржуазной республике оставались неравноправной нацией.

Правда, положение господствующей буржуазии в новой республике в течение долгого времени было весьма неустойчивым. Рабочий класс хотел идти дальше, к революции социалистической. Революционный напор пролетариата приобрел тогда такую силу, что вынудил буржуазию пойти на различные уступки. «Побочным продуктом» этого гигантского столкновения классовых сил явилась буржуазно-республиканская форма нового государства. Знамя буржуазной демократии было поднято в противовес знамени социалистической революции, вопреки стремлению рабочих взять власть и провести глубокие социалистические преобразования. С помощью предательских правых социал-демократических лидеров буржуазии удалось добиться раскола рабочего класса.

Буржуазия, укрепив в 1920 г. свою власть и нанеся поражение революционному рабочему движению, начала весьма быстро сбрасывать демократическую маску. За время предмюнхенской буржуазной республики пушки неоднократно стреляли в рабочих, насильно подавлялось революционное движение, а несколько раз крупная буржуазия пыталась даже установить фашистский режим. Если бы все зависело от чехословацкой буржуазии, то она охотно правила бы теми же методами, что Гитлер в Германии, а Муссолини в Италии.

Необходимо сказать, что если вплоть до 1938 г. в Чехословакии сохранялся буржуазно-демократический строй, несмотря на фашистское наступление, то в этом заслуга не буржуазии, а могучего народного антифашистского движения, во главе которого стоял рабочий класс и которое было организовано Коммунистической партией Чехословакии.

Буржуазия всячески старалась извратить историю возникновения Чехословакии и двадцатилетнего существования домюнхенской республики, прибегая для этого ко многим лживым вымыслам. Она отрицала решающую роль победы Октябрьской революции и возникновения Советского государства как фактора, который сделал возможным образование самостоятельного чехословацкого государства, и неизменно возвеличивала роль западных держав. Особенно много усилий она приложила для того, чтобы «вымести» из историографии всякие упоминания о роли народных масс в истории, о революционной роли рабочего класса и протащить легенду об отдельных личностях как «освободителях» [16].

Чехословацкая историческая наука сделала немало для разоблачения подобных фальшивых утверждений, но в этом направлении предстоит сделать еще очень много.

Одним из важнейших факторов, который в 1918—1920 гг. оказывал влияние на решение вопроса о характере новой республики, было кресть-

[16] O. Říha. Ohlas Říjnové revoluce v ČSR. Praha. 1957, str. 153.

янство. Наше крестьянство имеет сильные революционные традиции. Гуситское движение можно считать прежде всего движением крестьянским. В последующие века также неоднократно происходили мощные крестьянские восстания против шляхты, против крепостного права [17]. Эта живая традиция связывала крестьянство с рабочим классом, наиболее революционным классом современного общества.

Борьба за социализацию промышленности и банков и борьба за конфискацию дворянской земли — это были два основных течения, которые соединяли рабочий класс и крестьянство, образуя основу естественного союза рабочих и крестьян в период после возникновения Чехословацкой республики.

В то же время здесь действовали и другие силы. В частности, большое влияние оказывал тот исторический факт, что освобождение крестьян от феодальной зависимости у нас произошло в период буржуазной революции, в то время, когда рабочий класс был еще слабым. В результате на много десятилетий сложился союз значительной части крестьянства с буржуазией.

Во время революционной волны после первой мировой войны буржуазия могла, таким образом, опереться на часть крестьянства, используя при этом частнособственнические устремления крестьян. Буржуазия провела урезанную аграрную реформу. Позднее крестьяне убедились, что эта реформа была насмешкой над их стремлениями. Но вначале она помогла буржуазии обмануть крестьян, оторвала крестьянские массы от рабочих, и в решающих боях рабочие оказались в значительной степени изолированными от трудящихся слоев деревни.

Раскол основных классов трудящихся оказался роковым как для рабочих и крестьян, так, в конечном счете, и для всей нации.

Исторический опыт минувшего периода ясно говорил о том, с кем должно идти подавляющее большинство крестьянства. Для трудящихся крестьян союз с банками, монополиями и картелями крупных капиталистов означал хозяйственную катастрофу и мог привести только к краху всей нации.

Перед крестьянством только на основе союза с рабочим классом открывается путь к избавлению от постоянного страха за жизнь, от вековечной нищеты, к свободной и счастливой жизни, озарившей ныне чехословацкую деревню.

Третьим объективным фактором, который решил исход борьбы в 1918—1920 гг. в пользу буржуазии, явилась расстановка международных сил. Социалистическая революция победила тогда только в одной стране, в Советской России. К тому же молодая Республика Советов должна была бороться на фронтах против иностранной интервенции и внутренней контрреволюции, преодолевать хозяйственную разруху, голод. Буржуазия же могла опереться на западные державы. Свой союз с Францией, Англией и США она выдавала в качестве средства для «надежного» обеспечения национальной независимости, «гарантии» светлой будущности и счастья наших наций [18]. Но история преподала суровый урок. В том, чего стоят подобные «гарантии», мы убедились в период Мюнхена и продолжаем убеждаться до сих пор, видя, как в Западной Германии при поддержке реакционных кругов США, Англии и Франции вновь возрождается милитаризм и реваншизм.

Международное положение и империалистические связи чехословацкой буржуазии не принесли народу счастья. Напротив, они подготовили нашим нациям безмерные унижения, новую Белую Гору, шестилетнюю фашистскую оккупацию.

Надеждой трудящихся стала Коммунистическая партия Чехосло-

---

[17] Jos. Kočí. Boje venkovského lidu v období temna. Praha. 1953.
[18] J. S. Hájek. Mnichov 1938. Praha. 1958, str. 20 a dále.

вакии — революционная партия рабочего класса, борющаяся за социализм.

Основание Коммунистической партии Чехословакии явилось победой принципов ленинизма над идеологией ревизионизма и оппортунизма. Эта последовательно интернационалистическая партия сплотила рабочих разных национальностей. Она боролась не только за интересы рабочих, но также и за интересы крестьян, трудовой интеллигенции, всех трудящихся.

Героическая борьба Коммунистической партии за хлеб и работу, против фашизма и войны, за социализм составляет основное содержание чехословацкой истории в период между двумя мировыми войнами, во время оккупации, а также в последующие годы.

Линия Коммунистической партии и результаты ее политики, итоги ее деятельности в корне отличаются от политики обеих реформистских партий и последствий этой политики.

Правые лидеры социал-демократии и национально-социалистической партии уверяли рабочих, что они могут прийти к социализму иным, не ленинским путем, что они могут завоевать социализм без жертв, без борьбы, без революции: через мирное перерастание капитализма в социализм, через сотрудничество с буржуазией в коалиционном правительстве.

Т. Г. Масарик как глава государства торжественно обещал горнякам в Бржезовых Горах уже в 1920 г., что они добьются социализации шахт и промышленности в целом «легче» и «безопаснее» на «демократическом» пути [19]. Он вскоре после смерти В. И. Ленина предсказывал гибель социализма в СССР и усматривал в приходе к власти лейбористского правительства в Англии начало эры всеобщей победы так называемого демократического социализма.

Но история жестоко посмеялась над этими пророчествами. Вместо социализации банков и промышленности была установлена власть узкой группы финансовых магнатов, финансовая олигархия, которая стала контролировать не только экономическую жизнь всей страны, но и внутреннюю и внешнюю политику Чехословакии. Вместо демократии были приняты реакционные, антирабочие законы, за которыми последовало наступление фашизма [20]. Вместо обещанной республики без панов и обездоленных в годы экономического кризиса налицо была республика с одним миллионом безработных, так что каждый пятый человек в республике был фактически нищим [21].

В очень бедственном положении оказался наш народ в период экономического кризиса 1930—1934 годов. И было бы еще хуже, если бы не состоялись голодные походы безработных, тысячи демонстраций, мостецкие стачки, организованные Коммунистической партией Чехословакии.

Буржуазия не сумела за время своего господства существенно поднять чехословацкую экономику. Хотя наша страна не была непосредственно затронута первой мировой войной, потребовалось все же 9 лет, чтобы в важнейших отраслях производства тогдашняя Чехословакия превысила уровень 1913 года [22]. Затем разразился экономический кризис, объем производства уменьшился сразу на $^1/_3$ [23]. Трудящееся население продолжало еще испытывать на себе тяготы экономического кризиса, когда встал призрак гитлеровской угрозы Чехословакии.

Как отдельные классы и их политические партии отнеслись к этому тяжелому, пожалуй, наиболее тяжелому испытанию в нашей национальной истории?

---

[19] T. G. Masaryk. Cesta demokracie. I. díl. Praha. 1939, str. 420—423.
[20] Kl. Gottwald. Spisy. VI. Praha. 1952, str. 170—186.
[21] Sborník «Za chléb, práci, půdu a svobodu». Praha. 1954, str. 471—486.
[22] Sborník «Za bolševickou orientaci». Praha. 1954, str. 258.
[23] «Přehled dějin Komunistické strany Československa», Téze. SNPL. 1957, str. 125

Главные силы чешской крупной буржуазии и ее реакционные политические партии вошли в открытый контакт с Гитлером. В своей классовой ненависти они зашли так далеко, что откровенно призывали к подчинению Чехословакии гитлеровским поработителям.

Другая, так называемая демократическая часть буржуазии и лагерь реформистских партий отвергали предложения коммунистов об объединении и мобилизации всех патриотических сил на защиту страны и народа. Оставаясь в коалиции с реакционными изменниками, они шаг за шагом уступали им, и в конце концов вместе с ними стали проводить предательскую политику капитуляции перед Гитлером, которая завершилась принятием мюнхенского диктата, а затем и фашистской оккупацией.

Единственной силой, которая последовательно выступала в защиту демократии и республики, против фашизма и гитлеровской агрессии, за объединение подлинных демократов и патриотов и все делала для предотвращения мюнхенской капитуляции, была Коммунистическая партия Чехословакии, партия рабочего класса. КПЧ разоблачала предательство реакции, ее сговор с фашистской Германией и гитлеровским агентом Генлейном. Она боролась за единство действий рабочего класса, что в случае успеха послужило бы основой для образования правительства народного фронта в Чехословакии. Только такое правительство обеспечило бы оборону республики [24].

В момент, когда нашей родине угрожала смертельная опасность, самые широкие массы чехословацкого народа на деле убедились в том, что рабочий класс, руководимый Коммунистической партией, является не только борцом за новое, социалистическое общество, но и единственно последовательным борцом за национальные интересы, за интересы народа. Коммунисты выступили как истинные наследники гуситов. Они действовали в духе лучших традиций всей нашей национальной истории.

Коммунистическая партия сделала все, чтобы в ту тяжелую годину выполнить свою историческую миссию. В течение шести лет не переставала выходить газета «Rudé právo»; четырежды в связи с арестами руководителей партии на смену одному составу Центрального Комитета партии приходил другой, чтобы мужественно продолжать борьбу; 25 тысяч коммунистов — лучших сынов и дочерей народа — пали в битве за национальную свободу [25]. В условиях самого свирепого террора КПЧ организовала забастовки рабочих в Авии, Вольтровце, Иноницах, Колбенце и на многих других предприятиях, развернула саботаж германского военного производства, создала первые партизанские отряды и боевые группы, подняв в Словакии и Чехии вооруженную борьбу против оккупантов, возглавила Словацкое национальное восстание и Пражское майское восстание [26]. Широкие слои нашего народа в ту тяжелую пору увидели в КПЧ свою родную партию.

Таким образом, в ходе оккупации произошли глубокие перемены не только в национальном, но и в классовом сознании всех трудящихся.

Наиболее существенные изменения произошли в сознании рабочего класса. Рабочие отошли от реформизма, от идеологии сотрудничества с буржуазией и встали на позиции Коммунистической партии, пополняя ее ряды и самоотверженно помогая ей в борьбе за национальное освобождение.

Чрезвычайно важные перемены произошли и в рядах крестьянства. Оно поняло, как предательски было обмануто аграрной партией и ее лидерами, которые выступали перед крестьянами как патриоты, а на деле оказались главной силой капитуляции перед Гитлером. Из аграрной партии, как и из банковской и промышленной олигархии, рекрутировались

[24] Там же, стр. 148—171.
[25] «Život strany», 1958, č. 2, str. 697.
[26] «Přehled dějin Komunistické strany Československa». Téze. SNPL, 1957, str. 189—194.

едатели нации во время оккупации, открытые пособники фашистских лачей.

В борьбу, которую вела Коммунистическая партия, включались мые лучшие, выдающиеся представители чешской и словацкой куль- ры и науки.

Многое изменилось и в Словакии. В период до Мюнхена и до 14 мар- 1939 г. людацким фашистам удавалось обманывать широкие слои овацкого народа уверениями, что они будто бы стремятся только к тономии в рамках Чехословакии. Людацкая политика вела к расколу хословакии, а людацкие фашисты проявили себя решительными по- бниками Гитлера [27]. Чтобы развеялись в прах ложь и обман, потребо- лся горький опыт нескольких лет, в течение которых чехословацкий род испытал весь ужас фашистского режима. В 1944 г. с приближе- ем Советской Армии к границам Чехословакии именно Словакия ста- основной базой массовой партизанской борьбы. Эта борьба достигла оей вершины в славном Словацком национальном восстании.

Словацкое восстание, массовый переход словацких войск на сторо- партизан, а на советско-германском фронте — на сторону Советской мии свидетельствовали о банкротстве политики людацких фашистов, тавшихся направить словацкий народ с оружием в руках против Совет- ой Армии и противопоставить его чешской нации.

Не случайно в разгар Словацкого восстания состоялся съезд про- ессиональных советов. Такой факт сам по себе подчеркивает ведущую оль рабочего класса в национально-освободительной борьбе в Слова- ии [28]. Именно рабочий класс явился той силой, которая преодолела про- сть, вырытую чешскими и словацкими капиталистами между чешской словацкой нациями.

На основе интернационализма и братства рабочий класс в борьбе воссоздание Чехословацкой республики добился установления новых тношений между чешской и словацкой нациями как нациями равно- равными и закрепил эти отношения героической борьбой с оружием в уках.

Коммунистическая партия с самого начала правильно ориентиро- ала наш народ, разъясняя ему, откуда следует ждать освобождения. од войны ясно показал, что тщетны были бы надежды на освобождение, ли бы народ поверил словам Бенеша и его лондонского эмигрантского равительства, будто свободу Чехословакии принесет Запад. Трудно редставить себе, что итоги второй мировой войны могли быть для нас спешными, если бы в борьбу не вступила Советская Армия, армия со- иалистического государства.

Коммунистическая партия настойчиво добивалась объединения всех нтифашистских и патриотических сил как внутри страны, так и в эми- ации. Несмотря на саботаж буржуазных деятелей и правых рефор- истских лидеров, широкие народные массы сплотились в Национальном ронте. По инициативе коммунистов была выработана совместная про- амма, ставшая программой первого правительства Национального ронта, учрежденного в Кошицах в апреле 1945 года [29].

Кошицкая программа предусматривала ликвидацию фашистской купации и восстановление Чехословацкой республики. Это была про- амма национальной и демократической революции, направленной на здание действительно новой республики, в которой власть находится руках народа во главе с рабочим классом.

Уже при основании Национального фронта все входившие в него ртии и организации должны были, желали они того или нет, признать

[27] Там же, стр. 173.
[28] Sborník «Slovenské národní povstání», SNPL. 1959, str. 87—88.
[29] Sborník «Za svobodu českého a slovenského národa», SNPL, 1956, str. 368—391.

ведущую роль Коммунистической партии и руководящее положение рабочего класса в этом широком союзе трудящихся.

При этом та часть буржуазии, которую в чешских землях представлял Бенеш, а в Словакии — Демократическая партия, вступив в Национальный фронт и подписав Кошицкую программу [30], надеялась, что в основном можно будет повторить события 1918—1920 гг., что с течением времени ей удастся лишить рабочий класс его руководящей роли и власти [31].

Однако международные и внутренние условия были совершенно иными, нежели после первой мировой войны. Для исхода второй мировой войны решающее значение имели победы Советской Армии, сыгравшей главную роль в разгроме фашизма и в спасении человеческой цивилизации и культуры от фашистского варварства. Советская Армия избавила чехов и словаков от той страшной судьбы, которую им уготовили фашисты.

Другой весьма важный международный фактор состоял в том, что по соседству с Чехословакией — в Польше, Венгрии, Румынии, как и в ряде стран Юго-Восточной и Центральной Европы,— ликвидация германской оккупации сопровождалась свержением старых, реакционных порядков и возникновением новых, народно-демократических государств.

Эти внешние условия были исключительно благоприятны для рабочего класса и всех трудящихся нашей родины и, наоборот, неблагоприятны для реакционных сил буржуазии. В то время очень многое зависело от чехословацкого рабочего класса, от того, как он сумеет использовать эти условия, от его самоотверженности, героизма и сознательности, от политической зрелости, инициативы и закаленности его Коммунистической партии.

Учреждение в 1945 г. правительства Национального фронта означало приход рабочего класса к власти. Чехословакия была восстановлена на совершенно новых основах — как народно-демократическое государство.

На первой фазе под руководством рабочего класса осуществлялись глубокие демократические преобразования. Их смысл состоял в том, что из жизни страны было удалено все, чем была вызвана катастрофа 1938—1939 годов. Имущество коллаборационистов и предателей подверглось конфискации [32]. В соответствии с Потсдамским соглашением началось выселение немецкого населения из Чехословакии [33]. Было определено положение словацкой нации в новой республике на основе признания ее самобытности и равноправия, а также принято соглашение о существовании обеих наций в рамках одного государства [34]. Особое внимание уделялось укреплению и развитию новой государственной власти, опирающейся не на бюрократический аппарат управления, а прежде всего на избранные народом и ответственные перед ним национальные комитеты как органы государственной власти. Все эти мероприятия сильно подорвали экономические и политические позиции буржуазии и укрепили власть трудящихся.

Уже на первой фазе группы буржуазии старались ограничить и затормозить развитие национальной и демократической революции.

В то же время рабочий класс не желал останавливаться на полпути. Он сознавал, что либо он должен развивать дальше национальную и де-

---

[30] J. Veselý. Kronika únorových dnů. SNPL. 1958, str. 8—9.
[31] Kl. Gottwald. 1946—1948. Sv. II. Svoboda. 1949, str. 264—265.
[32] Sbornik «Otázky národni a demokratické revoluce v ČSR». Praha. 1955, str. 266.
[33] «Přehled dějin Komunistické strany Československa». Téze. SNPL. 1957, str. 201.
[34] Sborník dokumentů «Za svobodu českého a slovenského národa». SNPL. 1956, str. 376—377.

иократическую революцию и перейти к революции социалистической, либо произойдет поворот, который, как и в 1920 г., лишит трудящихся их революционных завоеваний. Вопрос был поставлен историей ясно: либо Чехословакия пойдет под руководством рабочего класса к социализму, либо станет реальной угроза реставрации капитализма. Третьего решения быть не могло. Борьба за избрание одного из этих путей составляла основное содержание политической жизни в 1945—1948 годах.

Рабочий класс и трудящиеся на этот раз имели опытного вождя, сильную и закаленную Коммунистическую партию, которая сумела использовать общие закономерности социалистической революции, опыт Советского Союза применительно к конкретным условиям Чехословакии.

КПЧ ковала железо, пока оно было горячо. Уже в летние месяцы 1945 г. на повестку дня была поставлена национализация банков, металлургических предприятий, шахт и тяжелой промышленности [35]. В Национальном фронте и в правительстве в связи с этим развернулась первая решающая битва с буржуазными группами. Однако ситуация была такова, что реакционные группы не отважились открыто выступить перед общественностью со своими возражениями против национализации, они хотели прибегнуть к закулисным действиям. Но их заговор не удался. Октябрь 1945 г. был ознаменован первым этапом национализации промышленности, банков, что явилось существенным ударом по капиталистическому строю в Чехословакии и началом перехода от революции национальной и демократической к революции социалистической [36].

Вместе с возраставшей политической и экономической мощью рабочего класса в стране укреплялся союз рабочего класса и крестьянства.

В отличие от домюнхенской республики на этот раз действительно были конфискованы латифундии послебелогорской шляхты; раздел был проведен демократическим способом при помощи крестьянских комиссий. Земля прежде всего давалась безземельным и самым бедным крестьянам.

Перепуганная буржуазия старалась вбить клин между рабочими и крестьянами. Эти попытки особенно усилились осенью 1947 г. после большого неурожая. Выдвигая требование увеличить покупные цены на сельскохозяйственные продукты, буржуазия надеялась переложить тяготы этих расходов на плечи рабочих и других трудящихся и тем самым добиться разлада между рабочими и крестьянами. Однако Коммунистическая партия разоблачила и обезвредила эти замыслы и выдвинула требование установить налог на миллионеров. Несмотря на сопротивление представителей буржуазии, налог на миллионеров был принят. В итоге произошло дальнейшее укрепление союза рабочих и крестьян [37].

Следующая опасная вылазка, направленная на раскол рабочего класса, была предпринята в ноябре 1947 г. на брненском съезде социал-демократии. И здесь закулисные режиссеры пытались направить события по образцу 1920 года. Поворот вправо части лидеров социал-демократии, как и тогда, должен был нарушить сотрудничество между коммунистами и социал-демократами, поставить последних на сторону правых партий, содействовать расколу рабочего класса в интересах контрреволюционной буржуазии.

Но и на этот раз расчеты реакционных сил провалились. Они натолкнулись на значительное сопротивление внутри социал-демократической партии, оказанное образовавшимся в ней левым крылом, которое правильно учитывало исторический опыт. Попытка организовать так называемый антикоммунистический фронт, который повел бы к расколу Национального фронта трудового народа, не отвечала настроениям масс.

---

[35] Kl. Gottwald. Spisy. XII., str. 92.
[36] «Přehled dějin Komunistické strany Československa». Téze. SNPL. 1957, str. 204.
[37] J. Veselý. Kronika únorových dnů. SNPL. 1958, str. 34—38.

Широкие слои трудящихся во главе с рабочим классом стремились к осуществлению своей заветной мечты, к перестройке общества на социалистических началах [38].

Буржуазная реакция, ослепленная ненавистью и страхом, в феврале 1948 г. сделала ставку на контрреволюционный путч. Результат этого известен. Попытка контрреволюционного мятежа не только не вернула буржуазии утраченную власть, но окончательно решила вопрос о власти в пользу рабочего класса.

Так были завершены социальные преобразования, которые протекали с 1945 по 1948 год. В своей совокупности они означали проведение социалистической революции в нашей стране. Рабочий класс полностью завоевал господствующее положение. Чехословакия вступила на путь строительства социалистического общества.

Славный февраль 1948 г. навсегда останется в памяти нашего народа. В ходе исторических событий тех дней вновь блестяще проявилась ведущая и направляющая роль Коммунистической партии Чехословакии. Трудящиеся осознали государственную роль КПЧ, убедились в ее способности вести массы к победе, укреплять народно-демократическое государство и руководить им.

Другой важный момент состоял в том, что победа в феврале 1948 г. была завоевана при участии действительно широчайших слоев трудового народа. К политической жизни были пробуждены массы, которые ранее не принимали участия в ней. Политический и организационный опыт, приобретенный массами в 1945—1948 гг., сознание миллионов и миллионов людей, что почти каждый трудящийся в той или иной мере содействовал победе над реакцией,— все это обеспечило укрепление нашего народно-демократического строя.

Февральская победа, будучи выражением исторической закономерности, является составной частью всемирно-исторического процесса ликвидации капитализма и построения социализма. Компартия доказала при этом свое умение творчески применять в конкретных условиях нашей страны общие закономерности, открытые Марксом и Лениным.

Февральские события показали, что рабочий класс выступает не только во имя своих интересов, но и в интересах остальных слоев трудящихся, прежде всего крестьянства и трудовой интеллигенции. Только рабочий класс, руководимый марксистской революционной партией, может вести народ к осуществлению его вековой мечты о завоевании национальной и социальной свободы, о справедливой и счастливой жизни.

1945 год и 1948 год явились решающими рубежами в нашей национальной истории. Пятнадцать лет назад началась новая эра в истории Чехословакии, эпоха народной демократии—новой исторической формы государства диктатуры пролетариата. Изучение и освещение этого периода—первейшая задача чехословацких историков.

Мы часто говорим, что история является учительницей наций. Больше всего это относится именно к современному этапу исторического развития, закономерности которого имеют непосредственное отношение к будущности. История народно-демократической Чехословакии оказывает и будет оказывать наиболее сильное влияние на идейное и культурное воспитание нашего народа.

Изучение этого периода имеет и международное значение. Чехословакия является одним из высокоразвитых в промышленном отношении государств мира, в котором десятилетия господствовала экономически сильная и политически опытная буржуазия, страной значительных парламентарных буржуазно-демократических традиций.

---

[38] «Přehled dějin Komunistické strany Československa». Téze. SNPL. 1957, str. 212—213.

Опыт строительства социализма у нас блестяще подтверждает, что общие закономерности ленинского пути социалистических преобразований вполне действительны и для развитых капиталистических стран. Изучение и разработка истории возникновения и строительства социалистического общества в Чехословакии поэтому составляет почетную задачу всего нашего исторического фронта.

На IX съезде КПЧ была поставлена смелая задача — построить социализм в Чехословакии [39]. Друзья и враги с большим вниманием следили за нашей борьбой. В состоянии ли чехословацкий рабочий класс решать сложную задачу управления экономической жизнью? Способен ли он совместно с крестьянством в стране с относительно развитым сельским хозяйством повести деревню по пути кооперирования к социалистическому крупному сельскохозяйственному производству? Сможет ли рабочий класс создать новые кадры для народного хозяйства, государственного аппарата, науки и культуры?

История 15-летнего существования народно-демократической Чехословакии уже дала ясный ответ на эти вопросы. Он убедительно прозвучал и для тех, кто стремился сбить нас с социалистического пути, угрожая нам. Наша экономика уже не основывается только на предприятиях, построенных при капитализме. Напротив, она все больше опирается на множество гигантских заводов, воздвигнутых за время правления рабочего класса. Промышленное производство в стране росло значительно быстрее и без попятных кризисных явлений, как это было при капитализме. Объем промышленного производства, который достиг довоенного уровня уже в 1948 г., с того времени вырос в три с лишним раза, а ежегодный рост промышленного производства составлял в среднем 12% [40].

В результате перехода к кооперативным методам ведения хозяйства подавляющая часть нашего сельского хозяйства переведена на социалистические рельсы. Ныне единые сельскохозяйственные кооперативы и государственные имения уже обрабатывают свыше 80% пахотной земли. Великий социальный переворот, осуществленный в последние годы, образует предпосылки для быстрой механизации и модернизации сельского хозяйства [41].

Благо человека является целью и смыслом социалистического строя. Успехи в развитии социалистического производства сопровождаются постоянным повышением жизненного уровня народа [42]. К этому следует еще добавить успехи, одержанные в культурной революции. Частично они были продемонстрированы на Брюссельской выставке и Выставке чехословацкого стекла в Москве, которые свидетельствуют о том, что наша страна занимает одно из первых мест в мировой культуре.

Достигнутые успехи являются результатом ведущей роли рабочего класса во главе с Коммунистической партией. КПЧ успешно применяет основные марксистско-ленинские принципы строительства социализма в конкретных условиях страны. Именно это явилось источником наших достижений за минувшие годы и в то же время является гарантией успехов в будущем.

XI съезд КПЧ выдвинул лозунг: «Завершить социалистическое строительство в нашей стране» [43]. Следовательно, общенациональный подъем неразрывно связан со всесторонним ростом рабочего класса, с его уверенным и решительным продвижением по пути завершения строительства социализма и постепенного перехода к коммунизму. Все это

---

[39] «Protokol XI. řadného sjezdu KSČ». Vyd. 1958, str. 24.
[40] «Statistická rocenka republiky Československé 1958». Orbis. 1958, str. 9.
[41] A. Novotný. Zpráva o činnosti UV KSČ XI. sjezdu a soucasné hlavní úkoly. SNPL. 1958, str. 41—49.
[42] Там же, стр. 50—53.
[43] «Protokol XI. řádného sjezdu KSČ», str. 24—96.

еще более подчеркивает необходимость усиления руководящей роли Коммунистической партии.

История рабочего класса Чехословакии с большой силой подтверждает слова В. И. Ленина: «Воспитывая рабочую партию, марксизм воспитывает авангард пролетариата, способный взять власть и вести весь народ к социализму, направлять и организовывать новый строй, быть учителем, руководителем, вождем всех трудящихся и эксплуатируемых в деле устройства своей общественной жизни без буржуазии и против буржуазии» [44].

Мы понимаем, что наши успехи и наш дальнейший путь неразрывно связаны с успехами Советского Союза и всего социалистического лагеря. Большое значение для нас имеет вывод XXI съезда КПСС о том, что социалистические страны при успешном использовании возможностей социалистической системы и международного социалистического сотрудничества смогут более или менее одновременно перейти к высшей фазе коммунистического общества.

Мы знаем, что историческое развитие Чехословакии является составной частью развития братских социалистических стран, во главе которых идет Советский Союз. Социалистический лагерь оказывает неуклонно возрастающее влияние на развитие всего мира, и его подвигам в области экономики и культуры, науки и техники поражаются ныне народы земного шара. Наша партия, последовательно руководствуясь принципами пролетарского интернационализма, укрепляет и расширяет сотрудничество с партиями стран социалистического лагеря, еще более сплачивает интернациональные связи рабочего класса и дает решительный отпор любому проявлению ревизионизма, который пытается подорвать международное единство рабочего класса.

Славный путь рабочего класса в прошлом, замечательное настоящее и еще более прекрасное будущее нашей родины вызывают в нас самую глубокую любовь, восхищение и признательность к родной партии нашего народа, авангарду рабочего класса — Коммунистической партии Чехословакии.

---

[44] В. И. Ленин. Соч. Т. 25, стр. 376.

ДИСКУССИИ

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ВИЗАНТИИ

Д. Ангелов

В течение последних нескольких лет ученые-византинисты как Советского Союза, так и стран народной демократии рассмотрели ряд важных вопросов социально-экономического развития Византийской империи, начиная с древнего периода ее истории (IV—VI вв.) и кончая временем, когда она подпала под турецкое иго (XV в.). В исследование этих вопросов самый большой вклад внесли советские историки, которые привлекли для своих изысканий малоиспользованные или совсем новые материалы и интерпретировали их на основе марксистско-ленинского метода. В ряде статей, появившихся главным образом в «Византийском временнике» и журнале «Вестник древней истории», а также в монографиях были выяснены отдельные важные моменты разложения рабовладельческих отношений в ранней Византии. Серьезное внимание было уделено исследованию истории зарождения феодальных отношений и постепенного становления феодального базиса. В связи с этим подверглись переоценке достигнутые к тому времени результаты исследования «Земледельческого закона», законодательства македонских императоров X в. и других исторических памятников. На первый план были поставлены проблемы характера византийского города, о котором историки знали очень мало. Обстоятельному исследованию были подвергнуты особенности поздневизантийского феодализма (XIII—XV вв.). При этом было обращено особое внимание и на изучение некоторых элементов, свидетельствующих о его разложении.

Результаты, достигнутые в изучении социально-экономической истории Византии, значительны. Ряд вопросов уже сравнительно полно освещен, и это сделано на необходимой документальной базе. Однако отдельные проблемы все еще недостаточно разработаны, и по ним следовало бы провести более глубокие исследования. На последнее обстоятельство указывается в статьях З. В. Удальцовой и А. П. Каждана «Некоторые нерешенные проблемы социально-экономической истории Византии»[1] и М. Я. Сюзюмова «Некоторые проблемы истории Византии»[2].

Одной из наиболее важных проблем, которая еще мало исследована, несомненно, является проблема разложения рабовладельческих отношений в ранней Византии (IV—VI вв.). По этой проблеме в советской исторической наукс велась продолжительная дискуссия[3]. Основной момент, который при этом оживленно обсуждался и все еще не решен пол-

---

[1] З. В. Удальцова, А. П. Каждан. Некоторые нерешенные проблемы социально-экономической истории Византии. «Вопросы истории», 1958, № 10.

[2] М. Я. Сюзюмов. Некоторые проблемы истории Византии. «Вопросы истории», 1959, № 3.

[3] Дискуссия была открыта статьей Е. М. Штаерман «Проблема падения рабовладельческого строя» («Вестник древней истории» («ВДИ»), 1953, № 2), и в ней приняли участие А. П. Каждан, А. Р. Корсунский, А. Г. Гемп, С. И. Ковалев, Е. Э. Липшиц, М. Я. Сюзюмов. Результаты дискуссии были обобщены в редакционной статье в «ВДИ» (1956, № 1, стр. 3—14) под заглавием «Проблема падения рабовладельческого строя (к итогам дискуссии)».

ностью, следующий: выявить то новое, что проявлялось в рассматриваемый период в недрах разлагавшегося рабовладельческого строя в Восточной Римской империи. По мнению одних участников дискуссии, как указывают З. В. Удальцова и А. П. Каждан, в IV—VI вв. рабовладельческие формы эксплуатации в результате совершившихся общественных изменений были заменены раннефеодальными. Они полагают, что восточноримский колонат был образцом эксплуатации феодального характера, а крупная собственность в то время являлась феодальной [4].

Напротив, другие авторы считают, что о наличии феодальных отношений в IV—VI вв. не может быть и речи, ибо ни раба, который владел пекулием, ни колона они не могут рассматривать как производителей в феодальном смысле слова, и что крупная земельная собственность в этот период не была, по существу, феодальной [5].

Чтобы решить поставленный вопрос с наибольшей полнотой, необходимо, очевидно, иметь в виду одно важное обстоятельство, а именно, что разложение рабовладельческих отношений в Восточной Римской империи (или ранней Византии) совершалось при наличии не только одного класса рабов, но и значительного числа свободных крестьян, рассеянных в различных концах страны (в Египте, Сирии, Малой Азии, в балканских землях) и организованных в свои общины (митрокомии) [6]. В IV—VI вв. были налицо, так сказать, два уклада в социальной структуре империи, которые существовали параллельно и в известной степени независимо один от другого. С экономической и социально-правовой точки зрения первый уклад характеризовался своими чисто рабовладельческими формами (крупные хозяйства с полной собственностью господина на средства производства и на непосредственного производителя (раба), который считался вещью (res) [7]. Напротив, для второго уклада было свойственно господство мелкого единоличного хозяйства, причем производитель (свободный крестьянин) был одновременно и собственником земли [8]. Это были, как я полагаю, два противоположных уклада и с точки зрения отличавших их экономических форм и с точки зрения юридического положения непосредственного производителя.

---

[4] З. В. Удальцова, А. П. Каждан. Указ. соч., стр. 82; Е. Э. Липшиц. Проблема падения рабовладельческого строя и вопрос о начале феодализма в Византии. «ВДИ», 1955, № 4; ее же. О путях формирования феодальной собственности и феодальной зависимости в балканских и малоазийских провинциях Византии. «Византийский временник», XIII, 1958, стр. 49.

[5] Ср. М. Я. Сюзюмов. К вопросу о феодализации Римской империи. «ВДИ», 1955, № 1, стр. 54 и сл.

[6] О свободных крестьянах и сельских общинах ср. особенно статью М. В. Левченко. Материалы для внутренней истории Восточной Римской империи. «Византийский сборник». М.-Л. 1945, стр. 28 и сл. См. также А. Рудаков. Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. М. 1917, стр. 176 и сл.; Е. М. Штаерман. Этнический и социальный состав римского войска на Дунае. «ВДИ», 1946, № 3; Н. В. Пигулевская. Месопотамия на рубеже V—VI вв. М. 1940, стр. 37 и сл.; А. П. Каждан. О некоторых спорных вопросах истории становления феодальных отношений в Римской империи. «ВДИ», 1953, № 3, стр. 89 и сл.; В. Велков. Селото и градът в Тракия и Дакия през IV—VI вв. от н. е. «Исторически преглед», 1955, № 4, стр. 37 и сл.

[7] О положении рабов в позднеримской империи ср. А. Р. Корсунский. О положении рабов, вольноотпущенников и колонов в Западных провинциях Римской империи в IV—V вв. «ВДИ», 1954, № 2, стр. 48 и сл.; М. Я. Сюзюмов. О правовом положении рабов в Византии. «Ученые записки» Свердловского государственного педагогического института. 1955, стр. 165 и сл.; его же. К вопросу о процессах феодализации в Римской империи. «ВДИ», 1955, № 4, стр. 54 и сл.

[8] На свои собственность (dominium) и владение (possessio) крестьяне имели полную власть с точки зрения господствовавшего права. Ср., например, новеллу императоров Льва I и Анфимия (468 г.) (Cod. Just., XI, 56/55), где говорится, что жителям митрокомии не позволялось передавать собственность и владение на свои земли в пользу чужих лиц (terrarum suarum dominium possessionemque transferre). В одном распоряжении (Cod. Theod., 11, 24) свободные крестьяне названы agricolae vel vicani propia possidintes.

При наличии названных двух укладов в Восточной Римской империи в период разложения рабовладельческих отношений (IV—VI вв.) совершался фактически не один, а два процесса, имевших собственное экономическое и социально-правовое содержание. На этот факт следовало бы обратить наибольшее внимание. Первый процесс сводился к тому, что часть рабов с течением времени получала все большую экономическую самостоятельность. Им, как известно, раздавались участки земли в форме пекулия (peculium), и таким образом они превращались в мелких земледельцев, обладая известной хозяйственной независимостью и инициативой [9]. Этот процесс, как справедливо замечает М. Я. Сюзюмов, был результатом действия закона обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил [10]. Ввиду значительного повышения уровня производительных сил, который наблюдался в ту эпоху [11], рабовладельцам нужно было превратить рабов, полностью лишенных средств производства, в более активных работников, создав им условия для самостоятельной и до известной степени выгодной и для них хозяйственной деятельности.

В те времена основная тенденция состояла в том, чтобы путем раздачи пекулиев создавать мелкие самостоятельные хозяйства, которые при общем кризисе рабовладельческого строя являлись более жизнеспособной и отвечавшей интересам рабовладельцев формой эксплуатации. Но с юридической точки зрения превращение рабов в мелких земледельческих хозяев не изменяло их положения. Раб, наделенный пекулием, все еще оставался рабом. Он, по-видимому, получал одну часть продукта своего труда, но большую долю добытого должен был отдавать господину в форме аренды [12]. Земля же, предоставленная ему для обработки, оставалась собственностью господина, который мог отнять или уменьшить пожалованный участок, когда пожелает [13]. Следовательно, практика раздачи пекулиев, обусловленная экономическими соображениями и сильно распространенная в IV—VI вв., не создавала новых форм собственности, а отсюда и новых производственных отношений. Она содержала в себе действительно известные тенденции феодального способа производства постольку, поскольку способствовала выдвижению на первый план мелкого хозяйства, в котором непосредственный производитель был связан со средствами производства. Мне представляется преувеличенным стремление М. Я. Сюзюмова не видеть в положении раба, снабженного пекулием, «ни атома новых производственных отношений» [14]. На мой взгляд, не вызывает сомнений, что практика раздачи пекулиев не создавала феодальных отношений и при том положении не была в состоянии их создать, так как изменение в форме собственности на землю не наступало и пекулий полностью находился под властью рабовладельца [15].

Совсем иное содержание и последствия имел второй процесс, кото-

---

[9] Ср. в связи с пекулием распоряжения в Did., XV, I и XXXIII, 7; М. Я. Сюзюмов. О правовом положении рабов в Византии, стр. 165—191.

[10] См. М. Я. Сюзюмов. К вопросу о феодализации Римской империи, стр. 54.

[11] Ср. по этому вопросу материал, собранный в статье А. П. Каждана «О некоторых спорных вопросах истории становления феодальных отношений в Римской империи», стр. 80 и сл.

[12] Ср. данные об этом у А. Рановича (А. Ранович. Колонат в римском законодательстве II—V вв. «ВДИ», 1951, № 1, стр. 90 и сл.).

[13] Ср. ясное указание на это в Did., XV, 1, 4.

[14] М. Я. Сюзюмов. К вопросу о феодализации Римской империи, стр. 55.

[15] Следует отметить, что и имущество освобожденных рабов (libertini) не становилось их собственностью. Бывший господин сохранял значительные права на это имущество и мог при желании его отнять. О зависимом положении «вольноотпущенников» («освобожденных») и власти бывшего их господина на их земли красноречиво свидетельствуют законодательные распоряжения (ср. Cod. Just., XI, 53, 1, 50, 2). Ср. и А. Р. Корсунский. О положении рабов, вольноотпущенников и колонов в Западных провинциях Римской империи в IV—V вв., стр. 55—58.

рый развивался в недрах восточноримского общества в IV—VI вв. и представлял, как известно, непрерывный распад хозяйств свободного крестьянства. Часть этих крестьян, как явствует из юридических памятников, обрабатывала свои собственные хозяйства, тогда как другие ввиду отсутствия достаточного количества земли или инвентаря были арендаторами в имениях крупных землевладельцев. Но в силу ряда обстоятельств большое число свободных крестьян — мелких собственников и арендаторов — постепенно теряло свое имущество и попадало под власть крупных землевладельцев, до известной степени утрачивая и свою юридическую правоспособность и превращаясь в зависимых людей. В IV в. наиболее распространенным названием этой группы крестьян было слово «колон» (colonus), которое в I—III вв. обозначало еще свободного арендатора [16].

Процесс разорения свободного крестьянства (общинников и арендаторов) и превращения отдельных лиц или жителей целых сел в колонов представлял собой, как известно, одно из характернейших явлений в социально-экономическом развитии ранней Византии. Из данных источников видно, что уже в IV в. этот процесс развивался очень интенсивно, получив в следующие два столетия еще больший размах. Одной из форм, способствовавших массовому переходу свободных крестьян в зависимое положение, были так называемые патронатные отношения [17].

Разорение свободных крестьян и превращение их в колонов представляло собой процесс, существенно отличавшийся, по моему мнению, от процесса наделения рабов пекулием. При наделении рабов пекулием происходило прежде всего изменение экономических форм (крупное хозяйство раздроблялось на мелкие), принципиальных же сдвигов в социально-правовых отношениях не наблюдалось: раб оставался рабом, и собственность на землю сохранял господин. При превращении же свободных крестьян (общинников или арендаторов) в колонов основные перемены были юридического свойства. Экономическая форма оставалась та же: колоны, как и свободные общинники и арендаторы, продолжали располагать своим мелким хозяйством, которое служило для них и их семейств средством существования. Это мелкое хозяйство было выгодно для крупного землевладельца: оно служило ему источником ренты. Но менялось юридическое положение крестьян и прежде всего форма собственности на их земли.

Вопрос о собственности на земли колонов, бесспорно, является одним из сложных и трудных. Это связано с тем обстоятельством, что пути создания колоната были различными. В одних случаях, согласно источникам, попавшие под власть крупных землевладельцев колоны, обозначаемые термином «приписанных» (adscriptii), вообще не имели никакой собственности на свое имущество [18].

[16] В связи с происхождением и характером колоната и различных названий колонов ср. А. Р а н о в и ч. Указ. соч., стр. 83 и сл.; А. Р. К о р с у н с к и й. О колонате в Восточной Римской империи. «Византийский временник», IX, 1956, стр. 45—77; F. G a n s h o f. Le statut personel des colons au Bas Empire. «L'antiquité classique», 14, 1946.

[17] Ср. Cod. Theod., XI, 24, 1, 2, 3, 4, 5, 6; Cod. Just., XI, 54, 1, 2; Nov. Just., XVII, 13. Необходимо отметить то обстоятельство, что переход к патронату не всегда означал переход свободных крестьян вместе с их имуществом под власть крупных собственников. В некоторых случаях под патронат переходили зависимые крестьяне (колоны) и даже рабы, которые стремились таким образом переменить своего господина, отыскать, как им хотелось, человека, который бы лучше ими управлял или защищал от насилия со стороны администрации. Ср. о рабах (δοῦλοι), которые пытались искать патрона, Cod. Just., XI, 54, 2.

[18] Это имущество, как известно, считалось пекулием, и полную власть на него имел господин колона. Показательно в этом отношении известное распоряжение императоров Гонория и Аркадия (Cod. Just., XI, 50, 2. О запрещении «приписанным» отчуждать свои имущества без разрешения господина см. Cod. Theod., V, 19, 1). По отношению к «приписанным колонам» крупный собственник имел patroni sollicitudinem et domini potestatem, и сами они считались по положению близкими к рабам.

Как известно, крупный землевладелец имел власть не только над имуществом «приписанного колона», но распространял ее и на личность колона. В результате этого последовали ограничения юридической правоспособности последнего. Наступало закрепощение [19], которое налагало на колона обязательства платить в пользу господина оброки в натуре или деньгами и исполнять повинности. На этом вопросе мне нет необходимости останавливаться подробно, так как о нем написано достаточно много.

Не вполне ясен вопрос о происхождении «приписанных колонов», и здесь следовало бы, по моему мнению, проводить дальнейшие изыскания.

Однако необходимо отметить, что «приписанные колоны», хотя и не имели ни dominium, ни possessio на эти земли, все же получали известные владельческие права на них в силу того, что они вели хозяйство и что только благодаря их труду эти земли могли стать источником доходов. Их владельческое право выражалось в том, что колону разрешалось передавать по наследству, с завещанием или без него, обрабатываемое им хозяйство.

Вторую группу колонов, которая появилась в IV—VI вв. в результате разорения свободного крестьянства, составляли, как известно, так называемые свободные колоны (coloni liberi). Отличительным их признаком было то, что они хотя и находились под властью крупного землевладельца, как и «приписанные», но имели на свое имущество значительно бо́льшие права, чем последние. Формально они считались его владельцами, то есть обладали согласно установленной юридической терминологии possessionem [20]. В то время как земли «приписанных» обозначались термином «peculium», земли свободных колонов носили различные названия: «terra», «pragma». Поземельный налог, который государство требовало с этих земель, колоны, будучи их владельцами, должны были сами платить сборщикам, кроме того случая, когда их господин определенно не был обязан делать это от своего имени [21]. В отличие от «приписанных колонов», чьи имущественные приобретения, связанные с ведением хозяйства пекулия, также считались собственностью господина, свободные колоны становились владельцами всего того, что накопляли путем обработки своих имений. Об этом свидетельствует указанная выше новелла Юстиниана I от 539 года. В ней сказано, что «приобретенное (свободными колонами.— *Д. А.*) остается за ними и не превращается в пекулий господина» [22].

Тот факт, что свободные колоны имели свою землю, вовсе не означал, что они не зависели от своего господина и не находились под его властью. Подобно «приписанным колонам», и свободные были обязаны платить оброки натурой и деньгами, выполнять различные повинности [23]. Так же, как первые, они были прикреплены к земле. Об этом ясно свидетельствует новелла Юстиниана от 539 г.[24], в которой говорится, что свободные колоны (чье имущество не считалось пекулием, а оставалось за ними) все же не могли покидать села и должны были там заниматься

---

[19] Прикреплению колонов к земле еще в IV в. содействовала своим законодательством центральная власть. Ср. Cod. Theod., V, 17 (распоряжение Константина I от 332 г. Распоряжения о закрепощении были изданы в 371, 385, 392—395 гг.). Ср. Cod. Just., XI, 53/52, 51/50, 52/51; А. Р а н о в и ч. Указ. соч., стр. 88.

[20] Ср. например, Cod. Just., XI, 48, 4 (распоряжение от 366 г.). В нем говорится, что те колоны, которые имеют владение на землю, сами платят налоги фиску (sane quibus terrarum erit quantulacumque possessio). См. еще Nov. Just., CXXVIII, § 14 (propriam possessionem).

[21] Cod. Just., XI, 48, 4; Nov. Just., CXXVIII, § 14.

[22] Nov. Just., CLXII, § 2.

[23] Ср. в связи с этим А. Р. К о р с у н с к и й. О колонате в Восточной Римской империи, стр. 65, 69. Возможно, как предполагает советский автор, обязанности свободных колонов были меньше, но об этом в источниках нет никаких данных.

[24] Nov. Just., CLXII, § 2.

земледелием. Им не разрешалось переселяться в другие места; это они могли сделать лишь в том случае, если становились хозяевами собственного имущества, которое являлось бы для них достаточной опорой и не позволило бы им заниматься земледелием в другом месте. Эта возможность освобождения от крепостной зависимости, как правильно отмечает М. В. Левченко, была, однако, сравнительно редкой. Общей тенденцией властей было лишить колона права свободного передвижения и перемены места жительства [25].

Происхождение свободных колонов нуждается в более полном выяснении. Как видно, в большинстве своем они были бывшими свободными крестьянами-общинниками, которые попадали под власть крупного собственника различными путями и чаще всего посредством патроната. В отличие от «приписанных колонов», чья зависимость от крупного землевладельца возникала при условии отсутствия собственной земли или вообще какого-либо имущества, свободные колоны попадали в зависимость, имея собственную землю, то есть землю в их dominium и possessio. Превращаясь в зависимых людей, свободные колоны теряли эти полные собственнические права, и власть на их землю получал господин, хотя и не в таких размерах, какие он имел в отношении земель «приписанных колонов». Таким образом, создавалась своеобразная совместная «собственность» (верховная — крупного землевладельца и подчиненная — в форме владения свободного колона).

Теперь рассмотрим вопрос о том, как следует квалифицировать процесс разложения свободных крестьян (общинников и арендаторов) и превращения их в колонов со всеми проистекавшими отсюда социальными и юридическими изменениями и главным образом в формах собственности. Нет сомнений, по-моему, что это было не что иное, как настоящий процесс феодализации. В положении «приписанного» и свободного колона имел место один существенный момент: они снабжались средствами производства и были обязаны платить своему господину ренту (в различных формах). Это делает их родственными появившимся позднее в Византии зависимым крестьянам (пàрикам), и я считаю, что аргументация Е. Э. Липшиц в этом смысле полностью основательна [26]. Родство между колонами и пàриками выражалось и в том, что и те и другие были прикреплены к земле. Особенно близки пàрикам свободные колоны, которые, подобно им, имели значительные владельческие права на свои имущества. В появлении свободного колоната можно видеть, по моему мнению, ярчайший признак феодализации восточноримского общества в IV—VI веках. Что касается «приписанных колонов», то они, сильно ограниченные в правах на свое имущество и обладавшие в принципе только пекулием (несмотря на известные исключения), приближались до известной степени к освобожденным рабам или же к рабам, снабженным пекулием. Так же как свободный колонат был ярким доказательством развития феодальных отношений в Восточной Римской империи, «приписанный колонат» свидетельствовал о том, что в этой империи все еще господствовали рабовладельческие формы, которые оказывали значительное влияние на положение непосредственного производителя.

Из сказанного можно заключить, что в IV—VI вв. восточноримское общество (ранневизантийское) не было ни чисто рабовладельческим, ни чисто феодальным. Здесь существовали еще рабовладельческие формы, и участие рабов (с пекулием и без него) в процессе производства было значительным. Вместе с тем в IV в. зародились и с течением времени все более укреплялись новые, раннефеодальные отношения, находившие выражение в создании колоната и особенно свободного колоната.

[25] М. В. Левченко. Указ. соч., стр. 23.

[26] Ср. Е. Э. Липшиц. О путях формирования феодальной собственности и феодальной зависимости в балканских и малоазийских провинциях Византии, стр. 53.

Мнения некоторых исследователей, что колонат есть не что иное, как разновидность» рабства [27], или что он представляет «квазифеодальные отношения», по-моему, недостаточно обоснованы. Колонатные формы являются действительно феодальными формами, возникшими в недрах разлагавшегося рабовладельческого строя. Разумеется, очень трудно и даже почти невозможно было бы при существующем скудном материале и отсутствии статистических данных о соотношении между числом рабов и числом колонов ответить на вопрос, какие отношения — рабовладельческие или раннефеодальные — преобладали в Восточной Римской империи в IV—VI веках. Если судить по данным законодательных памятников, как и по другим источникам, можно заключить, что в некоторых областях империи рабовладельческий уклад проявлялся более отчетливо, тогда как в других утверждался уже феодальный строй. Но к этому необходимо добавить, что в тот период еще продолжали существовать и свободные крестьяне, общинники, которые не потеряли ни полную собственность на землю, ни юридическую правоспособность. Таким образом, в процессе феодализации в структуре восточноримского общества возникла большая пестрота и сложность.

Следует отметить и то обстоятельство, что господство рабовладельческого государства и его юридической надстройки серьезно препятствовало развитию раннефеодальных отношений.

Развитие раннефеодальных отношений в Восточной Римской империи в IV—VI вв. вело к обособлению и количественному увеличению мелких хозяйств и к росту крупного землевладения. Крупные имения светских и церковных собственников представляли по своей структуре, если исключим домениальную их часть, по существу, единый комплекс мелких хозяйств, подчиненных общему господину и обрабатываемых различными категориями производителей (освобожденными рабами, рабами с пекулием, «приписанными» или свободными колонами). Чем активнее проходил процесс феодализации, тем большее развитие получала крупная собственность. Увеличение этой собственности происходило в основном за счет земель свободных крестьян, которые разорялись и превращались в колонов крупного землевладельца.

Ряд важных и до известной степени еще не выясненных вопросов касается общественно-экономического развития Византии в VII—IX веках. Основным из них, по-моему, является следующий: к чему сводится глубокий перелом, совершившийся в византийском обществе в результате внутренних потрясений и ударов, нанесенных нашествиями «варваров» и главным образом славян? Что такой перелом имел место, видно из ряда фактов, и безосновательны попытки отдельных буржуазных исследователей отрицать его [28]. Он сводился прежде всего к значительным переменам в аграрных отношениях. Как указывают в своих исследованиях М. Я. Сюзюмов и А. П. Каждан, крупному землевладению, созданному в IV—VI вв., был нанесен серьезный удар [29]. Большое число крупных имений было покинуто владельцами и населением вследствие вторжений славян и арабов; ряд земельных площадей, обрабатываемых интенсивно в предыдущие столетия, опустел. Об этом процессе имеются данные в Юстиниановском законодательстве, которое отражает самый ранний период, последовавший после нашествия славянских племен на Балканский полуостров [30]. Эти сведения подтверждаются известиями

[27] М. Я. Сюзюмов. Некоторые проблемы истории Византии, стр. 100.

[28] Ср., например, исследование П. Лемерля (P. Lemerle. Esquisse pour une histoire agraire de Byzance. «Revue historique». T. 219, 1958, p. 74).

[29] М. Я. Сюзюмов. Проблемы иконоборчества в Византии. «Ученые записки» Свердловского государственного педагогического института. Т. IV. 1948, стр. 56; А. П. Каждан. К вопросу об особенностях феодальной собственности в Византии VII—X вв. «Византийский временник», X, 1956, стр. 49.

[30] Nov. Just., 65 (от 538 г.).

житий, а также и некоторыми текстами «Земледельческого закона». Н без основания отмечает Е. Э. Липшиц, что частые упоминания в это законе о гористых местностях, населенных дикими зверями, о разработ ке заброшенных и заросших лесом участков путем применения так назы ваемой огневой системы, об использовании целины для сева и т. д. сви детельствуют о наличии в VII и VIII вв. значительного числа оставлен ных и пустовавших земель, которые, как указывает источник, вновь должны были быть включены в обрабатываемые площади [31]. С этим несомненно, связаны и неоднократные упоминания о «μεριδμος» в от дельных текстах «Земледельческого закона». Значение приведенног термина все еще вызывает споры [32]. По моему мнению, этот термин ка сается прежде всего факта распределения оставленной и необработан ной земли между новыми переселенцами — славянами, пришедшими н территорию империи в VII в. и организованными в свои общины. Прак тика «меризмос» была результатом огромного по своим размерам захва та новых земель, единого occupatio, достигнутого с помощью коллектив ного труда общин и завершенного созданием мелких индивидуальны крестьянских хозяйств, в которых крестьянин получал права полног собственника. О наличии этих хозяйств ясно свидетельствует «Земле дельческий закон». Соглашаясь с М. Я. Сюзюмовым [33], я считаю, чт крестьяне («георгии»), о которых идет речь в законе, действительн были полными собственниками своих имуществ и в этом смысле имел право их отчуждать, независимо от того, что последнее определенно за конодательно не отмечено. Подтверждением также служит то, что он обозначаются не только термином «георгии», но и термином «κυριοι».

Хотя я присоединяюсь к мнению, что в результате внутренних по трясений и ударов славян и арабов крупное землевладение в Византи в VII—VIII вв. потерпело крушение и что вместо рабов и колонов н первый план выдвинулись свободные крестьяне, организованные в сво общины, я все же полагаю, что этот процесс не следует абсолютизиро вать до крайней степени. Нельзя забывать, что в отличие от Западно Римской империи, которая была полностью разрушена германским племенами, Византия, несмотря на пережитые потрясения, сохранил часть своей территории почти нетронутой. Речь идет о некоторых обла стях в Малой Азии и на Балканском полуострове, куда не успели про никнуть ни арабы, ни славяне. Там осталось, хотя и в ограниченны размерах, крупное землевладение и сохранились крупные имения свет ских и церковных аристократов, обрабатываемые рабами и колонами Значительные позиции в крупном землевладении продолжала сохранят церковь. Имеется достаточно сведений из источников, которые показы

---

[31] Ср. Е. Э. Липшиц. Византийское крестьянство и славянская колонизация «Византийский сборник». М. 1945, стр. 105.

[32] Согласно М. Я. Сюзюмову (М. Я. Сюзюмов. О характере и сущности визан тийской общины по «Земледельческому закону». «Византийский временник», X, 195 стр. 39), практику «μεριδμος» следует связывать с системой «эпиболе». В этом смысл толкует он и известное «второе определение» византийского юриста Косьмы от X век Однако система «эпиболе», как можно заключить из статей 17, 18, 19 и 21 «Земледел ческого закона», не была уже в силе. Крестьяне могли, если пожелают, взять пустова шую землю и обрабатывать ее, но не были обязаны делать это. Ср. по этому вопрос и статью А. П. Каждана (А. П. Каждан. К вопросу об особенностях феодальн собственности в Византии VIII—IX вв. «Византийский временник», X, 1958, стр. 61 и сл. Лемерль (P. Lemerle. Esquisse pour une histoire agraire, p. 59) считает, что это к сается распределения земли, оставленной после смерти или бегства собственника. Во можно, в некоторых случаях «μεριδμος» представляло именно такой раздел. Одна наиболее существенным содержанием «μεριδμος» было несомненно, распределен больших заброшенных площадей между сельскими общинами. В этом смысле склон расширить и корректировать первоначальное свое мнение и М. Я. Сюзюм (см. «Вопросы истории», 1959, № 3, стр. 104, прим. 15), когда признает все же, что это понятие включается и практика системы «эпиболе».

[33] «Вопросы истории», 1959, № 3, стр. 104.

ют, что высшие духовные лица и монастыри, несмотря на пережитые грясения, продолжали владеть в VII и особенно в VIII в. в большом личестве землей и другим имуществом. О духовных лицах и монахах, тонных к роскошной жизни, говорится, например, в постановлениях ульского собора от 692 года. Данные о монастырях, которые имели ого земли и собирали огромные запасы, содержатся в житийной ли-ратуре [34]. О епископах, сосредоточивавших в своих руках много скота превратившихся в настоящих торговцев, упоминается в сочинениях анна Иерусалимского, одного из противников иконоборческой поли-ки. Но и среди иконопочитателей были лица, имевшие большое коли-ство земли. Так, например, патриарх Тарасий владел обширными име-ями на берегах Босфора [35]. Есть и другие сведения VII—VIII вв., ко-рые свидетельствуют, что высший клир и часть монашества остава-сь крупными землевладельцами и богачами, чем вызывали ненависть их врагов [36].

То обстоятельство, что крупное землевладение в VIII в. было зна-гельно развито и его представителями являлись также церковь и мо-стыри, дает нам ключ для понимания сущности иконоборческого дви-ения, а также и павликианства. У нас есть основание считать, что жду феодальными формами, зародившимися в Восточной Римской перии (ранняя Византия) в IV—VI вв., и феодальными формами, о горых мы обнаруживаем уже более обширные данные в памятниках –XI вв., имеется внутренняя преемственность. Несомненно, по этому просу следует произвести еще изыскания, ибо данные «Земледельче-ого закона», который отражает только одну часть аграрно-правовых ношений в византийском обществе (а именно отношения в свободной льской общине), недостаточны.

Важным вопросом, который следовало бы еще исследовать, являет-вопрос о развитии византийских городов в VII—IX веках. Здесь, как в крупном землевладении, наблюдался несомненный перелом, суть горого заключалась в том, что значительное число городов было пол-стью уничтожено, очень многие из них оказались разоренными во емя бурных событий второй половины VI и VII века. На это обстоя-льство было обращено основательное внимание главным образом статье А. П. Каждана «Византийские города в VII—IX вв.». Автор при следовании вопроса привлек и систематизировал богатый материал и ежде всего данные нумизматического характера [37]. Об этом сказано и общей статье З. В. Удальцовой и А. П. Каждана, поставленной на дис-ссию [38]. Действительно, сведения источников VII—VIII вв. говорят о ачительном упадке городской жизни империи. Так, из документальных

---

[34] Ср., например, такие данные в житии Давида, Симеона и Георгия, трех братьев Милитены (на острове Лесбос), живших в VIII веке. См. А. Рудаков. Очерки антийской культуры по данным греческой агиографии. М. 1917, стр. 196.

[35] Ср. М. Я. Сюзюмов. Экономика пригородов. «Византийский временник», 1958, стр. 64.

[36] Высказанный В. Васильевским тезис (см. «Материалы для истории Византий-го государства». «Журнал министерства народного просвещения». Ч. CCII, март 9, стр. 169), что к началу иконоборческого периода церковь в Византии держала под ей властью не менее ⅓ всей территории империи, преувеличен и не может быть казан документальными данными. Преувеличены и взгляды К. Н. Успенского по му вопросу. Ср. критику его взглядов М. Я. Сюзюмовым (М. Я. Сюзюмов. Про-мы иконоборчества, стр. 78 и сл.) и М. В. Левченко (М. В. Левченко. Церков-е имущества V—VII вв. в Восточноримской империи. «Византийский временник», II, 9, стр. 18 и сл.). В иную крайность впадает, по-моему, М. Я. Сюзюмов, который, одя из общей правильной установки о разгроме крупного землевладения в —VIII вв., умаляет наличие и значение церковного поземельного имущества в этот иод. Ср. в связи с этим критические замечания М. А. Заборова («Византийский вре-нник», IV, 1951, стр. 197).

[37] «Советская археология», 1954, XXI, стр. 164—188.

[38] «Вопросы истории», 1958, № 10, стр. 88.

данных, а также и из археологических находок видно, что полное разру шение или глубокий экономический упадок испытали главным образо те города на территории Византии, которые были затронуты нашествие внешних врагов — аваров, протоболгар, славян, арабов. Это были в пер вую очередь города в Мизии (нынешняя Северная Болгария), такие, ка Рациария, Цебрус, Нове, Абрит, Ульметум, Томи и др., тяжело постра давшие от нашествия славян и аваров во второй половине VI века [3] В результате нашествия славян пришел в упадок ряд городов в Македо нии и Греции, такие, как Стоби, Олинф, Новый Анхиал, Коринф. Упадо испытали и некоторые города во Фракии, например Верея (ныне Стар Загора), которая, видимо, была разрушена славянами же и восстанов лена в конце VIII в. по постановлению императрицы Ирины [40]. В статье З. В. Удальцовой и А. П. Каждана, по моему мнению, недостаточно учи тывается «внешний удар» как причина деградации городской жизни Ви зантийской империи в VII—VIII веках. Авторы делают упор только н один момент, а именно на кризис рабовладельческого способа производ ства, который вызвал лишь уменьшение товарности хозяйства и приве к аграризации городов. Несомненно, этот фактор сыграл значительную роль, но он не был единственным и решающим. Города на Балканско полуострове, являвшиеся объектом вражеских нашествий, в значительно мере пришли в упадок. В то же время Царьград и Солунь, которые не бы ли захвачены и ограблены «варварами» в VII—VIII вв., продолжали сво развитие как важные экономические центры [41]. Это свидетельствует о том что значение внешнеполитических событий в судьбе византийского го рода рассматриваемого периода нельзя игнорировать. В этом отношени я полностью разделяю высказанные М. Я. Сюзюмовым критические замо чания и соображения [42].

То обстоятельство, что и после нашествия «варваров» и внутренни потрясений некоторые города в Византии (в балканских владениях и Малой Азии) продолжали существовать как центры развития ремесел торговли, говорит о том, что между античным полисом и византийски городом существовала преемственность. В этом отношении основатель ны, на мой взгляд, замечания М. Я. Сюзюмова, которые он делает п статье З. В. Удальцовой и А. П. Каждана [43]. Но тот факт, что и антич ный и византийский полисы были центрами товарного производства экономической жизни, отличавшейся от экономической жизни в села не дает нам оснований находить полное сходство между ними. Нельз забывать, что в общественно-экономическом развитии Византии VII—VIII вв. наступил глубокий перелом и что если в IV—VI вв. пре обладали рабовладельческие и колонатные формы, то в Византийско империи в рассматриваемый период господствовали свободная сельска община и свободный крестьянин. Это нашло отражение и в социально структуре города и в устройстве и роли в нем ремесленных и торговы корпораций (цехов). Если в ранневизантийских корпорациях существо вал режим закрепощения и сын должен был наследовать профессию отца, в цехах IX—X вв., о которых идет речь в «Книге эпарха», эта обя занность была уже отменена. Никто не был принуждаем силой вступат в ту или иную корпорацию только потому, что и его отец был ее членом Более того, доступ в корпорации был достаточно труден в связи с суще

[39] Больше всего данных об этом находим в истории Феофилакта Симокатты.

[40] Ср. Theoph. Chron., 1, 457, ed. de Boor.

[41] Об экономическом развитии Солуни ср. Р. А. Наследова. Ремесло и тор говля Фессалоники конца IX — начала X в. по данным Иоанна Камениаты. «Византий ский временник», VIII, 1956, стр. 61—85. Об экономике византийских городов в рас сматриваемый период ср. Е. Э. Липшиц. К вопросу о городе в Византии VIII—IX в «Византийский временник», VI, 1953, стр. 113—132.

[42] «Вопросы истории», 1959, № 3, стр. 112.

[43] «Вопросы истории», 1959, № 3, стр. 111 и сл.; А. П. Каждан. Роль городов эмпориев в истории Византии. «Византийский временник», VIII, 1956, стр. 26—4

ствовавшей системой приемных испытаний и необходимостью уплаты высокой вступительной таксы [44]. В какое время произошли эти изменения, нельзя сказать определенно из-за отсутствия прямых данных, относящихся к периоду от VII до X века. Однако можно предположить, что это смягчение режима цехов наступило еще в VII в. в связи с возрождением свободных сельских общин и увеличением количества свободных крестьян [45]. Последнее обстоятельство давало возможность большому числу крестьян оставлять свои земли и уходить в города, где они могли заниматься ремеслом или торговлей. Особенно усилился приток крестьян в город тогда, когда начался процесс расслоения сельских общин и появились малоимущие или совсем обезземеленные лица. О наличии этого процесса свидетельствует «Земледельческий закон». Прилив сельского населения в города увеличил число рабочих рук и устранил необходимость закрепления ремесленников и торговцев в корпорациях, практиковавшееся в IV—VI веках. Такие глубокие изменения, происшедшие в селе, нашли свое отражение и в социальной структуре городов и цехов. Это обстоятельство надо иметь в виду, когда речь идет о преемственности между античным полисом и византийским городом IX—X вв., чтобы не создалось одностороннее представление о том, что между ними во всех отношениях существовало сходство [46].

Ряд интересных дискуссионных вопросов, затронутых частично в статье З. В. Удальцовой и А. П. Каждана, касается последнего периода истории Византии (от 1204 до 1453 г.). Это было время, когда феодальные отношения находились в расцвете. Последние изыскания исследователей социалистических стран неоспоримо доказали, что одним из наиболее характерных признаков поздневизантийского феодализма была необычайная концентрация земли в руках небольшого числа крупных собственников [47], что значительное развитие в XIII—XV вв. получили иммунитеты (финансово-административные и судебные), благодаря которым феодальный класс смог обеспечить в целом получение ренты с зависимого населения и установить над ним полную власть. В противовес мнениям буржуазных ученых, согласно которым под понятием «иммунитет» подразумевается прежде всего «изъятие» крупного имения из-под контроля органов центральной администрации, исследователями социалистических стран на первый план был поставлен и на основе конкретного материала доказан тезис, что иммунитет означает главным образом (хотя и не единственно) власть феодала над зависимыми людьми [48].

---

[44] На это обстоятельство обращает внимание А. Штекле (A. Stöckle. Spätrömische und bysantinische Zünfte. Leipzig. 1911, S. 55). Ср. А. П. Каждан. Цехи и государственные мастерские в Константинополе, IX—X вв. «Византийский временник», VI, 1953, стр. 140 и сл.

[45] Ср. Д. Ангелов. История на Византия. Ч. I. София. 1950, стр. 327.

[46] Важные изменения произошли, как известно, и в городской администрации в VII—IX веках. Если в предыдущую эпоху ряд городов пользовался значительным самоуправлением, осуществляемым, с одной стороны, через городские советы (curiae) и с другой — через епископов, то в рассматриваемый период это самоуправление начало непрерывно приходить в упадок. Это объяснялось главным образом проведением административно-военных преобразований (создание фемной организации и стратиотского института). В X в. городское самоуправление античного типа было окончательно ликвидировано двумя новеллами Льва VI (886—912). Ср. в связи с отдельными этапами этого развития F. Dölger. Diefrühbyzantinische und byzantinisch beeinflusste Stadt. «Atti del 3°Congresso internationale di studi sullo alto medivevo». Spoleto. 1958, S. 13. Следует отметить, что этот вопрос в целом все еще не выяснен до конца и необходимо детальное и дифференцированное рассмотрение судьбы городов в отдельных областях империи.

[47] Г. Острогорский. Византийские писцовые книги. «Byzantino — slavica», IX, 2, 1948; А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв. М. 1952; Д. Ангелов. Принос към поземлените отношения във Византия през XIII в. «Годишник на Софийския университет», 1952, кн. 2; Б. Горянов. Феодальное землевладение в Византии в XIII—XIV вв. «Византийский временник», X, 1956.

[48] А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв., стр. 95 и сл.; об иммунитете в поздней Византии см. также Б. Горянов. Поздневизантийский

Исследования сущности поздневизантийского феодализма уточнили наши представления о феодальной собственности на землю и положении пàриков, как основной категории зависимого населения. Подтверждено было мнение, что в условиях феодального способа производства основная цель феодала состояла в эксплуатации крестьян, снабженных землей, независимо от того, были ли права их на эту землю в большей или в меньшей степени ограничены. Подобно восточноримским колонам византийские пàрики владели своими участками земли, имели небольшие, обрабатываемые ими самостоятельно хозяйства, располагали de facto парцеллой и передавали ее по наследству своим сыновьям. Верховную же собственность на земли, однако, имел господин. Как известно, по мере концентрации поземельной собственности в руках феодалов и укрепления иммунитета усиливалась тенденция к ограничению прав пàриков и все сильнее ощущалась власть господина. В начале XIV в. (согласно закону Андроника II от 1306 г.) феодал уже имел право брать себе часть имущества крестьянина, умершего и не оставившего наследников. Это — известное право авиотикий [49]. Усилившаяся в XIII—XV вв. власть феодалов нашла выражение и во все большем распространении крепостничества.

Одной из интересных проблем, по которой следовало бы еще вести изыскания, является вопрос о том, до какой степени развитие поздневизантийского феодализма шло параллельно с развитием феодальных отношений в двух наибольших в то время славянских государствах на Балканском полуострове — Болгарии и Сербии. Последние работы по этому вопросу показывают, что и в этих странах в XIII—XV вв. феодализм был в состоянии своего расцвета, и в ряде отношений его формы были родственны или даже одинаковы с соответствующими формами феодализма в Византии. Как в Византии, так и в средневековой Болгарии и Сербии феодальное имение в XIII—XV вв. было вовлечено в значительной степени в развившиеся тогда уже достаточно сильно товарно-денежные отношения, и это нашло отражение в характере феодальной ренты. Налицо была тенденция все больше расширять денежную ренту. Одновременно прокладывала себе дорогу и другая тенденция — усиление барщины, то есть один из наиболее грубых способов увеличения общего объема продукции, необходимой феодалу в его товарообменной деятельности. Эти тенденции проявились особенно ярко в Сербии и в македонских землях в XIV в. прежде всего в силу того обстоятельства, что в то время в Сербском государстве (в которое входили и македонские области) получила значительное развитие и внутренняя и внешняя торговля [50].

В XIII—XV вв. Византия была страной зрелого феодализма. Почти на том же уровне развития находились в то время и другие балканские государства. Однако в них наблюдались явления, противоречившие до известной степени существу феодальных отношений. Речь идет об элементах, которые свидетельствуют о разложении феодального строя и о созревании предпосылок раннекапиталистических форм производства. Такие элементы были налицо прежде всего в византийском селе, в котором происходило значительное расслоение сельского населения и увеличение числа малоимущих или совсем обезземеленных крестьян. Данные об этом содержатся главным образом в документах, относящихся к землям Южной Македонии, в районе реки Струмы. Как было показано в работе А. П. Каждана, почти одна треть жителей тамошних сел была ненму-

иммунитет. «Византийский временник», XI, 1956, стр. 177—199; XII, 1957, стр. 97—117. Г. Острогорский. К истории иммунитета в Византии. «Византийский временник» XIII, 1958, стр. 55—107.

[49] Ср. об этом термине А. Соловьев, В. Мошин. Грчке повелье српских владара. Београд. 1936, стр. 377.

[50] Д. Ангелов. Аграрните отношения в Северна и Средна Македония през XIV в. София. 1958, стр. 164 и сл.

дей, тогда как лишь незначительное число обладало большим количеством земли и рабочего скота [51]. Важный и еще не использованный материал в этом отношении представляют данные из практики монастыря Иберон в XIV веке. Они подтверждают заключение, что имущественное расслоение среди крестьян этой области было очень глубоким. Тенденция состояла в дальнейшем уменьшении мелких по размерам хозяйств и в обеднении обрабатывавших их крестьян [52].

Расслоение византийского крестьянства служило предпосылкой созревания раннекапиталистических форм производства в византийском селе и возникновения предпринимательского хозяйства. О таких хозяйствах имеются некоторые сведения в источниках XIII—XV вв., и на этот вопрос обращено внимание в статье З. В. Удальцовой и А. П. Каждана [53]. Необходимо отметить, однако, что эти данные все еще недостаточны и на их основе нельзя делать вполне обоснованные обобщения. Если судить по наличному документальному материалу, то все же можно заключить, что в рассматриваемый период тенденции к разложению в византийском феодализме были еще слабы. Крупное феодальное имение светских и церковных господ приспосабливалось к растущим потребностям появлявшихся товарно-денежных отношений не столько путем использования раннекапиталистических форм производства и эксплуатации, сколько путем усиления феодального гнета. Феодал, чтобы получить больше продукции, которую он вывозил на рынок, увеличивал оброк натурой, а также и барщину. Эти тенденции возвращения к более старым формам эксплуатации приводили к тому, что значительная часть безземельных или малоимущих крестьян, не имевшая никакой возможности стать в городах наемными работниками (так как в то время отсутствовали еще необходимые условия для обычной продажи рабочей силы), получала снова надел из доленальной земли какого-либо феодального собственника и оставалась там в качестве крепостного [54].

В заключение следует сказать, что над изучением социально-экономического развития Византийской империи необходимо много работать и впредь. Ряд проблем еще недостаточно выяснен и нуждается в более глубоком и дифференцированном исследовании. Так обстоит дело, например, с вопросом о формах и характере классовой борьбы, которому в статье З. В. Удальцовой и А. П. Каждана отведено сравнительно небольшое место. Было бы важно полнее осветить роль и значение различных видов ересетических учений и движений, и в первую очередь павликианства и богомильства. Заслуживает внимания также более обстоятельное рассмотрение идеологии господствующих классов, которая была серьезным оружием для осуществления их целей. Следует вести изучение судьбы позднеантичного полиса и развития византийских городов. Не полностью выяснена и картина развития аграрных отношений. Анализ этих вопросов даст возможность составить очерк, в котором будет отражена целостная периодизация развития Византии, сделанная на научной основе.

---

[51] А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии, стр. 165 и сл. Ср. Г. Острогорский. Византийские писцовые книги, стр. 253 и сл. Необходимо отметить то, что расслоение среди крестьянства в этот период наступило и в Сербии и в областях, находящихся под ее властью македонских землях. Д. Ангелов. Аграрните отношения в Северна и Средна Македония през XIV в., стр. 98 и сл.

[52] Ценные данные в этом смысле находим о ряде семейств в селе Мелинция, как, например, семействах Михаила Цакона и его сыновей, Льва Цукала, Стаматика и др. F. Dölger. Sechs byzantinische Praktika des 14. Jahrhunderts für das Athoskloster Iberon. München, 1948.

[53] «Вопросы истории», 1958, № 10, стр. 96, ср. А. П. Каждан, Г. Г. Литаврин. Очерки истории Византии и южных славян. М. 1958, стр. 241 и сл.

[54] Это были так называемые ἐλεύθεροι или ξένοι, о которых часто идет речь в источниках XIII—XV веков.

ИСТОРИОГРАФИЯ

ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ РУСИ XIV—XVI вв. В ОСВЕЩЕНИИ СОВРЕМЕННОЙ БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

А. Л. Хорошкевич

Период образования и укрепления Русского централизованного го сударства (XIV—XVI вв.) постоянно привлекает внимание советски исследователей. Подробному и глубокому изучению подвергаются поли тическая и социально-экономическая стороны этого процесса[1]. Тольк советская историография поставила и в целом разрешила вопрос о со циально-экономических предпосылках образования Русского централи зованного государства, впервые обратилась к проблеме складывани всероссийского рынка и к ряду других проблем.

В трудах советских исследователей опровергнута весьма распро страненная в дореволюционной и современной зарубежной буржуазно историографии теория об исключительности исторического развития Рос сии. В них показаны закономерности образования Русского централизо ванного государства в условиях быстрого роста городов, расширения то варно-денежных отношений, обострения классовой борьбы угнетенного крестьянства — закономерности, общие для всех европейских стран проявлявшиеся различно в зависимости от своеобразия историческог развития каждой из этих стран.

Проблема внешней торговли Руси XIV—XVI вв. для советских исто риков органически связана с вопросом о закономерностях образовани Русского централизованного государства и предпосылках его склады вания.

В работах, изданных в последние годы, отображена борьба проти татаро-монгольского ига, сопровождавшаяся укреплением экономиче ских связей Руси с западными и восточными соседями. В результат свержения татаро-монгольского ига Русь вернула себе положение веду щей европейской державы, активно участвовавшей во всех международ ных событиях. К этому времени относится возникновение главных внеш неполитических задач Русского государства, решение которых растяну лось на ряд столетий[2].

В монографиях В. Г. Сыроечковского и М. В. Фехнер рассмотрен южное и восточное направления русской внешней торговли XIV—XVI ве ков[3]. Из работы М. В. Фехнер ясно, что в отношении южных и восточны

[1] С. В. Бахрушин. Очерки по истории ремесла, торговли и городов Русско централизованного государства XVI—XVII вв. «Научные труды». Т. I. М. 195 Б. А. Рыбаков Ремесло древней Руси. М. 1948; А. М. Сахаров. Ремесленно производство в городах Северо-Восточной Руси XIV—XV веков. «Вопросы истории», 195 № 4; М. Н. Тихомиров. Древняя Москва. М. 1943; его же. Средневековая М сква XIV—XV вв. М. 1957; его же. Древнерусские города. 2-е изд. М. 195 Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV вв. Т. I. М.-Л. 194 т. 2. М. 1951, и другие работы

[2] К. В. Базилевич Внешняя политика Русского централизованного госуда ства во второй половине XV века. М. 1952; В. Д. Королюк. Ливонская войн М. 1956.

[3] В. Г. Сыроечковский. Гости-сурожане. М. 1935; М. В. Фехнер. Торговл Русского государства со странами Востока в XVI веке. 2-е изд. М. 1956.

оседей Русь выступала в качестве экспортера различных товаров ремес-
енного производства.

В советской историографии подвергся пересмотру и вопрос о харак-
ере экономических отношений Руси и Ганзы в XIV—XV веках. Вопре-
и бытовавшему ранее мнению о колониальном характере торговли Ган-
ы на Руси М. П. Лесников выдвинул мысль об экономическом равно-
равии Новгорода и Ганзы, доказал огромную роль Новгорода для раз-
ития всей североевропейской торговли XIV—XV веков [4].

История политических взаимоотношений Руси с Ганзой в XV в.—
редмет специальных исследований Н. А. Казаковой. В ее работах пока-
ано, как окрепшая в политическом и экономическом отношениях Русь
одорвала могущество Ганзы, которого последняя уже не сумела себе
ернуть [5]. Начато изучение выборгской торговли в середине XVI века [6].

Русско-французская торговля конца XVI и первой половины XVII в.
роанализирована в работе Г. Жордания [7].

Следует отметить, что советские историки изучают внешнюю тор-
овлю Руси в XIV—XVI вв. в тесной связи с уровнем развития произво-
ительных сил и социально-экономических особенностей стран-
контрагентов в данный период.

В нашей стране ведется большая работа по публикации новых источ-
иков. Дальнейшему изучению внешней торговли Руси XIV—XVI вв.,
есомненно, будет содействовать ввод в научный оборот таких источни-
ов, как посольские книги, духовные грамоты, приходо-расходные книги
онастырей и т. д.[8]. В том же направлении изучают эту тему историки
тран народной демократии: Польши [9], Чехословакии [10], Румынии [11]. В их
рудах поставлена проблема социальных последствий развития внешней
орговли для Руси [12].

---

[4] М. П. Лесников. Ганзейская торговля пушниной в начале XV века. «Ученые
аписки» Московского государственного педагогического института имени В. П. Потем-
кина. Вып. I, т. VIII. М. 1948; его же. Нидерланды и Восточная Балтика в начале
XV в. Из истории торговых сношений. «Известия АН СССР». Серия истории и филосо-
фии. 1951, № 5; его же. Торговые сношения Великого Новгорода с Тевтонским орденом
в конце XIV и начале XV в. «Исторические записки». Т. 39; его же. Некоторые во-
просы балтийско-нидерландской торговли хлебом в конце XIV — начале XV в. Сбор-
ник «Средние века». Вып. VII. М. 1955; его же. Die livländische Kaufmannschaft
und ihre Handelsbeziehungen zu Flandern am Anfang des 15. Jahrhunderts. «Zeitschrift
für Geschichtswissenschaft». VI. Jg., 1958. Hf. 2, S. 285—303.

[5] Н. А. Казакова. Из истории сношений Новгорода с Ганзой в XV веке. «Исто-
рические записки». Т. 28; ее же. Из истории торговой политики Русского централи-
зованного государства XV века. «Исторические записки». Т. 47.

[6] Г. А. Новицкий. Вопросы торговли в русско-шведских отношениях XVI в.
«Скандинавский сборник». Вып. 2. М. 1957.

[7] Г. Жордания. Очерки по истории франко-русских отношений конца XVI и
первой половины XVII века. Т. I. Тбилиси. 1959.

[8] В настоящее время А. Г. Маньковым подготовлен к печати первый том хозяй-
ственных книг монастырей XVI в. (книги Иосифо-Волоколамского монастыря). Наши
историки не ограничиваются публикацией только русских источников. М. П. Лесников
недавно издал торговую книгу Г. Фекингузена. «Исторический архив», 1958, № 2.

[9] A. Wawrzyńczyk. Studia z dziejów handlu Polski z Wielkim Księstwem
Litewskim i Rosią w XVI wieku. Warszawa. 1956; ee же. Rola Warszawy w handlu
Wielkim Księstwem Litewskim i Rosią w XVI w. «Kwartalnik Historyczny». R. 63,
. 2 1956, s. 1—26; A. Kersten. Kontakty gospodarcze Wielkiego Nowogroda
Litwą Polską i miastami południo — niemieckimi w XV w. «Slavia orientalis». R. VII.
№ 1. Warszawa. 1958. s. 130—166.

[10] A. V. Florovskij. Česko-ruské obchodní styky v minulosti (X—XVIII sto-
etí). Praha. 1954.

[11] P. Constantinescu-Jaşi. Relaţiile culturale romîno-ruse din trecut. Bu-
ureşti. 1954; T. Jonescu-Nişcov, A. Constantinescu. Relaţii comerciale
omîno-ruse iu a dona jumătata a secoiului al XVII—lea. «Analele romîno-sovietice».
ucureşti. 1956, № 3.

[12] M. Małowist. Über den Handel des Adels in den Ostseeländern im 15.
nd 16. Jahrhundert. «Hansische Geschichtsblätter», Jg. 75. 1957; его же Poland, Russia
nd Western Trade in the 15th. and 16th. centuries. «Past and Present», April, 1958, № 13
другие работы.

Однако до сих пор вопросы о том, какое место занимали русские то вары в общем товарообороте Европы, в чьих интересах происходило ра ширение внешнеэкономических связей Руси с другими европейским странами, уже вступившими в XVI в. на путь капиталистического разви тия, консервировала ли внешняя торговля старые формы экономики ил способствовала нарождению новых, нуждаются, как справедливо отм чал С. Д. Сказкин [13], в дополнительном исследовании для всех стран Во сточной Европы.

В настоящей статье сделана попытка рассмотреть некоторые сторо ны проблемы в трактовке современной буржуазной историографии.

Большинство работ, опубликованных в послевоенный период,— не большие журнальные статьи, которые обычно не ставят своей задаче полностью осветить историю внешней торговли Руси в XIV—XVI века Единственное исключение составляет труд А. Аттмана о внешней тор говле и внешней политике Руси XVI в.; в нем рассмотрены все вопро сы, изучаемые в зарубежной историографии: структура товарооборота размеры торговли и ее динамика, характер торгового и платежного ба ланса, основные географические направления торговли и их изменения

Зарубежные исследователи изучают лишь западное направлени русской внешней торговли, недооценивая южное и восточное направле ния для развития русской экономики.

Статья западногерманского историка П. Йохансена «Новгород Ганза» представляет собой попытку дать суммарную характеристик развития Новгорода, его экономической и политической истории [14]. В от личие от фашистской историографии, сводившей на нет роль русских развитии внешнеторговых связей Руси, утверждавшей, будто вся рус ская торговля, а вместе с тем и развитие Новгорода находились в рука немецкого ганзейского купечества, автор под влиянием работ советски историков (прежде всего М. П. Лесникова) признает огромную роль Вели кого Новгорода в балтийской торговле. Ту же мысль проводит он и коллективном историографическом обзоре западноевропейских работ по экономической истории Европы XIV—XVI вв., представленном X между народному конгрессу историков в Риме [15].

Однако, ограничивая свою задачу вопросами об исторических судь бах, своеобразии и топографии Новгорода, автор вопреки убедительным доказательствам памятников письменности и материальной культуры утверждает, будто Новгород был основан норманнами, а затем благода ря постоянным связям со скандинавами и их преемниками в лице ганзей ских купцов стал городом, весьма близким ганзейским городам Запад ной Европы. Йохансен даже заявляет, что новгородцы якобы превратил ись в особый тип людей, весьма отличный от обычного славянского [16] Другой немецкий историк, Г. Штекль, утверждает, что до сих пор не ясно насколько Новгород, испытывавший якобы сильное западноевропейское влияние, типичен для Руси [17].

В оценке непосредственных отношений Новгорода и Ганзы П. Йохан сен снова возвращается к представлениям немецкого национализма про шлого века. Проблему взаимоотношений Новгорода и Ганзы он ограни чивает только юридической стороной, не ставя даже вопроса о характе

---

[13] С. Д. Сказкин. Основные проблемы так называемого «Второго издани крепостничества» в Средней и Восточной Европе. «Вопросы истории», 1958, № 2

[14] P. Johansen. Novgorod und die Hanse. «Städtewesen und Bürgertum al geschichtliche Kräfte». Lübeck. 1953, S. 121—144.

[15] M. Mollat, P. Johansen, M. Postan, A. Sapori, Ch. Verlinden L'économie européenne aux deux derniers siècles du Moyen Age Relazioni del X Con gresso Internazionale di scienze Storiche. Vol. III. Firenze. 1955, pp. 781—782.

[16] P. Johansen. Novgorod und die Hanse, S. 123.

[17] G. Stökl. Russisches Mittelalter und sowjetische Mediaevistik. «Jahrbüche für Geschichte Osteuropas». Bd. 4, Hf. 2. 1956, S. 205.

ре их экономических связей, о влиянии последних на социально-экономическое развитие и Новгорода и Ганзы. В основу периодизации внешней торговли Новгорода автор кладет совершенно неправильный принцип смены его контрагентов, принцип, получивший распространение в немецкой буржуазной историографии со времени появления работы М. Гурланда в 1913 году[18]. Внешняя торговля Новгорода в изложении М. Гурланда — П. Йохансена выглядит как смена господства Висби (XII в.— 1293 г.) совместным господством Висби—Любека (1293—1392 гг.), далее — Любека—Висби и ливонских городов (1392—1442 гг.) и, наконец, одних только ливонских городов (1442—1494 гг.). Авторы этой концепции полностью отрицают активную роль Руси, связь внешней торговли с внутренним политическим и экономическим развитием Новгорода.

Таким образом, статья П. Йохансена не вносит ничего нового в изучаемую проблему и воскрешает избитые доводы немецкой националистической историографии, смыкаясь в этом с представителями «Ostforschung»[19].

Попытку дать общую характеристику русской внешней торговли сделал В. Кирхнер[20]. Он утверждает, что в XI—XIV вв. русские вообще не были заинтересованы в активной торговле, поскольку их торговый баланс и без того был активным, а запрещения торговли со стороны других государств не были страшны для Руси, так как в ее распоряжении находилось несколько различных каналов торговли. Автор полностью абстрагируется от конкретно-исторической обстановки, он «забывает» упомянуть о таких фактах, как татаро-монгольское нашествие, надолго затормозившее развитие производительных сил страны, агрессия немецких рыцарей на западе, отрезавшая Русь от непосредственных выходов к морю.

Подобная постановка вопроса не случайна. В другой своей работе В. Кирхнер выступает с открытым оправданием агрессии Тевтонского ордена. Только она, по его мнению, принесла свет просвещения народам Прибалтики и сделала их полноправными членами мифической западноевропейской общности[21], которую изобретают современные защитники НАТО для исторического обоснования этой организации.

Так же несостоятельно его объяснение причин слабого развития активной внешней торговли Русского государства и на следующем этапе. Впрочем, в XV в. у русских, по словам В. Кирхнера, вдруг появился интерес к морской торговле. Можно подумать, что к этому времени неожиданно перестали действовать факторы, которые ранее, по утверждению автора, исключали возможность появления такого интереса,— торговый баланс стал пассивным и исчезли различные направления внешнеторговых связей Руси. В XV в., по В. Кирхнеру, неудачи русского купечества в активной внешней торговле объяснялись еще более «вескими» основаниями, а именно: плохим воспитанием русских, а потому и нелюбовью к ним со стороны европейцев. Немало препятствовала развитию активной внешней торговли и неосведомленность русских купцов о ценах на европейских рынках. Именно эти обстоятельства сковывали развитие активной внешней торговли, объявляет В. Кирхнер, а вовсе не слабость страны после неизжитого еще татаро-монгольского ига, не противодействие Тевтонского ордена, занявшего ключевые позиции у

---

[18] M. Gurland. Der St-Petershof zu Nowgorod 1361—1494. Innere Hofverhältnisse. Diss. Göttingen. 1913.

[19] Подробную характеристику этого направления см. В. Т. Пашуто. Так называемое «Изучение Востока» — идеология западногерманского реваншизма. «Вопросы истории», 1959, № 3, стр. 60—76.

[20] W. Kirchner. Über den russischen Außenhandel zu Beginn der Neuzeit. «Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte». Bd. 42. Hf. 1. Wiesbaden. 1955, S. 40—56.

[21] W. Kirchner. The Rise of the Baltic Question. New York. 1954, p. 256.

выхода на Балтийское море, не активное сопротивление Ганзы, стремившейся любым способом подавить в зародыше конкуренцию любого соперника.

В. Кирхнер отмечает резкое увеличение русской торговли в XVI в., приводя в качестве доказательств многочисленные документальные свидетельства, впервые извлеченные им из архивов, главным образом датских. Тем не менее автор недооценивает размеры активной торговли русских, он не учитывает сведений важнейшего русского источника — так называемой Торговой книги, последовательно указывавшей цены на русском и иностранном рынках и являвшейся, по-видимому, руководством для русских купцов, ездивших за границу.

В XVI в. попытки развития активной внешней торговли, по мнению В. Кирхнера, закончились провалом. Объясняя это, В. Кирхнер возвращается к своей, по существу, правильной мысли об активном балансе русской торговли. Наряду с этим он подчеркивает отсутствие на Руси собственных купцов типа Фуггеров, за исключением Строгановых. Наконец, в качестве последней причины он выдвигает слабость развития торговли в Дании — союзнице русских.

Изложение причин слабого развития внешней торговли в XVI в. также страдает присущей В. Кирхнеру ограниченностью. Он абстрагируется от внешнеполитической обстановки, проходит мимо огромных трудностей, которые встретили русские купцы при своем продвижении на североевропейские рынки.

Совершенно неверна концепция автора о том, что русская внешняя торговля могла направляться исключительно в сторону Европы. Именно в XVI в. наблюдается быстрое расширение активной торговли Руси с ее восточными соседями.

Конкретные наблюдения над внешней торговлей Руси XI—XVI вв. В. Кирхнер распространяет на всю ее историю, утверждая, что для России характерно якобы слабое развитие внешнеторговых связей. Конечной причиной этого, по мнению автора, является ее своеобразие. «Россия всегда шла своим собственным путем, и каждая фаза ее развития отражает то своеобразие, которое характеризует всю историю России» [22],— пишет В. Кирхнер.

Теория исключительности исторического развития России, проповедуемая и В. Кирхнером, давно уже приобрела весьма недвусмысленное политическое звучание. В основе ее лежит стремление доказать случайный характер социалистической революции в нашей стране, якобы представляющей собою не закономерный итог развития капитализма, а лишь частное отклонение от общего пути. В работе «Подъем Балтийского вопроса» В. Кирхнер толкует о вечной будто бы противоположности и враждебности Запада и Востока, их религиозных противоречиях и т. д.

Логика автора и методика его работы ясны: любыми средствами доказать исключительность России, искусственно подобранным конкретно-историческим материалом подтвердить мысль об «особом пути» Руси, принципиально отличающемся от развития всех остальных европейских стран. Философия не новая. Пропагандой ее занимались и занимаются реакционеры всех толков и направлений чуть ли не с первых дней Советской власти. Историческая действительность на каждом шагу наносит один удар за другим по этой теории.

В среде буржуазных ученых Западной Европы есть историки, более объективно изображающие прошлое нашей Родины. Их исследования посвящены преимущественно XVI в., открывшему новый этап в развитии русской внешней торговли.

---

[22] W. Kirchner. Über den russischen Außenhandel..., S. 52.

В XVI в. начался быстрый рост производительных сил, значительно выросли экспортные возможности Русского централизованного государства. В это время страна после длительного перерыва вновь получила открытый доступ на Балтику, смогла установить прямые связи с рядом европейских государств. Однако развитие русской внешней торговли наталкивалось на упорное сопротивление прежде всего Ливонского ордена и Ганзы. Поскольку в первой половине века торговая блокада ордена препятствовала развитию прямых связей через Балтику, русское купечество искало и находило другие, более доступные пути. В связи с изменением внешнеполитической обстановки на первый план выступали различные направления транзитной торговли — Великое княжество Литовское, Выборг, Нарва, а также самые северные районы на побережье Белого моря. Роль каждого из этих направлений охарактеризована шведским историком А. Аттманом [23].

Этот исследователь отмечает, что некоторую роль в экспорте русских товаров продолжали играть ливонские города, экономика которых в XVI в., как и в более позднее время, основывалась прежде всего на транзитной торговле с Русью [24]. Рига даже во второй половине XVI в., судя по таможенной книге 1596 г., получала основную массу своих экспортных товаров из русских земель, главным образом белорусских [25].

Ревель (Таллин), торговля которого была подорвана в связи с перемещением торгового центра в Нарву [26], после 1581 г. не вернул себе прежнего положения, однако и в его экспорте значительное место занимали русские товары [27].

В 1558—1559 гг. функции транзитного центра по торговле с Западной Европой перешли к Выборгу [28]. Хотя в эти два года торговля Выборга достигла невиданных здесь размеров, препятствием для ее дальнейшего развития оказались недостаток капиталов у местных купцов, высокие таможенные пошлины, взимавшиеся в пользу Швеции, ограниченность ассортимента и рутинные методы торговли, которые принесли с собой любекские купцы, почти полностью (на 70—80%) забравшие в свои руки торговлю города [29].

Кульминационным моментом в развитии русской внешней торговли с Северной и Западной Европой является так называемое «Нарвское плавание», рассмотрение истории которого открывает дополнительные возможности для анализа экономики Русского централизованного госу-

---

[23] A. Attman. Den ryska marknaden i 1500—talets baltiska politik 1558—1595. Lund. 1944. Общую характеристику исследования А. Аттмана дал Х. Х. Круус в своей рецензии на книгу С. Свенссона. («Вопросы истории», 1958, № 1, стр. 177—178). См. также обзор зарубежных работ по «балтийскому вопросу» (Х. Х. Круус. «Балтийский вопрос» в XVI в. в зарубежной исторической литературе. «Вопросы истории», 1959, № 6).

[24] См. работу Г. Миквитца о ревельской торговле 40—50-х годов XVI века. G. Mickwitz. Aus Revaler Handelsbüchern. Helsingfors. 1938.

[25] A. Attman. Указ. соч., стр. 36—37.

[26] Первое резкое сокращение торговли Ревеля произошло в 1557—1558 гг., то есть в период возвышения Выборга, второе — в 1563 г. (оно связано с ростом нарвской торговли). Позже уровень ревельской торговли составлял лишь одну восьмую уровня 1550—1556 годов.

[27] A. Attman. Указ. соч., стр. 32—33; Х. Х. Круус. «Балтийский вопрос» в XVI в. ..., стр. 113.

[28] На роль Выборга указывал уже Г. В. Форстен (Г. В. Форстен. Балтийский вопрос в XVI—XVII столетиях. Т. I. СПБ. 1893, стр. 161—162). Наиболее внимательно изучил торговлю этого города в конце 50-х годов XVI в. А. Аттман. (Указ. соч., стр. 45—46, 124—134). См. также Г. А. Новицкий. Указ. соч.

[29] На последнее обстоятельство вслед за Г. Миквитцем (G. Mickwitz. Die Hansakaufleute in Wiborg, 1558—1559. Historiallinen arkisto. T XLV. 1939) обратил внимание и П. Жанен (P. Jeannin. L'économie française au milieu du XVI siécle et le marché russe. «Annales», janvier — mars 1954. № 1, p. 39).

дарства [30]. Нарвской торговле посвящен ряд работ зарубежных исследователей.

Основным, хотя и неполным, источником для изучения объема нарвской торговли являются зундские таможенные книги. Поскольку в них не учитывалась навигация в городах, расположенных к востоку от Ютландского полуострова, нельзя установить даже количество судов, приходивших в порт. Не полны сведения и о судах, следовавших через Зунд. В связи с тем, что грузы, экспортировавшиеся из Нарвы, облагались более высокой пошлиной, не редки были случаи, когда место назначения или отправления кораблей скрывалось [31].

А. Аттман, однако, сделал попытку суммировать данные зундских книг. До 1564 г. они почти не дают материала для суждения о размахе «Нарвского плавания»; сообщаемые ими данные о числе кораблей, прибывавших из Нарвы (7 — в 1562 г., 3 — в 1563 г. и 12 — в 1564 г.), не исчерпывают всего количества западноевропейских судов, заходивших в этот порт. После 1564 г. сведения становятся более полными: в 1565 г. — 40 кораблей, в 1566 г. — 98, в 1567 г. — 76, в 1568 г. — 59, в 1569 г. — 16, в 1570 г. — 22, в 1575 г. — 13, в 1578 г. — 27, в 1579 г. — 26 [32]. Однако эти минимальные цифры можно пополнить с помощью других источников; так, из Любека в 1564 г. прибыло еще 22 корабля, в 1567 г. — 33, а в 1570 г. — 40 [33]. Исследователь англо-русской торговли Т. С. Виллан указывает и размеры торговли англичан в Нарве. Русская компания отправила в Нарву в 1567 г. 7 кораблей, в 1568 г. — 4, в 1569 г. — 3, в 1570 г. — 13 [34]. Кроме того, в Нарву отправляли свои суда и английские купцы, не состоявшие членами компании, размеры торговли которых не поддаются точному подсчету. Таким образом, по имеющимся в настоящее время данным, количество судов, ежегодно приходивших в Нарву, в среднем колебалось в пределах 100 [35].

В оценке значения «Нарвского плавания» для социально-экономического развития Европы мнения европейских историков резко расходятся. А. Аттман видит в нарвской торговле лишь перераспределение торговой деятельности между прибалтийскими городами. Совсем иначе оценивает ее В. Кирхнер [36]. Общим и основным итогом «Нарвского плавания» он считает «преобразование всего существующего порядка в экономическом плане» [37]. В событиях второй половины XVI в. В. Кирхнер увидел

---

[30] Нарва — единственный порт, торговля которого рисует точную картину русского экспорта, поскольку русские товары в экспорте Нарвы составляли от 33 до 94% (A. Attman. Указ. соч., стр. 50).

[31] На ограниченность сведений зундских таможенных книг указывал еще А. Христенсен. A. E. Christensen. Der handelsgeschichtliche Wert der Sundzollregister. «Hansische Geschichtsblätter». Bd. 59. 1934, S. 28—142; см. также A. Attman. Указ. соч., стр. 48—49.

[32] A. Attman. Указ. соч., стр. 407.

[33] Г. В. Форстен. Балтийский вопрос... Т. I, стр. 383, 417.

[34] T. S. Willan. The Early History of the Russia Company 1553—1603. Manchester. 1956, p. 82. Советская исследовательница этого же вопроса Н. П. Черкашина указывает более высокие цифры: для 1564 г. — 12 кораблей, для 1568 г. — 20. См. Н. П. Черкашина. История московской торговой компании в XVI—XVII вв. (рукопись кандидатской диссертации). М. 1953.

[35] Эта цифра подтверждается и свидетельствами иностранцев (Дж. Флетчер. О государстве Русском. СПБ. 1905, стр. 14) и данными русских источников (так, Никоновская летопись сообщает о прибытии в Нарву в 1567 г. 70 кораблей. ПСРЛ. Т. XIII, стр. 245). По-видимому, сведения Я. С. Лурье о ежегодном прибытии в Нарву от 200 до 300 голландских кораблей являются преувеличенными (Я. С. Лурье. Внешняя торговля. Очерки истории СССР, конец XV — начало XVII в. М. 1955, стр. 272).

[36] W. Kirchner. Die Bedeutung Narwas im 16. Jahrhundert. Ein Beitrag zum Studien der Beziehungen zwischen Russland und Europa. «Historische Zeitschrift» Bd. 172, Hf. 2, 1951, S. 265—284. Подробный разбор статьи В. Кирхнера произведен С. А. Фейгиной. См. С. А. Фейгина. По страницам зарубежных исследований внешней политики России в XVI –XVIII веках. «Вопросы истории», 1955, № 12, стр. 205.

[37] W. Kirchner. Die Bedeutung Narwas... S. 271.

прообраз того воздействия, которое России якобы суждено было оказывать на Запад. Следуя распространенному среди историков «Ostforschung» мнению о том, что торговля с Русью подрывала «единство» европейского мира, В. Кирхнер утверждает, будто и нарвская торговля вызывала противоречия внутри «общности» европейских стран, «общности», к которой Россия никогда не принадлежала, а, наоборот, всегда противостояла ей.

На примере «научной» деятельности В. Кирхнера, наиболее последовательного поборника теорий «Ostforschung», ясно видно, что идеи «изучения Востока» и— идеи западногерманского реваншизма — проникают в область не только политической, но и экономической истории.

Для В. Кирхнера не существует закономерностей, всегда конкретно-исторических, не существует различных социально-экономических формаций. Вслед за Тойнби, Шпенглером, Бердяевым он обращается к методу внеисторических аналогий; поэтому уроки «Нарвского плавания» он переносит и на XX век. У стран Западной Европы уже в XVI в. В. Кирхнер видит характерное для современных империалистических держав Запада стремление опустить «железный занавес» перед Русью, стремление, не осуществившееся, по его мнению, из-за установления прямых торговых связей Руси с другими европейскими странами через Нарву.

Модернизм В. Кирхнера был подвергнут критике французским ученым П. Жаненом. На основании статистических данных, характеризующих нарвскую торговлю, П. Жанен поддержал точку зрения А. Аттмана и пришел к выводу, что нарвская торговля не могла угрожать Данцигу [38].

Временное присоединение Нарвы к Русскому централизованному государству облегчило установление прямых экономических связей со всей Европой, в том числе и с теми странами, которые до этого времени не принимали участия в торговле с русскими.

Лишь во второй половине XVI в. завязались регулярные торговые связи с Францией. Начальный период экономических сношений России с Францией изучен еще недостаточно; даже последняя работа Г. Жордания касается лишь самого конца XVI века. Между тем некоторые указания о французской торговле на Балтике с помощью ганзейских купцов относятся уже к концу XV века. Непериодические торговые связи между Францией и Россией существовали и в первой половине XVI века [39].

Историей русско-французской торговли в Нарве специально занимался В. Кирхнер [40]. Однако круг источников, привлеченных им, не полон (это преимущественно дипломатические источники и отчасти зундские таможенные книги).

Так, не различая кораблей с французским грузом и французских кораблей [41], В. Кирхнер в основу своей периодизации русско-французских экономических связей второй половины XVI в. положил данные о навигации голландцев. По его наблюдениям, уже в 1557 г. из 1 150 судов, миновавших Зунд, 247 было с французским грузом [42], резкое падение торговли произошло в 1569 г., а новое ее увеличение имело место только

---

[38] P. Jeannin. L'économie française..., p. 41.

[39] Там же, стр. 24; M. Mollat. Le commerce maritime normand à la fin du moyen âge. Paris. 1952, pp. 198, 199, 476.

[40] W. Kirchner. Le commencement des relations économiques entre la France et la Russie (1550—1650). «Revue historique». T. CCII. Octobre — décembre 1949, pp. 161—183. Дополнительные сравнительно с данными В. Кирхнера сведения о французской торговле в Нарве см. P. Jeannin. Les relations économiques des villes de la Baltique avec Anvers au XVI-e siècle. «Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte». Bd. 43, Hf. 4. Wiesbaden. 1956, S. 329.

[41] Поэтому он считает их вместе и для характеристики французской торговли использует сведения о голландской торговле на Балтике. В 1578—1581 гг. через Зунд проходило около 200 судов, причем в 1580 г.— даже 294, в 1587 г.— 348, в 1590—1595 гг.— около 250. См. W. Kirchner. Le commencement..., p. 173.

[42] Там же, стр. 165, 173.

в 70—80-х годах XVI века. Иная эволюция характерна для собственно французской навигации: заметное увеличение ее произошло около 1560 г., затем, после кратковременного понижения, она вступила в новую полосу подъема (около 1575 г.), но продолжала все же оставаться на сравнительно невысоком уровне (20—30 судов в год) вплоть до первого десятилетия XVII века [43].

Периодизацию русско-французской торговли второй половины XVI в., предложенную В. Кирхнером, оспаривает П. Жанен [44]. Хотя последний утверждает, что выступает против «политико-экономического» принципа этой периодизации, на деле же он спорит только с ограниченным пониманием ее и предлагает ввести в качестве одного из определяющих критериев все политические события не только в Восточной Балтике, но и в самой Франции и в соседних с ней государствах Западной Европы. Так, резкое сокращение количества судов, вышедших из Франции в Балтику в 1577 г., он считает результатом не шведской блокады Нарвы, а взаимоотношений Испании, Франции и Нидерландов. Одновременно с французскими уменьшилось и число голландских кораблей, а число немецких, прошедших через Зунд, значительно увеличилось.

Французские купцы торговали не только в Нарве. Одновременно с англичанами они появлялись и на Крайнем Севере, в районе Колы. В конце XVI в. они проникли в глубь России и вели торговлю даже в Москве, где существовали два общества: одно — из уроженцев Лилля (братья Драгон, де Мушерон) и другое — из парижан (Ла Бистрад, Н. де Ренель, Ж. Паран) [45].

Тем не менее торговля французских купцов с русскими по объему значительно уступала англо-русской. Здесь сказывались особенности экономического развития Франции. Меньшее, сравнительно с Англией, значение для нее имела морская торговля; для Франции была характерна и иная ориентация: главным образом на юг и на запад,— а в связи с этим и меньшая заинтересованность в русских товарах. Развитию франко-русской торговли в немалой степени препятствовала и внутриполитическая обстановка в самой Франции. Однако уже самый факт наличия экономических связей с Русью в период религиозных войн служит свидетельством необходимости для Франции этой торговли, хотя в ней активно участвовало только несколько районов страны: Северная Нормандия, в особенности Дьепп, Бретань, Сан-Мало, Кале, Ла-Рошель и Бордо.

Из всего комплекса вопросов, связанных с историей западной торговли Руси в XVI в., наибольшее внимание русская и советская историография уделяла англо-русской торговле через Белое море. Благодаря изысканиям И. И. Любименко, Я. С. Лурье, Н. П. Черкашиной и других изучена главным образом история англо-русских политических отношений по материалам дипломатических переговоров, лишь косвенно характеризующим экономические связи [46].

Немногочисленные архивные материалы легли в основу исследова-

---

[43] Те же цифры дает и А. Аттман (см. A. Attman. Указ. соч., стр. 155, 407).

[44] P. Jeannin. L'économie française..., p. 24—25.

[45] E. Coornaert. Les échanges de la France avec l'Allemagne et les pays du Nord au XVI-e siècle. «Revue d'histoire économique et sociale». Paris. 1957. Vol. XXXV. № 3, p. 250. См. также Г. Жордания. Указ. соч., стр. 84—88.

[46] J. J. Lubimenko. Les relations commerciales et politiques de l'Angleterre avec la Russie avant Pierre le Grand. Paris. 1933, и др. ее работы; Я. С. Лурье. Письма Джерома Горсея. «Ученые записки» Ленинградского государственного университета. 1941, № 73, вып. 8; его же. Английская политика на Руси в конце XVI в. «Ученые записки» Ленинградского государственного педагогического института имени А. И. Герцена. Т. 61, 1947; его же. Вопросы внутренней и внешней политики в посланиях Ивана Грозного. «Послания Ивана Грозного». М.-Л. 1951; его же «Открытие Англии» русскими в начале XVI века. «Географический сборник». Ч. 3. М.-Л. 1954. Кроме того, имеется несколько неопубликованных диссертаций, посвященных этой теме: Н. П. Черкашиной, А. И. Копылова, Н. Ф. Прончатова и других.

ий профессора Манчестерского университета Т. С. Виллана [47]. Последняя его работа, «Ранняя история Русской компании. 1553—1603», интересная по своему фактическому материалу, страдает недостатками, присущими буржуазной историографии. В ней отсутствует анализ социально-экономического развития не только России, но и Англии, характеристика английской колониальной политики, целей и объективной роли Русской компании в развитии англо-русских отношений. Наступление на русские рынки, организованное как государственное дело и составлявшее основную задачу Русской компании, рассматривается им чуть ли не как благодеяние со стороны Англии. Т. С. Виллан отрицает колонизаторские устремления компании, хотя они отчетливо были выражены уже в тексте хартии от 26 февраля 1555 года. Он вынужден, правда, признать, что главной целью компании был захват новых рынков [48].

В отличие от многих английских историков Т. С. Виллан дает более осторожную оценку того положения, которое английская компания заняла в России. Учитывая мнение русских историков о том, что «Копия привилегий», дарованных русским царем английским купцам в 1555 г., в той ее версии, которая опубликована Хаклюитом, излагает лишь требования английских купцов [49] и что другой вариант этого документа, изданный Гамелем [50], точнее отражает подлинник, Т. С. Виллан, тем не менее, утверждает, будто английские купцы с самого начала сумели настоять на всех своих требованиях [51]. В действительности же англичане в 1555 г. еще не получили права строить свои фактории, бесконтрольно использовать русских на своей службе, свободно въезжать в Россию и выезжать из ее пределов.

Недостаточное внимание уделяет Т. С. Виллан и желанию русских с помощью торговли и различных привилегий проложить путь к заключению союза, особенно ярко выразившемуся в ходе событий 1569—1570 годов. В отличие от других буржуазных ученых этот автор при характеристике положения Московской компании в России не ограничивается рассмотрением только привилегии 1569 г., просуществовавшей всего лишь один год и четыре месяца, а изучает привилегии 1567, 1569, 1570, 1572, 1584, 1586, 1596 и 1598 годов. Но он не раскрывает причин предоставления широких привилегий в 1569 г. и главной из них — стремления заручиться поддержкой Англии, заключить союз, направленный против Польши и Швеции [52]. Неудача русского посольства 1570 г. во главе с Савиным заставила Ивана Грозного ликвидировать все привилегии, предоставленные ранее англичанам [53]. Вопрос об англо-русском союзе к 1572 г. отошел на задний план: тогда более остро стоял вопрос о кандидатуре на польский престол [54]. Это отразилось и на привилегии 1572 г.: англи-

---

[47] T. S. Willan. Trade Between England and Russia in the Second Half of the Sixteenth Century. «The English Historical Review». Vol. LXIII. 1948. № 248, pp. 307—321; его же. The Russia Company and Narva. 1558—1581. The Slavonic and East European Review». Vol. XXXI June 1953, pp. 405—419. Об этой работе см. С. А. Фейгина. Указ., соч., стр. 205); его же. The Muscovy Merchants of 1555. Manchester University Press. 1953; его же. The Early History of the Russia Company 1553—1603. Manchester. 1956. Работы Т. С. Виллана были одобрительно встречены за рубежом. См. рецензии Д. Колемана, В. Кирхнера, Р. Фишера, Н. Ханта.

[48] T. S. Willan. The Muscovy Merchants of 1555..., p. 9.

[49] См. И. Х. Гамель. Англичане в России в XVI и XVII столетиях. СПБ. 1865—1869, стр. 52; J. J. Lubimenko. Les relations..., pp. 31—32.

[50] И. Х. Гамель. Указ. соч., стр. 253—255.

[51] T. S. Willan. The Early History..., p. 13.

[52] Впрочем, обстановка предоставления привилегий нарисована Т. Вилланом весьма живо (T. S. Willan. The Early History..., p. 103).

[53] При оценке событий 1569—1570 гг., как и более позднего времени (конца XVI в.), автор почти не касается внутреннего положения Англии и борьбы различных направлений английской внешней политики.

[54] Н. П. Черкашина. Указ. соч., стр. 155.

чане получили право монопольной торговли только на Белом море и должны были уплачивать пошлины, хотя и вдвое меньше остальных купцов. Розничная торговля и торговля с Персией были им запрещены.

В определении характера торговли конца XVI в. Т. С. Виллан несколько расходится с предшествующими исследователями. Указывая на различные трудности, в особенности финансового порядка, с которыми сталкивалась компания, Виллан подчеркивает, что в последние десятилетия XVI в. торговля с Англией приобрела особое значение для России, она значительно увеличилась даже по сравнению с 70-ми годами [55].

Автор рассматривает изменение англо-русской торговли непосредственно по десятилетиям — 60-е, 70-е, 80-е годы и конец века,— причем в основу периодизации он кладет чисто формальный признак. Однако англо-русскую торговлю второй половины XVI в. в связи с общим ходом внешнеторговых сношений России и политической обстановкой на Балтике следует подразделить несколько иначе — до 1559—1560 гг., то есть до начала «Нарвского плавания», с 1560 до 1581 г., одновременно с торговлей в Нарве, и, наконец, с 1581 по 1603 год.

Таким образом, изыскания зарубежных исследователей, несмотря на их явную тенденциозность, все же дают представление о торговых связях Руси с другими европейскими странами. В них вводятся в научный оборот новые архивные материалы о русско-французской, русско-английской и русско-датской торговле, трактуемые буржуазными историками преимущественно в духе экономического материализма.

Следует также подчеркнуть, что в зарубежной буржуазной литературе, прежде всего западногерманской и американской, бытуют идеи реваншистского направления «Ostforschung» о том, что торговля с нашей страной подрывала «интегральное единство» западного мира и была вредна для него как в XIV—XVI вв., так и теперь. Даже западногерманская историография вынуждена ныне отказаться от мысли о пассивном характере русской внешней торговли.

★

Для полного освещения рассматриваемой темы особенно важно исследовать структуру товарооборота и его динамику в течение XIV—XVI веков. Это необходимо для более ясного представления о социально-экономическом развитии Руси и каждого из ее контрагентов. Характеристику значения русской торговли в XVI в., хотя и несколько односторонне, дает Я. С. Лурье [56]. По его мнению, большая роль Руси в международной политике и экономике — лишь следствие высокого спроса Запада на русское техническое сырье (корабельный такелаж и корабельный лес). О роли русского рынка как потребителя товаров европейского производства и о его значении для развития последнего Я. С. Лурье не упоминает.

В современной буржуазной историографии вопрос о составе русской торговли с европейскими странами поставлен главным образом историками, представляющими экономическое направление. Одним из них является А. Аттман. Он подробнее других изучил структуру русского экспорта, составил таблицы экспорта по всем районам, связанным с Русью. В экспорте ливонских городов на первом месте стояли лен, конопл-

---

[55] В 1571 г. англичане снарядили к Св. Николаю 2 судна, в 1572 г.— 3, в 1574 г.— 11 к Нарве и Св. Николаю, в 1576 г.— 6 к Св. Николаю, в 1581 г. сюда же прибыло 13 кораблей, в 1582 г.— 11, в 1583 г.— 10, в 1584 г.— 10, в 1586 г.— 9 (T. S. Willan, The Early History..., pp. 132, 181).

[56] Я. С. Лурье. Внешняя торговля..., стр. 271. На роль русского рынка для развития Брюгге обратил внимание лишь М. П. Лесников (M. P. Lesnikow. Die livländische Kaufmannschaft..., S. 287).

я, хлеб [57], первые два — русского и ливонского сельскохозяйственного роизводства, последний — только ливонского. Это показывает состав ывоза из Нарвы. В 1562—1565 гг. состав нарвского экспорта распределялся следующим образом: лен и конопля — 30,6%, сало — 15%, воск — 8%, кожи и меха — 43,7%, остальные товары — 0,9%, а в 1574 г. соответственно — 42,4%, 22,2%, 0,9%, 34,5% и т. д.[58].

Удельный вес русских товаров можно определить по таможенным нигам г. Любека 1492—1496 гг.[59], несмотря на неполноту содержащихся в них данных об общих размерах торговли тем или иным товаром. По подсчетам А. Аттмана, из Риги экспортировалось 17% льна, поступавшего в этот период в Любек, из Ревеля и Пярну — 52%; из Прибалтики проходил почти весь любекский импорт конопли (61% из Риги, 36% из Ревеля), сала (22% из Риги, 60% из Ревеля), воска (22% из Риги, 73% из Ревеля), кож и мехов (5% из Риги, 52% из Ревеля) [60]. Данные зундских таможенных книг 1565—1567 гг. показывают, что в это время русские товары играли почти ту же роль на западном рынке, как и в предыдущий период. Резко упала только относительная роль воска. Из Нарвы в 1567 г. экспортировалось около трети общего вывоза льна и конопли, 94,6% сала, 23,2% воска, 81,1% мехов и кож [61]. Значительное место в составе русского экспорта занимали реэкспортные товары: шелковые ткани, шафран, имбирь и т. д.

Если изучение русского экспорта в какой-то степени может способствовать решению вопроса о социально-экономическом развитии Руси в условиях централизованного государства, то состав импорта и его размеры показывают значение русского рынка для развития более передовых в экономическом отношении стран Западной Европы и роль торговых связей с ними для экономического развития Руси.

На первом месте среди импортных товаров в течение этого периода оставались различные предметы потребления, на втором месте были товары, служившие сырьем для ремесла. Главным импортным товаром были сукна. Уже в 30-х годах XV в. в Ревель ежегодно поступало около 12 тыс. лакенов сукна, или 300 тыс. м [62], большая часть которого направлялась на Русь. В последнее десятилетие XVI в. вывоз сукон Русской компанией превышал полторы тысячи кусков в год [63].

Основными сортами сукон в XIV—XV вв. были фландрские и голландские, различной выделки и качества. Гораздо меньшую роль играли дешевые, скверного качества немецкие сукна [64]. В XVI в. ассортимент импортных сукон значительно расширился за счет чешской и моравской продукции. На второе место по сравнению с фландрскими выходили английские сукна.

Для правильного определения роли внешней торговли для Руси не-

---

[57] К сожалению, все статистические данные А. Аттмана относятся уже к самому концу XVI века. Но и они в какой-то мере отражают характерные черты русского рынка. Приведем некоторые данные: из Ревеля в 1586 г. вывозилось 14,9% льна, 10,6% конопли, 5,2% воска и 49,8% хлеба (A. Attman. Указ. соч., стр. 32).

[58] Там же, стр. 53.

[59] Fr. Bruns. Die lübeckischen Pfundzollbücher von 1492—1496. «Hansische Geschichtsblätter». 1904—1905, 1907, 1908.

[60] A. Attman. Указ. соч., стр. 47.

[61] Там же, стр. 50.

[62] Основу экономики города составляла посредническая торговля с Русью и Западной Европой, а потому импорт в Ревель с некоторыми оговорками можно считать характерным и для Новгородской Руси. Единственное исследование, специально посвященное ввозу, принадлежит перу К. Х. Засса (K. H. Sass. Hansischer Einfurhandel in Reval um 1430. Marburg. 1955). Эта работа заполняет пробел в истории внешней торговли города между второй половиной XIV в., изученной В. Штидой, Г. Лехнером и В. Коппе, и концом XV в., также хорошо известным по работе Ф. Брунса.

[63] T. S. Willan. The Early History..., p. 186.

[64] К. Н. Sass. Указ. соч., стр. 80; P. Jeannin. Les relations..., p. 212.

обходимо рассмотреть круг потребителей импортных товаров. Легче всего это сделать, изучая динамику импорта сукон и, самое главное, изменение их сортов. Наиболее характерным явлением для торговли иностранными тканями в XVI в. явилось расширение удельного веса недорогих сукон (таких, как силезские, моравские и т. д.) и увеличение круга потребителей иностранных сукон на Руси.

Вторым по объему импортным товаром была соль. Правильно утверждая, что солеварение на Руси достигло значительного развития, советские исследователи обычно упускают из виду высокий спрос на соль, необходимую не только для употребления в пищу, но и в кожевенном деле. Между тем даже в более позднее время спрос на соль в значительной мере удовлетворялся за счет импорта. Размеры ввоза соли на Русь и в Прибалтику, как и в большинство других стран Европы, за исключением Франции и отдельных районов Северной Германии [65], были довольно велики. Ввоз соли продолжался и в XVI веке.

Незначительное место занимала соль в импорте английских купцов на Русь. Единственный раз — в 1560 г.— в Россию было отправлено 9,5 т соли [66]. Наоборот, во французском импорте в Нарву соль полностью преобладала. П. Жанен утверждал даже, будто от «экспорта соли из Франции на Балтику зависела вся навигация между этими двумя районами». Почти вся соль, ввозимая в Нарву, была французского происхождения; в 60-х годах XVI в. ее ввоз достигал 20 тыс. ластов в год, а в конце XVI в. он сократился почти вдвое [67]. Из других предметов потребления постоянно ввозились вина, в особенности из Франции [68].

Вторую группу импортных товаров составляли различные металлы и отчасти металлические изделия. Ввоз их имел место уже в XV в.[69] и значительно увеличился в первой половине XVI века [70]. Особенно остро ощущалась потребность в металле во время Ливонской войны. Медь, цинк, олово, свинец были необходимы для изготовления оружия. Русское государство могло получать вооружение через Нарву и Белое море. В советской историографии очень большое значение придается поставкам английскими купцами на Русь вооружения, но до сих пор не выяснено, каковы были фактические размеры ввоза этих товаров.

В разработке вопроса о структуре русской внешней торговли зарубежным историкам принадлежит ряд конкретных наблюдений, представляющих немалый интерес и позволяющих несколько уточнить сообщения русских источников.

Однако основной вопрос — вопрос о социальных последствиях внешней торговли для Руси и стран-контрагентов — в зарубежной буржуазной литературе не поставлен.

★

Подведем некоторые итоги. Вплоть до начала 40-х годов исследование русской внешней торговли было почти исключительной монополией немецких националистических историков, чем определялся и специфический подход к этой проблеме и узкий круг вопросов, подвергавшихся рассмотрению. В 40—50-е годы проблемами внешнеэкономических связей Руси XIV—XVI вв. начали заниматься историки Англии, Франции и

---

[65] A. Agats. Der hansische Baienhandel. Heidelberg. 1904; A. Bridbury. England and the Salt Trade in the Later Middle Ages. London. 1953.

[66] T. S. Willan. The Early History..., p. 53.

[67] P. Jeannin. L'économie française..., pp. 27—28. W. Kirchner. Die Bedeutung Narwas..., S. 168.

[68] P. Jeannin. L'économie française..., p. 27.

[69] K. H. Sass. Указ. соч., стр. 93.

[70] W. Ebel. Das Revaler Ratsurteilbuch (Register van affsproken). 1515—1554. Göttingen. 1952, S. 73 u a.

ругих стран. Это значительно расширило тематику. Впервые в зарубеж-ой историографии поставлен вопрос о русско-французской торговле, о Нарвском плавании», усилилась работа по изучению русско-англий-ких торговых связей и т. д.

В послевоенный период зарубежные историки ввели в научный обо-от многочисленные архивные источники о морской торговле с Русью ерез Белое и Балтийское моря, о роли отдельных направлений торгов-и и составе товарооборота Руси и Западной Европы, удельном весе происхождении различных импортных товаров, в том числе и благо-одных металлов. Однако большинство современных буржуазных сследователей Запада рассматривает проблемы торговли и товарного бращения в полном отрыве от социально-экономического развития тран-контрагентов. В современной буржуазной историографии до сих ор не поставлены такие важные вопросы, как влияние внешней торговли а социально-экономическое развитие Руси и стран, торговавших с нею, заимосвязь восточной и западной торговли и т. д. Буржуазные авторы своих трудах не показывают роль внешней торговли в укреплении и рас-ирении товарно-денежных отношений, не рассматривают процесс скла-ывания Русского централизованного государства. Но если ученые Англии, Франции и Швеции более или менее объективно изучают те ли иные вопросы истории внешней торговли нашей страны, то реак-ионные западногерманские и американские исследователи следуют тра-иционным идеям «Ostforschung». Применительно к внешней торговле Руси XIV—XVI вв. они развивают две идеи. Согласно первой, внешняя орговля Руси представляла якобы угрозу для западного мира, поскольку она подрывала «интегральное единство» Европы; вторая сводится к тверждению, что в слабом развитии активной внешней торговли Рус-кого государства проявилась будто бы исключительность исторического ути России.

Правда, значительная часть зарубежных ученых не разделяет этих еакционных идей и своими работами доказывает, что история внешней орговли нашей страны — одна из тех тем, в разработке которой воз-можно научное сотрудничество советских и зарубежных историков на азе изучения разнообразного документального материала, сосредото-енного в архивах Северной и Западной Европы.

СООБЩЕНИЯ

ИЗ ИСТОРИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИРКУТСКОГО СОВНАРХОЗА

М. Н. Маркелов,
председатель совнархоза

Коммунистическая партия и Советское правительство всегда уделяли большое внимание улучшению системы управления народным хозяйством страны, от чего в значительной мере зависит развитие производительных сил социалистического государства. В 1957 г. партия и правительство провели перестройку управления промышленностью и строительством. Были ликвидированы министерства, и для руководства хозяйством в экономических районах организованы советы народного хозяйства.

За время своего существования каждый совнархоз накопил значительный опыт, распространение которого способствует успешному выполнению новых задач, поставленных перед страной XXI съездом КПСС. Известный опыт имеет и Совет народного хозяйства Иркутского экономического района. Его изучение, на наш взгляд, представляет определенный интерес.

★

Иркутский экономический район, расположенный почти в 5 тыс. километров от Москвы, занимает территорию, без малого втрое большую, чем Англия. Он известен огромными запасами угля, железной руды, золота, соли, слюды и других полезных ископаемых, исполинской энергией рек и громадными лесными ресурсами.

В прошлом это был отсталый край. За годы Советской власти здесь была создана тяжелая промышленность, выросло крупное сельское хозяйство, значительно развился транспорт, неузнаваемо преобразилась культура. Теперь в крае 8 вузов и более 20 техникумов, сотни средних школ, клубов и т. д., организована сеть научно-исследовательских учреждений, работает Восточно-Сибирский филиал Академии наук СССР.

После войны в этих местах развернулось гигантское строительство. В 1947 г. по решению партии и правительства Академия наук СССР совместно с местными партийными и советскими организациями провела в Иркутске конференцию по изучению производительных сил области, которая определила основные направления освоения гидроэнергоресурсов реки Ангары и природных богатств Приангарья. Решения этой конференции более десятилетия служили для трудящихся района боевой программой в повседневной борьбе за успешное осуществление задач коммунистического строительства.

По решению VII сессии Верховного Совета СССР, состоявшейся в 1957 г., в границах Иркутской области был образован Иркутский экономический район и его Совет народного хозяйства, которому переданы 252 предприятия 27 отраслей промышленности, 6 проектных и 4 научно-исследовательских института, 8 техникумов.

Центральный Комитет партии и областная партийная организация

послали в Иркутский совнархоз свыше 300 опытных работников различных специальностей.

Иркутский экономический район имеет развитую горнорудную, лесную, машиностроительную, легкую и пищевую отрасли промышленности; в последние годы в экономическом районе значительно выросла промышленность строительных материалов. Продукция и сырье нашего края (уголь, золото, слюда, лес, графит, тальк, различные машины) вывозятся в 103 экономических района страны, а ввозятся сюда из 95 районов.

Образование экономического района и Совета народного хозяйства открыло новый этап в развитии производительных сил Иркутской области, создало условия для успешного роста промышленного производства, дальнейшего развития сельского хозяйства, науки и культуры. Прошло немногим более двух лет, но уже ясно видны положительные результаты, которые принесла нам перестройка.

Одним из этих результатов является досрочное выполнение предприятиями и строительными объектами государственного плана. Раньше срока выполнено задание 1957 года. Произведено сверх плана на сотни миллионов рублей продукции. Так же успешно выполнены планы 1958 и 1959 годов.

В новых условиях значительно возросли темпы роста производства. Если до перестройки годовой прирост валовой продукции составлял 10—11%, то в 1958 г. он достиг 23%. При этом почти вдвое уменьшилось число заводов и фабрик, не выполняющих план, и в значительной мере улучшились их качественные показатели.

Коллективы предприятий Иркутского экономического района в соревновании с кемеровцами перевыполнили обязательства по росту производительности труда, снижению себестоимости продукции и накоплениям. Производительность труда за 1958 г. выросла на 16,6%, себестоимость продукции снижена на 11,5%. В настоящее время на предприятиях и стройках района идет упорная борьба за дальнейшее ускорение темпов производства, за успешное выполнение плана второго года семилетки.

Иркутский совнархоз стремится как можно полнее использовать преимущества новой системы управления народным хозяйством. Он старается найти такие формы управления, которые при минимальных затратах обеспечивали бы быстрейшее решение стоящих перед нами задач.

В течение первого года своего существования Совет народного хозяйства провел ряд мероприятий, позволивших усовершенствовать и удешевить управленческий аппарат, ликвидировать лишние звенья. Около 20 предприятий переведено на бесцеховую структуру, что позволило экономить по зарплате около 800 тыс. рублей в год. В 1958 г. был сокращен заготовительный аппарат по управлениям пищевой, рыбной, мясной и молочной промышленности. Как промежуточные звенья ликвидированы Иркутский ликеро-водочный трест и трест «Маслопром». Конторы снабжения «Цветметснаба» и «Слюдтехснаба» были объединены в одну снабженческую организацию, а контора материально-технического снабжения «Рыбтреста» упразднена. По управлению рабочего снабжения объединены отделы рабочего снабжения разных промышленных предприятий, расположенных в одном населенном пункте. В Иркутске, Усолье, Черемхове совнархоз произвел укрупнение некоторых строительных организаций.

Все эти и ряд других мероприятий позволили с 1 июля 1957 г. по 1 ноября 1958 г. сократить 1 057 единиц административно-управленческого и цехового персонала, уменьшить расходы по его содержанию на 13,6 млн. рублей.

Совнархоз совершенствовал управленческий аппарат и в лесной про-

мышленности, где прежде существовала большая разобщенность отдельных стадий производства.

Внимание совета привлек Тулунский куст лесных предприятий на реке Ие. Здесь Министерство лесной промышленности имело 2 леспромхоза, сплавконтору и лесозавод, которые подчинялись различным трестам. Несмотря на то, что все они входили в одно министерство, неурядицы между ними по вопросам сдачи и приемки леса мешали работе, отнимали много времени у руководителей трестов, работников районных и областных советских и партийных организаций. На коротком пути транспортировки леса от лесосеки до лесозавода приемщики трижды принимали и сдавали продукцию. В зимнюю пору лесозаготовители испытывали острую нужду в рабочей силе и автотранспорте, в то время как в сплавконторе имелись незанятые рабочие и автомашины. И наоборот, в период скатки древесины в воду огромные трудности испытывали сплавщики, хотя на лесозаготовках имелось в это время много незанятых рабочих и свободной техники.

Дорого обходился многочисленный административно-управленческий персонал четырех тулунских лесных предприятий. Совнархоз в 1957 г. ликвидировал этот аппарат и создал одно комплексное предприятие, подчинив ему лесозаготовки, сплав леса, лесопиление и деревообработку. В результате реорганизации стало возможным упразднить излишние промежуточные звенья и высвободить 76 административно-управленческих работников с годовым фондом зарплаты в 900 тыс. рублей.

Объединение четырех предприятий в одно создало возможность маневрирования рабочей силой и техническими средствами. Деятельность объединенного тулунского предприятия улучшилась, стала более ритмичной. Значительно вырос объем производства. Комплексная выработка на одного рабочего в 1958 г. увеличилась с 469 до 556 кубометров. Предприятие на 2 месяца раньше срока выполнило план 1958 года. Опыт тулунцев обсуждался в технико-экономическом совете совнархоза, получил одобрение и был рекомендован для других предприятий лесной промышленности.

Позднее совнархоз объединил лесные предприятия в бассейне реки Уды и слил Нижне-Удинский лестрансхоз, сплавную контору и лесозавод. Нижне-Удинское лесозаготовительно-деревообрабатывающее предприятие теперь состоит не из 16, а из 4 цехов. Управленческий аппарат его сократился на 20 человек. В середине 1959 г. совнархоз провел такое же слияние предприятий в бассейнах рек Китоя, Белой и Оки.

В 1959 г. совнархоз ликвидировал тресты «Востсибдрев», «Ангарлесосплав» и «Иркутскхимлес», подчинив их предприятия комбинатам «Иркутсклес», «Братсклес» и «Тайшетлес», чем значительно упростил управление лесной промышленностью.

В 1959 г. административно-управленческий аппарат и цеховой персонал в нашем экономическом районе вновь сократились на 1 860 единиц с годовым фондом зарплаты около 20 млн. рублей.

Такие мероприятия обеспечили прямую экономическую выгоду за счет сокращения расходов на содержание аппарата и значительно упростили, а следовательно, и улучшили систему управления промышленностью и строительством. Они сделали ее более гибкой и оперативной, что обеспечило общее улучшение работы предприятий.

Перестройка управления промышленностью и строительством значительно повысила активность местных партийных и советских организаций. Теперь они более конкретно руководят заводами, фабриками, стройками, оказывают совнархозу большую помощь в изыскании и использовании резервов роста производства. Совнархоз получает от местных партийных и профсоюзных организаций много ценных предложений

о улучшению работы, свидетельствующих о росте инициативы трудящихся.

В самом совнархозе создана крупная партийная организация. Она уделяет много внимания улучшению партийной деятельности в центральном аппарате и управлениях совнархоза, что способствует воспитанию коллектива в духе нетерпимости к формализму, техническому застою, косности.

В 1959 г. партком заслушал отчеты пяти партийных организаций управлений и отделов. Партийная организация управления машиностроения во главе с ее секретарем К. Е. Филатовым проявляет глубокое внимание к работе отделов. Коммунисты управления обсуждали деятельность планово-экономического отдела на партийном собрании, серьезно критиковали начальника отдела и оказали ему помощь в улучшении руководства.

В 1959 г. на заседаниях парткома было заслушано 6 докладов начальников управлений. Рассматривая работу аппарата управления лесной промышленности совнархоза, партком установил, что в этой отрасли имелось много отстающих предприятий, из-за неудовлетворительной организации труда и быта была очень высока текучесть кадров. В своем решении партком обязал партийную организацию управления лесной промышленности мобилизовать силы коммунистов на борьбу за ликвидацию прорыва на отстающих участках.

С помощью партийной организации совнархоз добился улучшения деятельности аппарата, повышения оперативности и культуры его работы, укрепления дисциплины.

Совнархоз много занимается вопросами специализации производства и производственного кооперирования предприятий. Как известно, партия и правительство обращают особое внимание на эту сторону дела, ибо специализация и кооперирование обеспечивают непрерывный рост всех отраслей промышленности, играют огромную роль в выполнении главных задач семилетнего плана — при наименьших затратах труда и средств добиться значительного ускорения развития народного хозяйства и выиграть время в соревновании социализма с капитализмом.

На предприятиях легкой промышленности района на каждом агрегате обычно изготовляется 5—6 видов одежды и обуви, что требует частой перестройки технологических процессов.

Осуществление межрайонной специализации предприятий легкой промышленности Иркутского, Красноярского, Новосибирского и Омского совнархозов, которую по нашей инициативе Госплан РСФСР наметил провести в 1960 г., позволит увеличить выпуск одежды и обуви не менее чем на 10%.

До 1957 г. осуществлялось преимущественно внутриминистерское кооперирование, которое мешало установлению рациональных производственно-экономических связей как внутри, так и между районами. В настоящее время созданы условия для решительного улучшения кооперирования между предприятиями, отраслями промышленности и целыми экономическими районами.

За прошедшие годы Иркутский совнархоз проделал известную работу в этом направлении. Приведем некоторые примеры.

Угольная промышленность района дает более 16 млн. т угля в год и поставляет его 18 другим совнархозам. Тем не менее раньше в Иркутскую область ежегодно ввозилось 560 тыс. т читинского угля. Получалось, что трест «Черемховуголь» не справлялся с отгрузкой своего угля в другие районы, а в область извне ввозилось топливо, причем значительно худшего качества. Совнархоз по согласованию с «Востуглесбытом», Читинским совнархозом и Госпланом РСФСР в 1958 г. сократил ввоз читинского угля на 525 тыс. т и перевел потребителей на использо-

вание местного угля. Это позволило уменьшить в 1958 г. объем нерациональных перевозок на 1 млрд. тонна-километров, высвободить 52 500 железнодорожных вагонов и сэкономить 31,5 млн. рублей.

Большую экономическую выгоду дал ввод в эксплуатацию Иркутского цементного завода, строительство которого было начато еще Министерством промышленности строительных материалов. Мы перестали ввозить цемент издалека и стали даже вывозить его в соседние экономические районы. Пуск завода привел к уменьшению перевозок на Транссибирской магистрали на 660 млн. тонна-километров в год и высвободил 16,5 тыс. железнодорожных вагонов для перевозки других грузов.

В 1958 г. совнархоз отказался от ввоза мраморной крошки и каолина с Урала. Теперь потребности района удовлетворяются за счет местной добычи. Экономический эффект от этого составил 668 тыс. рублей в год. За счет развития внутрирайонной кооперации совнархоз отказался от ввоза литья, поковок и штамповок из Ленинградского, Кировского, Амурского, Свердловского, Челябинского, Удмуртского и других совнархозов, уменьшив тем самым нерациональные перевозки более чем на 12 млн. тонна-километров.

По неполным данным, за 1958—1959 гг. нерациональные перевозки уменьшились более чем на 1,7 млрд. тонна-километров, высвободилось из оборота более 80 тыс. железнодорожных вагонов, было сэкономлено почти 70 млн. рублей.

Ведомственные барьеры раньше мешали установлению рациональных производственных связей между предприятиями, создавали большие трудности для максимального использования производственных мощностей, материальных, трудовых и финансовых ресурсов. Внутрирайонное кооперирование, по существу, прежде отсутствовало. Имелись лишь отдельные случаи выполнения местными заводами заданий обкома КПСС и облисполкома по изготовлению некоторых сельскохозяйственных машин, когда одновременно привлекалось к работе несколько предприятий союзного и союзно-республиканского подчинения.

С образованием совнархоза положение в корне изменилось, создались условия для широкого развития кооперирования внутри экономического района, для более полного использования производственных мощностей. Кое-что в этой области уже сделано.

В начале 1958 г. Иркутский совнархоз получил задание в течение марта — июля изготовить для семи пусковых домен страны 2 350 т металлургического оборудования. Чтобы выполнить это задание, Иркутский завод тяжелого машиностроения имени В. В. Куйбышева в отдельные месяцы должен был выпускать по 1 тыс. т оборудования в то время, как максимальная производительность его в прошлом не превышала 400 т в месяц. Совнархоз скооперировал четыре предприятия, возложив на Ангарский ремонтно-механический завод изготовление и поставку головному заводу имени В. В. Куйбышева 300 т стального и 900 т чугунного литья, на Усольский завод горного оборудования — изготовление металлоконструкций и обработку деталей доменного оборудования. Результаты кооперирования не замедлили сказаться. Совнархоз из месяца в месяц досрочно выполнял правительственное задание.

На современной стадии развития социалистической индустрии производственное кооперирование с успехом может применяться не только в области машиностроения, как было принято считать раньше, но и в других отраслях. Сейчас совнархоз работает над организацией внутрирайонного кооперирования в мебельной промышленности, рассчитывая без дополнительных капиталовложений значительно увеличить выпуск мебели.

Почти все мебельные фабрики Иркутской области — это мелкие предприятия, на каждом из них имеются самостоятельные сушилки, раскройные, сборочные и отделочные цехи. Все они производят заготовку

еталей широкого ассортимента, но выпускают небольшое количество аждого вида продукции, что не обеспечивает высокой производитель- ости труда. Из-за того, что на каждой фабрике имеются раскройные ехи, тесно в цехах сборки и отделки мебели. Совнархоз организует сей- ас на лесозаводах централизованную заготовку деталей для мебельных абрик, каждая из них будет специализирована на выпуске 2—3 видов ебели, а не 10—12, как было раньше. Такое кооперирование позволит олее производительно изготовлять детали; ликвидация раскройных це- ов на фабриках позволит расширить площади сборочных и отделочных ехов; за счет специализации будет внедрена поточность в производстве ебели. Благодаря этому увеличится выпуск мебели не менее чем на 20— 5% без дополнительного строительства цехов и фабрик. С развитием ревообработки в Братском и Чунском лесопромышленных комплексах айон сможет поставлять мебельные детали в порядке межрайонного ко- перирования в малолесные и безлесные районы страны.

Перед совнархозом стоит задача систематически улучшать и совер- енствовать кооперирование и экономические связи во всех звеньях ародного хозяйства области. Эта работа даст должный эффект лишь том случае, если она будет вестись изо дня в день в совнархозе и в блплане, в управлениях и на предприятиях. К ней следует привлечь ченых-экономистов из Восточно-Сибирского филиала Академии наук СР и высших учебных заведений.

Укрепление производственно-экономических связей как существую- их, так и вновь создаваемых в области предприятий и отраслей хозяй- тва требует значительного улучшения деятельности проектных институ- ов и организаций.

Кооперирование и укрепление межрайонных связей, бесспорно, при- несут большую пользу, значительно сократят затраты общественного труда на производство продукции, сберегут государству сотни миллио- нов рублей; задания, поставленные перед областью, будут выполнены в более короткие сроки, что явится нашим крупным вкладом в решение основной экономической задачи СССР.

Приближение органов управления промышленностью и строитель- ством к предприятиям и стройкам значительно повысило творческую активность трудящихся. Тезисы доклада Н. С. Хрущева «О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строи- тельством» были обсуждены в 1957 г. более чем на 9 тыс. собраний, где в общей сложности присутствовало свыше 350 тыс. человек. В прениях выступило более 15 тыс. рабочих, техников, инженеров, административ- ных работников. Они внесли предложения по структуре управления хо- зяйством, руководству его отраслями, организации материально-техниче- ского снабжения предприятий и строек. Только в обком КПСС от трудя- щихся поступило свыше 2 тыс. предложений. Много предложений было получено Иркутским, Ангарским, Усольским и Черемховским городски- ми комитетами партии.

Обсуждение тезисов показало высокую активность трудящихся об- ласти, их подлинно государственный подход к делу.

Совет народного хозяйства с первых дней своей деятельности за- нялся изучением этих предложений. Его отделы и управления система- тизировали предложения и разработали мероприятия по претворению их в жизнь. На специальных заседаниях совнархоз неоднократно рас- сматривал состояние этого важного дела. Многие ценные предложения, направленные на улучшение деятельности предприятий и строек, уже реализованы.

Так, на собрании коллектива Иркутского завода имени В. В. Куйбы- шева 5 апреля 1957 г. выступившие по докладу директора предприятия Г. К. Суржинского начальник инструментального отдела В. А. Шевелев,

начальник отдела материально-технического снабжения М. В. Ежов, многие начальники цехов и мастера указали на недостатки в работе завода, на отставание сталелитейного цеха, цеха металлоконструкций. Они подчеркнули, что завод смог бы получить помощь от других предприятий на основе производственного кооперирования, отметили возможность значительного улучшения снабжения завода после ликвидации ведомственных барьеров.

Совнархоз внимательно рассмотрел эти предложения и сразу же приступил к их реализации. В частности, он принял решение реконструировать сталелитейный цех, в порядке оказания помощи куйбышевцам возложил выполнение ряда работ на другие заводы, выделил куйбышевцам за счет свободных ресурсов других предприятий материалы, в которых они испытывали острую нужду.

С образованием совнархоза претворено в жизнь много предложений строителей Иркутска, Ангарска, Усолья, Черемхова. По предложению трудящихся укрупнен трест «Гидролизпромстрой», ему передано Юртинское строительное управление бывшего треста «Юртстройлес» и строительное управление «Центропродстрой» в Иркутске. Укрупнен трест «Востоктяжстрой», которому переданы управление «Востокгидроспецстрой» и строительно-монтажное управление Усольского солеваренного завода. По желанию строителей в Ангарске организована постоянная строительная выставка, на которой демонстрируются передовые методы труда, эффективные конструкции и строительные материалы, проводятся лекции и консультации.

Часть предложений трудящихся относилась к улучшению снабжения предприятий материалами и оборудованием. Отмечалось, что некоторые предприятия и стройки простаивали из-за отсутствия материалов, механизмов, оборудования, в то время как на других объектах имелся избыток сырья и машин. С ликвидацией ведомственных барьеров материально-техническое снабжение объектов улучшилось. Совнархоз сейчас часто занимается вопросами распределения материалов, оборудования и механизмов между заводами и стройками, организует их помощь друг другу в интересах выполнения государственного плана.

Выполняя решения XXI съезда КПСС, трудящиеся нашей Родины настойчиво борются за ускоренное развитие восточных районов страны, создание здесь еще более мощной индустриальной базы. Восточные районы не только располагают гигантскими естественными ресурсами. Они обладают одной замечательной особенностью: освоение этих ресурсов экономически более эффективно, чем в других районах страны, ибо для этого требуется меньше капитальных затрат и человеческого труда. Но чтобы организовать их правильное использование и обеспечить при этом высокий народнохозяйственный эффект, необходима научно обоснованная программа действий во всех отраслях хозяйства. Такой программой и является семилетний план развития народного хозяйства СССР. Перед Иркутским экономическим районом, крупным индустриальным центром Сибири, сейчас стоят новые, огромной важности задачи. Для их успешного решения потребовалось глубоко проанализировать пройденный путь, разработать научно обоснованные предложения по дальнейшему развитию производительных сил области с учетом достижений, имеющихся во всех отраслях науки и техники нашей страны.

В Иркутске в августе 1958 г. состоялась конференция по изучению производительных сил Восточной Сибири. В работе конференции участвовало почти 8 тыс. представителей около 250 хозяйственных, проектно-изыскательских и научных организаций. Они заслушали около 700 докладов. Конференция подвела итоги изучения природных ресурсов на обширной территории Восточной Сибири и наметила пути дальнейшего наиболее целесообразного их использования. Вместе с тем она об-

судила перспективы развития и размещения важных отраслей народного хозяйства Иркутского экономического административного района и разработала перспективный план исследований по проблемам развития производительных сил края.

С докладами по актуальным вопросам выступили ответственные работники Госпланов СССР и РСФСР, виднейшие ученые Академии наук и ее сибирских филиалов, крупные специалисты научных и проектных институтов страны, а также многие местные ученые и инженеры. Активно участвовали в работе конференции и представители Иркутского совета народного хозяйства. Всего с докладами о развитии производительных сил выступило около 50 работников совнархоза.

Конференция сыграла важную роль в разработке перспективного плана развития народного хозяйства экономического района.

Ответственным этапом в деятельности совнархоза был период разработки семилетнего плана на 1959—1965 гг., который открыл перед Иркутским экономическим районом грандиозные перспективы. План предусматривает значительное повышение темпов индустриализации края. В его экономику намечается вложить около 29 млрд. рублей. Если в целом по СССР рост капиталовложений в предстоящем семилетии по сравнению с предыдущим семилетним периодом составит 80%, то в Иркутском экономическом районе капитальные затраты возрастут в 2,8 раза. Вложение 29 млрд. рублей в развитие Иркутского экономического района является одним из тех эффективных направлений капиталовложений, о которых говорится в решениях XXI съезда КПСС, и полностью соответствует главному требованию современности — создавать новые производственные мощности в кратчайшие сроки, с относительно небольшими затратами средств, получая при этом максимально дешевую продукцию.

Для освоения природных богатств восточных районов и создания здесь на этой основе крупной индустрии огромное значение при относительно небольшой заселенности территории имеет организация мощной энергетической базы. Иркутский экономический район, обладающий уникальными условиями для развития энергетики, сыграет немалую роль в решении этой важной задачи. Благодаря исключительно благоприятному водному режиму Ангары, а также геологии и топографии долины этой реки для строительства гидроэлектростанций потребуется значительно меньше удельных капиталовложений, чем в других районах страны. Так, капиталовложения на 1 киловатт-час среднегодовой выработки на строящихся ангарских гидроэлектростанциях в два с лишним раза ниже, чем на Днепре и Волге, втрое ниже, чем на реках Прибалтики и Западной Сибири, в 5—6 раз ниже, чем в условиях Приморья, Архангельской области и Белоруссии. Благодаря географическим особенностям Прибайкалья любая ГЭС на реке Ангаре способна за год выработать электроэнергии почти вдвое больше, чем равная ей гидростанция на Волге или Днепре. Природные условия позволяют получать на ангарских гидростанциях самую дешевую в стране электроэнергию.

Высокой эффективностью характеризуется также использование угольных ресурсов района. Угли залегают мощными пластами вблизи от поверхности. Разработка их ведется самым прогрессивным и высокоэкономичным открытым способом. Благодаря этой особенности в Иркутском угольном бассейне строятся только разрезы. Для этого требуется в 2—3 раза меньше времени, чем для строительства шахт, и обеспечивается производительность труда в 4—5 раз бо́льшая, а его себестоимость — почти вчетверо меньшая, чем в угольных бассейнах Европейской части СССР.

В аналогичном положении находится и черная металлургия. Дешевизна углей и коршуновской железной руды позволит Тайшетскому за-

воду производить самый дешевый металл в Сибири. В связи с тем, что ангаро-илимские руды богаты железом и залегают, как правило, близко к поверхности, строящийся ныне Коршуновский горнообогатительный комбинат будет обеспечивать черную металлургию Сибири концентратом, себестоимостью почти вдвое меньшей, чем на Урале.

Крупный вклад в создание материально-технической базы коммунизма наш экономический район внесет своей металлургией легких металлов. Дешевизна электроэнергии ангарских гидростанций позволит вырабатывать дешевый алюминий.

Коммунистическая партия предусматривает в целях выигрыша времени в мирном экономическом соревновании с Соединенными Штатами Америки максимальное развитие основных отраслей тяжелой индустрии на востоке страны. Из 29 млрд. рублей, ассигнованных на семилетку, совнархоз направляет на развитие металлургии 6 млрд., химии — 7,5 млрд. и лесной промышленности — около 4,5 миллиарда. При росте валовой продукции за семилетие по району в целом в 3,4 раза по таким решающим отраслям, как энергетика, продукция увеличится в 6 раз, нефтепереработка — в 6 раз, цветная металлургия — в 11 раз, химическая промышленность — в 19 раз.

В сокращении сроков решения основной экономической задачи СССР исключительную роль играет осуществление технического прогресса и повышение производительности труда. Чтобы опередить США в экономическом соревновании, наша страна в ближайшие годы должна сделать крупный скачок в данном направлении.

И в этой части будет весьма ощутимым вклад Иркутского экономического района. Семилетним планом намечено создать здесь мощную энергетическую базу в составе гидростанций Ангарского каскада и ряда крупных тепловых электростанций, использующих дешевые угли. Выработка электрической энергии в 1965 г. достигнет 25—26 млрд. киловатт-часов. В условиях изобилия исключительно дешевой электроэнергии иркутскую индустрию намечено формировать в основном из энергоемких производств. Энерговооруженность рабочих в районе возрастет более чем в 3 раза.

Бурное развитие промышленности Иркутского экономического района будет в значительной мере способствовать ускорению темпов роста производства в нашей стране, решению исторической задачи — в кратчайший срок догнать и перегнать США по выпуску продукции на душу населения. По оценке Института мировой экономики и международных отношений, среднегодовые темпы роста промышленного производства в США в 1959—1965 гг. составят около 2%. В целом по СССР, согласно семилетнему плану, среднегодовой прирост продукции достигнет примерно 9%. Семилетний план развития промышленности Иркутского района предусматривает еще больший среднегодовой прирост.

Центральный Комитет партии требует, чтобы намеченное семилетним планом строительство мощных центров тяжелой индустрии было осуществлено с максимальной экономией государственных средств. Для этого необходимы разумное размещение намеченных к строительству предприятий, их целесообразное кооперирование, ликвидация обособленного строительства заводов и фабрик с собственными мелкими вспомогательными базами, ремонтными цехами и коммуникациями.

В Иркутском экономическом районе за 7 лет будет создано или начато строительство более 100 новых предприятий различных отраслей промышленности. Намечено построить ряд крупных промышленных комплексов, где всесторонне, полно, а поэтому высокоэффективно использовалось бы сырье, имелись бы общие вспомогательные и ремонтные предприятия, общие инженерные коммуникации — транспорт, водопровод, отопление, связь и т. п. Вместо мелких жилых поселков будут воздвиг-

уты благоустроенные социалистические города. Осуществление такого ооперирования даст значительную экономию — около 15—20% от тоимости строящихся объектов — и вместе с тем существенно снизит ксплуатационные расходы.

В 1959 г. трудящиеся района развернули борьбу за успешное выолнение величественных заданий семилетки. Программу этой борьбы ал советскому народу июньский Пленум ЦК КПСС. Постановление ленума было глубоко изучено коллективами предприятий и строек. ехнико-экономический совет совнархоза на своем заседании рассмотрел главные вопросы досрочного выполнения семилетки: внедрение омплексной автоматизации и механизации в промышленности и строительстве, введение поточных линий, замена и модернизация устаревшего борудования. Совнархоз разработал план реализации постановления Пленума ЦК КПСС, одной из основных частей которого является программа внедрения в промышленность района новой техники и технологии.

За последние годы осуществлен ряд мероприятий по техническому рогрессу. На машиностроительных заводах в 1958 г. пущено на сборочных участках 6 конвейеров и 5 поточных линий, механизировано изготовление литейных форм, осуществлена комплексная механизация трех литейных цехов. На ряде заводов полностью автоматизированы тепловые ехнологические режимы обработки изделий. На предприятиях треста Черемховуголь» работает 1 250 высокопроизводительных механизмов. За первую половину 1959 г. здесь добыто открытым способом 67% угля. На электростанциях системы «Иркутскэнерго» котлы оборудованы электронной автоматикой питания и горения, а на Иркутской ГЭС заканчиваются работы по полной автоматизации гидроагрегатов. Значительно новысился уровень механизации трудоемких работ в лесной промышленности, где уже полностью механизирована валка леса.

Следует признать, однако, что в области механизации и автоматизации производства и совершенствования технологических процессов у нас сделаны лишь первые шаги; общий уровень механизации и автоматизации еще низок, он не отвечает требованиям, выдвинутым июньским Пленумом ЦК КПСС. Особенно велик удельный вес ручного труда в слюдяной, лесной, мебельной промышленности.

В целях ускорения механизации и автоматизации процессов производства совнархоз после июньского (1959 г.) Пленума ЦК КПСС принял ешение создать во всех звеньях народного хозяйства района службу механизации и автоматизации. На предприятиях и стройках организуются конструкторские и конструкторско-технологические бюро и группы. В управлениях и центральном аппарате совнархоза образованы отделы и группы по руководству внедрением новой техники и технологии.

В этих условиях серьезное значение приобретает вопрос о кадрах. У нас еще нет нужного количества инженеров и техников, хорошо знающих автоматику. Особенно остро чувствуется нужда в наладчиках автоматов. Совнархоз наметил ряд мер по подготовке и переподготовке кадров: в наших техникумах изменяются учебные планы, вводятся учебные часы по механизации и автоматизации производства, при вечернем отделении техникума точного машиностроения организуются постоянные курсы повышения квалификации мастеров-механиков по специальному циклу — механизация и автоматизация производственных процессов и т. д.

Мы надеемся, что наши научные силы последуют примеру ленинградских ученых и примут активное участие в техническом подъеме производства.

Июньский Пленум ЦК КПСС критиковал работу машиностроительной промышленности Иркутского экономического района за выпуск ря-

да видов оборудования устаревшей конструкции. Совнархоз пересмотрел планы наших машиностроительных заводов, оценил качество выпускаемых ими машин, оборудования и других изделий и решил снять с производства ряд изделий, которые не отвечают современному уровню развития техники. Вместо них будут освоены более совершенные виды оборудования.

Воодушевляемые решениями июньского Пленума ЦК КПСС, трудящиеся нашего района в ответ на призыв владимирцев увеличить выпуск продукции за счет расширения и реконструкции действующих предприятий и обращение свердловчан — досрочно выполнить семилетний план — приняли на себя ряд новых обязательств.

Рабочие и служащие треста «Черемховуголь» предложили вместо строительства нового угольного разреза реконструировать Храмцовский разрез № 3 и увеличить его мощность на 30%. Такое увеличение мощностей за счет нового строительства потребовало бы 48 млн. рублей капиталовложений. Предложенная трестом реконструкция обойдется втрое дешевле.

На Азейском месторождении семилетним планом намечалось построить разрез (первая очередь) производительностью 3 млн. т угля в год, на что ассигновалось 190 млн. рублей. Пересмотрев проект, угольщики решили использовать на разрезе вместо экскаваторов «ЭШ-14/75» экскаваторы «ЭШ-25/100», а также произвести другие изменения. Это позволило при вложении в строительство тех же 190 млн. рублей построить разрез производительной мощностью в 4 млн. в год. Чистый выигрыш от такого мероприятия составляет 50 млн. рублей.

Ценные предложения по рациональному использованию капиталовложений внесли также работники машиностроения, управления промышленности строительных материалов, лесной промышленности, золотодобывающей, слюдяной и других отраслей хозяйства.

Работники легкой промышленности предложили не строить предусмотренную семилетним планом обувную фабрику производительностью 3,5 млн. пар обуви в год стоимостью 28 млн. рублей, а реконструировать 2 существующих предприятия. Расчет показывает, что такая реконструкция обойдется в 17 млн. рублей, а выпуск обуви при этом в 1965 г. превзойдет производительность нового объекта. Сэкономленные средства трудящиеся предлагают направить на реконструкцию швейных и трикотажной фабрик, что позволит значительно увеличить выпуск одежды.

В районе почти нет ни одного предприятия, коллектив которого не принял бы на себя обязательство — досрочно завершить семилетку и тем самым ускорить наше продвижение к коммунизму.

Следует признать, что в работе совнархоза есть трудности и существенные недостатки. Как в 1958, так и в 1959 г. совнархоз не полностью выполнил план по ассортименту. Борьба за выполнение плана в ассортименте считается у нас важнейшим направлением деятельности всего аппарата. Конечно, известная доля вины за срыв производства ряда изделий лежит на предприятиях и объясняется неудовлетворительной организацией их работы, но нередко причиной неполадок является допускаемая Госпланом РСФСР неувязка плана производства с планом материально-технического снабжения.

Госплан РСФСР устанавливает для совнархоза определенные сроки выпуска машин, оборудования и изделий, а организации, ведающие снабжением фабрик и заводов металлом, электродвигателями, электроаппаратурой и т. д., предусматривают поставки этих материалов предприятиям на квартал, а то и на два позднее, чем нужно изготовить продукцию по срокам, указанным Госпланом РСФСР.

Такие случаи, к сожалению, не единичны. В дальнейшем планиро-

ание производства и его материально-технического обеспечения долж-о быть единым.

В Иркутском экономическом районе, как известно, ведется огромное троительство. И в этом вопросе совнархоз встречает много трудностей. кроме недостаточной мощности баз стройиндустрии, отсутствия нуж-ого количества квалифицированных кадров, на ход капитального троительства серьезно влияет неудовлетворительное обеспечение бъектов технической документацией. Ее готовят для совнархоза почти 0 проектных организаций страны. Документация поступает на стройки большим опозданием, качество ее часто бывает плохим, а переделки лятся месяцами, ибо проектные организации находятся в Киеве, Харь-ове и других отдаленных от Иркутска городах.

Совнархоз остро нуждается в приближении проектных организаций нашим стройкам. В связи с этим целесообразно было бы организовать а крупных стройках Сибири филиалы проектных институтов и группы абочего проектирования.

Стройкам нашего района необходимо в большом количестве стан-артное и нестандартное оборудование. Его поставки осуществляются еудовлетворительно, а изготовление нестандартного оборудования, по ществу, пущено на самотек. На наш взгляд, в Госплане РСФСР сле-овало бы организовать специальные отделы для размещения в центра-изованном порядке заказов совнархозов на нестандартное оборудо-ание.

Большую помощь совнархозам должны оказывать территориальные тделы Госплана РСФСР. Нужно расширить их права в этой области.

Конечно, все наши нынешние трудности являются трудностями ро-та. Под руководством Коммунистической партии, при той помощи, ко-орую нам оказывает Центральный Комитет КПСС, эти трудности будут спешно преодолены. Пройдет немного времени, и Иркутский экономи-еский район, как и вся Сибирь, станет неузнаваемым. Он будет одним из аиболее индустриальных и благоустроенных районов СССР.

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ О БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ФРАКЦИИ IV ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ

Ф. И. Калинычев

Большевики — депутаты IV Государственной думы А. Е. Бадаев Г. И. Петровский, М. К. Муранов, Ф. Н. Самойлов, Н. Р. Шагов с честью отстаивали интересы революционного рабочего класса в царской думе последнего созыва.

Оценивая их деятельность, В. И. Ленин писал, что депутаты-большевики «блистали не краснобайством, не «вхожестью» в буржуазные, интеллигентские салоны..., а связями с рабочими массами, самоотверженной работой в этих массах, выполнением скромных, невидных, тяжелых, неблагодарных, особенно опасных функций нелегального пропагандиста и организатора» [1].

Работа большевистских депутатов в Думе и вне ее представляет собой одну из славных страниц в истории нашей партии. Однако эта деятельность полностью еще не изучена, многие факты пока остаются неизвестными.

Основными источниками для изучения истории большевистской фракции, кроме партийных документов и произведений В. И. Ленина, являются воспоминания самих депутатов-большевиков [2]. В 20—30-х годах публиковались документы по отдельным вопросам работы большевистской фракции в Думе [3]. Однако эти сборники не были исчерпывающими, а главное они давно стали библиографической редкостью. Можно назвать некоторые монографические работы, выпущенные в последнее время, а также несколько статей и кандидатских диссертаций [4].

Поэтому нам представляется полезным сообщить о некоторых документах и фактах, способствующих изучению данной темы.

---

[1] В. И. Ленин. Соч. Т. 21, стр. 151.

[2] А. Бадаев. Большевики в Государственной думе. М. 1954; Г. И. Петровский. Наш мудрый вождь. «Воспоминания о В. И. Ленине». Т. 1. М. 1956, и другие статьи; Ф. Н. Самойлов. По следам минувшего. М. 1954, а также отдельные статьи.

[3] «Переписка Г. И. Петровского с донбасскими и екатеринославскими рабочими (1913—1914)». «Летопись революции». Харьков. 1926, № 5, стр. 131—151; Г. И. Петровский. Речи и статьи периода IV Государственной думы 1912—1914 гг. Ч. 1. Харьков. 1930; «Нелегальная работа большевистской фракции IV Государственной думы». «Красный архив», 1936, т. 4, стр. 61—90; «Письма рабочих в большевистскую фракцию IV Государственной думы». «Историк-марксист», 1937, кн. 2, стр. 123—142; «Большевистская фракция IV Государственной думы». Сборник материалов и документов. Л 1938.

[4] Е. Д. Черменский. Борьба классов и партий в IV Государственной думе (1912—1917). М. 1948 (докторская диссертация); его же. Выборы в IV Государственную думу. «Вопросы истории», 1947, № 4, стр. 21—40; П. Галкина. Большевики в IV Государственной думе. «Борьба классов», 1935, № 11, стр. 94—106; М. З. Ольховский. Внедумская деятельность большевистской фракции в IV Государственной думе. М. 1952 (кандидатская диссертация); Н. Ф. Фролов. Большевистская фракция в IV Государственной думе. Л. 1954 (кандидатская диссертация); И. П. Довженко. Использование большевистской партией избирательной кампании в IV Государственную думу для привлечения крестьянства на сторону пролетариата. М. 1956 (кандидатская диссертация), и др.

★

Как известно, одним из вопросов, вызвавших разногласия между ольшевиками и меньшевиками в Думе, был вопрос о включении в состав ракции депутата Варшавы Е. И. Ягелло. Последний прошел в Думу в :зультате образования блока между Польской партией социалистов ПС-левица) (Ягелло принадлежал к этой партии), Бундом и национа-истической еврейской буржуазией. Этот блок был направлен против оциал-демократов. Вступив в него, Бунд, находившийся в организацион-ой связи с РСДРП, нарушил решения и директивы партии, совершил по ношению к ней предательство. Включать Ягелло в состав социал-демо-ратической фракции нельзя было потому, что он принадлежал к другой артии и не являлся представителем большинства рабочего класса Поль-и, а также (и это особенно важно) потому, что он был избран силами, ыступавшими на выборах против социал-демократии.

Большевики не считали возможным принимать Ягелло в состав ракции. Однако меньшевикам удалось протащить половинчатое реше-ие. Ягелло был допущен в социал-демократическую фракцию как не-олноправный член: он получил решающий голос по вопросам думской аботы и совещательный — по вопросам внутренней жизни фракции.

Тот факт, что Ягелло прошел в Думу не как представитель большин-ва польского рабочего класса, известен в литературе. Об этом упоми-ает, в частности, А. Е. Бадаев[7]. Однако мало кто знает, что польские оциал-демократы — лишь только Ягелло оказался избранным в Думу — ыявили решительный протест против того, чтобы он рассматривался как редставитель социал-демократии и рабочего класса Польши. В этой свя-и большой интерес представляет письмо Главного правления Социал-де-ократии Польши и Литвы в социал-демократическую фракцию Думы от ? (9) ноября 1912 года. «Уважаемые товарищи,— говорилось в нем,— виду того, что депутат от Варшавы Евгений Ягелло заявил в печати о воем намерении вступить в социал-демократическую фракцию, Главное правление С.-д. Ц[арства] П[ольского] и Л[итвы] заявляет следующее: вгений Ягелло не может считаться депутатом от рабочих и не может быть инятым в члены с.-д. фракции». В заключение письма указывалось: Допущение Е. Ягелло в с.-д. фракцию с мандатом не от польских рабо-их, а от еврейских националистов, вопреки протестам польских с.-д. вопреки решениям Стокгольмского съезда (по вопросу об объединении оциал-демократии Польши и Литвы с РСДРП.— *Ф. К.*), могли бы еще олее обострить внутреннюю борьбу в РСДРП и вызвать отчуждение ежду с.-д. фракцией и польским социал-демократическим пролетариатом, руппированным вокруг ПСД. Ввиду этого Главное правление ПСД жидает от социал-демократической фракции отказа Ягелло в его просьбе допущении во фракцию в качестве ее члена, против чего оно считало бы ебя обязанным протестовать самым решительным образом»[8].

Письмо было направлено социал-демократической фракции в тот омент, когда она обсуждала вопрос о Ягелло. Однако меньшевики не елали считаться с доводами польской социал-демократии и польских абочих. Только депутаты-большевики заняли в этом вопросе правильную озицию, защищая интересы всего рабочего класса, в том числе и про-етариата Польши.

Осенью 1913 г. произошел раскол объединенной социал-демократи-еской фракции на фракцию меньшевиков и самостоятельную больше-истскую фракцию. Подавляющая часть рабочего класса, как известно, оддержала большевиков. В их адрес со всех концов страны поступали езолюции коллективов, письма отдельных рабочих с приветствиями

[7] А. Е. Бадаев. Указ. соч., стр. 52—53.

[8] Центральный государственный исторический архив в Москве (ЦГИАМ), ф. де-артамента полиции, особый отдел, 1912, ед. хр. 307, лл. 299—305.

большевистским депутатам, заверениями в поддержке их деятельности с осуждением раскольнических действий ликвидаторов-меньшевиков. Эти резолюции, обращения и письма публиковались в «Правде». Многие из них приводились позднее в сборниках и других работах. Однако в наших архивах есть и неизвестные или малоизвестные письма, очень интересные и важные по своему содержанию. К их числу относится письмо рабочих Петербурга. «Мы, рабочие трубочного завода из мастерской № 2, — говорится в нем, — ознакомившись из газет с создавшимся положением в с.-д. думской фракции, категорически протестуем против чинимого насилия 7 депутатами над 6 рабочими представителями в смысле подавления ничтожным большинством 1 голоса незаконно принятого депутатами Ягелло. Мы требуем от 7 признать за 6 депутатами как представителями большинства рабочего класса права руководства рабочими по всем вопросам рабочей тактики»[9].

В другом письме, из Уфы, говорилось о том, как меньшевики, пытаясь уйти от ответственности за раскол фракции, прибегали к обману рабочих, к нажиму на них с целью получения желательных для них писем и резолюций. Собравшись и обсудив создавшееся положение, группа уфимских рабочих сочла виновной в расколе семерку и высказалась за единство социал-демократической фракции, а также за равноправие обеих ее частей. На собрании была выработана резолюция с приветствием шестерке, последовательно проводившей марксистскую тактику и отстаивавшей «неурезанные лозунги рабочего движения». Резолюция, как свидетельствует письму, была послана на имя депутата IV Государственной думы от Уфимской губернии меньшевика В. И. Хаустова с требованием напечатать ее в газете «За правду». Однако Хаустов не выполнил просьбы рабочих. Он попытался убедить их в ошибочности резолюции и советовал снова собраться, чтобы вынести резолюцию в угодном для семерки духе «или же отложить резолюцию до его будущего приезда», то есть попросту замолчать ее. Рабочие вновь собрались, обсудили резолюцию. Но мнение их не изменилось. К старому тексту они сделали добавление: «Эта резолюция была вынесена нами, рабочими, в начале раскола с.-д. фракции и послана на имя нашего уфимского депутата товарища Хаустова с требованием напечатать ее в газете «За правду». Но товарищ Хаустов не исполнил нашей воли, а обратился к нам с письмом, в котором упрекал нас в ошибочности такой резолюции, просил обратиться снова и вынести резолюцию в желательном для Хаустова (семерки) духе. Мы снова собрались, снова обсудили создавшееся положение в с.-д. фракции и опять остались при старой резолюции...»[10].

Письмо уфимских рабочих свидетельствует не только о недостойных методах фракционной борьбы, которые применяли меньшевики, но и о глубокой убежденности рабочих в том, что лишь большевистские депутаты являлись подлинными представителями и защитниками интересов рабочего класса.

В противоположность буржуазным парламентариям депутаты-большевики считали борьбу в Думе лишь одной из сторон своей партийной деятельности. Другой, главной стороной была огромная внедумская работа — легальная и нелегальная. Думская фракция рассматривала себя как одну из партийных организаций, призванную под руководством Центрального Комитета бороться за общие цели партии. Внедумская работа стояла на первом плане у членов большевистской фракции, ибо она была непосредственно направлена на подготовку новой революции в России, на организацию и воспитание пролетариата. Именно этого требовал рабочий класс в своих наказах пролетарским депутатам. Одним из таких документов является наказ рабочих Харькова и Харьковской губернии.

[9] Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ), ф. 364, оп. 4, ед. хр. 40981, л. 42.

[10] Там же, ф. 364, оп. 4, ед. хр. 40981, лл. 48—49.

этом документе рабочие писали: «Мы вменяем в обязанность нашему епутату поддерживать постоянно самую тесную связь с харьковскими абочими. Для этой цели он должен вести регулярную переписку с мест-ыми рабочими организациями, осведомляя их о деятельности фракции ообще и о своей деятельности в частности, а также приезжать лично в арьков по крайней мере через каждые 6 недель. В экстренных случаях, огда в интересах рабочего движения в Харьковской губ. потребуется рисутствие депутата, он также должен приезжать по требованию руппы]». Касаясь взаимоотношений думской фракции и партии, рабо-ие в наказе подчеркивали, что депутат «должен поддерживать единство ракции на основе подчинения партийным учреждениям» [11].

Депутаты-большевики были тесно связаны с рабочими коллективами абрик, заводов, мастерских, поселков и городов не только тех районов, т которых они были избраны, но и всей страны, выступали перед ними а собраниях и митингах, вели переписку. Они опирались на уполномочен-ых от рабочих, избиравшихся во время выборов в Думу. Уполномочен-ые становились постоянными помощниками депутатов на местах, их опорой. О том, какую большую пользу приносила связь депутатов с упол-омоченными для революционной агитации и пропаганды, свидетельст-овало то, что царские власти были серьезно обеспокоены этой деятель-остью. В марте 1913 г., как подтверждает малоизвестный в литературе окумент департамента полиции, представленный правительству, власти редлагали ряд мер, чтобы порвать связи рабочего класса со своими де-утатами. «Для устранения подобных нежелательных явлений,— говори-ось в докладе,— или хотя бы подрыва этой работы на некоторый период ремени представлялось бы необходимым перемешать уполномоченных, утем увольнения их с заводов и фабрик в тех расчетах, что, пока уво-енные уполномоченные найдут себе новые места на других фабриках и аводах и пока на новых местах приобретут необходимое для избрания уполномоченные положение и значение в рабочей среде, должен про-ечь значительный промежуток времени. Выяснение личностей уполно-оченных не представит затруднения, так как списки всех уполномочен-ых имеются у губернаторов» [12].

Полиция не только предлагала, но и действовала. Рабочие поселка Марьевки, Екатеринославской губернии, сообщали в большевистскую ракцию, что после приезда к ним депутата Г. И. Петровского «идут быски у уполномоченных 4-й Государственной думы и у рабочих, пока икто не арестован, но увольняют с рудников. Каждый надзиратель стре-ится избавиться от неблагонадежного элемента» [13].

Несмотря на полицейские преследования, рабочие обращались к сво-м депутатам с письмами, заявлениями, вопросами, приветствиями и по-желаниями. Шахтеры Вознесенского рудника, Екатеринославской губер-ии, писали на имя своего депутата: «Приветствуем Российскую социал-емократическую рабочую фракцию за внесенный законопроект о 8-часо-ом дне и 6-часовом дне для шахтеров. Не надеясь на помещиков и капи-алистов, что этот законопроект пройдет, мы знаем, что только упорной орьбой можно завоевать себе это право. Мы и будем стремиться про-ести его активной борьбой» [14].

Письма поступали не только от рабочих, но и от крестьян, мелких лужащих, студентов, ссыльных и т. д. Слушатели Московского коммер-еского института просили рабочих депутатов внести в Государственную уму запрос об избиении полицией в Москве в ноябре 1912 г. студентов того института или же «присовокупить таковой к запросу об избиении

[11] ЦГИАМ, ф. департамента полиции, особый отдел, 1913, ед. хр. 307, лл. 394—95.

[12] Там же, л. 118 и об.

[13] Там же, ед. хр. 307, прод. 1, л. 82 и об.

[14] Там же, 1914, ед. хр. 307, л. 194.

московских рабочих в текущем месяце»[15]. Сорок девять политически заключенных обратились с просьбой к депутату А. Е. Бадаеву приехать к ним в псковскую губернскую тюрьму и сообщали, что в этой тюрьме «невыносимый режим»[16]. Бывший служащий фабрики товарищества Большой кинешемской мануфактуры, оказавшийся в результате болезни в тяжелом материальном положении, просил депутата-большевика Н. Р. Шагова о помощи[17].

Совершая поездки по стране, депутаты-большевики встречались с рабочими, крестьянами и другими представителями трудящихся. Эти встречи нередко превращались в политические митинги. Трудовой люд принимал резолюции в поддержку деятельности большевистской фракции Думе. Вот одна из них: «Выслушав Ваш доклад о думской Вашей работе в социал-демократической фракции 4-й Государственной думы,— писали рабочие села Середы, Костромской губернии, после встречи с депутатом Н. Р. Шаговым,— и находя ее заслуживающей полного доверия, мы... выражаем единогласно Вам свою искреннюю благодарность с пожеланиями и впредь стойко и неуклонно работать в Думе под знаменем социал-демократии и разоблачать лицемерную политику представителей думского большинства, являющегося выразителем буржуазных эксплуататорских интересов землевладельцев-помещиков, сторонников мракобесия народа. Работайте, товарищи, и будьте уверены, что за Вами — рабочий класс, сочувствующая ему демократия страны, непреложные законы общественного развития и в конечном итоге — уверенность в нашей победе»[18].

Полиция и жандармерия, учитывая популярность депутатов-большевиков в народе, установили за ними тщательную слежку. Об этом свидетельствует, например, справка департамента полиции по поводу разъездов Г. И. Петровского[19]. Такие материалы имелись на всех депутатов-большевиков. Они составлялись на основе полицейских донесений из губерний, где устанавливалось тщательное наблюдение за каждым шагом депутата[20].

Слежка за депутатами была настолько наглой, что под влиянием протестов рабочих масс полиции приходилось несколько «сдерживать» рвение своих агентов. Так, директор департамента полиции писал костромскому губернатору, что «по заявлению члена Государственной думы Шагова низшие чины полиции доставляют его семье постоянное беспокойство при посещении места своей родины», и распорядился, чтобы при наблюдении применялись более конспиративные методы[21].

Несмотря на объявленную законом неприкосновенность депутатов, полицейские власти стремились изыскать любой предлог, чтобы арестовать депутатов-большевиков во время их встреч с избирателями, выступлений на митингах и собраниях рабочих и расправиться с ними. 30 апреля 1913 г. департамент полиции разработал меры против рабочих депутатов Думы на тот случай, если они примут участие в праздновании 1 Мая. В полицейском документе указывалось, что эти депутаты «могут быть подвергнуты задержанию чинами полиции, но тотчас же преданы прокурорско-следственной части», для чего 1 мая «с раннего утра» должны быть «наготове» судебный следователь и товарищ прокурора[22].

9 мая министерство внутренних дел и департамент полиции направили губернаторам и градоначальникам циркуляр, в котором предписы-

[15] Там же, 1912, ед. хр. 307, л. 345-к.
[16] Там же, 1914, ед. хр. 307, прод. III, л. 107.
[17] Там же, ф. департамента полиции, особый отдел, 1914, ед. хр. 307, прод. III, л. 96.
[18] Там же, ф. департамента полиции, особый отдел, 1913, ед. хр. 307, лл. 41 и об.
[19] Там же, 1914, ед. хр. 307, прод. III, лл. 1—2а.
[20] Там же.
[21] Там же, прод. II, л. 229.
[22] Там же, 1913, ед. хр. 307, прод. I, л. 15б.

валось местным властям строго следить за действиями пролетарских депутатов и при малейшей возможности, не останавливаясь ни перед чем, привлекать их к уголовной ответственности. «Члены социал-демократических фракций Государственной думы, а также и трудовой группы,— говорилось в циркуляре,— как неоднократно наблюдалось, пытались использовать перерывы в занятиях Думы и пребывание свое в местностях, от которых они избраны, с целью оглашения своих противоправительственных взглядов под видом ознакомления избирателей с деятельностью Государственной думы, а некоторые из них, рассчитывая на особые гарантии неприкосновенности личности, установленные для членов законодательных учреждений, переходили к явно агитационной деятельности и распространяли суждения, возбуждающие к ниспровержению существующего в государстве общественного строя. Признавая подобное явление совершенно недопустимым, прошу ваше превосходительство сделать распоряжение о наблюдении через подведомственных вам чинов полиции за деятельностью членов Государственной думы названных фракций в этом направлении и неукоснительном привлечении их к ответственности в тех случаях, когда в деяниях их установлены будут признаки одного из государственных преступлений, предусмотренных действующими уголовными законами» [23]. Циркуляр определял и порядок привлечения рабочих депутатов к судебной ответственности.

В июле 1914 г. департамент полиции вновь обращал внимание губернаторов на то, что «некоторые члены Государственной думы левого направления пытаются использовать пребывание свое в различных местностях империи с явно агитационной целью». В дополнение к циркуляру от 9 мая 1913 г. местным властям было предложено категорически запрещать выступления депутатов, «на которых падает подозрение в агитации среди населения», «как на собраниях в закрытых помещениях, так и в собраниях на открытом воздухе», а также докладывать департаменту полиции о переездах «подозрительных депутатов из губернии в губернию» [24].

С началом первой мировой войны преследование депутатов-большевиков, выступавших с разоблачением ее империалистического характера, усилилось. Как известно, царскими властями был использован первый же повод, чтобы расправиться с членами большевистской фракции. Они были выслежены полицией в ноябре 1914 г., когда под Петроградом проводили совещание с партийными работниками о задачах борьбы против империалистической войны, арестованы и преданы суду.

В заключение необходимо коснуться некоторых фактов, связанных с судом и ссылкой депутатов-большевиков и отношением рабочего класса к этим событиям.

Первоначально правительство собиралось передать рассмотрение дела членов большевистской фракции военному суду. Однако, опасаясь революционных выступлений пролетариата, оно решило судить их в обычном порядке.

В частности, за передачу дела депутатов-большевиков военному суду выступали министр юстиции Щегловитов, градоначальник столицы принц Ольденбургский и другие царские чиновники и учреждения. Иного мнения придерживался верховный главнокомандующий, дядя царя Николай Николаевич, который потребовал рассмотрения дела в гражданском суде. С этим предложением согласился царь. Причины назначения гражданского суда над депутатами наглядно видны из документов, хранящихся в архивах. 6 декабря 1914 г. шеф жандармов, товарищ министра внутренних дел генерал Джунковский писал в Ставку верховного главнокомандующего: «По делу депутатов у меня совершенно определенное мнение, что, по государственным соображениям, передавать дело военному суду

[23] Там же, л. 50.
[24] Там же, 1914, ед. хр. 307, прод. II, л. 286.

нежелательно. Депутаты арестованы с поличным, следствие стоит прочно, и при нормальном ведении следствия улики будут только крепнуть и оправдания быть не может. Наказание по приговору суда, а тем более по законам военного времени может вселить в населении [убеждение], что правительство воспользовалось военным положением и расправилось с ненавистными ему депутатами; революционная среда приплетет чувство мести и создаст благоприятную обстановку для агитации. Чем более будет уклонений от нормального порядка при следствии и суде над депутатами, тем более вероятности ожидать каких-либо выступлений и нарушения настоящего спокойного течения дела...» [25].

Те же мотивы были высказаны и в письме верховного главнокомандующего на имя председателя совета министров Горемыкина. «Когда возник вопрос о предании суду арестованных в Петрограде вместе с другими социалистами пяти членов Государственной думы,— писал он,— то по первому же впечатлению мне совершенно очевидным представилась необходимость избрать такой способ предания суду, который устранял бы возникновение толков об использовании правительством военного положения, как предлога от них отделаться. По глубокому моему убеждению, передача дела на рассмотрение военного суда неминуемо должна была получить именно такое объяснение и вызвать брожение среди фабричных и иных оппозиционных элементов. Между тем, спокойствие в рабочей среде, обслуживающей разнообразные нужды армии, в заботах о последней представлялось мне весьма важным» [26].

28 декабря Николай II распорядился изъять дело депутатов-большевиков «из-под действия военного положения». Оно было передано на рассмотрение особого присутствия Петроградской судебной палаты [27].

Приведенные документы свидетельствуют о тесной связи депутатов-большевиков с массами, о готовности последних поддерживать своих лучших сынов и защитников интересов всех трудящихся.

10 февраля 1915 г. состоялся суд над пятью депутатами-большевиками. Все они мужественно вели себя во время суда и от имени пролетариата выступили с обличительными речами против царских палачей, кровавой империалистической бойни и преступной политики самодержавного правительства. В. И. Ленин в ряде своих работ и особенно в статье «Что доказал суд над РСДР фракцией?» высоко оценивал деятельность большевистских депутатов, мужественное поведение их на суде [28]. Все пять членов Российской социал-демократической рабочей фракции IV Государственной думы были приговорены к ссылке в Сибирь на поселение.

Рабочий класс неоднократно и упорно выражал свое возмущение неслыханным произволом в отношении большевистских депутатов, добивался их освобождения и возвращения в Думу. Ежегодно 10 февраля — в день суда над членами большевистской фракции — проводились стачки и митинги, выпускались большевистские прокламации, выносились резолюции рабочих коллективов.

Забастовки, митинги и выступления рабочих Петрограда 10—14 февраля 1917 г., начавшиеся в годовщину позорного суда над депутатами-большевиками, слились затем с событиями Февральской революции, которая уничтожила ненавистное народу самодержавие и открыла путь к Великому Октябрю.

---

[25] Центральный государственный исторический архив в Ленинграде (ЦГИАЛ), ф. 1276, 1914, оп. 10, ед. хр. 114, лл. 5—6.

[26] Там же, ед. хр. 1149, лл. 8—9.

[27] Там же, л. 4.

[28] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 21, стр. 149—154.

ПРОЦЕСС МОНОПОЛИЗАЦИИ ХЛОПЧАТОБУМАЖНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИИ (1900—1914 годы)

В. Я. Лаверычев

В последнее время опубликовано значительное количество работ по истории монополий в ряде важнейших отраслей промышленности царской России [1]. Однако до сих пор остается неразработанным вопрос о путях развития и формах монополистических объединений в текстильной промышленности. В специальных монографиях по экономике текстильной промышленности [2] истории монополий не уделяется должного внимания.

Без учета деятельности монополий в текстильной промышленности — крупнейшей в стране отрасли фабрично-заводского производства — невозможно правильно оценить степень развития монополистического капитализма в России. Без изучения процессов монополизации легкой промышленности, где влияние иностранного капитала было гораздо слабее, чем в тяжелой, а удельный вес которой в промышленности страны был значительно выше по сравнению с передовыми капиталистическими странами, нельзя всесторонне определить особенности развития государственно-монополистического капитализма в России. Актуальность исследования истории монополистических объединений в текстильной промышленности обусловливается также тем, что с последней была тесно связана русская империалистическая буржуазия (Рябушинские, Морозовы, Н. А. Второв, А. И. Коновалов, С. Н. Третьяков и др.), стремившаяся путем закулисных сделок с царизмом постепенно сосредоточить в своих руках политическую власть и превратить самодержавную монархию в буржуазную. После Февральской революции именно текстильные фабриканты в качестве представителей торгово-промышленных кругов входили во Временное правительство.

Цель данной статьи — показать особенности развития и характер монополистических объединений, возникавших на завершающей стадии цикла хлопчатобумажного производства, и проследить основные направления деятельности важнейших из них.

Хлопчатобумажная промышленность являлась наиболее крупной в стране отраслью текстильного производства. К 1897 г. стоимость продукции 947 хлопчатобумажных предприятий составляла около 15% стоимости продукции всей фабрично-заводской промышленности царской России. На хлопчатобумажных фабриках насчитывалось 316,1 тыс. рабочих — почти 15% всего пролетариата страны [3]. Большая часть продук-

---

[1] Подробный перечень этих работ имеется в журнале «Вопросы истории», 1957, № 9, стр. 195—200.

[2] П. А. Хромов. Очерки экономики текстильной промышленности СССР. М. 1946; К. А. Пажитнов. Очерки истории текстильной промышленности дореволюционной России. Шерстяная промышленность. М. 1955; его же. Очерки истории текстильной промышленности дореволюционной России. Хлопчатобумажная, льняная и шелковая промышленность. М. 1958.

[3] П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР. Т. II. М.-Л. 1948, стр. 149. В 1913 г. производство хлопчатобумажной промышленности составляло 22,3% производства всей фабрично-заводской промышленности. На ее предприятиях было

ции и рабочих приходилась на крупные и крупнейшие текстильные предприятия. Еще в 1890 г. в стране было 59 хлопчатобумажных фабрик, насчитывавших более одной тысячи, и 43 предприятия — от 500 до 1 000 рабочих. К 1913 г. 90,6% рабочих хлопчатобумажной промышленности сосредоточивалось на фабриках, имевших свыше 500 рабочих каждая [4]. Уже в конце XIX в. в хлопчатобумажной промышленности имелись крупнейшие предприятия товариществ С. Морозова, Тверской мануфактуры, В. Морозова и др., на которых были заняты десятки тысяч рабочих. Высокая степень концентрации хлопчатобумажного производства создавала условия для возникновения монополистических союзов предпринимателей.

Тенденции к заключению монополистических соглашений в хлопчатобумажной промышленности впервые более или менее отчетливо проявились на рубеже XIX и XX веков. Возникновение монополий было теснейшим образом связано с кризисными явлениями в сбыте хлопчатобумажных тканей в России и вздорожанием хлопка на международном рынке в 1899 году [5]. Особые затруднения в сбыте продукции испытывали владельцы ситцепечатных и ситценабивных предприятий, выпускавших значительную долю товаров непосредственно для продажи потребителю [6]. Именно на завершающем этапе цикла хлопчатобумажного производства и состоялись первые, более или менее устойчивые монополистические соглашения.

Борьбу с кризисными явлениями хлопчатобумажные фабриканты начинали прежде всего с увольнения рабочих, снижения заработной платы и т. д. В сентябре 1899 г. на совещании московских текстильных фабрикантов обсуждался вопрос о сокращении рабочей недели до 5 дней [7]. Вместе с тем интенсивно велись переговоры о повышении цен. Первое соглашение о повышении цен на хлопчатобумажные изделия было заключено 12 лодзинскими фабрикантами в феврале 1900 года. В марте того же года состоялось такое же соглашение московских фабрикантов-пунцовщиков. Вслед за ними о повышении цен на свои ситцы объявили иваново-вознесенские фабриканты. В конце марта московские фабриканты также оповестили клиентуру о предстоящем повышении цен на ряд хлопчатобумажных тканей. Однако соглашение о надбавке к ценам на московские ситцы не было достигнуто [8]. Оно, очевидно, состоялось только перед Нижегородской ярмаркой летом 1900 года. Установленные цены продержались до осени 1901 года. В октябре московские фабриканты вынуждены были отказаться от введенной ими прибавки. Дело в том, что ивановские и лодзинские фабриканты, имевшие те же рынки сбыта, что и московские, скидку с цен сделали значительно раньше [9]. Кризисные явления развивались и в 1902 году. Скопление большого количества тканей на складах заставило иваново-вознесенских фабрикантов в январе 1903 г. согласиться на очередное понижение цен [10].

Дальнейшее углубление кризиса потребовало новых переговоров и соглашений по вопросу о ценах. Очередное соглашение о повышении цен было достигнуто в марте 1903 года. Иваново-вознесенские фабриканты

занято уже 512,8 тыс. человек, то есть 23,1% всех промышленных рабочих страны (Центральный государственный исторический архив в Ленинграде (ЦГИАЛ), ф. 23, оп. 27, д. 479, л. 1)

[4] П. А. Хромов. Указ соч., стр. 39, 53.

[5] А. Ф. Яковлев. Экономические кризисы в России. М. 1955, стр. 277—279.

[6] Ситценабивная и ситцепечатная промышленность была сосредоточена главным образом в Центральном промышленном районе. К. А. Пажитнов. Очерки истории текстильной промышленности дореволюционной России. М. 1958, стр. 126.

[7] А. Ф. Яковлев. Указ. соч., стр. 279.

[8] Государственный исторический архив Московской области (ГИАМО), ф. 774, оп. 1, д. 280а, лл. 3—5.

[9] Там же, лл. 23—24, 30; ЦГИАЛ, ф. 32, оп. 1, д. 348, л. 52.

[10] ГИАМО, ф. 774, оп. 1, д. 280а, л. 63.

акже повысили цены на ткани, однако не с таким единодушием, как осковские[11]. Перед Нижегородской ярмаркой московские фабриканты делали новую надбавку к ценам на ситец с 1 сентября 1903 года. Аналоичное увеличение цен было произведено иваново-вознесенскими ситцеиками. Однако большая часть из них осуществила повышение цен в два риема: перед Нижегородской ярмаркой и с 1 сентября[12].

Рост прибылей капиталистов в результате соглашений о повышении ен привел к тому, что некоторые московские фабриканты в январе 1904 г. гали настаивать на новой прибавке к ценам. Это предложение вызвало езкие возражения ряда крупных фабрикантов, которые считали, что альнейший рост цен может лишь сильно ухудшить конъюнктуру на рыне. В последних числах февраля состоялось совещание московских фабикантов, на котором все же было принято решение о повышении цен на кани в начале марта. В бюллетене товарищества Э. Циндель по этому оводу говорилось: «Такой огульной прибавки на набивной товар не было течение последних 15 лет».

Одновременно с повышением цен, по-видимому, было достигнуто ринципиальное соглашение о сокращении производства, хотя детально но не было регламентировано. Некоторые предприятия сократили колиество рабочих дней путем увеличения пасхального перерыва[13].

Летом 1904 г. хлопчатобумажные фабриканты в связи с падением ен на пряжу несколько понизили цены на ряд тканей. Однако цены на итец удерживались на прежнем уровне. Очевидно, именно в это время кончательно оформились картельные соглашения московских и иваново-знесенских ситцевиков, затем периодически возобновлявшиеся. Если до 904 г. на совещаниях московских фабрикантов рассматривались и приимались цены на различные хлопчатобумажные ткани, то с этого года на их присутствовали лишь владельцы ситцепечатных фабрик, обсуждавшие вопросы о ценах на ситец — самую распространенную хлопчатобуажную ткань[14].

Факт оформления в 1904 г. более устойчивых и прочных специализиованных объединений хлопчатобумажных фабрикантов подтверждается акже и тем, что цены на ситцы начали неуклонно расти именно с этого ремени. В справке, составленной правлением товарищества Э. Циндель, ризнавалось, что московские фабриканты получили благодаря повышеию цен дополнительно 6% прибыли[15].

Несмотря на удешевление хлопка и ухудшение конъюнктуры на рыне в 1908 г., ситцевые фабриканты всеми средствами пытались сохранить режние высокие цены. 18 марта 1908 г. ими было принято по этому оводу соответствующее решение[16]. Если московским фабрикантам удалось овольно легко сохранить цены на прежнем уровне, то иваново-вознесенкие фабриканты вынуждены были обсуждать вопрос о сокращении прозводства в 1908 г. за счет увеличения пасхального перерыва. Запасы ешевых ситцев были настолько велики, что встал даже вопрос о поникении цен. Часть фабрикантов высказывалась в пользу этой меры, одна о единства не было достигнуто[17]. Выход из положения, очевидно, был айден в основном за счет сокращения производства[18]. В конце 1908 г.

---

[11] Там же, л. 67.

[12] Там же, лл. 75—76.

[13] Там же, лл. 87, 90—91, 93. Пасхальный перерыв — остановка текстильных предриятий, практиковавшаяся в Центральном промышленном районе, во время которой аканчивался срок найма рабочих.

[14] Там же, лл. 99, 100, 103.

[15] ЦГИАЛ, ф. 32, оп. 1, д. 343, лл. 47—48.

[16] Г. В. Цыперович. Синдикаты и тресты в России. Птгр. 1918, стр. 107-108.

[17] ЦГИАЛ, ф. 32, оп. 1, д. 348, лл. 90—91.

[18] «Свод отчетов фабричных инспекторов за 1906 г.». СПБ. 1907, стр. IV; «Вестик финансов промышленности и торговли», 1909, № 52, стр. 655; «Текстили в первой усской революции». М. 1925, стр. 209.

иваново-вознесенские фабриканты, используя спад рабочего движени в стране, вновь обсуждали вопрос о свертывании с нового года производ ства путем сокращения рабочей недели до 4—5 дней или прекращени работ перед пасхой. Однако это предложение после обсуждения был отвергнуто, так как сокращение производства было на руку конкурен там — московским ситцевикам [19].

В 1909 г. хорошие виды на урожай способствовали оживлению хлоп чатобумажного рынка. В 1910 и в первой половине 1911 г. это оживл ние продолжалось [20]. Однако к августу 1911 г. положение изменилос На предприятиях Иваново-Вознесенского района скопились большие за пасы тканей. Спрос на них был настолько мал, что фабриканты вынуж дены были несколько понизить цены [21]. Одновременно с этим они при бегли к сокращению производства в размере $^1/_6$ недельной выработки к снижению расценок [22]. Иваново-вознесенские фабриканты стремилис за счет рабочих устранить последствия кризисных явлений, сохранит свои прибыли. Они усилили эксплуатацию, интенсифицировав труд Фабриканты извлекали все выгоды из того, что пролетариат крупнейше текстильного района России вследствие ряда причин (существенное из менение его состава, давление огромной резервной армии безработны и т. д.) в 1911—1913 гг. слабо участвовал в активной революционно борьбе.

Положение мануфактурного рынка в то время было настолько тяже лым, что, несмотря на совместные действия с целью сохранения цен н прежнем уровне, московские ситцевики также вынуждены были провест снижение цен [23]. В 1912 г. кризисные явления в текстильной промышлен ности усилились [24]. Некоторое кратковременное оживление на рынк наблюдалось лишь перед Нижегородской ярмаркой [25]. Этим не преминул воспользоваться фабриканты. 17 сентября 1912 г. состоялось очередно совещание московских ситцевиков, на котором было принято решени о повышении цен на ситец [26].

Дальнейшее углубление кризисных явлений в текстильной промыш ленности в 1913 г. способствовало еще большей консолидации фабрикан тов. В октябре этого года происходили совещания представителей круп нейших московских ситцевых фабрик (товариществ Э. Циндель, Н. Кон шина, А. Гюбнера, Прохоровской трехгорной и Даниловской мануфакту и др.). На них было достигнуто соглашение о повышении цен с декабр 1913 года. Впервые за время существования объединения московски ситцевиков было принято решение о необходимости выплаты крупно неустойки фирмой, нарушившей заключенное соглашение о повышени цен [27].

Все московские ситцевики настойчиво придерживались принятых цен хотя встретили большие затруднения при продаже тканей крупным тор говцам. В ноябре 1913 г. сбыт осуществлялся только по новым ценам [28] Примеру московских последовали иваново-вознесенские фабриканты, так

---

[19] Газета «Голос Москвы», № 1, 1 января 1909 года.

[20] Центральный государственный исторический архив в Москве (ЦГИАМ), ф. 102 ДП, оп. 120, д. 11, ч. 2, л. 124; Государственный архив Владимирской област (ГАВО), ф. 266 (старшего фабричного инспектора), оп. 21, д. 47, лл. 2, 10, 18, 2 35, 111; газета «Старый владимирец», № 233, 1911 год.

[21] ГАВО, ф. 266, оп. 21, д. 67, л. 9; «Свод отчетов фабричных инспекторов з 1911 г.». СПБ. 1912, стр. XXXIX.

[22] Газета «Утро России», № 278, 3 декабря 1911 года.

[23] «Утро России», № 265, 17 ноября 1911 года.

[24] ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 16, д. 67, лл. 16, 19; «Правда», № 35, 9 мая 1912 года.

[25] ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 16, д. 67, л. 34; ЦГИАМ, ф. 102, оп. 121, д. 11, ч. 2, л. 4

[26] «Утро России», № 165, 18 июля 1912 года.

[27] «Коммерческий телеграф», №№ 233, 235, 250, 7, 9, 28 октября 1913 г.; «Утр России», № 205, 5 марта; №№ 252 и 253, 1 и 2 ноября 1913 года.

[28] «Коммерческий телеграф», №№ 256 и 273, 4 и 25 ноября 1913 года.

ие повысившие цены на свои ситцы [29]. Повышение цен при наличии боль-
ого запаса тканей, давивших на рынок, потребовало осуществления и
ругой меры — сокращения производства. В середине марта 1914 г. со-
оялось совещание представителей 7 предприятий, выпускавших москов-
кие ситцы (товариществ Э. Циндель, Н. Коншина, А. Гюбнера, Даниловской, Тверской, Прохоровской и Куваевской мануфактур). На этих предприятиях производилась подавляющая доля московского ситца и было занято около 37 тыс. рабочих. На совещании было принято решение сократить производство за счет удлинения пасхального перерыва с обычных 25 до 40 дней [30].

Таким образом, на протяжении десятилетия (с 1904 по 1914 г.) московские и иваново-вознесенские фабриканты на регулярных совещаниях договаривались о ценах и сокращении производства. Эти соглашения дают основания считать, что в России в изучаемый период существовало два крупных картеля ситцевых фабрикантов. Участники этих картельных объединений нередко нарушали соглашения. Бюллетень товарищества Э. Циндель за декабрь 1904 г. сообщал, например, о факте преждевременного понижения цен одной московской мануфактурой, чем она оказала «медвежью услугу» остальным предприятиям, вынужденным также раньше времени понизить цены [31]. Бюллетень за март 1908 г. указывал на отсутствие единства среди иваново-вознесенских фабрикантов в деле сохранения цен на прежнем высоком уровне [32]. В ноябре 1913 г. товарищество мануфактур Н. Дербенева, несмотря на достигнутое иваново-вознесенскими фабрикантами соглашение о повышении цен, продолжало продавать ситец по старым ценам [33].

Между участниками картельных соглашений московских и иваново-вознесенских ситцевиков, а также владельцами предприятий, вырабатывавших другие виды хлопчатобумажных тканей, заключались и кратковременные соглашения об общих условиях сбыта в определенных районах. Так, в конце апреля — начале мая 1913 г. в Коканде состоялись совещания представителей фирм, торговавших в Средней Азии. 18 мая 1913 г. они согласились осуществить сокращение кредита (в особенности товарами) местным торговцам и согласовывать действия всех фирм при открытии разным лицам кредита. Соглашение было подписано представителями Прохоровской и Даниловской мануфактур, товариществ Познанского, А. Гюбнера, Каретниковых и др.[34].

В годы кризисного состояния текстильной промышленности перед первой мировой войной тенденция к объединению мелких групп предпринимателей в соответствии с их специализацией еще более усилилась. В начале ноября 1913 г. на совещании владельцев предприятий, вырабатывавших черные бумажные триковые ткани, было принято решение повысить цены на все сорта тканей на 5% [35]. Известны и другие специализированные монополистические соглашения. В декабре предприятия, отделывавшие бархат и плюш (О. Г. Хишина, Э. Брена, А. Е. Генкина, А. А. Головкина и Ф. Е. Беккера), установили единые цены и решили организовать надзор за выполнением соглашения [36]. В конце 1913 г. состоялось объединение фабрик бумажных кружев. Новая организация, созданная товариществом московской фабрики кружевных изделий, получи-

---

[29] «Коммерческий телеграф», № 256, 4 ноября 1913 г.; «Утро России», №№ 252, 255, 1 и 5 ноября 1913 года.

[30] «Коммерческий телеграф», №№ 358 и 359. 17 и 18 марта 1914 г.; «Утро России», № 66, 20 марта; № 78, 4 апреля 1914 г.; ЦГИАЛ, ф. 32, оп. 1, д. 348, л. 200.

[31] ГИАМО, ф. 774, оп. 1, д. 280а, лл. 112—113.

[32] ЦГИАЛ, ф. 32, оп. 1, д. 348, л. 90.

[33] «Коммерческий телеграф», № 273, 25 ноября 1913 года.

[34] ЦГИАЛ, ф. 1425, оп. 1, д 501, лл. 86—89, 91.

[35] «Коммерческий телеграф», № 256, 4 ноября 1913 года.

[36] «Коммерческий телеграф», № 296, 23 декабря 1913 года.

ла наименование кружевного синдиката. Владельцы московской фабрики кружевных изделий стали скупать родственные предприятия, входившие в синдикат, приобрели фабрику акционерного общества кружевной мануфактуры М. С. Фейнкинда в Варшаве и кружевной отдел тюлевокружевной фабрики Флетчера в Москве [37].

Несколько особое положение занимало объединение мелких и средних красильно-аппретурных предприятий, выполнявших заказы текстильных фабрик по крашению, набивке и отделке тканей. В общество красильно-аппретурных фабрикантов входили представители 32 предприятий, имевших около 8 тыс. рабочих. В сентябре 1913 г. оно приняло, например, решение об увеличении на 5% расценок за произведенную работу. В декабре 1913 — январе 1914 г. в обществе интенсивно обсуждался вопрос об организации синдиката красильно-аппретурных фабрикантов. Однако подготовленное соглашение так и не было подписано. В годы первой мировой войны цены на красильно-аппретурные работы по-прежнему рассматривались и утверждались на совещаниях представителей красильно-аппретурных предприятий при обществе. Последнее значительно укрепило свои позиции — в 1917 г. в нем насчитывалось уже 49 предприятий с 12 838 рабочими [38].

Об организационных формах, в рамках которых осуществлялись картельные соглашения ситцевиков в промежутках между совещаниями фабрикантов, известно, к сожалению, очень мало. Совещание московских фабрикантов-ситцевиков имело свой центр. Роль его выполняло товарищество Э. Циндель. Не случайно именно с 1900 г., когда происходили первые совещания московских мануфактуристов, начали регулярно выходить информационные бюллетени товарищества Э. Циндель, в которых обстоятельно характеризовалось состояние рынка хлопка, пряжи, суровых и в особенности готовых хлопчатобумажных тканей. Благодаря бюллетеням участники складывавшегося объединения принимали решения, зная состояние рынка и положение хлопчатобумажной промышленности в целом. Бюллетени одобрительно оценивали деятельность фабрикантов, упорно отстаивавших повышение цен на ситец, резко осуждали нарушителей принятых соглашений, выступали против торговой практики, идущей вразрез с линией, проводившейся картелем (см. бюллетень за апрель 1902 г.) [39]. Характерно также и то, что именно товарищество Э. Циндель защищало московских фабрикантов, когда демократическая печать совершенно справедливо обвинила их в злостном и преднамеренном взвинчивании цен на ситец [40].

Организаторская деятельность товарищества Э. Циндель не ограничивалась рамками внутреннего рынка. Это предприятие выступило инициатором объединения русских текстильных фабрикантов в деле экспорта тканей. В 1900 г. по его предложению группа русских фабрикантов отправила в Северный Иран несколько экспедиций для изучения состояния местного рынка. «Ввиду все более ощущаемого в последнее время перепроизводства хлопчатобумажных изделий,— отмечалось в протоколе заседания правления товарищества Э. Циндель от 26 января 1901 г.,— русским фабрикантам приходится отыскивать новые рынки для сбыта своих произведений. Одним из таких рынков является Персия» [41]. После возвращения этих экспедиций товарищество Э. Циндель совместно с това-

---

[37] «Коммерческий телеграф», № 258, 6 ноября 1913 г.; «Известия общества заводчиков и фабрикантов Московского промышленного района», 1913, № 5, стр. 26.

[38] ГИАМО, ф. 225, оп. 1, д. 29, лл. 38—40; «Утро России», № 59, 12 марта 1914 г.; «Торгово-промышленная газета», № 222, 28 сентября 1913 г.; «Коммерческий телеграф», № 295, 21 декабря 1913 г.; № 300, 3 января 1914 г.; № 740, 23 сентября 1915 г.; № 1136, 25 февраля 1917 года.

[39] ГИАМО, ф. 774, оп. 1, д. 280а, лл. 47—48.

[40] ЦГИАЛ, ф. 32, оп. 1, д. 343, лл. 44—48.

[41] ГИАМО, ф. 774, оп. 1, д. 279, л. 12.

ществами Ясюненских, В. Морозова, А. Е. Полякова, Знаменской и Новой Костромской мануфактур открыло весной 1901 г. в Тегеране склад для оптовой торговли мануфактурными товарами. В течение первого года торговля при поддержке Учетно-ссудного банка Персии развивалась весьма успешно. Однако в 1902 г. банк открыл собственную торговлю мануфактурными товарами с предоставлением широкого кредита покупателям и занял по отношению к московским фирмам резко враждебную позицию. Московские фабриканты не выдержали такой конкуренции и в 1904 г. ликвидировали свои дела в Иране [42].

Неудача не обескуражила правление товарищества Э. Циндель. Так, в 1902—1903 гг. была организована новая экспедиция для изучения рынков Балканского полуострова. Ее итоги получили освещение в брошюре «Экспорт ситца». В 1906 г. товариществом Э. Циндель, торгово-промышленным товариществом П. М. Рябушинского и др. была организована экспедиция в Сербию, Болгарию и Турцию. 25 июня 1907 г товариществами Э. Циндель, С. Морозова, братьев Носовых, торговым домом Михайлова был открыт оптово-розничный склад в Софии [43]. Экспедиции внимательно изучили условия, необходимые для завоевания новых рынков [44].

Все эти мероприятия имели целью подготовить почву для создания мощного экспортного объединения текстильных фабрикантов. 1 ноября 1908 г. правление товарищества Э. Циндель разослало крупнейшим текстильным предприятиям проект устава «Первого русского экспортного товарищества» с объяснительной запиской. В ней говорилось, что «русский фабрикант путем помещения излишка производства по произвольно дешевой цене за пределами России может избавить себя от обостренной конкуренции и тем сохранить здоровый внутренний рынок» [45].

Первая серьезная попытка создания экспортного объединения фабрикантов-текстильщиков была сделана несколько раньше. В сентябре 1904 г. после совещания представителей лодзинской промышленности с крупными московскими фабрикантами (С. Т. Морозовым, П. П. Рябушинским, Н. И. Прохоровым и др.) была избрана с этой целью специальная комиссия. Экспорт предполагалось организовать в Индию, Румынию, Сербию, Болгарию и другие страны [46]. Деятельность комиссии была прервана революцией 1905—1907 годов. Улучшение конъюнктуры внутреннего рынка также позволяло не спешить с созданием экспортного объединения. Организационная горячка возобновилась в 1908 г., когда положение на внутреннем рынке снова ухудшилось. Первый параграф устава Русского экспортного товарищества ограничивал его деятельность сферой экспорта и «посредничества в деле сбыта изделий русской промышленности за пределами Российской империи». Владельцами паев товарищества могли быть только фабриканты [47]. Русское экспортное товарищество (с основным капиталом в 500 тыс. руб.) окончательно оформилось в начале 1909 года. Учредителями его являлись крупнейшие текстильные предприятия страны (товарищества Э. Циндель, И. Коновалова, Н. Коншина, П. М. Рябушинского, Куваевской и Богородско-Глуховской мануфактур и др.). Паи товарищества были приобретены также торговым домом Л. Кнопа, Кренгольмской мануфактурой и др. Хотя в Русское экспортное товарищество вошли фабриканты льняной и шерстяной про-

---

[42] Там же, лл. 12—13; ф. 143, оп. 1, д. 100, лл. 192—193; ф. 341, оп. 5, д. 230, лл. 2—5, 7; ЦГИАЛ, ф. 32, оп. 1, д. 348, л. 34.

[43] Там же, л. 75; «Товарищество Э. Циндель. О сбыте мануфактуры на Ближнем Востоке». Одесса. Б. г., стр. 1.

[44] См., например, доклад о результатах поездки в Сербию и Турцию представителя товарищества П. М. Рябушинского от 8 декабря 1908 года. ГИАМО, ф. 341, оп. 5, д. 231, лл. 2—5.

[45] Там же, д. 230, лл. 7—10; ф. 774, оп. 1, д. 404, л. 1.

[46] ЦГИАЛ, ф. 150, оп. 1, д. 755, л. 185.

[47] ГИАМО, ф. 341, оп. 5, д 232. л. 2

мышленности, решающая роль в нем принадлежала хлопчатобумажным предприятиям [48].

Скоро отделения и склады Русского экспортного товарищества появились в Константинополе, Яссах, Филиппополе, Харбине, Тегеране, Тавризе и Гамбурге. Товарищество Э. Циндель в докладе первому южнорусскому торгово-промышленному съезду в Одессе высоко оценивало итоги деятельности товарищества [49].

В докладной записке товарищества от 24 января 1917 г. отмечалось, что оно является единственным в России правильно организованным экспортным предприятием, что участие в нем принимали почти все московские и иваново-вознесенские мануфактурные фирмы [50].

Русское экспортное товарищество повело успешную борьбу с английскими конкурентами на иранском рынке. Если в 1907—1908 гг. стоимость ввозившихся из России в Иран тканей снижалась, то с 1909—1910 гг. она начала увеличиваться и в 1911—1912 гг. превзошла стоимость английского импорта тканей. В течение этого года Россия ввезла в Иран тканей на сумму 16,18 млн. руб., Англия — всего на 14,24 млн. рублей [51].

После Портсмутского мира русские текстильные фабриканты сделали также попытку закрепиться на маньчжурском рынке. Однако ряд неблагоприятных условий заставил большую часть предприятий прекратить свои операции в Маньчжурии. Там сохранились лишь две фирмы — товариществ Э. Циндель и В. Морозова. В 1909 г. к ним присоединилось Русское экспортное товарищество. В 1911 г. торговые обороты русских фирм в Харбине составили 5 млн. рублей [52].

Несмотря на участие в Русском экспортном товариществе, некоторые крупные фирмы вели самостоятельные торговые операции, имели свою клиентуру и посредников из местных торговцев. Так, товариществом В. Морозова 12 января 1910 г. был заключен соответствующий договор с китайской фирмой И-Тай [53]. В 1912 г. самостоятельную торговлю в Харбине открыли также участники Русского экспортного товарищества — Прохоровская мануфактура и товарищество А. Гюбнера.

Постепенно русские фабриканты начали проникать в Монголию и даже в Северный Китай. Товарищество В. Морозова открыло торговлю в Тяньцзине, а товарищество Н. Н. Коншина — в Шанхае [54]. В 1911 г. на общем собрании членов Русского экспортного товарищества было решено открыть отделение в Монголии [55].

Когда в конце 1916 г. царское правительство запретило вывоз хлопчатобумажных тканей за границу, текстильные фабриканты, добиваясь отмены этого решения, обращали особое внимание на те «жертвы», с которыми было сопряжено «завоевание» азиатских рынков [56]. Действия Русского экспортного товарищества на этих рынках типичны для практики монополистических объединений в эпоху империализма. Русская промышленная буржуазия установила в результате ряда соглашений монопольно высокие цены на ткани на внутреннем рынке и включилась, прибегнув к демпингу, в активную борьбу за внешние рынки.

---

[48] «Голос Москвы», № 32, 10 февраля 1909 года.

[49] «Товарищество Э. Циндель. О сбыте мануфактуры на Ближнем Востоке», стр. 2.

[50] ЦГИАЛ, ф. 1131, оп. 1, д. 33, л. 15.

[51] С. С. Остапенко. Внешние рынки России. Персидский рынок и его значение для России. Киев. 1913; «Lodser Textil Markt», № 3, 1914, стр 42.

[52] «Русское экспортное товарищество. Маньчжурия как рынок сбыта изделий русского производства». М. 1911, стр. 6—7; «Русская мануфактура и ее конкуренты на китайском рынке». Составил Н. Н. Кротков. СПБ. 1914.

[53] ГИАМО, ф. 341, оп. 5, д. 271, л. 5.

[54] «Русская мануфактура и ее конкуренты на китайском рынке», стр. 36.

[55] ГИАМО, ф. 51, оп. 10, д. 1045, лл. 1—3.

[56] Государственный архив Ивановской области (ГАИО), ф. 108, оп. 1, д. 1867, л. 1.

Русское экспортное товарищество взяло на себя постановку информации о положении экспортного дела и состоянии различных рынков. Оно сравнительно регулярно выпускало с этой целью специальные брошюры. Выше приводились материалы из подобных изданий. Следует упомянуть также брошюру «Абиссиния как рынок сбыта изделий русского производства» [57]. Отстаивая интересы мануфактуристов, товарищество выпускало также брошюры, доказывавшие необходимость возврата пошлин при экспорте тканей [58].

В конце 1916 г. представители этого объединения, используя более авторитетные предпринимательские организации (Общество фабрикантов хлопчатобумажной промышленности, Комитет хлопкоснабжения, Совет съездов представителей промышленности и торговли), добивались отмены запрещения вывоза хлопчатобумажных тканей из России [59]. В то же время товарищество обратилось в Общество фабрикантов хлопчатобумажной промышленности с просьбой поддержать ходатайство о проведении в Иране железнодорожных линий Тегеран — Энзели и Ашхабад — Мешхед, а также о продолжении линии от Верхнеудинска до Урги [60].

Русское экспортное товарищество возглавлялось советом. Всеми коммерческими операциями руководило правление. В совете преобладали представители крупнейших хлопчатобумажных предприятий (товариществ В. Морозова, П. Малютина, Н. Дербенева, Н. Коншина, А. Баранова, А. Гюбнера, Богородско-Глуховской и Куваевской мануфактур). В состав совета и ревизионной комиссии входили также представители ведущих петроградских банков (Русский для внешней торговли, Петроградский международный), по-видимому, финансировавшие операции товарищества. Бессменным председателем совета являлся А. Л. Керков — фактический руководитель товарищества Э. Циндель [61], что указывает еще раз на роль последнего. Приведенные сведения, на наш взгляд, дают достаточные основания назвать Русское экспортное товарищество текстильным (прежде всего хлопчатобумажным) экспортным синдикатом.

Почему же именно товарищество Э. Циндель стало центром объединительных тенденций в хлопчатобумажной промышленности? Ответ на этот вопрос дает состав пайщиков этого предприятия. Последними являлись Кнопы, Морозовы, Бардыгины, Красильщиковы, Хлудовы и другие крупные фабриканты. В 1903 г. паи товарищества распределялись между 109 пайщиками, значительная часть которых владела собственными текстильными предприятиями. В 1912 г. число пайщиков увеличилось до 141 человека. Среди них появились Н. А. Второв, Н. Г. Бурылин (владелец Куваевской мануфактуры в Иваново-Вознесенске), А. В. Бурышкин (представитель крупной мануфактурной торговой фирмы) и др. Председателем правления в 1900 г. был И. К. Прове — один из служащих Кнопов, а в дальнейшем эту должность вплоть до революции занимал А. Л. Кноп — глава известной династии хлопчатобумажных королей [62].

Торговый дом Л. Кнопа, представители которого входили в правления крупнейших хлопчатобумажных предприятий (Богородско-Глуховской и Даниловской мануфактур, товарищества Н. Н. Коншина и др.),

---

[57] «Русское экспортное товарищество. Абиссиния как рынок сбыта изделий русского производства». М. Март 1912 года.

[58] «Русское экспортное товарищество в Москве. К вопросу о возврате пошлин». М. Февраль 1913 года.

[59] ЦГИАЛ, ф. 1131, оп. 1, д. 33, лл. 5, 7, 15—16б.

[60] ГАИО, ф. 108, оп. 1, д. 1867, л. 1.

[61] ГИАМО, ф. 51, оп. 1, д. 1045, лл. 1, 3, 8; д. 1046, лл. 1—3; д. 1047, лл. 1—3; д. 1044, лл. 1—3.

[62] Там же, ф. 774, оп. 1, д. 442, лл. 119—124; д. 325, лл. 32—35; д. 266, лл. 32—34; д. 1578, лл. 4—5.

избрал товарищество Э. Циндель центром своей деятельности по объединению мануфактурных фирм московского промышленного района. Такой выбор был обусловлен сосредоточением в этом предприятии владельцев ряда крупнейших фирм. Для соглашения картельного типа это обстоятельство было чрезвычайно благоприятным. Вместе с тем интересы каждого пайщика товарищества Э. Циндель строго оберегались уставом. Кноп и его группа не пользовались подавляющим влиянием в товариществе. Они могли проводить те или иные мероприятия лишь при поддержке крупных пайщиков, ибо без них невозможно было собрать большинство голосов [63]. Таким образом, товарищество Э. Циндель могло служить центром по согласованию действий московских ситцевиков. Для этого требовалось лишь самое незначительное расширение сферы деятельности правления и аппарата управления.

Деятельность картеля иваново-вознесенских ситцевиков была сосредоточена вокруг центра совершенно иного рода. Таковым, по-видимому, являлся первоначально Иваново-Вознесенский комитет торговли и мануфактур. Однако последний не мог обеспечить достаточно эффективного и быстрого разрешения проблем, которые особенно часто возникали в момент обострения кризисных явлений и усиления революционного движения. Поэтому в 1913 г. возникло Общество фабрикантов и заводчиков Иваново-Вознесенского района. Вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции оно являлось не только представительной организацией и антирабочим союзом, но и выполняло организационно-исполнительную работу для картеля иваново-вознесенских ситцевиков [64].

Объединения московских и иваново-вознесенских ситцевиков согласовывали свои антирабочие выступления. Вместе с тем крупнейшие хлопчатобумажные капиталисты, входившие в эти объединения, играли активную роль в деятельности других организаций. Так, еще в феврале 1905 г. при Московском биржевом комитете была создана специальная комиссия по рабочему вопросу, возглавлявшаяся хлопчатобумажными фабрикантами. Она выработала конвенцию, в соответствии с которой капиталисты обязывались не допускать выплаты рабочим заработной платы за дни забастовок, не решать единолично вопросы о сокращении рабочего времени, увеличении расценок, изменении правил внутреннего распорядка и т. п. [65].

После манифеста 17 октября московские предприниматели усилили борьбу с революционным движением в стране. П. П. Рябушинский, прикрываясь псевдонимом В. Стекольщикова, откровенно писал в 1910 г., что «в 1905 г. буржуазия помогла людям старого режима подавить революцию» [66]. В октябре 1905 г. состоялся съезд фабрикантов и заводчиков Москвы и центральных губерний, на котором в результате обсуждения мер борьбы с рабочим движением было принято решение создать «Союз фабрикантов и заводчиков». Разработка проекта устава была возложена на специальную комиссию по рабочему вопросу, возглавлявшуюся текстильным фабрикантом С. И. Четвериковым. Этот проект был утвержден съездом 27—28 июня 1906 года. В первом параграфе устава союза говорилось, что целью его является обеспечение взаимной поддержки и содействие членам союза в их борьбе с требованием повы-

---

[63] В товариществе Циндель голоса распределялись далеко не в полном соответствии с количеством паев. Согласно уставу, владельцы пяти паев получали один голос, десяти — два, двадцати пяти — три, пятидесяти — четыре, ста и более — пять голосов (там же, д. 325, лл. 32—35).

[64] В. Я. Лаверычев. Рабочее движение в Иваново-Вознесенске в годы первой мировой войны. М. 1957, стр. 12—13.

[65] Е. Д. Черменский. Буржуазия и царизм в революции 1905—07 гг. М.-Л. 1939, стр. 67—70, 80.

[66] «Утро России», № 149, 18 мая 1910 года.

ения заработка, уменьшения рабочего дня и т. п. Далее, § 3 устава го-рит о локаутах как эффективном средстве подавления рабочего дви-ения [67].

Комиссия по рабочему вопросу также возглавляла и направляла нтирабочую деятельность московских фабрикантов. По ее инициативе сковские фабриканты в ноябре 1905 г. решили создать страховой фонд ля покрытия убытков в случае забастовок [68]. Представители текстиль-ых фабрикантов в 1906 г. принимали участие в правительственной ко-иссии по фабричному законодательству. 18 апреля С. И. Четвериков, . А. Морозов, А. И. Коновалов, входившие в состав последней, высту-или с письменным протестом против проектируемого комиссией введе-ия обязательного участия предпринимателей в обществе взаимного трахования рабочих при несчастных случаях. Они возражали также ротив проекта «сберегательных рабочих касс», требуя осуществления ида мер, предотвращающих превращение таких касс в «стачечный онд» [69].

Союз фабрикантов и заводчиков в первоначальном своем виде так не был создан. Фабриканты охладели к идее этой организации вслед-ствие спада стачечного движения рабочих-текстильщиков, начавше-ося во второй половине 1906 года. Инициатива объединения перешла в уки металлопромышленников, организовавших Общество заводчиков и абрикантов Московского промышленного района. В составе общества ыла и текстильная секция, в работе которой принимали участие вла-ельцы крупнейших предприятий, входивших в объединения московских иваново-вознесенских ситцевиков.

В годы нового революционного подъема антирабочую деятельность лопчатобумажных фабрикантов направляло Общество фабрикантов лопчатобумажной промышленности, возникшее в начале 1913 года [70]. него входили участники картельных соглашений московских (Прохо-овская, Даниловская мануфактуры и др.) и иваново-вознесенских сит-евиков (товарищества мануфактур Н. Дербенева, Н. Гарелина и др.). озданная обществом 3 декабря 1913 г. комиссия по рабочему вопросу о 1 января 1915 г. провела 22 заседания [71]. На 21-м заседании 28 июня 914 г. комиссия обсуждала вопрос о праве фабрикантов увольнять ра-очих в случае забастовок [72]. Особое внимание комиссия уделяла согла-ованным действиям по проведению в жизнь только что введенных зако-ов о страховании рабочих. Секретариат общества разработал и напра-ил членам его примерный устав и формы документации для больнич-ых касс. Фабриканты всеми средствами стремились ограничить даже те ебольшие права, которые были предоставлены рабочим в соответствии законами о страховании. Комиссия приняла также решение о необхо-имости сокращения числа праздничных дней [73].

Накануне первой мировой войны среди участников картеля москов-ких ситцевиков отчетливо прослеживалась тенденция к централизации группированию производства. В начале 1914 г. в Москве было создано Товарищество на паях для внутренней и вывозной торговли мануфак-урными товарами» (сумма основного капитала — 15 млн. руб.).

Печать того времени называла это объединение ситцевым синдика-ом [74]. Аналогичная оценка этой организации дается и в историко-эконо-

---

[67] ГИАМО, ф. 143, оп. 2, д. 146, лл. 5—18.
[68] Е. Д. Черменский. Указ. соч., стр. 148—149, 170.
[69] Рукописный отдел библиотеки имени В. И. Ленина (РОБИЛ), ф. 260, пап-VIII, ед. хр. 7, л. 2.
[70] «Утро России», № 110, 19 мая 1914 г; ГИАМО, ф. 143, оп. 1, д. 219а, лл. 60—61.
[71] ГАЙО, ф. 108, оп. 1, д. 1500, л. 7.
[72] Там же, д. 1628, лл. 17—19.
[73] ГИАМО, ф. 341, оп. 5, д. 353, лл. 1, 7—11.
[74] «Петербургский курьер», № 86, 18 апреля 1914 года.

мической литературе [75]. Дело в том, что устав «Товарищества на паях» напоминал уставы тех многочисленных контор по сбыту изделий («Продамет», «Продуголь» и проч.), за невинной вывеской которых скрывались мощные синдикаты. Однако его сходство с этими синдикатами было в значительной мере чисто внешним. Паи его принадлежали трем товариществам: Н. Коншина (6,5 млн. руб.), А. Гюбнера (4 млн. руб.) и Даниловской мануфактуры (4,4 млн. руб.). Организатором товарищества был Н. А. Второв, который скупил паи товарищества А. Гюбнера и вошел в соглашение с фирмой Л. Кнопа. Совместно они контролировали также товарищества Н. Н. Коншина [76] и Даниловской мануфактуры. Члены совета и правления «Товарищества на паях» являлись в то же время членами правлений и ревизионных комиссий указанных трех предприятий, в которых решающая роль принадлежала группе Второва — Кнопа [77].

Взаимоотношения предприятий, объединившихся в «Товариществе на паях», также свидетельствуют о более прочных и глубоких связях, чем те, которые присущи монополистическим союзам синдикатского типа. В докладе правления товарищества Н. Н. Коншина общему собранию пайщиков от 11 марта 1914 г. цели объединения были определены следующим образом: «Поставив себе задачею сокращение торговых расходов и понижение процента на делькредере, правление пришло к заключению, что задачи эти наилучшим способом могли быть осуществлены путем отделения торговли от фабричного производства и передачи ее одному солидному контрагенту, который и явится на рынке продавцом товаров нашего товарищества» [78]. В бюллетене товарищества Э. Циндель дана еще более точная оценка характера и целей этого объединения: «Несомненно, что такое объединение имеет свои крупные преимущества, заключающиеся главным образом в устранении конкуренции между этими фирмами, сокращении торговых расходов и, как результат централизации, в облегчении управления» [79]. Аналогичную оценку дает хорошо информированная в этих вопросах газета «Утро России»: «Выгоды объединения заключаются в общей организации кредита, складов, торговых расходов, регулировании производства и в борьбе с недобросовестными плательщиками» [80].

Об облегчении управления предприятиями, как результате централизации, и о регулировании производства в докладе правления товарищества Н. Н. Коншина пайщикам не было сказано ни слова. Такая «забывчивость» вполне понятна. Дело в том, что вопрос об объединении двух из трех предприятий, вошедших в «Товарищество на паях», усиленно обсуждался еще в 1910 году [81]. Однако проект этот не был тогда осуществлен, так как инициаторам объединения не удалось преодолеть сопротивления части акционеров.

Мотивы слияния предприятий в 1910 г. сводились к следующему: «1) общность предприятий и тесная связь их друг с другом; 2) несмотря на почти полную тождественность участников обоих товариществ и пред-

[75] С. А. Загорский. Синдикаты и тресты. СПБ. 1914, стр. 108; П. А. Хромов. Экономическое развитие России в XIX—XX вв. М. 1950, стр. 328—329.

[76] «Утро России», № 45, 23 февраля 1914 г.; «Известия Общества заводчиков и фабрикантов Московского промышленного района», 1914, № 5, стр. 25—26; журнал «Хлопчатобумажная промышленность», 1918, № 5, стр. 1; ЦГИАЛ, ф. 32, оп. 1, д. 348, лл. 198—199.

[77] ГИАМО, ф. 51, оп. 10, д. 219, лл. 5—6; д. 353, лл. 2, 5, 26; «Фабрично-заводские предприятия Российской империи». СПБ. 1914, К-535.

[78] ГИАМО, ф. 673, оп. 7, д. 168, л. 9.

[79] ЦГИАЛ, ф. 32, оп. 1, д. 348, л. 198.

[80] «Утро России», № 45, 23 февраля 1914 года. Газета подчеркивала, что в результате объединения предприятия «не потеряли своей самостоятельности».

[81] Речь шла об объединении товариществ Н. Н. Коншина и Даниловской мануфактуры (товарищество А. Гюбнера находилось тогда в руках французских капиталистов). ГИАМО, ф. 673, оп. 7, д. 6, лл. 442—444, 447—448.

ставляя, таким образом, одно органически связанное целое, предприятия эти являются раздельными лишь с юридической стороны, что лишь заставляет их созывать отдельные общие собрания пайщиков и составлять особые отчеты и балансы, а также вести между собою много излишней переписки, заключать ненужные торговые сделки и т. д.; 3) кроме того, раздельность товариществ связана с крупными совершенно непроизводительными расходами по содержанию отдельных правлений, контор и прочих администраций» [82]. Основная цель объединения — централизация аппарата управления производством — выражена здесь достаточно отчетливо, тенденция к группированию предприятий налицо.

В 1914 г. вновь проявилась та же тенденция. Однако объединились уже не два, а три предприятия, формы объединения были более гибкими. Фактическое объединение управления производством всех трех предприятий (хотя коммерческо-финансовая самостоятельность каждого из них сохранялась) выдавалось за объединение одних только торговых операций. Правление группы формально являлось правлением особого торгового предприятия, имевшего единственную цель — улучшить условия сбыта трех якобы самостоятельных предприятий. На самом деле оно безусловно определяло направление развития производства и производственную деятельность каждого предприятия.

Мелкие акционеры формально не могли возразить против участия своих «самостоятельных» предприятий в «Товариществе на паях», хотя в результате фактического объединения трех предприятий их позиции еще более ослабли. Выгоды же объединения для его инициаторов видны хотя бы из того, что вознаграждение за занимаемые ими должности являлось для них крупным источником дополнительных доходов. Н. А. Второв, например, в 1915/16 операционном году получил более 400 тыс. рублей. Только за свой «труд» в качестве председателя правления «Товарищества на паях» он получил 153 тыс. рублей [83].

«Товарищество на паях» в начале апреля 1914 г. разослало клиентуре объединенных предприятий циркуляр о том, что исключительное право продажи всех их изделий переходит к товариществу [84]. Взаимоотношения трех текстильных предприятий с товариществом не похожи на взаимоотношения синдикатов со своими контрагентами. Являясь владельцами всех акций товарищества, они могли продавать свои ткани с огромной скидкой, так как в конечном итоге прибыль попадала по своему прямому назначению. На заседании правления товарищества Н. Н. Коншина, например, 2 апреля 1914 г. было принято решение о скидке в 26,5% с цены товаров, отпускаемых «Товариществу на паях» [85]. Подобные решения, безусловно, принимались и двумя другими предприятиями. Вместе с тем необходимо отметить, что формально взаимоотношения трех предприятий и объединявшего их товарищества строились на чисто коммерческой основе. Товар «продавался» и «покупался». Между «покупателем» и «продавцом» оформлялась соответствующая «документация» [86]. Некоторые коммерческие операции производились непосредственно самими предприятиями. Так, Даниловская мануфактура продавала пряжу и покупала суровые ткани у администрации товарищества Мараевой. В 1916 г. это же предприятие купило 30 тыс. аршин шелка и заключило соглашение о его отделке с товариществом Ю. Ф. Ватреме [87]. Подобные внутренние операции, очевидно, санкционировались правлением «Товарищества на паях».

---

[82] Там же, лл. 448—449.
[83] Там же, ф. 51, оп. 10, д. 219, лл. 5—6; д. 353, лл. 2—5, 26; д. 339, л. 2; д. 340, л. 15.
[84] Там же, ф. 673, оп. 7, д. 160, л. 42.
[85] Там же, д. 168, л. 2.
[86] Там же, ф. 331, оп. 1, д. 1463, лл. 89, 90, 91, 100, 103, 108, 110, 131.
[87] Там же, д. 1467, лл. 17, 254, 255, 281—282.

Объединение трех предприятий, хотя оно и было началом создания организации монополистического типа, нельзя считать синдикатом еще и потому, что удельный вес их продукции был все-таки мал, чтобы они могли выполнять роль подобного монополистического объединения. На этих предприятиях производилось 7 млн. (37%) из 18—19 млн. кусков московского ситца, производимого на всех предприятиях [88]. Показательно также и то, что «Товарищество на паях» не являлось объединением однородных предприятий. В 1915 г. в него влилось товарищество А. Г. Гусева, имевшее лишь ткацкую и красильную фабрики. Форма объединения также была весьма своеобразной. Товарищество А. Г. Гусева не могло быть четвертым равноправным членом объединения. Оно скорее принадлежало «Товариществу на паях». Группа Второва — Кнопа приобрела 51% паев этого товарищества (356 из 700) [89].

Создание такого крупного объединения, как «Товарищество на паях», не могло не изменить соотношения внутри картеля московских ситцевиков. Остальные предприятия, входившие в картель, вынуждены были консолидировать свои силы. Даже в товариществе Э. Циндель, где влияние группы Кнопа — Второва было достаточно сильным, деятельность ее вызвала настороженность. Большая часть пайщиков составила оппозицию, возглавлявшуюся, видимо, А. Л. Керковым [90]. Действуя в соответствии с требованиями большинства пайщиков, правление должно было предпринять некоторые недружелюбные действия по отношению к «Товариществу на паях». Газета «Коммерческий телеграф» 30 июля 1914 г. сообщала, что между товариществом Э. Циндель и Прохоровской трехгорной мануфактурой существует негласное соглашение действовать в противовес «Товариществу на паях».

Однако эти трения не успели обостриться и не привели к распаду картеля. Он продолжал действовать. В сентябре 1914 г. предприятия, объединенные в нем, обратились к торговым фирмам с циркуляром, в котором говорилось, что они решили совместно рассматривать «каждый отдельный случай прекращения платежей в районе, где введен мораторий, заканчивать расчеты совместно и в случае явно злостного характера неплатежа закрывать навсегда кредит злоупотребившему доверием покупателю». От имени трех объединенных предприятий циркуляр был подписан правлением «Товарищества на паях» [91]. 13 октября 1914 г. состоялось новое совещание участников картеля, на котором было решено повысить цены на ситец и другие ткани. В картеле по-прежнему обсуждались и решались вопросы о размерах производства [92].

В годы войны товарищество Э. Циндель продолжало выпускать свои бюллетени. В одном из них в конце 1916 г. было высказано резко отрицательное отношение картеля к твердым ценам на готовые хлопчатобумажные изделия, установленным царским правительством. В печати этот бюллетень получил название «Мануфактурного манифеста». В нем фабриканты заявляли: «Независимо от того, будет ли нормирована цена на готовый товар, в отношении ситца можно уже теперь с уверенностью сказать, что в недалеком будущем предстоит его повышение» [93]. Деятельность картеля продолжалась и после Февральской революции [94].

---

[88] ЦГИАЛ, ф. 32, оп. 1, д. 348, лл. 198—199; «Утро России», № 147, 26 февраля; № 89, 18 апреля 1914 года.

[89] ГИАМО, ф. 51, оп. 10, д. 322, л. 3; Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства (ЦГАОР и СС), ф. 5457, оп. 2, д. 8, лл. 27—28; ГАОР и СС МО, ф. 2122, оп. 1, д. 83, лл. 1—2.

[90] «Вестник мануфактурной промышленности», 1913, № 5 (50), стр. 2496.

[91] «Коммерческий телеграф», № 494, 15 октября 1914 года.

[92] ГИАМО, ф. 774, оп. 1, д. 1539, л. 5.

[93] «Коммерческий телеграф», № 1079, 12 декабря 1916 года.

[94] ГИАМО, ф. 774, оп. 1, д. 1578, л. 9; «Коммерческий телеграф», № 1244, 9 августа 1917 года.

Подведем некоторые итоги. В хлопчатобумажной промышленности оссии в эпоху империализма фабрикантами и банками проводилась ли- ия на монополизацию сбыта тканей. На завершающей стадии цикла лопчатобумажного производства одно за другим возникали кратковре- енные и создавались первые устойчивые монополистические объедине- ия. В общей сложности выявлено 10 более или менее устойчивых мо- ополистических соглашений [95]. Однако их было, по-видимому, значи- ельно больше. Все они, несмотря на различия в устойчивости, эффек- ивности и продолжительности своей деятельности, различными спосо- ами стремились организовать сбыт продукции по монопольно высоким енам, преследовали цели, присущие монополистическим союзам капи- алистов. Организуя солидарные действия капиталистов в борьбе за аксимально высокие прибыли, эти объединения проводили и последо- ательно осуществляли усиление эксплуатации рабочих, обеспечивали аступление предпринимателей на рабочий класс единым фронтом.

Характерной особенностью монополизации хлопчатобумажной про- ышленности являлось преобладание первичных, низших форм монопо- истических соглашений. Крупные монополистические объединения в за- ершающем цикле хлопчатобумажного производства так и не разви- ись дальше картеля. Для обеспечения текущей работы существовав- их картельных соглашений порой использовались архаичные формы комитет торговли и мануфактур Иваново-Вознесенска). Некоторое сключение представляла группа комбинированных предприятий, создан- ая Второвым — Кнопом («Товарищество на паях для внутренней и вы- озной торговли мануфактурными товарами»). В этом объединении име- ись все потенциальные возможности (группирование предприятий, лич- ая уния и т. п.) для перерастания его в крупный хлопчатобумажный рест. Особо стоит также кружевной синдикат, где предприятие, воз- лавлявшее объединение, постепенно скупало другие предприятия, уча- гвовавшие в соглашении, организуя небольшой трест.

Отсталость и недоразвитость монополистических объединений в лопчатобумажной промышленности обусловливались слабостью нацио- ального финансового капитала, слабым влиянием банков на развитие той отрасли народного хозяйства. Только в исключительных случаях Русское экспортное товарищество) крупнейшие петербургские банки онтролировали объединения, созданные московскими фабрикантами. Известно также, что они редко владели паями хлопчатобумажных пред- риятий Центрального промышленного района. Московские банки, со- данные самими фабрикантами, ввиду своей слабости до войны не стали ще центрами создания монополистических союзов высшего типа (тре- ты, концерны). Значительное количество узкоспециализированных объ- динений и соглашений в хлопчатобумажной промышленности объяс- яется также дробностью специализации предприятий. В свою очередь, го явление было следствием незавершенности процесса централизации роизводства второстепенных специализированных профилей, где преоб- адали мелкие и средние промышленные заведения.

---

[95] 1) Соглашения лодзинских фабрикантов (1900—1907), 2) соглашения москов- ких мануфактуристов (1900—1904), 3) соглашение фабрикантов пунцовых тканей 900), 4) картели московских ситцевиков (1904—1917), 5) соглашения иваново-возне- енских ситцевиков (1904—1917), 6) соглашение владельцев фабрик, выпускавших чер- ые триковые ткани (1913), 7) соглашение владельцев фабрик, отделывавших бархат и люш (1913), 8) кружевной синдикат (1913), 9) картель красильно-аппретурных фаб- икантов (1912—1917), 10) экспортный синдикат (1909—1917).

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ФРАНЦУЗСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ РКП(б) в 1918—1919 годах

Л. М. Зак

Деятельность иностранных групп РКП(б) в первые годы Великой Октябрьской социалистической революции — яркое свидетельство братских интернациональных связей большевистской партии.

В последнее время появились работы и публикации о Федерации иностранных групп и об отдельных группах [1]. Однако исследованию деятельности Французской коммунистической группы, членов которой В. И. Ленин назвал нашими французскими интернационалистами [2], до сих пор не уделялось должного внимания. Между тем ее история представляет интерес как для советской науки, так и для прогрессивных сил Франции [3].

В коммунистической французской литературе, в частности в новой книге Жана Фревиля «Инесса Арманд — выдающийся деятель русской революции» [4], имеется лишь краткое упоминание о работе этой группы. Французские историки не располагают источниковедческой базой для исследования данной темы. Советская партийная печать и отдельные документы наших архивов позволяют проследить в главных чертах историю создания и основные направления деятельности группы.

Ценнейшим источником являются сохранившиеся в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС протоколы [5], некоторые материалы и списки участников группы. Большой интерес представляет газета «III-e Internationale», издававшаяся группой в Москве в 1918—1919 гг. и в настоящее время являющаяся библиографической редкостью [6], так же как и единственный номер журнала «Demain» («Завтра»), вышедший в 1919 г. и содержащий годичный отчет о работе группы.

Ряд листовок и воззваний, изданных и подписанных Французской коммунистической группой, обнаружен в различных центральных и местных архивохранилищах (Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма, Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства, Центральный государственный архив Октябрьской революции УССР (Харьков), фонд Музея рево-

---

[1] См. «Интернациональные группы РКП(б) и воинские формирования в Советской России (1918—1920 гг.)». «Исторический архив», 1957, № 4; Б. Б. Медведев. Октябрьская революция и иностранные интернационалисты в России. «40 лет Великой Октябрьской социалистической революции». Сборник статей. М. 1957; «Коммунистические листовки и воззвания к солдатам Антанты». «Исторический архив», 1958, № 1, и др.

[2] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 28, стр. 143.

[3] На страницах журнала «Cahiers du communisme» (1958, № 3) высказывалось пожелание французских товарищей подробнее узнать о деятельности этой группы.

[4] Jean Fréville. Inessa Armand, une grande figure de la Révolution russe. Paris. 1957.

[5] Один из них опубликован в журнале «Исторический архив», 1957, № 4.

[6] Полный комплект этой газеты имеется лишь в Государственной публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

люции СССР, Одесский областной партийный архив, Одесская научная библиотека имени А. М. Горького и другие) [7].

Создание и деятельность Французской коммунистической группы характеризуются особыми чертами.

Как известно, вскоре после победы Великой Октябрьской социалистической революции среди военнопленных и революционных эмигрантов, находившихся в России, возникло широкое интернационалистское движение солидарности с Советской республикой. Это движение привело к образованию весной 1918 г. ряда коммунистических групп: венгерской, немецкой, южнославянской, чешско-словацкой и многих боевых отрядов интернационалистов. В мае того же года под председательством Бела Куна была создана Федерация иностранных групп при ЦК РКП(б).

30 августа в «Правде» было напечатано краткое сообщение под названием «Англо-французская коммунистическая группа». «В то время, когда англо-французские бандиты нападают на пролетарскую революцию,— говорилось в сообщении, — долг каждого честного социалиста — собрать все революционные силы для того, чтобы открыть глаза здесь живущим английским и французским гражданам на ложь и клевету, распространяемую провокаторами и шпионами, а также защитниками капиталистического строя; не меньший долг — известить одураченных солдат Англии и Франции, с какими целями и против кого они в действительности обнажают свой меч на Мурмане». В конце сообщения инициативная группа приглашала «всех товарищей, говорящих на французском и английском языках и сочувствующих нашим идеалам», на собрание, объявленное на этот же день. В повестке дня стояли доклад по текущему моменту на английском и французском языках и организация объединенной англо-французской коммунистической группы. На собрание приглашались также члены других иностранных коммунистических групп и партийные работники райкомов, МК и ЦК РКП(б).

Именно в этот день, 30 августа 1918 г., было совершено злодейское покушение на В. И. Ленина. На другой день все газеты были полны материалами, разоблачавшими империалистических заговорщиков и эсеровских убийц, письмами трудящихся, выражавшими свой гнев и возмущение действиями врагов революции и проявлявшими глубокую тревогу и заботу о здоровье любимого вождя. Вероятно, поэтому информация о состоявшемся собрании группы была опубликована с опозданием и без указания даты. Заседание группы, очевидно, состоялось, как и было намечено, 30 августа, еще до злодейского покушения [8]. Если бы оно было созвано позже, то событие, потрясшее всю страну, несомненно, нашло бы отражение в выступлениях докладчиков.

В сообщении о первом собрании объединенной группы отмечается, что оно «прошло под знаком организационной деятельности» [9]. Был намечен план организации клуба, чтения лекций и созыва митингов. Докладчик, выступавший на французском языке, разъяснил, что интернациональный долг каждого коммуниста — поддержать завоевания Великого Октября и этим содействовать развитию революции в своей стране. «В настоящее время, — говорилось в докладе, — на Мурмане высадились англо-французы. Разумеется, французские и английские солдаты не знают, что происходит в России. Если бы они узнали, то революционное движение во Франции пошло бы несравненно более быстрыми темпами. Мы должны повести агитацию, чтобы довести до сознания западноевропейского рабочего класса, что такое большевики. Если бы рабочие За-

[7] Публикация некоторых листовок имеется в журнале «Исторический архив», 1958, № 1.

[8] В протоколах VIII съезда РКП(б) датой образования группы зафиксирован август 1918 года. См. «Протоколы VIII съезда РКП(б)». Стенографический отчет. М. 1933, стр. 217.

[9] «Правда», 4 сентября 1918 года.

пада знали это достаточно ясно, то они никогда не позволили бы душить русскую революцию». Фамилия оратора, выступавшего на французском языке о текущем моменте, сообщается в другом документе. Это была Жанна Лябурб, инициатор создания Французской коммунистической группы [10].

Жанна Лябурб родилась 8 апреля 1877 г. в деревушке Лапалис, близ Виши [11], в крестьянской семье. С детских лет она испытала нужду и тяжелый крестьянский труд: пасла скот, была гладильщицей. Когда Жанне исполнилось18 лет, она поступила в качестве гувернантки в польскую семью, приехавшую в Виши, и вскоре вместе с нею уехала в Польшу, в г. Томашов.

В 1903 г. Ж. Лябурб вернулась на родину, чтобы сдать экзамен на аттестат зрелости, а затем снова возвратилась в Польшу. Именно в этот период Жанна стала интересоваться социальными вопросами, много читала, изучала марксистскую литературу и постепенно включилась в работу ППС-левицы. Пользуясь своим паспортом французской гражданки, она переправила за границу немало русских революционеров, выполняла трудные обязанности партийного курьера. Жанна Лябурб приняла активное участие в революции 1905 года. В это время она вступила в ряды большевистской партии, став первой француженкой-коммунисткой. За революционную работу Жанна дважды высылалась из России [12]. Октябрьская революция застала Ж. Лябурб в Москве, где она работала учительницей. Жанна целиком окунулась в партийную работу. С тех пор, как отмечали ее товарищи, «все свое свободное время и все свои силы она отдает пропаганде среди французов, проживающих в Москве, стремясь в них посеять семена коммунистических идеалов» [13]. При ее активном участии в Москве в середине 1918 г. был организован клуб интернационалистов-коммунистов «Третий Интернационал», задачей которого было проведение систематической политической и культурно-просветительной работы среди иностранцев, живших в Советской России.

В августе 1918 г. Жанна Лябурб приняла активное участие в организации Французской коммунистической группы.

В Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма имеется интересный документ-записка В. И. Ленина Г. В. Чичерину от 19 августа 1918 года. В ней В. И. Ленин писал, что направляет для беседы к наркому иностранных дел «camarade Jeanne Labourbe» («товарища Жанну Лябурб»), о которой они уже ранее говорили.

Эта записка дает основание полагать, что В. И. Ленин принял Жанну Лябурб и имел с ней беседу, после которой направил ее к Чичерину, вероятно, для подробной информации о положении дел во Франции. О личной беседе Ж. Лябурб с В. И. Лениным имеются сведения и в годовом отчете о работе Французской коммунистической группы, где сообщается, что Жанна Лябурб «видела Ленина, и он выразил ей свое одобрение» [14].

---

[10] См. Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ), ф. 17, оп. 4, д. 96, лл. 5, 27.

[11] Следует отметить чрезвычайную скудость биографических сведений о Ж. Лябурб. В сборниках «Борці за жовтень» (Одесса. 1957) и «Дело трудящихся всего мира» (М. 1957), а также в книге Г. Коновалова «Иностранная коллегия» (Одесса. 1958) приводится ряд неточных сведений о Жанне Лябурб и не раскрывается ее деятельность в составе Французской коммунистической группы.

Автор настоящей статьи приносит сердечную благодарность французскому историку-коммунисту Жану Фревилю, сообщившему ряд ценных сведений биографического характера, которые он получил у секретаря федерации служащих ВКТ Густава Марсо, дальнего родственника Ж. Лябурб.

[12] До сих пор не обнаружено архивных материалов, раскрывающих деятельность Ж. Лябурб в г. Томашове. Будем надеяться, что польские историки помогут восполнить этот пробел.

[13] «Протоколы VIII съезда РКП(б)», стр. 310.

[14] «Demain». Pages et documents. Organe du groupe communiste français de Moscou, 1919, № 31, p. 33.

В отчете отмечается выдающаяся роль Ж. Лябурб в организации Французской коммунистической группы. Благодаря энергии, настойчивости и активности ей удалось привлечь работников, найти бумагу, типографию, установить связь с Наркоматом иностранных дел.

«Она лично, с присущей ей огромной энергией, выполняла всепоглощающую кропотливую работу, проводя многочисленные мероприятия (группы) в Москве, — говорится в отчете. — Особенно плодотворной была ее пропагандистская работа» [16].

4 сентября 1918 г. состоялось второе заседание англо-французской группы. В протоколе этого заседания [17] рукою Жанны Лябурб, избранной секретарем собрания, записано предложение И. Ф. Арманд начать немедленно активную пропаганду среди французских рабочих, находившихся в Москве. Рассказав о трудностях индивидуальной работы, Ж. Лябурб предложила обсудить вопрос об организации группы. Очевидно, в результате этого обсуждения было принято решение основать раздельно английскую и французскую группы, для чего выступить с обращением к рабочим, выходцам из Франции и Англии, жившим в России, а также присоединиться к Федерации иностранных групп. Секретарем Французской группы единодушно была избрана Жанна Лябурб.

На круглой печати группы, сохранившейся в архиве [18], было вырезано: «Российская коммунистическая партия. Французская группа в Москве». Как участник Федерации иностранных групп при ЦК РКП(б), группа зачастую называлась Французской секцией РКП(б).

Французская коммунистическая группа состояла из французов, живших в Советской России. Кроме того, в ее состав входили русские коммунисты, знавшие Францию и связанные с нею либо по рождению, либо долгими годами жизни и революционной борьбы. Общее число членов группы было небольшим — около 20 человек. В сохранившемся списке за 1919 г. указаны: рабочий-металлист Роберт Дэм, работавший в Сормове; рабочий газового завода Эрнест Руллиэ; бывший ремесленник, а затем солдат-артиллерист Жак Цукорция; инженер-механик Эдмонд Розие; наборщик Марсель Боди; учительница французского языка, дочь парижской коммунарки, Розалия Барберэ и ее сын-студент Анри; прибывшие из Киева учительница Деполье и служащий Жорж Гельфер [19]. В составе группы были некоторые сотрудники и солдаты французской военной миссии генерала Лаверня в Москве. «Они, — как отмечается в отчете, — ежедневно наблюдали преступления и низость своих шефов, и это раскрыло им глаза» [20]. Среди них были лейтенант Пьер Паскаль, солдат Робер Пети и его жена учительница Мария-Луиза Пети, Рауль Шапоан, а позже — Сюзанна Жиро [21]. Кроме французов, членов РКП(б), в группу входили сочувствующие: учителя и переводчики Бомбой, Лавали, моряк Леру. К группе также принадлежали румынские коммунисты, владевшие французским языком, Дик и Николау [22].

Большую работу в группе вела И. Ф. Арманд — известный деятель большевистской партии [23]. Будучи талантливым организатором, опытным публицистом и пропагандистом, она оказывала серьезное влияние на деятельность группы.

В октябре 1918 г. в группу вступил Жак Садуль. В сентябре 1917 г. он был послан французским правительством в Россию в качестве полити-

---

[16] Там же.

[17] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 96, л. 6. Французская коммунистическая группа действовала также некоторое время непосредственно под руководством Отдела советской пропаганды ВЦИКа (см. «Протоколы VIII съезда РКП(б)», стр. 436).

[18] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 96, лл. 3 об, 10.

[19] Там же, оп. 5, д. 48, лл. 43—45.

[20] «Demain», 1919, № 31, p. 33.

[21] См. Jean Fréville. Указ. соч., стр. 139.

[22] «Demain», 1919, № 31, p. 45.

[23] См. «Славные большевички». М. 1958, стр. 73—88.

ческого наблюдателя и прикомандирован к французской военной миссии в Петрограде, а затем в Москве. Он добросовестно выполнял возложенное на него поручение, информировал французское правительство о событиях русской революции, не извращая действительности в угоду своим империалистическим хозяевам. Правдивость Садуля резко выделяла его голос среди шумного хора клеветников. Его письма, адресованные во Францию Р. Роллану, А. Барбюсу, а также различным политическим деятелям, становились опасными для монополистических заправил. В то же время французский рабочий класс, передовые люди страны с радостью встречали правдивые вести из Советской России. Письма Садуля зачитывались на рабочих собраниях.

Глубокое влияние оказала на Садуля встреча с В. И. Лениным, который порекомендовал ему порвать с французским правительством и опубликовать свои письма [24]. Под влиянием советской действительности Садуль преодолевал свои ошибки и заблуждения: из наблюдателя он стал сторонником, а затем и активным борцом революции.

С началом интервенции Антанты против Советской республики французская миссия покинула Москву, а капитан Садуль остался в советской столице, выступив со следующим заявлением: «Вооруженное вмешательство союзных бандитов и их вассалов в дела рабоче-крестьянской России ни в какой мере не может быть признано войной французского народа с русским. Это война буржуазии против пролетариата, эксплуататоров против эксплуатируемых. В этой классовой борьбе место всякого искреннего социалиста, а следовательно, и мое — в рядах пролетарской армии, против армии буржуазной... Я вступаю в Красную Армию» [25].

В. И. Ленин в заключительном слове на собрании партийных работников Москвы в ноябре 1918 г. упомянул о капитане Садуле, «который присоединился к большевизму» [26].

Французская буржуазная пресса обливала Садуля потоком грязной клеветы. Но это лишь увеличило его популярность среди рабочих Франции. Французское правительство трижды заочно приговаривало Садуля к смертной казни [27]. Но народ Франции, зная Садуля как защитника русской революции, высказывал ему свое уважение.

Став членом Французской коммунистической группы, Садуль выступал в печати, писал листовки, брошюры, обращения к французским солдатам, рабочим и крестьянам. Садуль стал популярным во Франции. Поэтому иногда его именем подписывались листовки и обращения, являвшиеся результатом коллективного труда [28].

Еще на заседании 4 сентября 1918 г. Французская коммунистическая группа приняла решение об издании газеты. «Первым делом нашей группы, — записано в протоколе, — должна быть борьба против клеветы буржуазной прессы наших стран, осведомление французских солдат о настоящем положении» [29].

Французские интернационалисты принимали участие в газете «Коммуна», органе Федерации интернациональных групп РКП(б), которая издавалась в Петрограде и состояла из статей, опубликованных на английском, французском и немецком языках. Первый номер этой газеты вышел 7 ноября 1918 года. Французская группа, как секция Федера-

---

[24] См. В. А. Деготь. Под знаменем большевизма. М. 1933, стр. 306—307. Письма Садуля были опубликованы во Франции в 1919 году. («Notes sur la Révolution bolchevik». Paris. 1919).

[25] «Коммунистический Интернационал», 1919, № 7—8, стр. 1118.

[26] В. И. Ленин. Соч. Т. 28, стр. 198.

[27] Эти приговоры тяготели над Ж. Садулем до марта 1925 года.

[28] Свои воспоминания об этом периоде Ж. Садуль изложил в книге «La Naissance de l'URSS. De la nuit féodale à l'aube socialiste. Histoire économique, politique et sociale de l'URSS», вышедшей в Париже в 1946 году.

[29] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 96, л. 3.

ции, опубликовала в нем статью, посвященную великой годовщине Октября [30].

Однако, отмечала группа, чтобы наладить «издание еженедельного органа для сплочения коммунистических элементов французского языка и для ознакомления с коммунизмом французских войск на фронтах и товарищей из Франции», необходимо было выпускать специальную газету на французском языке [31]. На решение этой задачи были направлены главные усилия группы. Еще на первом организационном собрании группы была создана редакционная комиссия [32], в которую вошли Инесса Арманд (псевдоним Елена Блонина), Жанна Лябурб, Анри Барберэ [33], Эбенгольц и Н. Тихменев. Редколлегия на собрании 6 сентября так определила цели газеты: «1) осведомление рабочих Франции, Бельгии и Швейцарии о русской революции; 2) агитация на фронтах среди французских солдат в России; 3) организация живущих в России французских, бельгийских и швейцарских пролетариев» [34]. Предполагалось издавать газету еженедельно, тиражом в 10 тыс. экземпляров и назвать ее «La Révolution socialiste» («Социалистическая революция»).

9 сентября была составлена смета для издания газеты, а через два дня в ЦК РКП(б) был направлен «Доклад о предполагаемой к изданию Французской коммунистической группой газеты» [35]. В октябре 1918 г. в дополнение к этому докладу И. Арманд сообщала о привлечении к работе новых товарищей — Н. Нюрина и М. Мартинса вместо выбывших Н. Тихменева и Эбенгольца, а также об утверждении нового названия газеты — «III-e Internationale» («III Интернационал») [36].

Газета «III Интернационал»—орган Французской коммунистической группы, или, как она называлась, Французской секции РКП(б), издавалась на французском языке в Москве. С 20 октября 1918 г. по 1 марта 1919 г. было выпущено всего 16 номеров. Газета распространялась среди французов, бельгийцев и швейцарцев, проживавших в России. Она также доставлялась на те участки фронта, где находились французские войска интервентов. И, наконец, различными путями ее пересылали во Францию [37]. «Наша цель заключалась в том, чтобы добраться до французского пролетариата повсюду, где мы находили его представителей,— в Москве, в интервенционистских армиях и, наконец, во Франции. Мы знаем сегодня,— заявляли члены группы, в конце 1919 г.,— что эта цель была достигнута, потому что «III Интернационал» был известен на фронтах и вызвал шум во Франции... К счастью, не существует ни цензуры, ни пограничных застав, которые смогли бы остановить правду» [38].

Первый номер газеты «III Интернационал» открывался обращением «К трудящимся Франции»: «Алчные капиталисты Антанты стремятся послать своих солдат к самому сердцу России, чтобы уничтожить русскую революцию. Надо, чтобы крестьяне и рабочие Франции отказались быть убийцами своих братьев — крестьян и рабочих России» [39]. Так с первых слов обращения газета призывала трудящихся Франции к выполнению своего интернационального долга. В газете публиковались также призывы к французским солдатам, посланным душить русскую революцию, повернуть оружие против своего внутреннего врага. Было опубли-

[30] «Коммуна», 1918, № 1.
[31] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 4, д. 48, л. 41.
[32] Там же, оп. 1, д. 96, л. 3.
[33] Молодой коммунист Анри Барберэ был убит агентами германских империалистов в предместьях Одессы в 1919 году. Там же, оп. 4, д. 48, л. 43.
[34] Там же, оп. 1, д. 96, л. 8.
[35] Там же.
[36] Там же, л. 10.
[37] Там же, д. 96, л. 8.
[38] «Demain», 1919, № 31, p. 33.
[39] «III-e Internationale», 20 октября 1918 года.

ковано «Обращение трудящихся Петрограда к их товарищам во Франции, Англии, Америке» [40].

Газета «III Интернационал» разоблачала замыслы Антанты. На большом документальном материале она показывала, какие цели преследуют интервенты. В первом номере газеты были перепечатаны выдержки из французской буржуазной газеты «L'Echo de Paris» от 9 сентября 1918 г., которая признавалась: «Союзники заявили о своем твердом намерении не вмешиваться во внутренние дела России. Абсурдное заявление! Мы идем в Россию, чтобы сломить власть большевиков. Хотят этого или нет, но это означает вмешательство во внутренние дела России. Утверждать обратное, значит хотеть перейти море по суху» [41].

В речи на Чрезвычайном VI Всероссийском съезде Советов 8 ноября 1918 г. В. И. Ленин рассказал об этом признании французской буржуазной газеты, отметив, что его цитируют «наши французские интернационалисты, которые публикуют в Москве газету «Третий Интернационал». В. И. Ленин подчеркивал большое значение публикации подобных материалов для разоблачения целей интервентов. «И разумеется, сотни тысяч французских рабочих эту маленькую цитату знают и не одну эту, и видят, что все заявления их правителей, их буржуазии сплошная ложь» [42],— указывал Владимир Ильич.

В своих выступлениях группа раскрывала величие революции в России. «Мы, французские социалисты, присутствующие при великих усилиях, проявляемых русским пролетариатом, чтобы разбить свои цепи, понимаем, какую дань восхищения и признания должны оказать трудящиеся мира этому великому народу» [43],— говорилось в одной из статей газеты.

Газета «III Интернационал» систематически освещала борьбу и победы молодой Советской республики. Этот материал, как правило, занимал более половины каждого номера.

Правдивыми рассказами о жизни советских людей, цифрами и фактами опровергала газета ложь буржуазной прессы о Советском государстве, о Красной Армии. Газета стремилась осветить все стороны жизни Советской России: ее борьбу за новую культуру, за развитие науки, за равноправие женщин и т. д. Редакция отмечала, что честный и правдивый рассказ о достижениях советского народа — долг Французской коммунистической группы перед ее французскими товарищами.

Газета «III Интернационал» пропагандировала мирную политику Советской власти, публиковала дипломатические предложения и ноты правительства РСФСР, противопоставляя его открытую и честную внешнюю политику дипломатии империалистов.

Одной из важнейших сторон деятельности Французской коммунистической группы было развитие контактов с революционными элементами во Франции. В условиях иностранной военной интервенции и блокады Советской республики это было чрезвычайно трудным делом. Но, несмотря на все препятствия, связи были установлены. Некоторые материалы из Франции удавалось получать через Голландию и Швейцарию. В одном из номеров газеты сообщалось о товарищах, прибывших из-за границы и привезших информацию о кровавых столкновениях полиции с рабочими Парижа [44]. Французская коммунистическая группа, основываясь на этих данных, а также на сообщениях РОСТА [45], давала на страницах своей газеты обстоятельные материалы о подъеме революционного движения за рубежом, и прежде всего во Франции. Особенно важны были сообщения

[40] «III-e Internationale», 26 ноября 1918 года.
[41] «III-e Internationale», 20 октября 1918 года.
[42] В. И. Ленин. Соч. Т. 28, стр. 143.
[43] «III-e Internationale», 12 января 1919 года.
[44] «III-e Internationale», 20 декабря 1918 года.
[45] ЦПА ИМЛ. ф. 17, оп. 1 д. 96, л. 8 об.

о борьбе французского рабочего класса против вооруженного вмешательства империалистов в дела Советской России [46]. Интересно, что в первом номере газеты за 1919 г. был дан разбор выступлений Марселя Кашена, призывавшего к борьбе против интервенции.

Деятельность группы была проникнута идеями пролетарского интернационализма. 7 ноября 1918 г. ее члены приняли участие в демонстрации в Москве в честь первой годовщины Великого Октября. «Да здравствует социальная революция во Франции!» [47] — читали москвичи на красном стяге, который несли представители группы. Французские товарищи шли в одном ряду с группой немецких коммунистов. Даже стяг у обеих групп был общим: на одной стороне был начертан французский текст, а на другой — немецкий. На Красной площади перед демонстрантами выступил с речью В. И. Ленин. Об этом с большим подъемом рассказала газета своим французским читателям в статье, подписанной инициалами Жанны Лябурб: «Никогда никакое правительство не пользовалось такой поддержкой среди масс, никогда никакая идея не поднимала народ к такому высокому сознанию справедливости и братства... Мы гордимся русским пролетариатом» [48].

5 декабря 1918 г. в Москве состоялся интернациональный митинг с участием представителей трудящихся Индии, Турции, Сербии и других стран. На митинге присутствовали и деятели Французской группы, от имени которой с речью выступил Жак Садуль [49]. Митингу пролетарской солидарности группа придавала большое значение. «Знамение времени» — так было озаглавлено сообщение о нем в газете.

Когда телеграф принес известие о том, что французские солдаты, посланные империалистами для подавления Венгерской Советской Республики, заявили о своем несогласии оккупировать Будапешт, Французская коммунистическая группа приветствовала этот мужественный акт, а также призвала французских солдат, находившихся на территории России, отказаться от борьбы против Советской республики. Она выразила уверенность в том, что подобно гражданам-солдатам на Балканах, которые не стали жандармами Венгрии, французские солдаты не будут палачами русского народа [50].

В конце ноября 1918 г. на Северном фронте в районе Котласа в плен советским воинам добровольно сдались около 50 английских солдат. Французская группа опубликовала письма этих солдат, в которых они разоблачали захватническую политику империалистов и заявляли о своей солидарности с Советской республикой [51]. Газета приветствовала сообщение об отказе группы американских солдат, переброшенных в Архангельск, сражаться против советских войск и выразила уверенность, что «их французские товарищи, находящиеся в России, последуют столь мужественному примеру» [52].

Вскоре на Северном фронте солдаты 21-го полка французской колониальной пехоты самовольно покинули свои позиции и прибыли на ст. Обозерскую, требуя у командования возвращения на родину. «Война Франции закончилась, — заявляли они. — Почему мы должны сражаться здесь, в России?». Командование арестовало и заключило в Архангельскую тюрьму 90 французских солдат. Но это не устрашило остальных. Через несколько дней другой французский батальон покинул свои позиции и вернулся в Архангельск [53].

---

[46] «III-e Internotionale», 12 января 1919 года.
[47] См. Jean Fréville. Указ. соч., стр. 139.
[48] «III-e Internationale», 9 ноября 1918 года.
[49] «III-e Internationale», 12 декабря 1918 года.
[50] «III-e Internationale», 27 декабря 1918 года.
[51] «III-e Internationale», 4 декабря 1918 года.
[52] «III-e Internationale», 27 декабря 1918 года.
[53] См. «К десятилетию интервенции». Сборник. М.-Л. 1929, стр. 218—219.

В конце 1918 г. внимание группы все более привлекали события, происходившие на Украине и в Крыму, где Антанта высадила свои десанты. Начиная с декабря 1918 г. в каждом номере газеты «III Интернационал» освещалось положение на Украине. В последнем, мартовском номере газеты (1919 г.) сообщалось о настроениях французских солдат, находившихся на юге Украины, которые не желали выступать против Красной Армии [54]. Чтобы облегчить изгнание захватчиков, прежде всего французских интервентов, следовало развернуть агитационную работу среди солдат этих войск. В конце января — начале февраля 1919 г. в подполье состоялись городская и областная партийные конференции одесских большевиков. Они приняли решение «усилить и расширить агитацию среди империалистических войск, направленную к скорейшему разложению последних и к разъяснению истинного положения» [55].

Местные партийные организации юга Украины не имели достаточного количества агитаторов-коммунистов, знавших французский язык. Так, в отчете, составленном 11 февраля 1919 г. для ЦК КП(б) Украины, один из руководителей Одесской большевистской организации, И. Клименко (Сергей), требовал присылки в Одессу опытных и закаленных агитаторов-коммунистов для работы среди иностранных войск [56].

Вполне вероятно, что именно эти требования, идущие непосредственно из большевистского подполья на оккупированной интервентами Украине, привели к тому, что ЦК РКП(б) в феврале 1919 г. удовлетворил настойчивую просьбу секретаря Французской группы Жанны Лябурб о посылке ее на нелегальную работу в Одессу, куда она прибыла вместе с четырьмя товарищами, направленными партией для ведения пропаганды среди иностранных солдат [57]. В одесском подполье большевики вели самоотверженную работу. В заброшенных каменоломнях Одесский обком КП(б)У создал под руководством Ивана Смирнова (подпольная кличка — «Николай Ласточкин») подпольную типографию, где печатались газеты «Коммунист» и «Le Communiste», листовки, обращенные к французским солдатам и матросам. Газета «Le Communiste» успешно продолжала дело, начатое газетой «III Интернационал», и часто использовала ее материалы. Так, в первом номере было перепечатано обращение А. М. Горького «К народу и интеллигенции» (речь на интернациональном митинге в Петрограде 27 ноября 1918 г.).

Наряду с листовками, выпускавшимися в подполье, одесские большевики распространяли среди солдат листовки и брошюры, специально издававшиеся для этой цели Французской коммунистической группой в Москве. Это подтверждается телеграммой Временного украинского советского правительства от 8 февраля 1918 г., в которой излагалась просьба срочно прислать из Москвы французскую литературу [58]. Большое распространение среди французских интервенционистских войск имела листовка-обращение «К французским солдатам», подписанная Жаком Садулем. «Товарищи! Ни одного шага по русской земле, против русского народа! — говорилось в этом документе.— Ни одного выстрела против Революции! Все переходите на сторону ваших братьев — русских рабочих и крестьян» [59].

В январе 1919 г. группа издала и распространила на фронтах листовку «Подавят ли они большевизм?» [60]. Эта листовка была составлена по

[54] «III-e Internationale», 1 марта 1919 года.

[55] Газета «Коммунист», 15 февраля 1919 года.

[56] Центральный государственный архив Октябрьской революции Украинской ССР (ЦГАОР УССР) (Харьков), ф. 2, оп. 1, д. 46, л. 24 об.

[57] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 422, л. 78.

[58] ЦГАОР УССР (Харьков), ф. 2, оп. 1, д. 17, л. 15.

[59] «Aux soldats français». Листовка на французском языке. Отдельное издание передовой статьи газеты «III-e Internationale», 20 ноября 1918 года.

[60] «Etoufffront-ils bolchevisme?». Листовка на французском языке. Фонд Государственного музея революции СССР. 1814/190, л. 113 и об. Перевод помещен в журнале «Исторический архив», 1958, № 1, стр. 32—34.

материалам статей Инессы Арманд, опубликованных в январских номерах газеты «III Интернационал». Ярко и образно рассказывалось в ней о всемирно-историческом значении первой Советской республики. Листовка сообщала о выступлениях трудящихся в Милане, Париже, Лионе, Безансоне против вооруженной интервенции в Россию.

Важно было также разъяснить французским солдатам внутреннюю и внешнюю политику Советского государства, особенно его настойчивую и последовательную борьбу за мир. В этом плане интересна листовка «Союзники и Россия», составленная группой и распространенная в марте 1919 года [61]. Написанная живо и остроумно, она в доходчивой форме рассказывала французским солдатам правду о конференции на Принцевых островах.

На юг России, в оккупированные Одессу и Севастополь, доходили ленинские брошюры, переведенные и изданные Французской коммунистической группой в Москве. «Огромное значение для успешной пропаганды среди войск интервентов имело «Письмо к рабочим Европы и Америки» В. И. Ленина,— писал бывший секретарь Севастопольского подпольного горкома партии в 1919 г. Ю. Крупчицкий (Торба).— Эта ленинская работа была издана брошюрой на французском языке и распространена среди матросов эскадры» [62].

С помощью листовок и брошюр, доставленных с огромными трудностями из центра, а также изданных в подполье, большевики Украины и Крыма проводили героическую, полную риска разъяснительную работу среди солдат и матросов французской армии и флота, направленных империалистами против Советской России.

Организующим центром подпольной работы большевиков среди иностранных войск являлась Коллегия иностранной пропаганды (Иностранная коллегия) при Одесском обкоме КП(б)У, которая охватила своим влиянием не только Одесщину, но и другие центры Украины и Крыма: Херсон, Николаев, Елисаветград, Балту, Голту, Тирасполь, Очаков, Севастополь. Воззвания большевиков распространялись также в Румынии и Бессарабии и доходили даже до Константинополя и Марселя. Выдающуюся роль в развертывании этой работы сыграла Жанна Лябурб, которая входила в бюро Иностранной коллегии в качестве представителя Французской группы. Как рассказывают товарищи, работавшие вместе с нею, деятельность Жанны Лябурб была многогранна: она писала листовки и статьи в газету «Le Communiste», вела агитацию среди французских солдат и даже выступала перед ними с докладами [63]. Под влиянием ее бесед многие французские солдаты, осуждая империалистическую интервенцию в Советскую Россию, гневно заявляли: «Нет, хватит, надо этому положить конец! Иначе позор называться французом!».

1 марта 1919 г. оборвалась прекрасная жизнь Жанны Лябурб. По доносу предателя французские интервенты и белогвардейцы схватили Жанну и ее товарищей и после зверских пыток и избиений расстреляли у стен одесского кладбища [64]. Был расстрелян также и ряд французских солдат.

Но ни террор интервентов, ни их репрессии не могли задержать растущего влияния идей коммунизма среди иностранных войск. В начале

---

[61] «Les Alliés et la Russie». Листовка на французском языке. ЦГАОР УССР (Харьков). Фонд листовок. Перевод опубликован в журнале «Исторический архив», 1958, № 1, стр. 34—35.

[62] «Правда», 19 апреля 1959 года.

[63] См. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 422, л. 80.

[64] Об обстоятельствах этого убийства подпольная партийная организация Одессы узнала от серба Стойко Раткова, спасшегося в ту ночь от расстрела (ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 422, лл. 78—85). Участник гражданской войны, Стойко Ратков (по кличке «Вава») сражался против немецко-фашистских захватчиков в 1941—1945 гг. в рядах югославских партизан и в настоящее время проживает в Югославии. См. «Правда», 25 августа 1957 года.

февраля 1919 г. французские солдаты 58-го полка Авиньонского гарнизона, находившиеся под Тирасполем, отказались сражаться против Красной Армии [65].

По мере распространения большевистской пропаганды, убеждавшей солдат интервенционистских войск в том, что их насильственно вовлекли в братоубийственную войну, все большее число воинских частей требовало возвращения на родину. Этот факт не могли скрыть и французские буржуазные историки [66].

Во время боев за освобождение Херсона французские солдаты отказались выступить против Красной Армии, а экипаж и войска, находившиеся на борту транспорта, прибывшего из Франции в этот город, выразили единодушное требование возвратиться на родину [67]. Шесть рот 176-го французского полка также не пожелали сражаться против Красной Армии. Во время боев у ст. Березовка, под Одессой, добровольно сдались в плен Советской Армии 13 французских солдат. Доставленные в Киев, солдаты Компьев, Гильом Рарги, Луи Дебуа рассказали о том огромном влиянии, которое оказали на них коммунистические листовки и газеты [68].

В начале апреля 1919 г. интервенты были изгнаны из Одессы. В последние дни их пребывания здесь происходило массовое братание французских солдат с красноармейцами.

Анализируя причины успехов советского народа в борьбе против интервентов на юге страны, В. И. Ленин подчеркивал, что достигнуты они были «не одними победами на фронте, а тем, что мы привлекли на свою сторону солдат воюющих с нами стран... Путем агитации и пропаганды мы отняли у Антанты ее собственные войска. Мы победили империалистов не только при помощи наших солдат, но и опираясь на сочувствие к нам их собственных солдат» [69].

В достижении этой исторической победы большую роль сыграли бесстрашные борцы подполья и среди них первая француженка-коммунистка, посланец Французской коммунистической группы Жанна Лябурб.

В это время группа в Москве продолжала свою работу. Она избрала бюро из трех человек: Жак Садуль, Пьер Паскаль и Марсель Боди [70]. Вместе с другими иностранными группами французские интернационалисты деятельно готовились к знаменательному для всего международного революционного движения событию — первому (учредительному) конгрессу Коммунистического Интернационала. На конгресс группа направила своего делегата с совещательным голосом — Жака Садуля. Здесь было оглашено приветствие Французской коммунистической группы русскому революционному пролетариату, принятое единогласно 1 марта 1919 года. «Французская коммунистическая группа, — говорится в этом документе, — приветствует русский революционный народ и от имени сознательных элементов французского рабочего класса выражает свое восхищение и признательность за его планомерные героические труды и усилия, в результате которых создано социалистическое государство» [71]. Со словами привета группа обратилась к Красной Армии, «ведущей навязанную ей борьбу с хищническим империализмом правительств Антанты, которым она дает победоносный отпор» [72].

---

[65] См. «Правда», 23 февраля 1929 года.

[66] См. Capitaine F. Daygas. L'Armée d'Orient dans la guerre mondiale (1915—1919). Paris. 1932, pp. 310—311.

[67] ЦГАОР УССР (Харьков), ф. 2, оп. 1, д. 54, л. 80.

[68] См. Л. М. Зак. Битва под Березовкой. «Труды» Московского государственного историко-архивного института. Т. 9, 1957, стр. 52—53.

[69] В. И. Ленин. Соч. Т. 30, стр. 324.

[70] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 4, д. 48, л. 42.

[71] «Протоколы конгрессов Коммунистического Интернационала. I конгресс Коминтерна». М. 1933, стр. 225.

[72] Там же.

Вскоре до Москвы дошла скорбная весть о гибели Жанны Лябурб. На вечернем заседании VIII съезда партии 23 марта 1919 г. с внеочередным сообщением от имени группы французских коммунистов выступил Жак Садуль. С глубоким вниманием слушали делегаты съезда рассказ о славной жизни и героической смерти своего боевого товарища. «Жанна Лябурб является первой французской коммунисткой, которая погибла во имя и во славу только что возникшего Третьего Коммунистического Интернационала... Кровь Жанны Лябурб теснее спаяла французских коммунистов с коммунистами России» [73], — сказал в заключение Ж. Садуль. Съезд почтил вставанием память Жанны Лябурб. В тот же день «Правда» опубликовала траурное извещение на русском и французском языках о ее гибели.

«Мы знаем,— говорил В. И. Ленин,— что имя француженки, тов. Жанны Лябурб, которая поехала работать в коммунистическом духе среди французских рабочих и солдат и была расстреляна в Одессе,— это имя стало известно всему французскому пролетариату и стало лозунгом борьбы, стало тем именем, вокруг которого все французские рабочие, без различия казавшихся столь трудно преодолимыми фракционных течений синдикализма,— все объединились для выступления против международного империализма» [74].

12 апреля 1919 г. Французская коммунистическая группа сообщила по радио трудящимся всего мира о злодейском убийстве в Одессе их товарищей коммунистов, сотрудников газеты. В обращении говорилось, что «украинские трудящиеся взяли на себя задачу наказать палачей, изгнав их с территории России» [75].

После изгнания интервентов из Южной Украины Жак Садуль с группой товарищей выехал в Киев, ставший в то время центром работы Федерации иностранных групп под руководством Южно-Русского бюро III Интернационала [76].

7 апреля 1919 г. в Киеве на торжественном заседании в честь основания Коммунистического Интернационала присутствовали делегаты I конгресса Коминтерна. В числе гостей находились французские солдаты, сдавшиеся в плен Красной Армии под Одессой и работавшие в рядах Французской коммунистической группы в Киеве. Интернациональный праздник в Киеве явился яркой демонстрацией пролетарской солидарности. Рядом с делегатами и гостями I конгресса Коминтерна — немцами, венграми, поляками — стояли французские солдаты и матросы, отказавшиеся быть палачами русского народа. На митинге с горячей речью выступил Жак Садуль, который показал, что «не от доброты сердечной Антанта отказалась от своих планов раздавить революцию силой оружия». Обманутые Антантой солдаты наконец поняли, заявил Садуль, что «если народные массы России и Украины в течение 18 месяцев защищают Советскую власть против всех атак русской контрреволюции и мировой буржуазии, то это потому, что Советское правительство — действительно народное правительство, а большевистская программа — действительно программа трудящихся» [77].

В журнале «Красное знамя», изданном Французской коммунистической группой в Киеве, рассказывалось об освобождении Одессы и о полном крахе планов французских интервентов в России. Один из солдат-французов, добровольно перешедший на сторону советских войск, писал

[73] «Протоколы VIII съезда РКП(б)», стр. 310—311.

[74] В. И. Ленин. Соч. Т. 30, стр. 188.

[75] ЦГАОР УССР (Харьков), ф. 2, оп. 1, д. 55, л. 206. В тексте радиограммы газета одесских подпольщиков ошибочно названа «Набат» («Tocsin»). Однако речь идет о группе членов Иностранной коллегии Одесского обкома КП Украины, издававшей газету «Le Communiste».

[76] См. «Исторический архив», 1957, № 4, стр. 30.

[77] «Le Drapeau Rouge». Revue hebdomadaire du groupe communiste Français de Kiew, 12 avril 1919, № 1.

в этом журнале: «Трепещите, тираны!.. Вы не знаете, что те солдаты, которых вы вернете во Францию, прошли тут хорошую школу» [78].

Новый журнал предполагалось издавать еженедельно. Однако группе удалось выпустить лишь один номер. Жак Садуль вскоре выехал в Одессу, откуда специальной телеграммой потребовал немедленной присылки из Киева «всех имеющихся номеров» журнала. В этой же телеграмме он срочно вызывал участников группы, находившихся в Киеве, в Одессу, сообщая им о предстоящей интересной работе в печати [79]. По всей вероятности, речь шла об издании обращений к морякам второй эскадры французского флота, которая еще продолжала находиться в Черном море. Действительно, в апреле — мае 1919 г. Французская коммунистическая группа выпустила ряд листовок-обращений. В воззвании от 10 мая «К солдатам и морякам армий союзников на Востоке» [80], подписанном Жаком Садулем, разоблачались попытки французского военного командования превратить сынов свободолюбивого французского народа в полицейских. Листовка призывала французских солдат и моряков отказаться быть «цепными собаками для тронов и сейфов», прекратить борьбу против революционных народов и поддержать своих братьев — рабочих и крестьян, сражавшихся за свободу и независимость.

Обращение «К французским солдатам, вынуждаемым буржуазной реакцией подавить социалистическую революцию на Украине» [81] было издано в Одессе за подписью председателя Одесского Совета И. Клименко, руководителя высшей военной инспекции В. Юдовского и делегата Коммунистического Интернационала Жака Садуля. Обращение напоминало славные революционные традиции французского народа и призывало солдат быть достойными своего великого революционного прошлого.

Правдивая и действенная агитация, проводимая как местными большевистскими организациями, так и Французской коммунистической группой, дала свои плоды. Весной и летом 1919 г. произошли восстания французских солдат и матросов черноморской эскадры, которые положили конец интервенции в Южной России и, по словам Виктора Жоаннеса, явились «наиболее конкретным и возвышенным выражением поддержки французскими трудящимися Октябрьской социалистической революции» [82]. С изгнанием французских интервентов закончился наиболее важный этап в деятельности группы. С середины 1919 г. главное внимание ее членов было обращено на теоретическую и агитационно-пропагандистскую работу внутри самой группы, а также среди французских, бельгийских и швейцарских товарищей, проживавших в России. В это время в состав бюро группы вошел приехавший из Швейцарии на I конгресс Коммунистического Интернационала французский революционер Анри Гильбо, который стал одним из руководителей группы.

В первый период деятельности группы основной ее задачей было проведение печатной пропаганды. Поэтому для организации митингов и бесед в Москве группа сделала немного. Было созвано лишь два собрания в декабре 1918 г. в помещении клуба «Третий Интернационал», в которых участвовали Инесса Арманд, Жак Садуль, Жанна Лябурб и другие [83].

---

[78] Там же.

[79] ЦГАОР УССР (Харьков), ф. 2, оп. 1, д. 79, л. 95. Этот документ свидетельствует о первом приезде Садуля в Одессу.

[80] «Aux soldats et aux marins des armées des Alliés en Orient». Листовка на французском языке. Перевод этой листовки дан в журнале «Исторический архив», 1957, № 5, стр. 169—173.

[81] «Aux soldats français chargés pas la réaction bourgeoise d'ecraser la Révolution socialiste à l'Ukraine». Листовка на французском языке. Одесская публичная библиотека имени А. М. Горького. Фонд листовок. Перевод этой листовки дан в журнале «Исторический архив», 1958, № 1, стр. 36—38.

[82] В. Жоаннес. Октябрьская социалистическая революция 1917 года и интернационализм французских рабочих. М. 1957, стр. 10.

[83] См. «Известия ВЦИК», 14 декабря 1918 г.; «III-e Internationale», 20 декабря 1918 года.

В конце декабря 1918 г. вместе с другими членами Федерации иностранных групп РКП(б) французские интернационалисты участвовали в многолюдном собрании, организованном в том же клубе для обсуждения проблем профсоюзного движения в России [84].

Весной и летом 1919 г. группой был проведен ряд собеседований и митингов с широким привлечением актива и сочувствовавших. Тематика этих собраний была разнообразна. На одном из них были обсуждены задачи французского пролетариата в связи с созданием III Интернационала. С большим интересом на заседании группы были прослушаны доклады о творчестве выдающихся французских писателей — Ромена Роллана и Анри Барбюса. Особо важными были доклады о положении во Франции, прочитанные на собрании группы Д. З. Мануильским и И. Ф. Арманд, вернувшимися из поездки во Францию с миссией Красного Креста [85].

Следует отметить, что в практической работе группы, в ее печатной и устной пропаганде имелся существенный пробел: она недостаточно остро и последовательно боролась против выступлений центристов во Франции. С большим опозданием Французская коммунистическая группа опубликовала «Открытое письмо Жану Лонге», в котором разоблачила его поведение, показала разрыв между словом и делом у французских центристов [86].

Контакт с видными деятелями большевистской партии, прежде всего непосредственное общение с В. И. Лениным, оказали огромное влияние на членов группы.

Жак Садуль вспоминал, какое неизгладимое впечатление произвели на него и других французских товарищей беседы с В. И. Лениным по поводу сочетания легальных и нелегальных методов работы и по другим вопросам [87]. Работа Французской коммунистической группы была постоянно в поле зрения В. И. Ленина. Когда в апреле 1919 г. Анри Гильбо выпустил брошюру «Социализм и синдикализм во Франции во время войны» [88], В. И. Ленин написал к ней предисловие. Отметив своевременность брошюры, В. И. Ленин подчеркнул, что она вскрывала «глубоко лежащие корни III, Коммунистического Интернационала, его подготовку, своеобразную внутри каждой нации, в зависимости от ее исторических особенностей» [89]. В. И. Ленин выразил уверенность, что брошюра будет широко распространена среди всех сознательных рабочих и вызовет ряд других подобных изданий, посвященных истории социализма и рабочего движения.

Члены группы, особенно Анри Гильбо и Жак Садуль, активно сотрудничали в газетах «Правда» и «Известия», а также в журнале «Коммунистический Интернационал», содействовавшем сплачиванию коммунистических сил всех стран.

В. И. Ленин привлекал французских коммунистов и в качестве переводчиков на русский язык лучших произведений французского социализма. «Однажды,— писал Ж. Садуль,— Ленин с большой радостью обнаружил у меня экземпляр книги «Новая Армия» Жореса, которого он сам считал превосходным знатоком военных вопросов. Он заставил перевести большие отрывки из этой книги и передал их организаторам Красной Армии» [90].

Последним актом деятельности Французской коммунистической группы был выпуск журнала «Demain». По сути дела, был возобновлен жур-

---

[84] «III-e Internationale», 27 декабря 1918 года.
[85] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 4, д. 48, л. 42.
[86] «III-e Internationale», 20 ноября 1918 года.
[87] См. Jacques Sadoul. Указ. соч., стр. 307.
[88] Henri Guilbeaux. Le mouvement socialiste et syndicaliste français pendant la guerre. Esquisse historique. Préface de N. Lénine. Petrograd. 1919.
[89] В. И. Ленин. Соч. Т. 29, стр. 276.
[90] Jacques Sadoul. Указ. соч., стр. 308.

нал, издававшийся под тем же названием А. Гильбо в Женеве с января 1916 по октябрь 1918 года. Единственный номер этого журнала (№ 31), вышедший в Москве в сентябре 1919 г., был отредактирован А. Гильбо, Инессой Арманд и Пьером Паскалем. Группа поставила перед собой задачу правдиво освещать в журнале современное международное положение и в первую очередь «смелые и могучие действия русских коммунистов»[91].

В журнале были опубликованы обзоры революционного движения во Франции и в других странах; материалы теоретической дискуссии, проведенной группой по вопросам использования буржуазного парламентаризма во Франции. В кратких аннотациях характеризовалась вышедшая в Советской стране литература. Здесь же был дан отчет о годичной деятельности Французской коммунистической группы в Москве. Журнал призывал своих товарищей во Франции «усилить действенную борьбу в защиту Советской России». Со страниц журнала прозвучал горячий призыв к лучшим революционным элементам во Франции усилить борьбу не только против буржуазии, но также и «против социал-оппортунистов, которые в нашем словаре уже отождествляются с гнусностью и подкупом», за создание Коммунистической партии во Франции.

Таким образом, при непосредственном внимании В. И. Ленина, пользуясь его помощью и поддержкой, Французская коммунистическая группа проделала немалую работу, главным образом по организации печатной пропаганды среди французских солдат и матросов, вовлеченных империалистами в антисоветскую интервенцию.

Правдивое и действенное большевистское слово на родном языке, свидетельства соотечественников о трудностях и победах молодой Советской республики, горячий призыв к отказу от участия в интервенции — все это было борьбой в защиту первой в мире республики трудящихся, за пролетарский интернационализм. Документы рассказывают о том, что Французская коммунистическая группа оказывала конкретную помощь пропагандистами, печатными материалами подпольным большевистским организациям, действовавшим среди солдат Антанты на юге Украины и в Крыму. Анализ работы группы дает новый, дополнительный материал к биографии героической дочери французского народа Жанны Лябурб, подвиг которой останется бессмертным, проливает свет и на деятельность славного французского интернационалиста Жака Садуля, который своими обращениями и письмами в защиту русской революции, по отзыву Мориса Тореза, плодотворно влиял на рабочее движение Франции[92].

Французская коммунистическая группа РКП(б) явилась своеобразным связующим звеном между трудящимися Советской республики и растущим с каждым днем движением рабочего класса Франции, все громче поднимавшим голос протеста против интервенции, за мир и дружбу со страной Советов, за освобождение от гнета монополий, за создание Французской коммунистической партии.

---

[91] «Demain», 1919, № 31, p. 1.

[92] См. Морис Торез. Октябрь указал нам путь. «Вопросы истории КПСС», 1957, № 3, стр. 90. В 1927 г. по случаю 10-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции Ж. Садуль был награжден Советским правительством орденом Красного Знамени. Умер он в Париже в 1956 году.

КРЕСТЬЯНСКОЕ ВОССТАНИЕ В КИТАЕ ПОД РУКОВОДСТВОМ БАЙ ЛАНА (1912—1914 гг.)

Е. А. Белов

Крестьянское восстание под руководством Бай Лана [1] не освещено в советской литературе. В работах наших авторов встречаются лишь отдельные строки о нем, с которыми не всегда можно согласиться [2].

Западноевропейские и американские буржуазные историки обходят вопрос о восстании молчанием.

Китайские ученые, уделяя большое внимание изучению истории революционного движения своего народа против внутренних и внешних угнетателей, опубликовали в последнее время несколько работ о восстании Бай Лана [3]. Так, Лай Синь-ся определяет восстание как стихийное крестьянское движение, направленное против господства феодалов и бэйянских милитаристов [4]. Тао Цзюй-инь также считает его крестьянским антиюаньшикаевским восстанием [5].

В настоящей статье сделана попытка осветить некоторые вопросы крестьянского восстания Бай Лана на основе материалов Архива внешней политики России, русской прессы и китайской печати.

Исследователи еще не располагают достаточной суммой фактов, которые позволили бы всесторонне охарактеризовать классовый состав отрядов Бай Лана и процесс их формирования, полно раскрыть программу и

---

[1] В китайской и зарубежной прессе оно называлось восстанием «Белого волка». Это название встречается и в советских изданиях. В действительности, как отмечается, например, в еженедельнике «The Weekly China Tribune» от 1 марта 1914 г., издававшемся в Тяньцзине, имя Бай Лан надо переводить как «белый» и «ясный». Иероглиф «лан» (ясный) был заменен в реакционной прессе на иероглиф «лан» (волк), хотя в официальных китайских документах за 1912 и первую половину 1913 г. всюду употребляется иероглиф «лан» (ясный). В тексте прокламации, изданной Бай Ланом в уезде Биньсян (Шэньси), также стоит иероглиф «лан» (ясный). См. Сянь Юнь. История Бай Лана. Журнал «Цзиньдай ши цзыляо», 1956, № 3, стр. 150.

[2] Так, Н. В. Кюнер ошибочно полагал, что восстание Бай Лана немногим отличалось от выступления «разбойничьей шайки». См. Н. В. Кюнер. Очерки новейшей политической истории Китая. Владивосток. 1927, стр. 199. В более поздней литературе о восстании упоминается лишь как о крестьянском движении, направленном против феодалов и диктатуры Юань Ши-кая. См. Г. Ефимов. Очерки по новой и новейшей истории Китая. М., 1951, стр. 180; Л. В. Симоновская, Г. Б. Эренбург, М. Ф. Юрьев. Очерки истории Китая. М. 1956, стр. 208.

[3] См. Лай Синь-ся. Крестьянское восстание под руководством Бай Лана в первые годы республики. Журнал «Шисюе юекань», 1957, № 6; Цяо Сюй-у. Записки о Бай Лане. «Цзиньдай ши цзыляо», 1956, № 3; Сянь Юнь. История Бай Лана. Журнал «Цзиньдай ши цзыляо», 1956, № 3. Статья Сянь Юня впервые была опубликована в 1915 г. в журнале «Чжунхуа сяошоцзе» (№№ 7—9). Она написана в разгар юаньшикаевского монархического движения в Китае с целью вытравить из сознания широких народных масс воспоминания о мужественной борьбе Бай Лана против Юань Ши-кая. Но поскольку статья представляет определенный интерес с точки зрения фактического материала, историки КНР перепечатали ее. Некоторые вопросы восстания под руководством Бай Лана нашли отражение в книге Тао Цзюй-инь. Бэйян цзюньфа тунчжи шици шихуа (История периода господства бэйянских милитаристов). Т. 2. Пекин. 1957.

[4] Лай Синь-ся. Указ. соч., стр. 16.

[5] Тао Цзюй-инь. Указ. соч. Т. 2, стр. 38.

стратегический план восставших, ознакомить читателя с биографией Бай Лана. Тем не менее нам представляется, что история восстания заслуживает внимания, поскольку изучение его помогает глубже уяснить особенности крестьянской борьбы в период буржуазной революции 1911—1913 гг. в Китае и после нее.

★

Буржуазная революция 1911—1913 гг. в Китае проходила под руководством национальной и мелкой городской буржуазии и ее партии Тунмынхой, лозунгами которой были свержение маньчжурской монархии, учреждение республики и равные права на землю. Основной движущей силой революции являлось крестьянство.

Усилиями народных масс, и прежде всего крестьянства, в феврале 1912 г. маньчжурская монархия была свергнута. Однако плодами народной победы воспользовались буржуазно-помещичьи либералы и феодально-бюрократические элементы. В. И. Ленин, характеризуя расстановку классовых сил в Китае в тот период, писал: «Сумеют ли крестьяне, не руководимые партией пролетариата, удержать свою демократическую позицию п р о т и в либералов, которые только ждут удобного момента, чтобы перекинуться направо,— это покажет недалекое будущее» [6].

Ленинский прогноз нашел полное подтверждение в первые же месяцы существования буржуазно-помещичьей Китайской республики. Избранный 15 февраля 1912 г. временным президентом страны ловкий политикан Юань Ши-кай, за спиной которого стояли международный империализм и внутренняя реакция, начал готовить условия для установления военной диктатуры. Буржуазно-помещичьи либералы поплелись за ним. Что касается слабой буржуазной демократии, то она все больше отдалялась от широких масс и шла на уступки контрреволюционным силам. Тунмынхой из революционной партии превращался в либеральную. Созданная в августе 1912 г. на базе Тунмынхоя партия Гоминьдан не включила в свою программу пункт о равных правах на землю и не поддержала массовое народное движение. Программа Гоминьдана свидетельствовала о том, что Тунмынхой отказался даже от той умеренной программы в крестьянском вопросе, которую он выдвигал ранее, и капитулировал перед либеральной буржуазией. Восстание воинских частей летом 1913 г. (так называемая «вторая революция»), проходившее под руководством левого крыла Гоминьдана во главе с Сунь Ят-сеном, потерпело поражение. Оно не было поддержано крестьянством и городской беднотой, ибо единственный лозунг руководителей восстания — свергнуть Юань Ши-кая и создать «хорошее» правительство — не мог привлечь широкие народные массы.

Революция 1911—1913 гг. не разрешила ни антифеодальных, ни антиимпериалистических задач. Нанкинское правительство Сунь Ят-сена, а тем более правительство Юань Ши-кая в Пекине и не пытались разрешить аграрную проблему. Ни один гектар земли не был отобран у маньчжурских и китайских феодалов. Вопросы уменьшения арендной платы, ограничения ростовщического процента и другие даже не ставились. Крестьянство по-прежнему изнывало под двойным гнетом — феодализма и империализма. Все неравноправные договоры, навязанные маньчжурскому правительству иностранными державами, были признаны буржуазно-помещичьим правительством. Если в начале революции в некоторых провинциях был отменен ряд налогов с населения, то к лету 1912 г. они были восстановлены (даже такой средневековый налог, как лицзинь — внутренние пошлины) и введены новые налоги.

Естественно, что причины, вызвавшие подъем антифеодальной и антиимпериалистической борьбы крестьянских масс накануне и в начале революции 1911 г., не были устранены. Весной и летом 1912 г. в Китае

[6] В. И. Ленин. Соч. Т. 18, стр. 372.

повсеместно продолжались вспышки крестьянских восстаний. Немаловажную роль в их возникновении играли тайные общества (хойданы), объединявшие в основном деревенскую бедноту. Хойданы стали организующей силой крестьянского движения. Но все же, будучи разобщенными, не имея ясных целей борьбы и единого руководства, крестьяне выступали стихийно, разрозненно. Программа хойданов и требования крестьян (главное из них — отказ от внесения арендной платы за землю) свидетельствуют об отчетливой антифеодальной направленности крестьянского движения. Целый ряд восстаний проходил под лозунгом «уравнения богатых и бедных» [7]. Борьба против феодалов смыкалась с борьбой против властей, которые подавляли крестьянское движение. Так, в Гуандуне стоявшие во главе местных властей члены Тунмынхоя Ху Хань-минь и Чэнь Цзюн-мин организовали подавление крестьянских выступлений [8].

Характерной чертой революционного подъема 1912 г. было то, что в нем участвовали главным образом наиболее угнетенные и обездоленные слои населения: безземельные крестьяне, городская беднота, солдаты расформированных частей революционной армии. Они стояли за продолжение революции, требовали разрешения аграрного вопроса, улучшения материального положения, осуществления буржуазно-демократических свобод, провозглашенных в начале революции. Но на их справедливые требования реакционные власти отвечали жестоким насилием. Именно в этот период происходил чрезвычайно быстрый рост помещичьих вооруженных отрядов (миньтуаней, туаньляней). Напуганные призраком крестьянской революции, господствующие классы возлагали большие надежды на эти отряды как на силу, способную поддержать «спокойствие и порядок» в деревне.

Восстание Бай Лана (1912—1914 гг.) охватывает довольно значительный отрезок времени, что дает возможность проследить некоторые особенности крестьянских выступлений той поры. Восстание явилось ярким проявлением обострения классовой борьбы летом 1912 г. в китайской деревне после свержения Цинской династии.

Восстание началось в юго-западной части провинции Хэнань, где горные районы служили убежищем для многих участников неудачных восстаний и заговоров в Хубэе и других местах страны. Эти люди оказали революционизирующее влияние на угнетенное, ограбленное и голодное население провинции.

Еще до восстания Бай Лана обстановка в этих районах Хэнани была напряженной. В начале революции, когда почти все провинции Китая провозгласили независимость и высказались за республику, пекинским властям (маньчжурскому двору и Юань Ши-каю) удавалось удерживать Хэнань в своем подчинении. Однако на юге провинции произошло антиманьчжурское восстание под руководством Ван Тянь-цзуна [9]. Последний создал войска из низов населения и провозгласил себя независимым правителем юга Хэнани. После свержения монархии, весной 1912 г., юаньшикаевское правительство присвоило ему звание генерала и отозвало в Пекин. Созданная Ван Тянь-цзуном «армия» была брошена на произвол судьбы и распалась. Однако в Хэнани продолжались революционные выступления. Участники антиманьчжурской борьбы формировались в отряды, которые боролись под лозунгом «уравнения богатых с бедными».

Осенью 1912 г. в юго-западных уездах провинции уже действовали многочисленные отряды восставших. Бэйянский милитарист Ли Чунь в октябре доносил в Пекин, что в уездах Баофэн и Цзясянь имеются пять крупных групп повстанцев. В докладе Ли Чуня говорилось: «В уезде

---

[7] Ли Ши-юе. Синьхай гэмин шици лянху дицюйды гэмин юньдун (Революционное движение в Хубэе и Хунани в период революции 1911 г.). Пекин. 1957, стр. 109.

[8] Архив внешней политики России (АВПР), Китайский стол, д. 856, лл. 206—207.

[9] Цяо Сюй-у. Указ. соч., стр. 132.

Цзясянь Бай Лан, Ли Фын-чжао собрали более 1 000 человек и обосновались в Гаохуанмяо; Лю Чжао-ко, Го Ин собрали несколько сот человек и засели в Дашицяо; Чан Цзян-фу, Ван Да-цин собрали около 1 000 человек и укрепились в Жэньчжай; в уезде Баофэн Ду Син-бин собрал около 1 000 человек и обосновался в Лянвамань лючжай» [10]. Дальше сообщалось, что в районах Жодаин, Сидялин, Дадяньтоу и Гуаньинтан также имелись отряды повстанцев, насчитывавшие по нескольку сот человек. Из этих повстанческих групп постепенно формировался отряд Бай Лана [11].

Районом первоначальных выступлений Бай Лана были уезды Баофэн, Лушань, Цзясянь, Линьчжу. Летом 1912 г. повстанцы во главе со своим вождем заняли г. Юйсян. Это событие послужило сигналом к дальнейшему распространению повстанческого движения — на уезды Наньян, Синьян, Дэань, Сянян, Жучжу [12]. Поэтому захват Юйсяна можно считать началом восстания под руководством Бай Лана. Бай Лан посылал агитаторов в различные провинции, вербуя для своей армии демобилизованных солдат [13].

Дальнейшее развитие восстание получило весной 1913 года. В апреле повстанцы взяли без боя Юйчжоу. Правительственные войска, охранявшие город, бросили оружие и бежали. Войска хэнаньского генерал-губернатора Чжан Чжэнь-фана, посланные на подавление восстания, потерпели поражение. Армия повстанцев росла. В июне был взят уездный город Наньян. В августе армия Бай Лана вошла в Хубэй и заняла города Суйсянь и Цзаоян [14]. Солдаты 8-й хубэйской дивизии, стоявшие на защите этих городов, не только не оказали ей сопротивление, но частично перешли на сторону восставших [15].

Победы Бай Лана летом 1913 г. облегчались тем, что основные военные силы правительства были заняты подавлением так называемой «второй революции». Можно предположить, что летний поход Бай Лана в Хубэй являлся попыткой пробиться в долину Янцзы, поднять там восстание и таким образом оказать поддержку «второй революции». Об этом, в частности, говорит тот факт, что в начале сентября, после падения Нанкина и поражения «второй революции», Бай Лан изменил направление движения и повернул на север — в Хэнань. Русский консул в Ханькоу Островерхов отмечал, что отряды Бай Лана отказались в то время от наступления на Учан и избрали более северный и свободный путь [16]. В конце декабря вторично был взят Наньян.

Бай Лан выдвинул лозунг «Уравнять богатых с бедными». Восставшие отбирали у богачей имущество и раздавали его беднякам, сжигали здания местных властей и учреждения иностранных миссионеров, освобождали заключенных, громили помещичьи вооруженные отряды, убивали наиболее деспотичных помещиков и чиновников.

---

[10] Лай Синь-ся. Указ. соч., стр. 13.

[11] Биографические сведения о Бай Лане пока очень скудны. Большинство источников говорит о том, что он родился в Западной Хэнани (уезде Лушань или Баофэн), получил военное образование, в начале революции 1911 г. служил офицером в штабе командира 6-й дивизии генерала У Лу-чжэня (У Лу-чжэнь в конце октября 1911 г. отказался выполнить приказ маньчжурского двора — двинуть дивизию в район Уханя на подавление революции — и готовился поднять восстание на севере Китая. 7 ноября 1911 г. он был убит по тайному приказу Юань Ши-кая). После смерти этого генерала Бай Лан покинул армию и вернулся в родные места. См. Лай Синь-ся. Указ. соч., стр. 12; Тао Цзюй-инь. Указ. соч. Т. 2, стр. 38; «The Weekly China Tribune», 1 марта 1914 г.; журнал «Амурский земледелец», 1914, № 6—7, стр. 193.

[12] Цяо Сюй-у. Указ. соч., стр. 133.

[13] Сянь Юнь. Указ. соч., стр. 142.

[14] Цяо Сюй-у. Указ. соч., стр. 134.

[15] Сянь Юнь. Указ. соч., стр. 143.

[16] АВПР, Китайский стол, д. 388, л. 31. Уже 15 сентября Бай Лан взял г. Синье (Хэнань). Здесь его армия разделилась на отряды и разными путями двинулась к Наньяну, занимая уезды Дэнсянь, Танхэ, Фанчэн. Цяо Сюй-у. Указ. соч., стр. 134.

Конечно, в условиях постоянных передвижений, преследуемые превосходящими силами правительственных войск, повстанцы не могли последовательно осуществлять свой лозунг равенства бедных и богатых. В основном Бай Лан ограничивался разделом среди бедноты имущества феодалов и чиновников. Мы не располагаем данными, которые позволили бы говорить об осуществлении Бай Ланом принципа равного раздела помещичьих земель, преобразований в области налоговой политики, административного управления и т. д. Неясность, расплывчатость его программы была одной из самых существенных слабостей восстания.

В прокламациях и обращениях к народу Бай Лан гневно бичевал новый строй, который хоть и стал республиканским, но не дал народу ни свободы, ни материальных благ. «В своих воззваниях,— писал в августе 1913 г. один из корреспондентов газеты «Харбинский вестник»,— Байлан (Бай Лан.— *Е. Б.*) не без сарказма заявляет, что он хотел послужить отечеству, но при современном порядке вещей ему не удалось быть ни чиновником, ни парламентским депутатом: чтобы стать чиновником, нужно быть искусным в интригах, а чтобы стать депутатом, нужно иметь большие деньги на подкупы избирателей [17]. Не располагая ни тем, ни другим, Байлан решил заняться уравнением имущественного положения своих сограждан. Отнимая у богатых золото и серебро, он раздает бедным, защищая их также от всякого насилия» [18].

Воззвания Бай Лана отражали разочарование, недовольство трудящихся масс результатами революции, их стремление по-своему, плебейскими методами расправиться с вековыми угнетателями, решить социальные вопросы. Требование имущественного равенства — это типичная программа стихийно поднявшихся на борьбу крестьянских масс, самых обездоленных и жестоко угнетаемых слоев деревни и города.

★

Новый этап движения Бай Лана, начавшийся с конца 1913 г., был связан с изменением обстановки, когда в Китае завершилось установление диктатуры крупных помещиков и компрадоров. Юань Ши-кай разогнал парламент, политические партии, ликвидировал выборные провинциальные советы и другие республиканские учреждения; новая конституция наделяла диктатора-президента фактической властью монарха. «С этого времени в Китае начался период господства различных групп северных милитаристов. Временная конституция была уничтожена, а название «Китайская республика» перестало соответствовать своему содержанию и превратилось в пустой звук» [19].

В стране был установлен жесточайший террор. «То, что происходит ныне в Кантоне,— писал в декабре 1913 г. русский консул в этом городе Бельченко,— можно охарактеризовать словами «царство крови» [20]. «У нас,— сообщал нанкинский корреспондент «Новой жизни» в апреле 1914 г.,— царство белого террора. Боятся вслух говорить о властях. Ежедневно производится масса арестов; в большинстве случаев казнят по одному подозрению» [21]. Такие же порядки установились и в других провинциях страны.

Однако китайский народ не покорился кровавой диктатуре Юань Ши-кая. Чудовищный гнет и произвол вызвали энергичное сопротивле-

[17] В прокламации, изданной Бай Ланом в январе 1914 г. в уезде Люань (Аньхой), также подчеркивалась эта мысль: «Я хотел стать чиновником, но разве мне найти протекции? Я хотел стать депутатом, но разве я могу лавировать?» См. Сянь Юнь. Указ. соч., стр. 144.

[18] «Харбинский вестник», 11 (24) августа 1913 года.

[19] Лю Шао-ци. О проекте конституции Китайской Народной Республики. «Правда», 18 сентября 1954 года.

[20] АВПР, Китайский стол, д. 403, л. 577.

[21] «Новая жизнь», 11 (24) апреля 1914 года.

ние трудящихся масс. В конце 1913 и первой половине 1914 г. по всему Китаю вновь прокатилась волна восстаний. В Хунани и в Хубэе, несмотря на то, что там были сосредоточены большие силы бэйянской армии, а также в Гуандуне и других провинциях революционное движение не прекращалось [22]. Русский консул в Ханькоу Островерхов в мае 1914 г. писал в первый департамент министерства иностранных дел России: «Со времени революции 1911 года положение дел в Китае вообще и, в частности, в долине р. Янцзы приняло характер беспрерывных беспорядков и постоянных восстаний или подготовки к таковым» [23].

Среди всех этих народных выступлений одним из самых значительных являлось восстание под руководством Бай Лана. Оно получило наибольший размах и нанесло серьезный удар бэйянской клике милитаристов и тем классовым силам, которые она представляла и защищала. Характерной особенностью и преимуществом восстания под руководством Бай Лана по сравнению с местными выступлениями крестьянства было то, что его участники объединились в партизанскую армию, которая вела маневренную войну. Это обстоятельство определило длительность борьбы отрядов Бай Лана.

В конце декабря 1913 г. армия Бай Лана, насчитывавшая несколько тысяч человек, вновь начала поход из Наньяна на восток, в провинцию Аньхой. Замысел Бай Лана состоял в том, чтобы пробиться в долину Янцзы, туда, где несколько месяцев назад происходила «вторая революция». 8 января 1914 г. восставшие вступили в бой с правительственными войсками в районе г. Синьаньдань, находящемся в полосе Пекин-Ханькоуской железной дороги, и разбили их. После взятия Синьаньданя Бай Лан выделил в своей армии отряды, во главе которых поставил смелых и отважных руководителей, таких, как Сун Лао-нянь и Ли Хун-бинь [24]. В середине января повстанцы широким фронтом быстро продвигались в восточном направлении. 26 января ими был занят г. Люань. Судя по направлению движения, Бай Лан хотел выйти к Нанкину — важнейшему пункту в долине реки Янцзы. Островерхов в своем донесении от 14 марта 1914 г. писал, что Бай Лан, «по-видимому, стремится овладеть каким-либо значительным пунктом в надежде, что в таком случае вспыхнет общее восстание. Доказательством существования таких планов служит его поход по направлению к Нанкину» [25].

Империалистические державы, боясь, что восстание может перерасти в революцию, потребовали от Юань Ши-кая принятия самых решительных мер против Бай Лана и предложили ввести свои войска в район военных действий. Палач китайского народа, верный холоп империалистических держав Юань Ши-кай заверил дипломатический корпус в том, что правительство само в состоянии уничтожить повстанцев и несет полную ответственность за охрану иностранных подданных в Китае [26].

Пекинское правительство предприняло срочные меры, чтобы не допустить Бай Лана в бассейн Янцзы. Военный наместник Нанкина кровавый генерал Чжан Сюнь получил приказ выступить с войсками в Аньхой и вытеснить оттуда восставших [27]. Чжан Чжэнь-фан был смещен с должности губернатора Хэнани, и вместо него назначен военный министр Дуань Ци-жуй [28]. Чжао Ти, командующего «карательными» войсками, сменил командир 3-й чжилийской дивизии генерал Ван Чжань-юань. Коррес-

[22] «Интересно отметить,— сообщал в 1914 г. Бельченко посланнику в Пекин,— что все отряды повстанцев, появляющиеся в различных местах провинции, имеют знамена с надписью: «Главнокомандующий войсками такой-то для истребления Юань Ши-кая». АВПР, Китайский стол, д. 404, л. 668.

[23] Там же, д. 388, л. 56.

[24] Сянь Юнь. Указ. соч., стр. 143.

[25] АВПР, Китайский стол, д. 388, лл. 30, 31.

[26] Тао Цзюй-инь. Указ. соч. Т. 2, стр. 39.

[27] Сянь Юнь. Указ. соч., стр. 144.

[28] Тао Цзюй-инь. Указ. соч. Т. 2, стр. 39.

пондент «Русского слова» писал в газете 23 января (5 февраля) 1914 г., что такая энергия «вызвана протестом посланников и донесениями властей».

В начале февраля в Пекине под председательством вице-президента республики Ли Юань-хуна состоялось совещание представителей военного министерства, главного управления генерального штаба и военного отдела при канцелярии президента по вопросу о выработке плана борьбы с восставшими. Было решено атаковать армию Бай Лана с трех сторон: войсками Хэнани с севера, Хубэя — с юга, Шаньдуна и Аньхоя — с востока [29]. Таким образом правительственные войска пытались не только не допустить отряды восставших в долину Янцзы, но окружить и уничтожить их в восточной части провинции Хэнань. За голову Бай Лана было обещано 200 тыс. юаней.

Под натиском превосходящих сил противника, особенно войск Чжан Сюня, Бай Лан вынужден был повернуть на запад. В середине февраля повстанческие отряды вошли в Хэнань. Здесь, в районе г. Шаньчэна, их ждали правительственные войска под командованием генерала Ван Чжань-юаня. Завязались упорные бои, продолжавшиеся несколько дней. Бай Лан, нанеся огромные потери противнику, прорвал окружение и быстрым маршем вышел к Пекин-Ханькоуской железной дороге. «Харбинский вестник» писал о сражении под Шаньчэном: «Деятельность инсургентов, известных под названием «Белый волк», начинает принимать опасный характер для государства. Так, в бою возле Шаньчэна, как сообщают шанхайские газеты, правительственные войска потерпели полное поражение, потеряв убитыми до 2 000 человек; почти все оружие, огромное количество винтовок, пулеметов и орудий со снарядами попало в руки инсургентов» [30].

Победа Бай Лана напугала юаньшикаевскую клику. Характеризуя настроения правящих кругов Китая, та же газета писала: «Охваченный восстанием район с каждым днем расширяется. Выясняется, что борьба с восставшими для правительства будет нелегкой и потребует жертв казны. Восстанию придают более серьезный характер, чем минувшей второй революции» [31].

Восстание Бай Лана отличалось от «второй революции» тем, что в нем участвовали низы населения. Безземельные крестьяне, разоренные ремесленники были его основной движущей силой. Это способствовало распространению восстания и его успехам. Корреспонденты русских газет сообщали: «Армия «Белого волка» ежедневно увеличивается городской и сельской беднотой» [32]. Войска Бай Лана, писали газеты, приобретают сочувствие в народе как пионеры революции, и население охотно поддерживает их [33]. Генерал Ван Чжань-юань в донесениях в Пекин жаловался на трудность борьбы с повстанцами. «Будучи одеты в обыкновенную одежду,— сетовал он,— они ничем не отличаются от мирных жителей, если только с ними нет оружия» [34]. Всюду, куда вступала армия Бай Лана, беднота поднималась на борьбу и присоединялась к ней. Так, «население окрестностей Иншаня в Южной Хэнани организовало милиционные дружины в помощь «Белому волку» против правительственных войск» [35]. Когда Бай Лан вел бои в уезде Гуанчуань, половина местного населения перешла на его сторону [36].

---

[29] «Peking Daily News», № 1626. Китай и Япония. Обзор периодической печати. Издание штаба Приамурского военного округа. Хабаровск. 1914, № 179.

[30] «Харбинский вестник», 10 (23) февраля 1914 года.

[31] «Харбинский вестник», 13 (26) февраля 1914 года.

[32] «Русское слово», 30 января (12 февраля) 1914 года.

[33] «Русское слово», 11 (24) февраля 1914 года.

[34] «Peking Gazette», № 132. Китай и Япония. Обзор периодической печати Издание штаба Приамурского военного округа. Хабаровск. 1914. № 181.

[35] «Новое время», 11 (24) февраля 1914 года.

[36] Сянь Юнь. Указ. соч., стр. 145.

Крестьянское население и городская беднота всячески поддерживали армию Бай Лана. В то же время к правительственным войскам они относились с ненавистью. Участник подавления восстания генерал Фын Юй-сян в книге «Моя жизнь» рассказывает о случаях, когда крестьяне становились проводниками правительственных войск, чтобы направить их по ложному следу и скрыть истинный маршрут отрядов Бай Лана [37].

Вместе с крестьянами и городской беднотой в армию Бай Лана вступала и прогрессивная интеллигенция, особенно революционно настроенная учащаяся молодежь. Так, часть хэнаньских студентов, недовольных действиями губернатора — палача Чжан Чжэнь-фана, ушла в армию Бай Лана [38].

О численности армии существуют самые противоречивые сведения. По сообщениям иностранных миссионеров из Хэнани, к марту 1914 г. она насчитывала более 20 тыс. человек [39]. Островерхов же в донесении от 14 марта писал, что «основные силы «Белого волка» состоят, по-видимому, не более как из 3 000 человек» [40]. Столь различные данные можно объяснить не только тем, что сведения брались из разных источников, но и тем, что армия Бай Лана увеличивалась или уменьшалась в зависимости от того, какое количество крестьян и городской бедноты присоединялось к ней в той или иной местности. Естественно, что русский консул никак не мог понять, почему правительственные войска в 50 тыс. человек во главе с военным министром не могли разбить немногочисленные, по его мнению, отряды повстанцев [41].

Однако у Бай Лана был и постоянный костяк — люди, знавшие военное дело, в основном демобилизованные солдаты. Сам Бай Лан получил хорошую военную подготовку. В его армии были созданы пехотные, кавалерийские, обозные и патрульные отряды, а также группы по организации временных стоянок [42], имелись современные виды оружия, включая пушки и пулеметы. Бай Лан поддерживал строгую дисциплину в войсках [43]. Основными тактическими особенностями повстанцев были маневренная война, внезапность нападения на врага и быстрые передвижения. Армия была исключительно подвижной, могла легко проходить несколько десятков километров в сутки. Бай Лан не создавал опорных баз. Даже самые крупные населенные пункты и города он держал в своих руках всего лишь по нескольку дней. Такая тактика объяснялась тем, что относительно немногочисленную армию восставших постоянно преследовали во много раз превосходившие ее силы правительственных войск.

Во второй половине февраля и первых числах марта Бай Лан продолжал «свое триумфальное шествие на глазах правительственных войск» из Восточной Хэнани на запад [44]. Восставшие прошли через южные уезды Хэнани и северные уезды Хубэя. 8 марта отряд Сун Ляо-няня из армии Бай Лана взял г. Лаохэкоу на р. Хань (провинция Хубэй). Ему не было оказано сопротивления, хотя в городе находились 5 правительственных рот пехоты и 2 батареи. Большая часть солдат гарнизона перешла на сторону восставших [45]. В Лаохэкоу отряд Сун Лао-няня захва-

---

[37] Фын Юй-сян. Воды шэнхо (Моя жизнь). Т. I. Чунцин. 1944, стр. 206.
[38] Цяо Сюй-у. Указ. соч., стр. 133.
[39] «The Weekly China Tribune», 1 марта 1914 года.
[40] АВПР, Китайский стол, д. 388, л. 32.
[41] Там же.
[42] Лай Синь-ся. Указ. соч., стр. 15.
[43] Цяо Сюй-у. Указ. соч., стр. 138.
[44] АВПР, Китайский стол, д. 388, л. 33.
[45] «The Weekly China Tribune», 22 марта 1914 года; АВПР, Китайский стол, д. 388, л. 34.

тил большие трофеи: около 700 винтовок, огромное количество патронов, несколько полевых орудий и пулеметов. Повстанцы сожгли миссионерские учреждения и конторы американских и английских торговых фирм, убили американского миссионера [46].

Во всех этих фактах находила проявление стихийная борьба сельской и городской бедноты против иностранных поработителей. Особенно ненавидели восставшие миссионеров, которые лицемерными проповедями христианства прикрывали экономическую и политическую агрессию иностранных держав и к тому же сами нередко эксплуатировали китайское население.

Высланная против Сун Лао-няня 3-я хубэйская дивизия ввиду ненадежности ее солдат была расформирована. Более тысячи солдат присоединилось к Бай Лану [47].

Победы Бай Лана оказывали революционизирующее влияние на другие районы Хубэя. Так, в округе Луань вспыхнуло восстание под руководством Лю, который действовал солидарно с Бай Ланом [48]. Губернатор Хубэя Дуань Чжи-гуй предпринимал самые жестокие меры для предотвращения общего восстания в провинции. В Учане и других местах он ежедневно казнил десятки людей по подозрению в революционной деятельности. Однако постоянные аресты и казни, как писал Островерхов, указывали лишь «на широко распространившееся недовольство правительством. Те десятки голов, которые летят с плеч в Учане и других местах, конечно, составляют каплю в том огромном море недовольных, которое представляет из себя теперь Китай» [49]. Власти закрывали газеты, которые писали о победах Бай Лана и поражении правительственных войск. Например, была закрыта газета «Даханьбао» в Ханькоу и все ее сотрудники арестованы [50].

В районах, охваченных восстанием, обстановка становилась все более напряженной. Бай Лан обращался к правительственным войскам со страстным призывом: «Не бейте братьев, а бейте чиновников» [51]. И действительно, правительственные войска нередко уклонялись от вступления в бой с повстанцами [52] и часто переходили на сторону Бай Лана. Островерхов сообщал, что к восставшим «переходят постоянно небольшие части регулярных войск» [53].

Правительство, видя ненадежность местных гарнизонов, направило на подавление движения воинские части бэйянской армии — 2-ю чжилийскую дивизию, 5 батальонов кавалерии и несколько батарей из гвардии президента [54]. Посланники США, Англии и Франции прикомандировали к войскам своих военных атташе [55].

После взятия Лаохэкоу Бай Лан созвал военное совещание для обсуждения плана дальнейшего развития восстания. Большинство высших командиров высказалось за продолжение маневренной войны. Что касается средних и младших командиров, то они предлагали перейти к временной обороне, дать войскам отдохнуть, выбрав для этого соответствующую опорную базу. Последнее предложение было отвергнуто и принято решение наступать в Шэньси [56]. Армия восставших приняла но-

---

[46] АВПР, Китайский стол, д. 388, лл. 34, 36.
[47] Там же, д. 388, л. 36.
[48] «Харбинский вестник», 13 (26) февраля 1914 года.
[49] АВПР, Китайский стол, д. 388, л. 37.
[50] Там же, л. 28.
[51] Тао Цзюй-инь. Указ. соч. Т. 2, стр. 39.
[52] «Peking Daily News», № 1626. Китай и Япония. Обзор периодической печати. № 179.
[53] АВПР, Китайский стол, д. 388, л. 36.
[54] «The Weekly China Tribune», 22 марта 1914 года.
[55] «Русское слово», 9 (22) февраля 1914 года.
[56] Тао Цзюй-инь. Указ. соч. Т. 2, стр. 40, 41.

вое название — «Армия народа». Бай Лан был избран главнокомандующим, Ли Хун-бинь — начальником штаба, Ван Шэн-ци [57] — начальником передовых отрядов, Хань Да-ши (Хань Ши-чан) — командующим центра и Бай Ха-цзы — начальником арьергарда [58].

13 марта 1914 г. передовые отряды «Армии народа» после двухчасового боя взяли на стыке трех провинций (Хубэй, Хэнань, Шэньси) г. Цзинцзигуань, который охраняли 13 правительственных батальонов. Такой быстрый успех объясняется тем, что некоторые подразделения шэньсийских войск перешли на сторону Бай Лана [59]. Восставшие уничтожили в городе почту, телеграф, сожгли административные здания и дома богачей [60]. Бай Лан объявил себя великим ханьским дуду (правитель) и обратился к населению с прокламацией, в которой подчеркивал, что восстание поднято «с целью спасения народа» [61].

Через несколько дней после взятия Цзинцзигуаня «Армия народа» перешла границу Шэньси [62]. В конце марта повстанцы наступали широким фронтом по трем направлениям: на Ланьгуань, Сяои и Наньчжэн (Ханьчжун). Пекинское правительство послало огромные силы бэйянской армии на подавление восстания. В район Сиани были переброшены 1, 2, 7, 8, 19, 20-я дивизии, 4, 6, 15-я смешанные бригады правительственной армии, а также три группы самолетов. Там же находились 1-я и 2-я дивизии шэньсийских войск. Сычуаньскому губернатору было приказано вывести войска в район г. Наньчжэн и преградить дорогу Бай Лану. Шэньсийские войска сосредоточились у Тунгуаня — уездного города, расположенного у горного прохода в Шэньси. В Шэньси были также введены войска из Ганьсу. Всего для подавления восстания было направлено около 200 тыс. правительственных войск [63]. Даже юаньшикаевский полуофициоз «Peking Daily News» писал: «Серьезность восстания «белых волков» правительством осознана: для подавления их мобилизована армия, достаточная для иного внешнего врага» [64]. Во главе этой армии Юань Ши-кай поставил своего старого сослуживца генерала Лу Цзянь-чжана.

Несмотря на большие военные силы правительства, «Армия народа» в первых числах апреля продолжала продвигаться на запад. Ее успехи во многом объяснялись горячей поддержкой широких слоев трудящихся масс. Крестьяне — основной источник, из которого черпал свои силы Бай Лан. Они пополняли его отряды, снабжали их продовольствием, помогали громить помещичьи вооруженные отряды и правительственные войска. Доведенное до нищеты крестьянство видело в вооруженной борьбе единственное средство добиться улучшения своего положения.

Перейдя горы Циньлин, повстанческие отряды 8 апреля переправились через крупнейший приток Хуанхэ — р. Вэй и заняли города Угун и Фуфэн [65]. Отсюда они повернули на восток, к Сиани. На подступах к ней, в районе Лицюаня и Синьяна, произошло большое сражение с правительственной армией. Потери с обеих сторон были значительными [66]. 14 апреля 20-тысячная армия Бай Лана заняла г. Биньсянь. В уез-

---

[57] Ван Шэн-ци родился в Хэнани, во время революции 1911 г. был командиром полка в Сычуани.

[58] Цяо Сюй-у. Указ. соч., стр. 136.

[59] Лай Синь-ся. Указ. соч., стр. 15.

[60] Сянь Юнь. Указ. соч., стр. 147.

[61] Тао Цзюй-инь. Указ. соч. Т. 2, стр. 40.

[62] Сянь Юнь. Указ. соч., стр. 147.

[63] Цяо Сюй-у. Указ. соч, стр. 136; Сянь Юнь. Указ. соч., стр. 149.

[64] «Peking Daily News», № 1680. Китай и Япония. Обзор периодической печати. Издание штаба Приамурского военного округа. Хабаровск, 1914. № 187.

[65] Сянь Юнь. Указ. соч , стр. 148, 149

[66] Цяо Сюй-у. Указ. соч , стр. 136.

де Биньсянь Бай Лан издал свою знаменитую прокламацию, направленную против Юань Ши-кая [67].

Прокламация [68] интересна прежде всего с точки зрения лозунгов восставших. Как видим, на первом плане у них в это время была борьба против Юань Ши-кая — лозунг, который Бай Лан не выдвигал ни в 1912, ни в 1913 годах. И это вполне естественно. Если в 1912 и даже в 1913 г. Юань Ши-кай еще прикрывался маской либерала, афишировал свою приверженность к республике, то уже к началу 1914 г. он предстал перед народом, говоря словами В. И. Ленина, как «авантюрист, изменник и друг реакции» [69]. Предатель родины, душитель всех демократических свобод, выразитель и защитник интересов феодалов и крупной

---

[67] Приводим текст ее без изменений: «Великий Дуду армии спасения ханьцев объявляет.

Триста лет наши предки подвергались деспотическому правлению чуждой расы. Они страдали от пыток, были лишены правосудия и защиты. Закон природы, что можно терпеть только до известной точки. Терпение страдальцев переполнилось, и вспыхнула революция.

Приветствуя падение деспотии, мы надеялись, что права народа восторжествуют, что наступила весна для Китая и народ будет наслаждаться свободой под защитой законов и перестанет страдать от тирании.

К нашему изумлению, узурпатор Юань Ши-кай, со свирепым сердцем волка, изменил законы по своему усмотрению и притязает на пост императора, притесняя народ, сводя счеты с неугодными при помощи наемных убийц, награждая верных слуг чинами и золотом, в то же время пренебрегая отделением Урги и Тибета, укрепляющееся (так в тексте.— *Е. Б.)* влияние империалистов. Занятие Юань Ши-кая — изменение и нарушение законов, преступления против народа. И, несмотря на это, льстецы зовут его Вашингтоном, а безумцы сравнивают с Наполеоном. В действительности же он более варвар, чем деспоты из династий Чингов [Цинь], Лученг [Лю Чао] и Синманг [Синь].

Я, Белый Волк, чувствуя скорбь народную, поднял революцию с задачей объединить под своими знаменами всех патриотов и помочь народу. Правление узурпатора Юань Ши-кая грозит гибелью стране.

Всякий гражданин ответствен за судьбы страны.

Можете ли вы, граждане Шэньси, известные своим патриотизмом и храбростью, оставаться равнодушными, когда на ваших глазах узурпируются права народа, умерщвляются с помощью военных судов многочисленные защитники отечества? Можете ли вы равнодушно созерцать, как разрушается наше прекрасное отечество, и не поднять руку на защиту его!

Я, Белый Волк, воодушевленный благоволением небес, до сих пор всюду победоносно являлся со своим знаменем. В настоящий момент моя победоносная армия вторглась в Шэньси. На моей стороне сочувствие народа. Войска не могут защищать такое правительство.

Перейдя горы Чиунг (Цинь), долины Тагу (Тайгу) и произведя военную демонстрацию в Синьяне и Чанани [Сиань], я намереваюсь взять Сиань. В тот день, когда я возьму город, я введу новые законы, подобно тому, как сделал князь Пэй [Лю Бан], основатель династии ханьцев. Призываю всех патриотов присоединиться». «Новая жизнь», 15 (28) апреля 1914 года.

Лю Бан — китайский император (202—195 гг. до н. э.). Происходил из крестьян, был деревенским старостой, примкнул к начавшемуся в Хэнани в 209 г. народному восстанию против династии Цинь и в 202 г. был провозглашен императором новой династии — Хань. Стремясь получить поддержку народных масс в борьбе с другими претендентами на престол, и в частности с полководцем Сян Юйем, Лю Бан сделал ряд уступок крестьянам, снизив налоги и отменив жестокие законы циньского законодательства. Только три преступления: убийство, ранение и ограбление — подлежали наказанию. Когда Лю Бан вел войну против Сян Юйя в Шэньси, он проявлял уважение к крестьянам, отдавал им поля и угодья, отказывался брать бесплатно провиант.

[68] В статье Сянь Юня приводится отрывок из этой прокламации, в котором вместо иероглифа «лан» (волк) написан иероглиф «лан» (ясный) По-видимому, газета произвольно перевела имя Бай Лана как «Белый волк». Вот текст из воззвания, приводимый в статье Сянь Юня: «Я [Бай] Лан, обязанный своим счастьем покровительству с неба Хуан Ди, повсюду добиваюсь успехов. В настоящее время моя армия, войдя в Шэньси и Ганьсу, берет города, проявляя при этом храбрость и избавляя народ от произвола жестоких правителей. Перейдя горы Циньлин и долину Тайгу, мы провели военную демонстрацию у Синьяна и Сиани. В день, когда я возьму город, я введу законы из трех пунктов, как это сделал князь Пэй [Лю Бан], и не буду поступать так, как поступал князь Сян [Юй]. Все мы отцы и братья, и не надо беспокоиться». Сянь Юнь. Указ. соч., стр. 150.

[69] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 19, стр. 78.

контрреволюционной буржуазии, Юань Ши-кай стал олицетворением всех бед китайского народа. Не случайно поэтому во всех восстаниях в Китае в 1914 г. основным был лозунг борьбы с Юань Ши-каем [70].

Из прокламации видно, что повстанцы приветствовали революцию 1911 г., надеясь, что она принесет им избавление от феодального и империалистического гнета. Они обвиняли Юань Ши-кая в узурпации власти, в предательстве национальных интересов Китая и считали себя продолжателями революции. В то же время прокламация отражала стихийный характер восстания, так как позитивная программа Бай Лана не шла дальше подражаний «доброму», «крестьянскому» императору, каким был, по мнению восставших, Лю Бан.

Этой прокламацией Бай Лан привлек на свою сторону новых борцов. «Прокламация «Белого волка», — сообщал корреспондент «Новой жизни»,— вызывает сильное брожение в населении» [71].

Во второй половине апреля «Армия народа» из района Биньсянь — Чану двинулась на юг. Правительственные войска пытались приостановить ее движение, но терпели поражения. Бай Лан взял уездные города Линью, Цишань и 20 апреля занял Фэнсян. Охранявшие город войска, не вступая в бой, отошли в Ганьсу. К этому времени из Сиани к Фэнсяну подошла большая группа правительственных войск во главе с генералом Чжао Ти. Произошло сражение. Но войска Чжао Ти не смогли овладеть городом [72].

В конце апреля армия Бай Лана вошла в провинцию Ганьсу. 4 мая она взяла с боем г. Тяньшуй и захватила там большие трофеи. Затем она продолжала наступление на юг, пытаясь пробиться в Сычуань. 25 мая 20-тысячная армия Бай Лана вступила в г. Таочжоу [73]. Бай Лан обратился к населению с воззванием, в котором изложил программу восставших. Основными ее пунктами были свержение Юань Ши-кая и создание «хорошего правительства» [74]. По существу, Бай Лан повторял программу левых гоминьдановцев, которую они пытались реализовать во «второй революции». Можно предположить, что после поражения «второй революции» некоторые ее участники влились в армию Бай Лана и стали постепенно оказывать влияние на формирование взглядов стихийно восставших народных низов.

Однако к тому времени обстановка складывалась не в пользу восставших. Огромная правительственная армия наседала на них со всех сторон, пробиться в Сычуань было невозможно. В малозаселенных горных и полупустынных районах, где находились повстанцы, они испытывали трудности с продовольствием. Бойцы устали от непрерывных походов и боев. Начались первые измены [75]. В этих условиях Бай Лан решил двигаться через Шэньси в Хэнань.

Правительственные войска пытались задержать «Армию народа» под Ганьгу. 2 июня здесь произошло большое сражение, в котором Бай Лан был ранен. Несмотря на значительные потери, повстанцы взяли Ганьгу и начали стремительное движение по направлению к Баоцзи. Взяв этот город, они двинулись на восток вниз по течению р. Вэй. Уже в середине июня их отряды были в нескольких десятках ли от Сиани. Лу Цзянь-чжан не осмелился вывести войска из города и преградить путь Бай Лану в Хэнань [76]. Однако восставшим приходилось все чаще

---

[70] Несмотря на то, что лозунг уравнения богатых и бедных в прокламации не упоминается, он не был снят (см. Цяо Сюй-у. Указ. соч., стр. 138).

[71] «Новая жизнь», 15 (28) апреля 1914 года.

[72] Сянь Юнь. Указ. соч., стр. 150.

[73] Там же, стр. 152.

[74] Тао Цзюй-инь. Указ. соч. Т. 2, стр. 41; Сянь Юнь. Указ. соч., стр. 152.

[75] Один из командиров, Ван Шэнь-ци, бежал в Наньчжэн. «Цзиньдай шн цзыляо», 1956, № 3, стр. 138.

[76] Сянь Юнь. Указ. соч., стр. 152, 153.

и чаще вести бои с многочисленным противником, их силы постепенно таяли. И все же в последних числах июня повстанцы пробились в Хэнань. Весь июль там шли кровопролитные сражения. Последними районами боев были родные места Бай Лана — уезды Лушань и Баофэн. Здесь погибли смелые сподвижники Бай Лана — Ли Хунь-бинь и Бай Ханзы. Моральный дух армии упал, многие бойцы, утратив надежду на победу, расходились по домам. В середине августа 1914 г. остатки армии Бай Лана были окружены в уезде Лушань. В местечке Шия погибли Бай Лан и Хань Да-ши[77]. Восстание в целом потерпело поражение. Однако отдельные его очаги еще сохранялись в течение некоторого времени и после смерти Бай Лана.

★

Среди причин, приведших восстание к поражению, следует отметить как общие, присущие большинству крестьянских антифеодальных восстаний, так и специфические, характерные для данного движения. К числу причин первого порядка относится то, что у поднявшейся на борьбу с помещичьим гнетом и военной диктатурой Юань Ши-кая деревенской и городской бедноты не было руководителя в лице рабочего класса. Пролетариат в Китае в то время еще не вышел на политическую арену как сознательная, самостоятельная сила. Слабая экономически и политически национальная буржуазия и мелкая городская буржуазия уже в период революции 1911 г. показали себя неспособными руководить широкими народными массами, и прежде всего крестьянством, и привести их к победе над феодализмом и империализмом. Партия Гоминьдан переживала идейный и организационный распад. И хотя Сунь Ят-сен пытался установить связь с Бай Ланом и с этой целью послал весной 1914 г. Лин Юйя из Японии в Китай, реальной помощи восстанию со стороны буржуазной революционной демократии все же не было оказано[78].

Участники восстания не имели определенной программы переустройства общественного строя. Они выступали против помещиков, чиновников, диктатуры Юань Ши-кая, но, по сути дела, за «хорошего царя». И лишь в конце восстания его руководители приняли программу левых гоминьдановцев, которая также была слишком общей и не указывала конкретных путей развития революционной инициативы трудящихся масс.

Одной из основных причин поражения восстания было то, что Бай Лану не удалось объединить крестьянские восстания. Его попытка пробиться в долину р. Янцзы с ее промышленными и культурными центрами, район с наиболее сильными революционными традициями у многомиллионных крестьянских масс, где еще недавно полыхало пламя буржуазной революции, окончилась неудачей. Восстанию были присущи раздробленность, локальность выступлений.

Поражение восстания объяснялось также тем, что внутренняя реакция обладала тогда мощными силами, к тому же ей оказывал поддержку международный империализм.

Восстание под руководством Бай Лана являлось стихийным крестьянским выступлением, охватившим в течение двух лет провинции Хэнань, Хубэй, Аньхой, Шэньси и Ганьсу. В нем участвовали главным образом самые угнетенные и обездоленные слои деревни и города. Доведенные феодальной эксплуатацией и правительственным произволом до безысходной нищеты и отчаяния, они выдвинули лозунг имущественного уравнения богатых и бедных. Этот лозунг был их главным знаменем на протяжении всего восстания.

---

[77] Лай Синь-ся. Указ. соч., стр. 13; Цяо Сюй-у. Указ. соч., стр. 137, 140.
[78] Цяо Сюй-у. Указ. соч., стр. 140.

Пропаганда и осуществление уравнительного имущественного распределения являлись выражением утопического крестьянского коммунизма. Повстанцы наивно полагали, что таким путем можно уничтожить источники нужды и эксплуатации. Однако на практике лозунг «Уравнять богатых с бедными» означал призыв к уничтожению феодальной собственности на землю, к ликвидации класса помещиков и разделу их земли поровну среди крестьян. В этом заключалось прогрессивное тогда для Китая буржуазно-демократическое значение такого лозунга. В. И. Ленин в докладе на V съезде РСДРП говорил, что «крестьянские идеи об уравнительности — реакционные и утопичные с точки зрения социализма — революционны с точки зрения буржуазного демократизма» [79].

Восстание имело не только антифеодальную, но и антиимпериалистическую направленность. Повстанцы разрушали и уничтожали иностранные предприятия и миссионерские учреждения. Это была стихийная борьба угнетенного народа за освобождение своей родины от иноземных колонизаторов. Реакционная иностранная пресса неистовствовала, захлебываясь от бешеной злобы. И на этот раз империалистические державы были целиком на стороне китайской реакции и делали все, чтобы как можно быстрее подавить народное восстание.

Характерной особенностью движения Бай Лана являлось то, что восставшие продолжали бороться за те требования, которые выдвигались в революции 1911 года. Восставшие не только требовали уравнения богатых с бедными, изгнания иностранцев, но и стремились свергнуть диктатора Юань Ши-кая и создать «хорошее правительство». Таким образом, они воспринимали те лозунги буржуазной демократии, которые в известной степени отражали интересы широких народных масс.

За два года армия Бай Лана много раз наносила серьезные удары правительственным войскам. Источником ее неоднократных побед являлась активная поддержка со стороны широких слоев трудящихся масс. Восстание было исключительно популярным. Уже в те годы народ сложил песню о его руководителе Бай Лане. Вот отрывок из песни: «Почтенный Бай Лан, Бай Лан почтенный, отбирает у богатых, помогает бедным, где он проходит, люди говорят: Бай Лан хорош, за два года уравнял бедных и богатых» [80].

Восстание под руководством Бай Лана способствовало расшатыванию полуфеодального, полуколониального строя Китая, подтачиванию основ реакционной диктатуры бэйянских милитаристов. Этим восстанием китайский народ вписал еще одну героическую страницу в историю своей многовековой борьбы против иностранных и внутренних угнетателей.

---

[79] В. И. Ленин. Соч. Т. 12, стр. 419.
[80] Тао Цзюй-инь. Указ. соч. Т. 2, стр. 39.

Рецензии

История СССР

А. Ф. ЧМЫГА. *Очерки по истории колхозного движения на Украине (1921—1925 гг.)*. Изд-во Московского университета. М. 1959. 223 стр. Тираж 1 600. Цена 8 руб. 20 коп.

Победа колхозного строя в СССР — одна из актуальнейших тем советской исторической науки, имеющая огромное научное и политическое значение.

Среди многочисленных вопросов этой важной проблемы большое место занимает изучение раннего периода колхозного строительства, когда делались лишь первые шаги в социалистическом преобразовании деревни. Хотя коллективные хозяйства объединяли тогда небольшую часть крестьянских хозяйств и не играли серьезной роли в производстве сельскохозяйственной продукции, тем не менее этот период имел большое значение в истории колхозного строя. Именно тогда была найдена наиболее целесообразная форма колхозного движения и накоплен тот опыт руководства этим движением, без которого Коммунистическая партия не смогла бы успешно осуществить сплошную коллективизацию и избежать многих серьезных ошибок.

Вот почему настоятельно необходима разработка истории колхозного строительства не только периода сплошной коллективизации, но и более ранних этапов. Между тем имеются всего лишь две работы, специально посвященные этой проблеме [1], и две книги, в которых ей отведено более или менее значительное место [2].

В 1959 г. литература о раннем периоде колхозного движения пополнилась исследованием А. Ф. Чмыга «Очерки по истории колхозного движения на Украине (1921—1925 гг.)». Это первая монографическая работа, освещающая историю колхозного движения в восстановительный период на Украине [3], которая являлась в то время одним из самых крупных сельскохозяйственных районов страны.

Источниковедческая база монографии весьма широка. Автором исследованы и введены в научный оборот ранее неизвестные разнообразные материалы Центральных государственных архивов Октябрьской революции и социалистического строительства СССР и УССР, Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и его украинского филиала, опубликованные в свое время отчеты Наркомзема УССР, стенографические отчеты съездов колхозов и другие документы, а также материалы центральной и местной периодической печати. Кроме того, в работе использованы записанные автором ценные воспоминания ветеранов колхозного движения. (Можно только пожалеть, что А. Ф. Чмыга не опубликовала этих воспоминаний в ка-

[1] Н. Скрыпнев. Первые шаги социалистического переустройства сельского хозяйства. М. 1951; И. Конюков. Очерки о первых этапах развития коллективного земледелия. М. 1949.

[2] М. А. Краев. Победа колхозного строя в СССР. М. 1954; П. И. Лященко. История народного хозяйства в СССР. Т. III. М. 1956.

[3] До выхода книги А. Ф. Чмыга по данному вопросу были опубликованы лишь две специальные работы: Шерман. До історії колгоспного руху на Україні в 1921—1929 рр. («Наукові записки» Харьківского педагогичного інституту. Т. XI. Харьків. 1949); З. П. Шульга. Підготовка коллективізації сільского господарства на Україні («Наукові записки» Київського державного университету. Т. XV, вып. 1. 1956, № 1).

честве приложения к книге.) Все это позволило автору подготовить интересное исследование, заполнившее один из пробелов в нашей литературе по истории колхозного строя.

Монография начинается с краткого очерка состояния сельского хозяйства на Украине и борьбы за его восстановление в 1921—1925 годах. Здесь приведены интересные данные о распределении земли между помещиками и крестьянами накануне Великой Октябрьской социалистической революции, выяснены результаты, к которым привели аграрные преобразования в годы Советской власти. Расширение землепользования бедноты и среднего крестьянства на 16 млн. десятин, освобождение крестьян от ежегодных арендных платежей в размере 80 млн. руб., передача беднякам бесплатно значительной части сельскохозяйственного инвентаря, конфискованного у помещиков и кулаков,— таковы некоторые наиболее существенные из этих результатов. Аграрные преобразования первых лет Советской власти автор рассматривает как исходный момент в борьбе за подъем сельского хозяйства на Украине и во всей нашей стране, как важнейшую предпосылку социалистического строительства в деревне.

А. Ф. Чмыга подчеркивает, что хотя В. И. Ленин и партия начиная с 1917 г. призывали крестьян объединяться в коммуны и артели, тем не менее в 1921—1925 гг. восстановление сельского хозяйства происходило главным образом на основе укрепления мелких единоличных крестьянских хозяйств, так как подавляющее большинство бедняков и середняков в эти годы стояло еще далеко от понимания преимуществ коллективной обработки земли, а Советское государство не располагало необходимой материальной базой, чтобы форсировать переход к коллективным формам хозяйства. В работе приведены новые данные о ходе восстановления различных отраслей сельского хозяйства, а также о трудностях, которые пришлось преодолеть Советской власти. Политика Коммунистической партии встречала упорное противодействие кулачества, которое в те годы сохраняло еще на Украине довольно сильные позиции. «Экономической мощью кулачества определялась и его сила в деревне, его влияние на среднее крестьянство» (стр. 29),— делает вывод автор. С ним нельзя не согласиться.

Анализируя процесс восстановления сельского хозяйства, А. Ф. Чмыга раскрывает классовую направленность политики КПСС и Советского государства в отношении различных слоев крестьянства, приводит обширные материалы, характеризующие огромную помощь правительства бедняцко-середняцким хозяйствам. Довольно подробно рассказывается в книге о тех мерах, которые принимались для восстановления в максимально короткий срок предприятий сельскохозяйственного машиностроения в республике, для налаживания тракторостроения, расширения посевных площадей, повышения культуры сельскохозяйственного производства, и т. д., и т. п.

Констатируя бесспорные успехи сельского хозяйства в 1921—1925 гг., автор в то же время на конкретном материале раскрывает последствия господства мелкотоварного производства в деревне: дробление крестьянских хозяйств, приводившее к распылению орудий и средств производства. Все содержание первой главы дает экономическое обоснование того сделанного автором на стр. 28—29 вывода, что «существовал только один путь прекращения дальнейшего измельчания крестьянских хозяйств и ликвидации раздробленности сельского хозяйства — путь объединения крестьян в коллективные хозяйства, колхозы».

Вторая глава посвящена развитию колхозного движения на Украине в 1921—1925 годах. Здесь приводится множество новых фактов, свидетельствующих об огромной работе по пропаганде коллективных форм хозяйства, которую проводила КП(б)У через свои губернские, уездные и волостные организации, Советы, культурно-просветительные учреждения и партийную прессу. На многочисленных примерах раскрывается роль комнезамов как инициаторов колхозного движения. Приведены интересные материалы о зачинателях колхозного движения, среди которых было немало демобилизованных красноармейцев, комсомольских вожаков, женщин и т. п. «Мы,— писали, например, в своем заявлении в Наркомзем 30 демобилизованных красноармейцев,— будучи в рядах Красной Армии, несомненно пропитались духом коллективизма, а следовательно, единственным верным исходом для нас по выходе из Армии будет создание сельскохозяйственной коммуны» (стр. 85). Это лишь один из многочисленных документов, приведенных в книге. Они позволили автору во всей конкретности представить сложный процесс возникновения коллективных хозяйств в деревне.

В специальном разделе привлечены разнообразные и в значительной мере новые данные, характеризующие динамику колхозного строительства как в целом по Украине, так и по отдельным ее районам. Данные о численности колхозов наглядно раскрывают одну из особенностей колхозного движения в республике, которая заключалась в том, что здесь в отличие от других районов СССР переход к новой экономической политике не только не был сопряжен с уменьшением количества артелей и коммун, но совпал с заметным ростом их числа, начавшимся с 1921 г. и неуклонно продолжавшимся в течение всего восстановительного периода. Если, например, к концу 1920 г. в республике было 960 колхозов, то к концу 1921 г. их стало 2 119, а к октябрю 1925 г.— уже 5 454 (стр. 96). В 1925 г. на Украине насчитывалось более четверти всех коллективных хозяйств, имевшихся в СССР (стр. 103). Это очень важная цифра, но, к сожалению, автор не приводит данных о численности крестьянских хозяйств, объединенных тогда в колхозы, по годам и формам коллективных хозяйств на Украине. А без этих данных трудно судить о самом процессе и темпе коллективизации в республике.

Много ценных сведений содержится в разделе, посвященном формам колхозов и развитию каждой из них. Материалы книги свидетельствуют о том, что уже в эти годы на Украине преобладали артели, на долю которых к концу восстановительного периода приходилось более четырех пятых общего числа коллективных хозяйств (стр. 125).

На богатом конкретном материале А. Ф. Чмыга показывает условия, при которых возникали и развивались производственные объединения крестьян. Особенно подробно она освещает разнообразные формы борьбы кулачества против колхозов: открытое противодействие колхозному движению, распространение всякого рода небылиц, ложных слухов, создание лжеколхозов, проникновение в артели и коммуны с целью разложения их изнутри.

Наиболее интересна третья глава, где рассмотрены малоисследованные в литературе вопросы организации колхозного производства на раннем этапе колхозного движения. Автор начинает изложение с характеристики экономического состояния тогдашних колхозов. А. Ф. Чмыга показывает уровень обобществления орудий и средств производства в различных по формам коллективных хозяйствах, степень обеспеченности их рабочим скотом, машинами и другим инвентарем. «Когда знакомишься с началом деятельности колхозов, образованных в первой половине 20-х годов,— пишет автор,— бросается в глаза крайняя ограниченность инвентаря и рабочего скота в хозяйстве колхоза. 2—3 лошади, плуг, 2—3 бороны — вот, пожалуй, и все несложное хозяйство, с которым приходилось начинать новую жизнь крестьянам-колхозникам» (стр. 129). Коллективные формы производства открывали безграничные возможности для использования передовой сельскохозяйственной техники. Государство оказывало колхозам огромную помощь. В книге обобщены материалы, характеризующие эту помощь, освещено благотворное влияние, которое она оказывала на рост экономической мощи коллективных хозяйств.

В специальном разделе рассмотрены разнообразные формы организации труда в коммунах, артелях, товариществах по совместной обработке земли, формы его учета, показана трудовая активность колхозников, приведены сведения об успехах хозяйственной деятельности колхозов, о подъеме общественного хозяйства и т. п. Множество примеров иллюстрирует быстрый рост общественного хозяйства. Вот лишь один из них: артель «Раздолье», Печенежского района, Харьковской губернии, при своем возникновении (февраль 1923 г.) имела 2 лошади, 6 коров, 2 головы молодняка, 2 плуга, 3 бороны и 4 хаты. Через 2 года благодаря помощи государства, шефов-рабочих и дружному труду членов артели ее хозяйство значительно окрепло. В феврале 1925 г. здесь было уже 4 лошади, 3 пары волов, 9 голов молодняка, 8 свиней, около 180 голов птицы, 5 плугов, 6 борон, веялка, сеялка, соломорезка и жатка (стр. 130).

А. Ф. Чмыга исследовала формы распределения, практиковавшиеся тогда в колхозах, показала на конкретных примерах, как колхозники порывали постепенно с мелкобуржуазной уравниловкой, усваивали социалистические принципы распределения доходов по труду.

В последней, четвертой главе выясняется значение опыта колхозного строительства восстановительного периода для подготовки массового колхозного движения. Автор раскрыл то серьезное влияние, какое колхозы оказывали своими успехами на едино-

личное крестьянство, пробуждая в нем интерес к коллективному ведению хозяйства. Широкое ознакомление бедноты и среднего крестьянства с деятельностью колхозов сыграло большую роль в подготовке условий для великого перелома, который произошел в деревне в 1929 году.

В «Очерках» обстоятельно раскрыта руководящая роль Коммунистической партии в развертывании колхозного движения на Украине, освещена конкретная работа местных партийных организаций. Об их деятельности в той или иной мере говорится во всех главах книги. В четвертой же главе этому вопросу посвящен специальный раздел. В нем показано, как Коммунистическая партия изучала и обобщала опыт колхозного движения. Большой фактический материал, собранный автором, убедительно свидетельствует о том, что народные массы активно поддерживали политику Коммунистической партии. Лучшие представители украинского народа, борясь за победу колхозного строя, уже в восстановительный период внесли немалый вклад в это великое дело.

Разумеется, краткий обзор «Очерков по истории колхозного движения на Украине» не может претендовать на исчерпывающее изложение содержания монографии. Но сказанного достаточно для того, чтобы подтвердить данную выше положительную оценку книги.

Однако она не свободна и от недостатков. Наиболее существенный из них заключается в неубедительности, а иногда и в ошибочности аргументации некоторых широко известных и имеющих принципиальное значение положений. Например, во второй главе, анализируя социальный состав членов коллективных хозяйств, автор приходит к тем же выводам, что и другие исследователи. Но среди разнообразных статистических сведений, имеющих прямое отношение к рассматриваемой проблеме, А. Ф. Чмыга приводит данные, заимствованные из материалов Пирятинского уездного съезда колхозов Полтавской губернии. Согласно этим данным, в 18 колхозах уезда, организованных в течение 1920—1921 гг., местные жители составляли 95,5%; на долю хлебопашцев приходилось 92,5%, ремесленников — 6%, интеллигенции — 1,5%. Среди членов колхозов было безземельных 28%, имевших земли до 3 дес.— 48%, от 3 до 6 дес.— 17%, от 6 до 9 дес.— 6% и более 9 дес.— 1%. На основании этих данных А. Ф. Чмыга делает заключение: «Таким образом, только 7,5% не были крестьянами, остальные были крестьяне, причем, судя по их землеобеспеченности (разрядка наша.— *М. Н.*), главным образом беднота» (стр. 108).

Что беднота составляла большинство членов этих, как и всех остальных, колхозов, это бесспорно. Однако спорным и даже ошибочным является принцип «землеобеспеченности», которым автор руководствуется при определении социального состава членов колхозов, ибо в результате аграрных преобразований, проведенных Советской властью, даже самые бедные крестьяне получили достаточно земли, и не «землеобеспеченность», а необеспеченность рабочим скотом и сельскохозяйственным инвентарем стала главным признаком бедняцкого хозяйства.

Между тем этих данных, имеющих решающее значение для определения социального состава колхозников, в книге нет. Различие же в размерах землепользования крестьян, вступивших в колхозы, объясняется тем, что тогда далеко не во всех коллективных хозяйствах обобществлялась вся крестьянская земля и часто члены артелей и тозов наряду с общественной землей продолжали сохранять и индивидуальные участки. Кроме того, нужно принимать во внимание и размеры крестьянских семей, от чего также зависело количество обобществлявшейся земли.

А вот пример несколько иного рода. «С каждым годом крестьянство проявляло все больший интерес к вопросу коллективизации сельского хозяйства»,— пишет автор на стр. 76. Само по себе это положение не вызывает возражений. О правильности его неопровержимо свидетельствует рост числа колхозов в течение всего восстановительного периода. Но чем объясняет А. Ф. Чмыга этот факт? «Это объясняется, во-первых, тем,— читаем на той же странице,— что становилось все больше крепких колхозов, которые наглядно доказывали выгодность коллективного хозяйства, а во-вторых, тем, что сельское хозяйство Украины с каждым годом все больше получало тракторов, наиболее рационально использовать которые бедняцко-середняцкие хозяйства могли лишь при условии объединения в колхозы».

Такое объяснение не может считаться полным и точным.

Во-первых, в нем ни слова не сказано о огромной политической работе, которую

ртия проводила в деревне и которая бы-
направлена на всемерную популяриза-
ю коллективных форм хозяйства. Во-вто-
их, в нем не отмечено значение коопера-
вного движения, подводившего крестьян
уяснению преимуществ коллективной об-
ботки земли. В-третьих, оно замалчивает
ль рабочих в пропаганде коллективных
рм хозяйства. В-четвертых, оно не под-
ркивает значения помощи, которую ока-
вало Советское государство бедняцко-
редняцким массам. Разве все эти факто-
не влияли на пробуждение у крестьян
тереса к коллективизации? А. Ф. Чмыга и
ма говорит об этом, но в других разде-
х книги и в другой связи. Замалчивание
всего этого в данном случае приводит к
му, что остается необоснованным поло-
ение, имеющее принципиальное значение.

Кроме того, автор слишком прямолинейно
язывает «пробуждение интереса к кол-
ктивизации» с увеличением количества
акторов в сельском хозяйстве. Это ясно
дно из следующих данных, взятых из
цензируемой же книги (стр. 46—48): в
21 г. на Украине имелось 529 тракторов,
ичем пригодных к эксплуатации — всего
шь 200. В 1923 г. тракторный парк рес-
блики пополнился 60 машинами, купле-
ыми за границей. В течение 1925 г. укра-
ская деревня получила 3 190 тракторов.
сли бы коллективизация была столь непо-
едственно связана с ростом тракторного
рка, как считает автор, то темпы колхоз-
го движения неуклонно нарастали бы из
да в год и в 1925 г. достигли бы наиболь-
ей высоты по сравнению со всем предше-
вующим временем. Между тем в действи-
льности было иначе. В 1921 г. количество
олхозов увеличилось по сравнению с 1920 г.
два с лишним раза — с 960 до 2 119, в
22 г. по сравнению с 1921-м — на 894, или
очти на 45%; в 1923 г. по сравнению с
22 г.— на 899, или почти на 30%, в 1924 г.
сравнению с 1923 г.— на 1 170, или на
%, а в 1925 г., когда поступление тракто-
ов было особенно значительным,— всего
а 480, или на 9% (стр. 99). Таковы факты.
два ли они подтверждают выводы авто-
. Да и сама А. Ф. Чмыга в другом месте
ниги указывает, что в восстановительный
ериод колхозы «пользовались в основном
ким же примитивным инвентарем, что и
диноличные крестьяне» (стр. 140).

Такое же предпочтение социологической
ормуле выводам, основанным на резуль-
тах конкретно-исторического анализа, от-
дает А. Ф. Чмыга и при выяснении при-
чин более высокого темпа колхозного
движения на Украине по сравнению со
всей страной. По ее мнению, «это объяс-
няется тем, что хозяйство Украины было в
основном зерновым, наиболее благоприят-
ствующим образованию колхозов, а распро-
страненная в лесостепной части такая тру-
доемкая техническая культура, как сахар-
ная свекла, также в большой степени тре-
бовала объединенного труда» (стр. 103).
Такое объяснение ни о чем не говорит, ибо
оно не отвечает на естественно возника-
ющие у читателя вопросы: почему зерновое
направление сельского хозяйства наиболее
благоприятно для коллективизации; почему
для возделывания сахарной свеклы более
необходим общественный труд, чем для
возделывания других культур[4]; почему в
других зерновых районах страны, как, на-
пример, центрально-черноземном, где, к
слову сказать, и сахарная свекла также
возделывается с незапамятных времен,
темпы коллективизации в восстановитель-
ный период были значительно ниже, чем на
Украине; наконец, почему сама Украина,
сельское хозяйство которой сохраняло
прежнее направление, несколько позднее,
когда по всей стране развернулось массо-
вое колхозное движение, отстала по темпам
коллективизации от других районов, в осо-
бенности в лесостепной части, где, как уве-
ряет А. Ф. Чмыга, в 1921—1925 гг. «такая
трудоемкая техническая культура, как
сахарная свекла, в большой степени требо-
вала объединенного труда»?

В книге имеются и недостатки редак-
ционного характера. Так, некоторые поло-
жения в ней многократно повторяются:
вступлению крестьян в коллективные хо-
зяйства способствовало «наличие хорошо
организованных первых колхозов, возник-
ших в период гражданской войны и в нача-
ле 20-х гг.» (стр. 4); с каждым годом «ста-
новилось все больше крепких колхозов, ко-
торые наглядно доказывали выгодность кол-
лективного хозяйства» (стр. 76); «сущест-
вующие колхозы на опыте уже доказывали
крестьянам преимущество социалистической
формы хозяйства» (стр. 100); «уже колхо-

[4] Заметим, что даже в настоящее время, при несравненно более высоком уровне механизации сельского хозяйства, в свеклосеющих колхозах практикуется закрепление земельных участков за отдельными колхозницами, которые выполняют индивидуально, каждая на своем участке, все виды работ, вплоть до уборки свеклы.

зы восстановительного периода сумели наглядно показать крестьянству преимущество коллективного хозяйства по сравнению с мелким единоличным крестьянским хозяйством» (стр. 137) и т. д. Какой смысл в многократном декларировании данного положения, если в 3 и 4-й главах этот вопрос рассматривается специально?

Наконец, в книге не дается убедительной мотивировки хронологических рамок исследования. Несомненно, монография выиграла бы, если бы в ней были освещены и самые первые шаги колхозного движения, относящиеся к 1919—1920 годам.

Как видит читатель, отмеченные нами недостатки касаются не концепции монографии, а лишь некоторых частных вопросов. Полезная книга А. Ф. Чмыга будет, несомненно, с вниманием прочитана всеми, кто интересуется историей колхозного строя в СССР.

М. Е. Найденов

П. ГОЛУБ. *Солдатские массы Юго-Западного фронта в борьбе за власть Советов (март 1917 — февраль 1918 года)*. Госполитиздат УССР. Киев. 1958. 253 стр. Тираж 8 000. Цена 5 руб. 45 коп.

Участие солдатских масс в борьбе за Советскую власть получило некоторое освещение в исторической литературе. Можно указать монографии М. И. Капустина о Северном и Л. С. Гапоненко о Западном фронтах[1]. Гораздо слабее изучена борьба солдатских масс на других фронтах, особенно на Юго-Западном.

Изданная Госполитиздатом УССР в 1958 г. монография П. А. Голуба «Солдатские массы Юго-Западного фронта в борьбе за власть Советов» — первая научная работа, в которой обстоятельно освещается борьба солдат этого фронта за диктатуру пролетариата. В книге собран, систематизирован и проанализирован большой круг источников: донесений в главную ставку многочисленных цензоров о настроениях солдатских масс; приказов командующих армий, фронтов; сводок, воззваний и газет того времени; резолюций фронтовых революционных организаций и многих других.

Автор дает всестороннее освещение формирования революционных сил фронта, обеспечивших победу Советской власти в прифронтовой полосе к концу ноября 1917 г., то есть почти одновременно с Северным и Западным фронтами.

Революционные события на Юго-Западном фронте П. А. Голуб раскрывает на фоне социально-политической обстановки на Украине и во всей стране.

В монографии рассказано о помощи революционным солдатам Юго-Западного фронта со стороны рабочих и большевистских организаций Петрограда, Москвы, а также организаций Областного партийного объединения Юго-Западного края.

П. А. Голуб правильно отмечает, что Юго-Западный фронт в 1917 г. в силу ряда причин занимал особое положение. Общая численность четырех армий (VII, VIII, XI и Особой армии) достигала здесь к июню 3 млн. человек, что превышало более чем в два раза численность Северного и почти в два раза Западного фронтов. Протяженность Юго-Западного фронта составляла более 600 км (стр. 27). В этот район были стянуты многие казачьи и кавалерийские части, в том числе конные гвардейские полки, укомплектованные реакционным офицерством. Здесь подвизались наиболее видные контрреволюционные генералы: Корнилов, Деникин, Лукомский, Марков и др. Сюда эсеры и меньшевики направляли многочисленных представителей (стр. 35—38).

В своей борьбе против назревавшей социалистической революции контрреволюционные силы России и Антанты рассчитывали опереться прежде всего на Юго-Западный фронт. Временным правительством

[1] М. И. Капустин. Солдаты Северного фронта в борьбе за власть Советов. М. 1957; Л. С. Гапоненко. Солдатские массы Западного фронта в борьбе за власть Советов. М. 1953. Подробнее о литературе на эту тему см. «Вопросы истории», 1959, № 8, стр. 147.

мандованием русской армии летом 17 г. было намечено «грандиозное» наступление на Юго-Западном фронте. При пехе наступления можно было вызвать лну шовинизма и отвлечь массы от жгу- х вопросов революции, а при неудаче алить вину на большевиков и «рукой ждей мелкобуржуазной демократии, Це- тели, Черновых и т. д.— одним резким и шительным ударом покончить с растущей лой пролетарской партии» [2].

Наряду с агитацией за продолжение вой- командование русской армии и солдат- ие комитеты, в которых в то время гос- дствовали верные помощники контррево- юционного командования — эсеры и мень- вики, применяли жесточайшие репрессии солдатам, не желавшим умирать за инте- сы капиталистов. Так контрреволюционе- всеми способами пытались заставить ссы солдат продолжать войну.

Освещая июньское наступление и его про- л, автор приводит много новых фактов, казывающих деятельность представи- льств США, Англии, Франции и других ран на фронте, провоцировавших наступ- ние, вскрывает предательскую политику ртий меньшевиков и эсеров в период на- упления и его подготовки. Как отмечает А. Голуб, многочисленные миссии и де- гации (Франции — во главе с «социали- ом» А. Тома, Англии — во главе с «со- алистом» А. Гендерсоном, Бельгии — во аве с «социалистом» Вандервельде, Аме- ки — во главе с сенатором Рутом) разъ- жали по Юго-Западному фронту и звали сских солдат в наступление. «Все эти ссии,— подчеркивал в марте 1917 г. го- дарственный секретарь США Лансинг,— лжны были помешать большевикам раз- шить силу союзных держав, т. е. не дать ссии вырваться из войны» (стр. 74).

Опираясь на новые документы, П. А. Го- б делает вывод, что потери русской ар- и за период с 18 июня по 21 июля со- авили не 60 тыс., как считалось прежде, около 150 тыс. человек (стр. 84—86).

После провала наступления контрреволю- онное командование и комитеты Керен- ого обрушились на революционных сол- т фронта с еще более свирепыми репрес- ями. Большевики и сочувствовавшие им ктически были поставлены вне закона. книге приводится много новых данных о роре контрреволюции на фронте (стр. —101).

Несмотря на зверские расправы, силы революции на фронте не убывали, а с каждым днем росли и крепли. Солдаты все больше отходили от эсеров и меньшевиков на сторону большевистской партии. Особенно наглядный урок они получили в дни корниловского мятежа.

Корнилов в своих контрреволюционных планах большое внимание уделял штабу Юго-Западного фронта. Но эти планы были сорваны революционными действиями солдатских масс под руководством большевистской партии. Контрреволюционные генералы-заговорщики, в том числе Деникин, Марков, Орлов, были арестованы и заключены в бердичевскую тюрьму. Только благодаря вмешательству Керенского этих врагов революции вывезли под видом организации общего процесса корниловцев из Бердичева в Быхов, и им оттуда, как известно, удалось бежать на Дон (стр. 102—115).

На многочисленных примерах в книге показано, как основные массы солдат в период Октябрьской революции под руководством большевиков ликвидировали меньшевистско-эсеровские солдатские комитеты и нередко совместно с рабочими и крестьянами организовывали военно-революционные комитеты — боевые штабы борьбы за власть Советов в прифронтовой полосе Юго-Западного фронта. В ходе этой борьбы революционные силы наталкивались на ожесточенное сопротивление контрреволюции, сколотившей значительные силы в виде ударных батальонов, юнкерских отрядов, казачьих частей и т. д. Чтобы преградить путь надвигавшейся революции, русские реакционные генералы, ставшие во главе Юго-Западного и Румынского фронтов, вошли в соглашение с контрреволюционными силами Центральной рады.

В конце ноября и в декабре 1917 г. на всем Юго-Западном фронте и в его тылу разгорелась особенно острая борьба с объединенными силами русской и украинской контрреволюции. В упорных боях революционные части разгромили контрреволюцию на фронте и банды Центральной рады в прифронтовой полосе.

До последнего времени в литературе было распространено мнение, что в октябре—ноябре 1917 г. Советская власть установилась на Украине только в районе Донбасса. П. А. Голуб, ссылаясь на документы, опровергает этот неверный взгляд. Он отмечает, что в указанный период не только на востоке Украины, в Донбассе, но и на

[2] В. И. Ленин. Соч. Т. 25, стр. 65.

западе, в обширной прифронтовой полосе (Могилев-Подольск, Каменец-Подольск, Винница, Проскуров, Жмеринка, Новоград-Волынск, Луцк, Дубно, Ровно и др.), при активнейшем участии революционных солдат установилась Советская власть. Это обстоятельство оказало большое влияние на развитие и исход политических событий на Украине. Контрреволюционная Центральная рада с самого начала была вынуждена вести борьбу на два фронта, что, в конечном счете, явилось одной из важнейших причин ее краха.

В монографии на большом архивном материале впервые показано, что революционные солдаты Юго-Западного фронта были вооруженной опорой аграрного движения на Правобережье Украины. Это движение, принявшее огромный размах, стало одной из главных сил, обеспечивших в рассматриваемом районе падение власти Временного правительства, а затем и власти буржуазно-националистической Центральной рады.

Широкий круг фактических данных, привлеченных автором, убедительно говорит о том, что солдаты фронта в решающий момент схватки с украинской контрреволюцией (декабрь 1917 — февраль 1918 г.) отвлекли на себя главные силы украинских националистов и тем самым облегчили победоносное наступление советских войск на Киев с востока. Это был акт братской интернациональной помощи украинским братьям со стороны солдат фронта — в основном русских рабочих и крестьян.

Так выглядит борьба солдатских масс Юго-Западного фронта за социалистическую революцию в книге П. А. Голуба.

С помощью многочисленных архивных материалов автор опроверг ошибочные утверждения о пассивности и, более того, о контрреволюционности Юго-Западного фронта, которые долгие годы бытовали среди историков [3].

Книга П. Голуба не лишена недостатков. Главный из них, по нашему мнению, с стоит в том, что автор не показал вс сложности обстановки, создавшейся на У раине в 1917 г., в частности трудностей ошибок в работе партийных организаци Украины. Данное обстоятельство вынуж дает нас более подробно остановиться в этом вопросе.

С первых дней легальной деятельност после Февральской революции Киевский к митет большевиков возглавлял бывш меньшевик Г. Пятаков, который в годы по полья руководил некоторое время Киевски объединенным комитетом РСДРП и ве борьбу с ленинским ЦК большевиков [4]. Н ходясь в 1917 г. во главе Киевского коми тета большевиков, Г. Пятаков в свое борьбе против линии Ленина нашел сторо ников среди членов комитета (Я. Гамарни ка, А. Горвица, М. Майорова, И. Крейсбер га, Д. Иткинд, М. Зарницына и др.). Важ ные сведения об обстановке в Киевском ко митете и его ошибках содержатся в книг Е. Бош [5].

Разногласия в комитете шли по коренны вопросам революции: об отношении к во оруженному восстанию (правые были вооб ще против вооруженного восстания); об от ношении к Демократическому совещани (правые были за участие в его работе) об оценке Центральной рады (правые при навали последнюю единственной нацио нальной властью на Украине и считал необходимыми согласованные действия нею) [6].

5 августа 1917 г. на экстренном заседа нии Киевского комитета были заслушан доклады А. Иванова и Е. Бош, вернувши ся с VI съезда РСДРП(б). В прениях Г. Пя таков, А. Горвиц, Я. Гамарник выступил против подготовки к вооруженному восста нию, называя его «авантюризмом», «блан кизмом» и пр. [7]. Правые Киевского коми тета провели решение об участии в Демо кратическом совещании, и делегатом на эт совещание был избран Г. Пятаков.

В начале октября правое большинство Киевского комитета приняло предложение

---

[3] См. В. Затонский, И. Пуке, Д. Иткинд. Из истории Октябрьской революции в Киеве. Киев. 1927; И. Кулик. Киевская организация большевиков в Октябрьские дни. «Летопись революции», 1927, № 5—6. Не показывает роль солдатских масс Юго-Западного фронта в борьбе за Советскую власть на Правобережье Украины в 1917 и начале 1918 г. Н. Доний в работе «Большевистские организации Украины в борьбе за победу Великой Октябрьской социалистической революции» (сборник «Великий Октябрь». М. 1958).

[4] См. письма Г. Л. Пятакова («Петр») Плеханову (май — июнь 1912 г.) и Троцкому от 22 мая 1912 г., опубликованные Истпартом Киевского окрпарткома в сборнике «Нелегальная организация РСДРП в Киеве» (1911—1914 гг.). Госиздат Украины. 1930.

[5] Е. Бош. Год борьбы. 1925. Истпарт ЦК РКП(б).

[6] Там же, стр. 38.

[7] Там же, стр. 39.

еньшевиков о создании ревкома из представителей всех партий якобы для предотращения возможного кровопролития [8].

В дни Октября правые, не считаясь с ре-ительным протестом меньшинства Киевского комитета большевиков, избрали в ко-итет спасения революции (иначе говоря, пасения контрреволюции от Октябрьского оруженного восстания!) двух своих представителей и согласились, чтобы председателем этого комитета был Г. Пятаков. Это ешение внесло путаницу среди части больевиков Киева и в пролетарские массы, подимавшиеся с оружием в руках за власть оветов.

В конце октября Центральная рада при одействии правых Киевского комитета од видом поддержки восставших рабочих ахватила власть в Киеве. Пролетариат счиал себя победителем, потому что штаб Киевского военного округа с юнкерами бежал. о победа почти бескровно досталась не ролетариату, а Центральной раде. 1 ноября она выпустила воззвание, в котором объявляла себя центральной властью на Украине [9]. Руководящее положение в раде занимали социалисты-федералисты (украинские идеты), украинские меньшевики и эсеры. осле этих событий Центральная рада создала для борьбы с Октябрьской революцией на Украине краевой комитет спасения еволюции, куда вошли Г. Пятаков и . Крейсберг.

Оценивая эти грубейшие ошибки правых Киевского комитета в Октябрьские ни, Е. Бош писала: «Киевский комитет за сь период керенщины не выяснил для се роли и значения Центральной рады в реолюционном движении на Украине» [10]. ольшинство членов Киевского комитета з всяких оснований делало вывод о необдимости поддержки Центральной рады. 7 ноября рада опубликовала «Универ-ал», в котором еще раз открыто заявила, о она является центральной властью на краине. Рада стала стягивать в Киев свои ционалистические войска.

Среди рабочих Киева началось движение немедленную передачу власти Советам. евком, созданный Областным комитетом льшевиков, готовился начать вооруженю борьбу с Центральной радой. Но так к своих сил в городе было недостаточно, ило вынесено решение о переброске в Киреволюционно настроенного 2-го Гвардейского корпуса, расположенного в районе Бар — Винница. С этой целью намечалось выслать представителей ревкома и Областкома во 2-й Гвардейский корпус и к главкому Крыленко.

Если бы это правильное решение ревкома и Областкома было проведено в жизнь, контрреволюционная рада, безусловно, была бы разгромлена 2-м Гвардейским корпусом, насчитывавшим более 40 тыс. прекрасно вооруженных революционных солдат. Но правые Киевского комитета вступили в спор с Областкомом и ревкомом и одержали тогда верх. Революционные войска фронта на Киев не были двинуты.

Впоследствии уже ни январское восстание киевского пролетариата, мужественно боровшегося за власть Советов, ни организация с огромным запозданием всеукраинских органов Советской власти (в середине декабря 1917 г.), ни давление частей Юго-Западного фронта на контрреволюционную Центральную раду не могли повернуть события в сторону закрепления Советской власти на Украине в тот период. Время было упущено в значительной мере из-за ошибок правых Киевского комитета большевиков.

П. А. Голуб недостаточно раскрыл деятельность большевиков Юго-Западного фронта в период мирного развития революции (март—июнь 1917 г.). В книге правильно подчеркивается, что по ряду объективных причин численность большевиков фронта в этот период была сравнительно невелика. Нередко большевикам приходилось работать в объединенных организациях. Однако они при поддержке ЦК РСДРП(б) в чрезвычайно сложных условиях проводили активную работу по политическому воспитанию миллионов солдат. Более полное освещение этой их деятельности помогло бы глубже оценить роль партии большевиков в борьбе за массы.

Автор отмечает разложение войск Центральной рады, правильно связывая это с такими факторами, как стремление украинских крестьян-солдат к разделу помещичьих земель и к миру, чему упорно противодействовали украинские буржуазные националисты. Поэтому агитационная работа большевиков среди украинских солдат находила глубокий отклик и пользовалась все возраставшей поддержкой солдатских масс. Однако деятельность большевиков в украинизированных частях фронта в монографии прослежена мало и нуждается в более глубоком освещении. Эти части, особенно на

[8] Там же, стр. 42.
[9] Там же, стр. 63—64.
[10] Там же, стр. 45.

первых порах, служили опорой Центральной рады. Показ того, как солдаты-украинцы освобождались от националистического влияния, имеет важное научное и политическое значение.

В рецензируемой работе следовало бы шире привлечь фактический материал о боевых действиях революционных частей Юго-Западного фронта против украинских националистов на Правобережной Украине в начале 1918 г. и при выходе фронтовых частей через оккупированную Украину в феврале — апреле 1918 года. До сих пор эти события в нашей исторической литературе вообще не освещались. Книга П. А. Голуба в известной мере заполняет «белое пятно». Но события, о которых идет речь, заслуживают более обстоятельного изучения. Здесь исследователя, несомненно, ждут немалые трудности, так как архивы революционных организаций, действовавших в тот период на Правобережье, почти не сохранились. Дальнейшие поиски и систематизация сохранившихся документов, а также использование многочисленных воспоминаний участников революционных событий на Украине в 1917 и начале 1918 г., написанных к 40-летию Октября, позволят полнее характеризовать борьбу рабочих, крестьян и солдат за власть Советов на Правобережье Украины.

Несмотря на отмеченные недостатки, общая оценка книги может быть только положительной. Монография П. А. Голуба является вкладом в историческую литературу об Октябрьской революции на Юго-Западном фронте и вообще на Украине.

Ф. В. Попов

П. А. ЗАЙОНЧКОВСКИЙ. *Кирилло-Мефодиевское общество (1846—1847)*. Изд-во Московского государственного университета. М. 1959. 170 стр. Тираж 3 000. Цена 6 руб. 15 коп.

Литература по истории Кирилло-Мефодиевского общества пополнилась исследованием П. А. Зайончковского, который пересмотрел и дополнил новыми материалами ранее опубликованную им на эту тему работу. В настоящем виде книга содержит обзор источников и литературы вопроса, вводную главу, посвященную характеристике Украины 40-х годов XIX в., и три главы, рассматривающие основной сюжет: возникновение и состав, идеологию и тактику этого общества, арест его членов и следствие по их делу.

П. А. Зайончковский стремится обосновать свои выводы данными источников, критически используя их свидетельства.

Автор выясняет социально-экономическую почву, на которой возникло Кирилло-Мефодиевское общество, и показывает, как в феодально-помещичьем хозяйстве появлялись ростки капиталистических отношений, как оно втягивалось в рыночные связи и перестраивалось. Анализируя состав украинского крестьянства, П. А. Зайончковский констатирует наличие в его среде огромного экономического неравенства, способствовавшего зарождавшемуся процессу капиталистической дифференциации деревни. В то же время большая часть украинских крестьян была на барщине, что вместе с другими повинностями вело к сокращению крестьянских посевов и обеднению этой категории населения. Тяжесть положения крестьян усиливалась национальным гнетом, так как около половины крестьян находилось в зависимости от польской шляхты (на Правобережной Украине). Все это вызывало крестьянские волнения, достигавшие в 40-х годах XIX в. значительных размеров.

В последнем разделе вводной главы автор указывает, что в 40-х годах XIX в. в России формировалась буржуазная идеология, появились революционно-демократическое и либеральное направления, до конца 50-х годов выступавшие совместно против крепостного права. Аналогично шло развитие общественного движения на Украине. Автор формулирует очень важное положение: «Общественное движение на Украине было тесно связано с общероссийским, ощущая на себе его могучее воздействие» (стр. 56). Однако, перейдя к краткому изложению основных фактов украинского общественного движения 30—40-х годов XIX в., П. А. Зайончковский не показал,

к русская общественная мысль и русское щественное движение того времени спо-ствовали росту общественного движе-я на Украине. Между тем и упоминае-я в книге украинская фольклористика и тература развивались в теснейшей связи усскими. М. А. Максимович и И. И. Срез-вский были органически связаны не толь-с украинской, но и с русской литературой фольклористикой. То же можно сказать о других лицах, названных в данном раз-ле.

В главе «Возникновение и состав обще-ва» П. А. Зайончковский исходит не из сказываний некоторых мемуаристов о льшом числе участников общества, а из знаков, определяющих факт участия в (признание программных положений об-ства, связь с его организаторами, дея-льность того или иного члена в этом об-стве, признание принадлежности к обще-у данным лицом или другими). В итоге тор устанавливает, что Кирилло-Мефоди-кое общество состояло из 12 человек. Он шет, что Т. Г. Шевченко не мог призна-ть программу общества, так как его ляды были значительно радикальнее, и деям общества он, по словам Н. И. Ко-марова, относился «с большим задором крайней нетерпимостью» (стр. 76). Нам ставляется, что аргументация автора рывает неверные представления, выска-ваемые в литературе о том, что Шевченко руководителем Кирилло-Мефодиевско-общества. В книге дается характеристи-социального состава общества, которое ъединяло дворянскую мелкопоместную лодежь.

Идеологии Кирилло-Мефодиевского обще-ва специально посвящена глава четвертая. ней автор анализирует программные до-менты общества, сопоставляет их с «Кни-народа польского» А. Мицкевича, со новами верующего» Ф. Р. Ламенне. В ито-он приходит к выводу, что в идеологии рилло-Мефодиевского общества были эле-ты христианского социализма, не позво-ющие считать, однако, его членов пред-вителями этого течения. Такая оценка, нашему мнению, правильна. Автор отме-т и националистические черты в идеоло-общества (стр. 82). Этот вывод, как редыдущий, в книге доказан. Таким же спорным представляется нам и утверж-ие П. А. Зайончковского об антикрепост-еском и антицаристском направлении щества.

П. А. Зайончковский, ссылаясь на за-писку одного из активных членов обще-ства, В. И. Белозерского, считает, что идеи объединения славян в идеологии общества «были подчинены основной идее — идее освобождения Украины от национального гнета и пут феодализма» (стр. 90). В другом месте, излагая историю образования обще-ства, автор замечает, что эта идея явилась «тем связующим звеном, которое обусловило их (членов общества.— *С. Н.*) дружбу, а позднее сделало их политическими едино-мышленниками» (стр. 65). Такое определе-ние правильно показывает соотношение двух основных положений в программных доку-ментах общества. Если же говорить о про-цессе складывания этих взглядов в созна-нии кирилло-мефодиевцев, то соотношение указанных основных идей в мировоззрении отдельных членов общества не было одина-ковым. Так, идея славянского единения, межславянских культурных связей занима-ла у Костомарова больше места, чем у Бе-лозерского. Эта идея сыграла цементирую-щую и, можно сказать, стимулирующую роль в отношении развития идей украинско-го национализма. Та исключительная крат-кость и конспективность, какие свойственны книге П. А. Зайончковского, помешали ав-тору достаточно разобрать и изложить эту существенную проблему. Между тем идея славянского сближения пропагандировалась в России различными людьми и в разной трактовке.

На наш взгляд, наряду с отмечаемым ав-тором влиянием декабристов и польского шляхетского освободительного движения следовало бы рассмотреть вопрос о воздей-ствии на членов общества идей чешского и словацкого национального движения. Рабо-та Я. Коллара[1] была издана в русском пе-реводе в то самое время, когда складыва-лись взгляды Костомарова и других членов общества. Его сочинение «О славянской взаимности» получило отклик в ряде стран, где шел процесс формирования националь-ной идеологии. Была ли идеология кирилло-мефодиевцев в какой-либо мере близка взглядам Коллара или члены общества от-талкивались от взглядов последнего в про-цессе формирования и развития своей идео-логии? Об этом автор, к сожалению, не го-ворит. Важная тема, подсказываемая самим

[1] И. Коллар. О литературной взаим-ности между племенами и наречиями слав-янскими. «Отечественные записки». Т. VIII. 1840, отд. 2, стр. 1—95.

материалом (письма Ганки, взятые при обыске у Гулака, наличие в бумагах Белозерского выписок из произведений деятелей славянского движения), осталась нерассмотренной.

Вряд ли стоило обходить молчанием и вопрос о взаимоотношении идеологии Кирилло-Мефодиевского общества и славянофильства. Тут налицо и личные связи представителей обоих направлений: близкое знакомство Н. И. Костомарова и П. А. Кулиша с Н. А. Ригельманом — и, как нам кажется, известное влияние славянофильства на представления кирилло-мефодиевцев о ранних периодах истории славян, о русском языке как общеславянском. Нет никаких сомнений, что между славянофильством и Кирилло-Мефодиевским обществом имеются огромные идейные различия. Однако существуют и некоторые точки соприкосновения. Разъяснить все это необходимо, тем более что в книге не раз цитируются документы, употребляющие понятие «панславизм» и в отношении к кирилло-мефодиевцам и в отношении к представителям национального движения западных славян. К сожалению, как само понятие «панславизм», так и правомерность употребления этого термина автором не разъясняются. Между тем следует различать реакционные идеи панславизма от идей славянского демократического объединения, высказывавшихся членами Кирилло-Мефодиевского общества. Нельзя не отметить досадного недоразумения: автор, говоря о будущем административном устройстве славянской федерации, относит черногорцев и сербов к «западнославянским народностям» (стр. 86).

Изучение программы общества — его антикрепостническая и антимонархическая направленность, стремление к самостоятельности всех славянских племен на основе равенства граждан и «народного правления» — дает основания автору сделать вывод об объективно буржуазном характере данной программы. Эту справедливую мысль П. А. Зайончковский подтверждает словами Костомарова, раскрывающими внутреннее устройство федерации,— одинаковые законы и права, отсутствие таможен, свобода торговли, уничтожение крепостного права и рабства, автономия каждой составной части федерации и т. д. (стр. 89).

Тактика общества определялась в программных документах как мирная и сообразующаяся с евангельскими правилами любви, кротости и терпения. Основной формой его деятельности считались пропаганда («действовать на умы») и просвещени «Главною целью поставить себе должн распространение образования и идей хр стовых» (стр. 93). В связи с этим авто справедливо отмечает недостаточную ко кретность тактических положений общ ства и неясность способов достижения н ционального и социального освобожден Украины.

П. А. Зайончковский считает тактически положения кирилло-мефодиевцев утопичны ми (там же). Можно было бы согласиться с этим мнением, если бы автор прокомме тировал § 108 «Закона божия» («Кни бытия»), где сказано: «Встанет Украина и своей могилы и опять воззовет к братья Славянам, и услышат воззвание ее, и во станет Славянщина, и не останется ни ца ря, ...ни пана, ни боярина, ни крестьянина ни холопа...» (стр. 160). Для принятия тези са о мирном характере тактики обществ следовало бы доказать, что «восстание» данном контексте не означает действитель ного восстания, поскольку эти слова могу вызвать сомнение в правильности положе ния автора. Тезис о том, что общество вы ражало «интересы зарождавшейся украин ской буржуазии, пытавшейся осуществит свои политические идеалы путем реформы (стр. 94), может также породить возраже ния в связи с отмеченным выше местом про граммного документа.

Очень интересен раздел, в котором рас сматриваются взгляды отдельных членов об щества. Здесь речь идет о Н. И. Гулаке А. А. Навроцком, И. Я. Посяде, Н. И. Са виче, Т. Г. Шевченко, Г. Андрузском П. А. Кулише. Что же касается воззрени Костомарова и Белозерского, то они, ка сказано в книге, наиболее полно отраже ны в программных и тактических докуме тах.

Взгляды Гулака П. А. Зайончковский сч тает более радикальными, чем идеи, выра женные в основных документах общества Автор привел показание А. И. Петрова, ко торый на очной ставке в III отделении го ворил о мыслях Гулака относительно вос стания славян против верховных властей, о возможности при определенных обстоятель ствах пожертвовать династией. Учитывая это, П. А. Зайончковский отмечает у Гулака «колебания в сторону революционных ме тодов» (стр. 96), но не считает его сторон ником таковых, так как он признавал «За кон божий» и устав общества. Однако при веденный нами выше § 108 «Закона» не под тверждает точку зрения автора. Остается

крытым вопрос, нет ли в «Законе» попыт- примирить два взгляда на пути даль-йшей деятельности общества, нет ли в м известного компромисса между воззре-ями сторонников реформ и революционно- восстания. Данная в работе характери-ика взглядов Гулака представляется спор-й.

Автор признает идейную близость между улаком и Навроцким. Поэтому наши со-ражения в полной мере относятся и к ыводам автора о Навроцком.

Посяда правильно представлен в работе бералом. Удачной является характеристи- взглядов Савича как человека, испытав-его на себе влияние идей французского опического социализма, что привело к ре-люционным тенденциям в его воззрениях. днако неустойчивость Савича не позволяет деть в нем последовательного представи-ля революционного направления в обще-ве. Да и данных о его взглядах у нас достаточно

Т. Г. Шевченко рассматривается в книге к единственный представитель революци-ного направления. То, что он был пред-авителем последнего, никто не оспари-ет; утверждение же, что он был един-венным в связи с приведенными выше за-чаниями о Гулаке и Навроцком, остается доказанным. Взгляды Андрузского и Ку-ша по сравнению с программными уста-вками общества характеризуются автором к более умеренные. С этой точкой зрения А. Зайончковского нельзя не согла-ться.

Однако нам представляется сомнительной опытка автора характеризовать все обще-во (за исключением Т. Г. Шевченко) как оявшее на либерально-реформистских по-циях, хотя он признает наличие у неко-рых членов общества тенденции к рево-юционной борьбе. Выделение Шевченко, особление его позиции от позиций других енов общества является правильным то же время объяснение взглядов Гулака Навроцкого как противников революцион-их методов действия (стр. 96) неубеди-льно, хотя они и были менее последова-льны, чем Шевченко (стр. 94—96).

Последняя глава посвящена практической ятельности Кирилло-Мефодиевского обще-ва. Она выразилась в сборе денег на под-товку издательских предприятий, состав-нии некоторых проектов дальнейших на-наний. В той же главе говорится об аре-е его членов. Обстоятельно излагая ход следствия, П. А. Зайончковский останавливается на роли управляющего 1-й экспедицией III отделения Попова, который подсказал Костомарову и, вероятно, Белозерскому линию поведения, отличную от той, которую Костомаров проводил первоначально.

Автор считает, что самодержавие искало путей для смягчения участи арестованных, так как, с одной стороны, реформистские планы кирилло-мефодиевцев не представляли опасности для царизма, а с другой,— заигрывая с западнославянским национальным движением (в книге «с западноевропейским панславизмом», стр. 138), царское правительство не хотело жестокой расправой оттолкнуть от России зарубежных славян. К этим основным соображениям прибавлялось еще и нежелание царизма признать наличие национального движения на Украине в условиях, когда внешнеполитическая обстановка требовала демонстрации внутренней мощи России. По нашему мнению, наименее убедительной представляется вторая мысль. Здесь много неясного. Непонятно, что имеет в виду автор, когда говорит о «западноевропейском панславизме», будто бы ставившем своей задачей объединение славян. Польское национальное движение 40-х годов XIX в. таких целей не преследовало. Об этом отчетливо свидетельствуют и Краковское восстание 1846 г. и события 1848 года. Позиция царского правительства в отношении Польши известна. Ни о каком «заигрывании» здесь говорить не приходится. Что касается национального движения чехов и словаков, оно также не имело панславистского характера и не добивалось создания общеславянского политического объединения. Борьба велась здесь за определенное решение вопроса о положении славянских народов в Австрийской империи. Такими были стремления чешских и словацких деятелей до 1848 г., они получили окончательное оформление на Славянском съезде 1848 года. Думается, что наиболее близким к истине является третье соображение: желание правительства Николая I скрыть наличие национально-освободительного движения на Украине.

Книга П. А. Зайончковского—интересное исследование, ставящее по-новому ряд вопросов. Большая часть их решена правильно. Хотя аргументация автора не всегда убедительна, тем не менее нельзя не признать серьезного исследовательского подхода, свойственного всей работе. Значение

книги и в том, что автор ведет на ее страницах борьбу с теми, кто пытался идеализировать программу и деятельность Кирилло-Мефодиевского общества.

В приложении к книге напечатан «Закон божий», являющийся основным программным документом Кирилло-Мефодиевского общества. Он впервые публикуется на русском языке. Книга снабжена также подробной библиографией и указателем имен.

С. А. Никитин

Всеобщая история

«История Кореи». Том II. Издание Института истории АН КНДР. Пхеньян. 1958. 892 стр. Тираж 30 000 (на корейском языке).

В 1958 г. в Пхеньяне вышел второй том «Истории Кореи» [1], написанный коллективом ученых Корейской Народно-Демократической Республики [2]. Этот большой труд отражает достижения исторической науки в КНДР, свидетельствует о том, что за годы народной власти в стране вырос большой отряд ученых, успешно разрабатывающих актуальные и сложные проблемы корейской истории [3].

Рецензируемый труд охватывает столетнюю историю страны, с 60-х годов XIX в и до наших дней. Половина книги посвящена современной истории Кореи, начиная с августа 1945 г., когда корейский народ, освобожденный Советской Армией от многолетнего колониального господства японского империализма, осуществил народно-демократическую революцию и развернул борьбу за построение социализма, за национальное единство.

Руководствуясь марксистско-ленинской теорией, авторский коллектив по-новому подошел к оценке некоторых исторических событий, более полно осветил отдельные спорные и нерешенные проблемы новой и новейшей истории Кореи

К числу таких проблем относится периодизация истории страны в новое и новейшее время. В исторической литературе КНДР высказывались различные точки зрения, и до сего времени по этому вопросу еще нет единого мнения [4]. Так, корейский историк Ли На Ен считает началом новой истории Кореи 60-е годы XIX в., когда капиталистические державы силой оружия попытались «открыть» Корею и добиться ее закабаления. Пак Лин Хен это относит к 1876 г., когда был заключен первый неравноправный договор с Японией.

Началом новейшей истории Кореи Ли На Ен считает 1919 г., когда возникло первомартовское народное восстание. По его мнению, первомартовское восстание, завершившее антифеодальную антиимпериалистическую борьбу под флагом буржуазной демократии, означало конец буржуазно-демократической революции старого типа и в то же время положило начало революционному движению под руководством корейского рабочего класса. С этого времени корейская революция стала составной частью мировой пролетарской революции [5]. Пак Лин Хен предлагает начинать новейшую историю с 15 августа 1945 года [6]. Следует отметить, что на совещании работников исторического фронта, созванном ЦК Трудовой партии Кореи 7—8 мая 1958 г. [7], единства взглядов

[1] См. рецензию на первый том «Истории Кореи». «Вопросы истории», 1957, № 8.

[2] Второй том книги написан следующими авторами: Ли На Еном (гл. 16, 17, 18, 20, 29), Ким Кен Ином (гл. 19), Ким Си Чжуном (гл. 21), Ли Чжэ Римом (гл. 22, 23, 24), Чон Сок Тамом (гл. 25, 26, 27), Чан Мун Соном (гл. 28), Ен Чан Елем (гл. 30).

[3] В корейской печати отмечался выход второго тома «Истории Кореи» как крупный шаг в развитии исторической науки в КНДР, но обращалось внимание на некоторые недочеты и прежде всего на недостаточно высокий научный и теоретический анализ процесса развития корейского общества. См. рецензию Ким Ен Сук в журнале «Екса квахак», 1959, № 2, стр. 61—69

[4] См. Ли На Ен. О периодизации новой истории Кореи. «Екса квахак», 1957, № 4, стр. 38—50; Пак Лин Хен. Некоторые соображения по вопросу периодизации новой истории Кореи. Там же, стр. 51—57.

[5] Ли На Ен. О периодизации новой истории Кореи, стр. 44.

[6] Пак Лин Хен. Некоторые соображения по вопросу периодизации новой истории Кореи, стр. 54—55.

[7] См. «Нодон синмун», 16 мая 1958 года

в вопросе о периодизации истории Кореи не было достигнуто.

Авторы второго тома в основном придерживаются периодизации, предложенной Ли На Еном. Нам представляется, что это правильный и плодотворный путь, позволяющий выявить внутренние процессы исторического развития страны и наметить его основные этапы.

Однако в книге, на наш взгляд, недостаточно четко определено начало новейшей истории Кореи. Заключительный этап новой истории освещается в 20-й главе, которая охватывает события 1910—1919 годов. Целесообразнее было бы эту главу закончить 1917 г., а последний раздел ее — «Победа Великой Октябрьской социалистической революции и первомартовское движение в Корее» — перенести в следующую главу, чтобы она открывала историю Кореи с 1917 г., то есть новейшую историю. Каковы бы ни были особенности развития революционной борьбы внутри отдельных стран, общепризнано, что Великая Октябрьская социалистическая революция, открывшая новую эру в развитии человечества, явилась началом новейшей истории.

Заслугой авторов является то, что они сумели подробно и всесторонне показать национально-освободительное движение корейского народа на протяжении нового и новейшего времени. Главы и разделы, посвященные этой проблеме, насыщены богатым фактическим материалом, в них дана яркая картина борьбы трудового народа за свою свободу и независимость как против Японии, США, Англии и других империалистических стран, так и против феодальной клики в своей стране.

На основе конкретного исторического материала в книге анализируется борьба корейского народа против агрессивных действий Японии, США, Англии и Франции, предпринятых в 60-х и 70-х годах XIX столетия с целью заставить корейское правительство «открыть» страну для широкого проникновения иностранцев. Феодальная монархия не смогла противостоять нажиму капиталистических держав.

Авторы подробно рассмотрели историю первого неравноправного договора между Кореей и Японией (1876), раскрыли его колонизаторскую сущность и показали его пагубные последствия для дальнейшей судьбы корейского государства. Этот договор, как справедливо подчеркивается в книге, положил начало заключению серии неравноправных договоров Кореи с западными капиталистическими государствами и открыл путь для экспансии японского империализма.

Интерес вызывает раздел о реформаторском движении в Корее в 80-х годах прошлого столетия. Авторы по-новому подошли к оценке этого движения, а также государственного переворота 1884 года. До последнего времени в советской и корейской историографии реформаторское движение освещалось односторонне. Оно рассматривалось преимущественно как заговор кучки изменников, продавшихся японским колонизаторам и пытавшихся с их помощью установить в стране марионеточный режим [8]. В рецензируемом труде пересмотрена эта точка зрения.

За последние годы корейские историки много сделали для изучения реформаторского движения. По данному вопросу опубликован ряд статей, написанных на основе изучения первоисточников. Существовавшее прежде мнение впервые было пересмотрено в статье Ли На Ена «Изучение вопросов, связанных с переворотом 1884 г.» [9]. Давая новую оценку реформаторского движения, Ли На Ен писал, что оно явилось первым политическим верхушечным буржуазным движением, направленным против основ феодального строя. Такая же оценка дается во втором томе «Истории Кореи» (стр. 60) и в книге Ли На Ена «История национально-освободительной борьбы в Корее» [10].

Прогрессивное значение этого движения, как подчеркивается во втором томе, состояло в том, что впервые за всю историю страны была предпринята попытка подорвать устои феодального строя с целью «превращения Кореи в современное государство» (стр. 60). Нам представляется, что эта оценка преувеличивает цели реформаторов. Их программа все же не выходила за рамки

---

[8] См. Г. Д. Тягай. Крестьянское восстание в Корее 1893—1895 гг. М. 1953; ее же. Очерк новой истории Кореи. Сборник «Корейская Народно-Демократическая Республика». М. 1954; «Очерки по истории освободительной борьбы корейского народа». М. 1953. В последней работе «Народное движение в Корее во второй половине XIX в.» (М. 1958) Г. Д. Тягай пересмотрела свою прежнюю точку зрения.

[9] См. «Екса квахак», 1955, № 11, стр. 10—37; 1956, № 1, стр. 1—23.

[10] Ли На Ен. Чосон минчжок хэбан тхучженса (История национально-освободительной борьбы в Корее). Чосон нодонтан чхульпханса. 1958, стр. 84. Эта точка зрения доминировала на совещании работников исторического фронта в мае 1958 года. См. «Нодон синмун», 16 мая 1958 года.

существовавшего строя. Подчеркивая положительную сторону в деятельности корейских реформаторов, автор в то же время вскрывает причины слабости движения и показывает классовую ограниченность его руководителей. Основной причиной провала государственного переворота 1884 г., подготовленного сторонниками реформаторского движения во главе с Ким Ок Кюном и направленного против стоявшей у власти консервативной партии, как известно, явилось то, что в большинстве своем его участники, будучи выходцами из дворянской среды, игнорировали народные массы и не опирались на них. Отсутствие у реформаторов связи с народом позволило консерваторам мобилизовать свои силы для разгрома реформаторского движения, которое они объявили антигосударственным заговором, инспирированным японскими колонизаторами.

Воссоздав реальную картину реформаторского движения, авторы, к сожалению, недостаточно раскрыли внутренние социальные и политические предпосылки его возникновения и развития.

В труде подробно анализируется крестьянская война 1893—1895 гг., которая, несмотря на свои очевидные слабости, представляла серьезную угрозу для феодального строя и была направлена также против иностранной агрессии. Авторы приводят интересные сведения о деятельности местных органов самоуправления «Чипкансо», созданных крестьянскими массами, вскрывают основные причины поражения восстания: отсутствие революционной программы, способной мобилизовать крестьянские массы и городскую бедноту на штурм феодального строя, неспособность руководителей объединить силы восставших крестьян и последовательно бороться за их интересы (стр. 103). Корейские историки обсуждают некоторые вопросы истории крестьянской войны 1893—1895 годов. В частности, продолжаются споры о характере и роли «Чипкансо» как органов народной власти, созданных в ходе восстания. Во время проходившей в августе 1959 г. дискуссии о крестьянской войне 1893—1895 гг. критиковалась переоценка роли «Чипкансо», имеющая место в рецензируемой книге [11].

Немеркнущей страницей в истории корейского народа всегда останется антияпонская вооруженная борьба народных масс в годы японского протектората (1905—1910 гг.). В книге приводятся многочисленные факты, свидетельствующие о размахе этого движения, о мужестве корейских партизан, сумевших в течение многих лет противостоять хорошо обученным и вооруженным японским карателям. В работе дается четкий анализ социального состава участников антияпонского движения, разоблачается предательская роль корейской феодальной верхушки, помогавшей японским империалистам поработить корейский народ.

В том же разделе затронуты проблемы культурно-просветительного движения, направленного своим острием против империалистического и феодального гнета. Автор справедливо отмечает, что патриотическая деятельность корейских просветителей, несмотря на их классовую ограниченность, оказала революционизирующее воздействие на национальное самосознание корейского народа. Вместе с тем он подчеркивает наивность их представления о том, что будто путем распространения образования, культуры и науки можно было преобразовать феодальное общество.

Большое место в книге отведено вопросам национально-освободительной борьбы, рабочего и коммунистического движения в Корее после Великой Октябрьской социалистической революции. Указав на историческое значение победы Великого Октября для подъема национально-освободительного движения корейского народа, авторы подробно рассказывают о первомартовском народном восстании 1919 г., охватившем почти все провинции Кореи. В книге анализируется расстановка классовых сил и социальный состав участников движения, отмечается, что впервые на арену политической борьбы вышел молодой рабочий класс Кореи, который принимал вместе с другими слоями населения активное участие в восстании 1919 года. В рецензируемом томе правильно объяснены причины поражения этого восстания и разоблачена предательская роль верхушки буржуазных националистов, которые связывали освобождение Кореи с пресловутыми вильсоновскими принципами самоопределения наций.

Приведенные во втором томе конкретные материалы и факты опровергают версию буржуазной историографии о том, что народное восстание 1919 г. было якобы всего-навсего мирной демонстрацией, организованной корейскими националистами [12]. В

[11] См. О Киль По. Крестьянская война 1893—1894 гг. и учение Тонхак. «Екса квахак», 1959, № 5, стр. 65—66.

[12] R. T. Oliver. Syngman Rhee. The Man behind the Mith. New York. 1954.

ротивоположность буржуазным исследова-елям, которые представляют правое крыло ржуазных националистов в качестве вы-азителей интересов всего народа, авторы оказали, что в ходе движения идеология ржуазного национализма полностью анкротилась и была отвергнута народны-и массами. Своими капитулянтскими дей-твиями буржуазные националисты не толь-о парализовали революционный порыв на-ода, но и содействовали японским колони-аторам в подавлении восстания 1919 года.

Молодой рабочий класс Кореи в силу от-утствия организационного и политического ыта борьбы не смог возглавить нараста-ее народное движение в общенациональ-ом масштабе, повести за собой крестьян и ругие слои трудового населения. Однако ревое выступление рабочих в ходе восста-ия и банкротство буржуазного национализ-а способствовали упрочению положения абочего класса в национально-освободи-ельном движении.

Вопросы рабочего и коммунистического вижения в Корее 1920—1930 гг. зани-ают одно из центральных мест в книге. вторы сумели нарисовать картину героиче-кой борьбы рабочего класса и всего наро-а против японских империалистов.

Читатель получает представление о раз-ахе и характере рабочего и коммунистиче-кого движения в Корее, о его сильных и лабых сторонах.

Вместе с тем нужно отметить, что в рабо-е еще не до конца решены такие проблемы, ак деятельность «красных профсоюзов», ценка первых марксистских кружков, роль рофсоюзов в руководстве рабочим движе-ием.

На необходимость научной разработки тих вопросов обращало внимание корей-ких историков уже упомянутое нами сове-ание работников исторического фронта НДР. Институтом истории партии при ЦК рудовой партии Кореи подготавливаются 0 томов документов и материалов[13] о ре-олюционном движении в Корее, которые, есомненно, позволят более глубоко осве-ить указанные вопросы.

Интересны главы 22, 23 и 24-я, в кото-ых рассмотрены вопросы антияпонской во-руженной борьбы корейского народа под уководством коммунистов во главе с Ким р Сеном. 30-е годы характеризуются в книге как поворотный пункт в истории революционного движения в Корее. Отличительной особенностью этого периода являлось то, что революционные выступления рабочих и крестьян все больше приобретали активную форму вооруженной борьбы, руководимой коммунистами. Авторы привлекли новые, неизвестные ранее материалы, проливающие свет на боевую деятельность корейской Народно-революционной армии, ее командования, а также органов народной власти, созданных в освобожденных районах Северо-Восточного Китая, пограничных с Кореей. Материалы и факты свидетельствуют об активной политической и организаторской работе корейских коммунистов. Подробно освещена также история создания Общества возрождения отечества, его деятельность и состояние революционного движения в самой Корее в этот период.

Дополнительной аргументации требует тезис авторов о гегемонии рабочего класса в национально-освободительной борьбе 30-х годов. Было бы полезно показать, с помощью каких методов, через какие организации рабочий класс Кореи осуществлял в этот период свою гегемонию в национально-освободительном движении.

Разделы, посвященные истории национально-освободительной борьбы корейского народа, представляют наибольший интерес в книге. Авторы отразили ее различные этапы, особенности каждого из них, изменения в расстановке классовых сил, в формах борьбы. Читатель узнает о том, как создавались предпосылки для победы народной демократии в Северной Корее после освобождения страны от колониального ига японского империализма в августе 1945 года.

Достаточно полное отражение в книге нашла и другая важная проблема — социально-экономическая история Кореи. Авторы в общих чертах охарактеризовали социально-экономическую обстановку в стране во второй половине XIX в., показали проникновение иностранных товаров и капитала в Корею, развитие японской колониальной промышленности в 1910—1945 гг., обрисовали положение рабочего класса и крестьянства в условиях колониального господства. Следует отметить удачное использование в книге обобщенных статистических материалов о состоянии промышленности в Корее, росте рабочего класса (стр. 235, 294), классовой дифференциации крестьянства (стр. 300).

Второй том содержит новые данные о социально-экономическом положении страны в 1937—1945 гг. (стр. 377—386). В нем

[13] См. «Вопросы истории КПСС», 1959, 1. Первый том этой обширной публика-ии вышел в свет в 1959 году.

помещены интересные материалы из корейских и японских газет, из редких изданий, таких, например, как «Состояние арендной системы в Корее», «Колониальная история», «История внешней торговли Кореи», и др. К сожалению, авторы часто не указывают источников к таблицам и цифровым материалам и подчас ограничиваются лишь упоминанием книг, статистических сборников без ссылок на страницы.

Вторая часть рецензируемого труда посвящена изложению современной истории Кореи с августа 1945 г., когда страна была освобождена Советской Армией от 36-летнего ига японского империализма, и до конца 1956 г.— года завершения трехлетнего плана восстановления и развития народного хозяйства республики.

Этот период в истории корейского народа насыщен историческими событиями, гигантскими переменами. Историки КНДР много сделали для изучения современной истории своей страны. Это обстоятельство облегчило работу над вторым томом. Вместе с тем перед авторским коллективом встали известные трудности, так как предстояло обобщить имеющийся материал, выделить главные события и факты.

Уделяя основное внимание истории КНДР и борьбе корейского народа за национальное единство, авторы убедительно показали коренное различие путей общественного развития Севера и Юга страны. В книге ярко раскрыты преимущества народно-демократического строя, открывшего перед корейским народом светлую дорогу к социализму. Авторы привели также данные по истории южной части страны, где при поддержке американского империализма был создан реакционный лисынмановский режим.

Изложение современной истории дается в шести главах (25—30) в соответствии с основными уже установленными в исторической науке этапами истории Кореи.

Период с августа 1945 г. по февраль 1947 г. корейские ученые определяют как этап решения общедемократических задач корейской революции (гл. 25). Здесь дается определение характера революции в Корее, освещаются борьба корейских коммунистов за воссоздание подлинно марксистской партии, образование Временного Народного Комитета Северной Кореи и его программа, демократические преобразования в Северной Корее (земельная реформа, национализация важнейших отраслей промышленности, законы о труде, о равноправии женщин и т. д.). Авторы пишут, что благодаря демократическим преобразованиям в Северной Корее были решены задачи антиимпериалистической, антифеодальной, демократической революции и начался период постепенного перехода к социализму. «Однако перед корейским народом по-прежнему стоит общенациональная задача демократического объединения родины и достижения полной национальной независимости путем развертывания борьбы против агрессивных сил американского империализма и его союзников — южнокорейских помещиков, компрадорской буржуазии, проамериканских группировок — и освобождения народа Южной Кореи от империалистической и феодальной эксплуатации и угнетения. Это позволяет говорить, что наша революция в масштабе всей страны находится на этапе антиимпериалистической, антифеодальной, демократической революции и имеет затяжной и сложный характер» (стр. 478). Такая оценка отражает итоги обсуждения проблем народно-демократической революции в Корее, состоявшегося в 1958 году [14].

Авторы рисуют обстановку, сложившуюся в Южной Корее после высадки там американских войск (8 сентября 1945 г.), и показывают подъем антиимпериалистической, антифеодальной борьбы народа.

Привлекает внимание разработка в томе вопросов формирования и укрепления единого национального фронта под руководством Трудовой партии Северной Кореи, созданной в конце августа 1946 г. в итоге объединения Коммунистической и новой народной партий на базе марксизма-ленинизма. Авторы говорят о процессе консолидации демократических сил Южной Кореи и борьбе южнокорейских коммунистов за создание в южной части страны Трудовой партии. Они приводят интересный материал о попытках южнокорейской реакции и американской администрации расколоть демократические силы путем создания так называемой коалиции «правых и левых» с целью подчинения демократического движения в Южной Корее влиянию буржуазно-националистических и реакционных партий (стр. 483). Народное движение сорвало происки реакции, соглашательские элементы были разоблачены. Вместе с тем авторы указывают на большой вред, который нанесли национально-освободительной борьбе ан-

[14] См. также Хон Чин Гю. Хён кедан Чосон хёкмёны сонгёкква имму (Характер и задачи корейской революции на современном этапе). Пхеньян. 1958.

типартийные, сектантские элементы в Коммунистической партии Южной Кореи. Поэтому, хотя в Южной Корее и была создана Трудовая партия в итоге слияния трех партий (Коммунистической, народной и новой народной), это объединение оказалось формальным. Трудовая партия здесь не стала массовой партией трудящихся (стр. 497). В свете этого в книге показано огромное значение деятельности Трудовой партии Северной Кореи [15], котсрая стала признанным руководителем единого общенационального фронта и опиралась в борьбе за демократию и национальное единство на народно-демократическую революцию в северной части страны.

Главу 25, пожалуй, лучше было бы закончить материалом о создании Народного Комитета Северной Кореи в феврале 1947 г., чем было завершено формирование выборной снизу доверху системы государственных органов власти. В этом случае авторам не пришлось бы в последующей главе, рассказывающей о событиях от февраля 1947 г. и до создания КНДР в сентябре 1948 г., возвращаться к выборам в провинциальные, городские и уездные народные комитеты, состоявшимся в ноябре 1946 г., к пленумам ЦК ТПСК от 25 сентября, 3 декабря 1946 года.

К февралю 1947 г. было завершено восстановление основных промышленных предприятий. В соответствии с первым народнохозяйственным планом началось плановое развитие экономики Северной Кореи. Авторы, к сожалению, очень мало говорят о хозяйственной деятельности ТПСК (только вскользь упоминается об этом в разделе о национализации важнейших отраслей промышленности) в период до принятия плана 1947 г. (стр. 476), о помощи Советского Союза в восстановительных работах, о социально-экономических изменениях после завершения демократических преобразований. Последний вопрос также целесообразно было бы изложить в 25-й главе, а не помещать в следующей (стр. 510—512), которая и без того перегружена цифровыми данными о народнохозяйственных планах 1947 и 1948 годов.

Во втором томе раскрыта вся сложность обстановки в Корее, возникшей в то время, когда американский империализм сорвал выполнение решений Московского совещания трех держав (декабрь 1945 г.) по Корее и встал на путь раскола страны на две части. Авторы разоблачили агрессивную политику американского империализма в Корее, осветили настойчивую борьбу корейского народа за национальное единство и поддержку этой борьбы Советским Союзом и другими странами социалистического лагеря. В главе подчеркнута руководящая роль Трудовой партии Северной Кореи в деле сплочения общенациональных сил, раскрыто большое значение апрельского и июньского (1948 г.) совместных совещаний политических партий и общественных организаций Севера и Юга страны, показавших, что подавляющее большинство корейского народа выступало против сепаратных выборов в Южной Корее, за мирное и демократическое решение вопроса о национальном единстве. Глава заканчивается описанием истории создания Корейской Народно-Демократической Республики, которая стала «знаменем свободы и независимости корейского народа» (стр. 552).

Значительное место в томе занимает освещение успехов в экономическом строительстве в КНДР; приводятся итоги выполнения народнохозяйственного плана за 1948 г.; характеризуются основные изменения в соотношении секторов народного хозяйства страны (если частнокапиталистический уклад в промышленном производстве занимал в 1946 г. 23,2%, то в 1950 г.— 7,8%) (стр. 590). Нам представляется неоправданным изложение в разных главах вопроса о двухлетнем народнохозяйственном плане 1949—1950 гг. (см. стр. 562—566 и 587—593).

В главе об освободительной войне корейского народа за свободу и независимость наибольший интерес представляют разделы о ходе боевых действий, хозяйственной и политической деятельности ТПК в тылу.

Предпоследняя глава (29) знакомит читателя с узловыми вопросами истории КНДР в период выполнения трехлетнего плана восстановления и развития народного хозяйства (1954—1956 годы). Эта глава удачна прежде всего потому, что в ней, пожалуй, впервые дается обобщение основных событий в жизни корейского народа, имевших место в послевоенное время. Авторы излагают главные задачи, поставленные Трудовой партией в этот период перед корейским народом, излагают программу борьбы

[15] В июне 1949 г. произошло объединение Трудовой партии Северной Кореи и Трудовой партии Южной Кореи в единую Трудовую партию Кореи.

ТПК за развертывание социалистического строительства в КНДР.

В главе приводится ценный фактический материал о восстановлении и развитии народного хозяйства, об укреплении социалистической промышленности, о подъеме кооперативного движения среди крестьянства, о помощи КНДР со стороны Советского Союза, Китайской Народной Республики и других стран социализма в период выполнения трехлетнего народнохозяйственного плана.

Много внимания уделено показу значения III съезда ТПК, состоявшегося в апреле 1956 года. Съезд нацелил партию и народ на дальнейшее развертывание социалистического строительства, наметил основные направления первого пятилетнего плана развития народного хозяйства на 1957—1961 годы. Как известно, корейский народ уже в 1959 г. выполнил задания пятилетнего плана, то есть на два с половиной года раньше срока.

В книге показана настойчивая борьба ТПК, правительства КНДР и всего народа за мирное объединение страны в послевоенный период. Авторы разоблачают лисынмановскую клику и американский империализм как противников мирного объединения Кореи, приводят данные о бедственном положении южнокорейских трудящихся в условиях американской оккупации и произвола южнокорейских властей. В заключительной главе рассказывается о развитии народного образования, науки, культуры и искусства в КНДР в 1945—1958 годах.

Рецензируемая книга имеет большую научную ценность. В ней впервые в исторической науке дается цельное, подлинно научное освещение истории Кореи в новое и новейшее время.

М. Хан, О. С. Сороко

Р. ПАЛМ ДАТТ. *Кризис Британии и Британской империи.* Изд-во иностранной литературы. М. 1959. Цена 14 руб. 25 коп.

В послевоенные годы происходит распад колониальной системы империализма, и сейчас в порядке дня стоит вопрос о ее полной ликвидации. Важнейшей составной частью этого процесса является распад колониальной империи английского империализма, оказывающий огромное влияние на экономику и политику капиталистической Англии.

Английские империалисты прилагают большие усилия, чтобы сохранить целостность Британской империи и зависимость в тех или иных формах от Англии стран, входящих ныне в состав империи. Английскими буржуазными политиками, историками и публицистами предпринимаются попытки «переосмыслить» историю Британской империи и на основе ее «анализа» наметить пути достижения этих целей. За последнее время в Англии в дополнение к уже имеющемуся значительному количеству трудов по истории Британской империи вышел ряд новых работ, авторы которых стремятся обосновать необходимость сохранения «Британского содружества» и «связей особого характера» между Англией и другими членами империи (под этим подразумевается сохранение их зависимости от английского империализма). В таких работах история Британской империи весьма далека от истины.

В то же время только подлинно научный анализ исторического развития империи дает возможность понять ее современное положение. В этой связи представляет большой интерес опубликованная в Лондоне в 1957 г. и вышедшая недавно на русском языке книга видного деятеля Коммунистической партии Англии и крупнейшего специалиста по колониальным проблемам Р. Палм Датта «Кризис Британии и Британской империи»[1]. Первое издание ее вышло в свет в 1953 году. Но автором в новое издание внесено настолько большое количество дополнений и изменений, что это дает основание считать рецензируемую

[1] R. Palm Dutt. The Crisis of Britain and the British Empire. London. 1957; русский перевод: Р. Палм Датт. Кризис Британии и Британской империи. М. 1959.

нигу фактически новой работой. Сам по ебе факт повторного издания труда Датта вляется свидетельством актуальности под-нятых в нем вопросов.

Автор рассматривает политические, эко-омические и социальные проблемы Бри-анской империи после второй мировой ойны. Для выявления закономерностей азвития Англии и зависимых от нее стран Датт неоднократно обращается к истории ританской империи, разоблачая при этом екоторые буржуазные и реформистские онцепции.

В английской буржуазной историографии ританской империи господствует откровен-о апологетическое направление. Буржуаз-ые историки и политики оправдывают ан-лийскую колониальную экспансию. Они казывают необходимость сохранения им-ерии для «благосостояния» Англии; в раз-ичных вариантах развивают «теорию» о бремени белого человека», несущего «ци-илизацию» отсталым народам [2]. Примером акого освещения истории может служить осьмитомная «Кембриджская история Бри-анской империи» [3]. В ней оправдывается нглийская колониальная политика и пре-озносится «цивилизаторская миссия» Анг-ии, которая объявляется «опекуном ту-емных рас», приносящим им «мир, поря-ок и власть права», «материальный и ин-еллектуальный прогресс».

В книге Датта отражена действительная стория Британской империи. В ней пока-ано, что образование империи было ре-ультатом грабительской, колонизаторской олитики английских правящих кругов, в снове которой лежало стремление к эко-омической эксплуатации народов колоний. Датт подчеркивает, что «расцвет» этой по-итики относится к эпохе империализма. нглия, пишет он, утратив промышленное ревосходство, стала «великим ростовщи-ом и колониальным эксплуататором, со-ирающим дань со всего мира» (стр. 100). Датт развенчивает концепцию о «необхо-димости колониальной империи для благо-состояния английского народа», выдвину-тую еще Джозефом Чемберленом и Сеси-лем Родсом и в последнее время развивае-мую не только консерваторами, но и пра-выми лейбористами. Он показывает, что на-личие колониальной империи на деле препя-ствовало экономическому и социальному прогрессу Англии, способствовало росту элементов паразитизма в экономике, про-тиворечило коренным интересам английско-го народа. «Все большее устремление капи-таловложений за границу и их концентра-ция там с целью получения колоссальных сверхприбылей за счет колониальной экс-плуатации, а также все возрастающая па-разитическая зависимость от собираемой в заморских странах дани привели к тому, что Англия стала пренебрегать своей соб-ственной промышленностью и сельским хо-зяйством, вызвав их упадок. Поскольку можно было получать стопроцентные ди-виденды от эксплуатации дешевого труда в колониях, проведению технического пере-оборудования, модернизации английской промышленности или же осуществлению в Англии программы социальных реформ не уделялось внимания»,— подчеркивается в книге (стр. 110—111).

Особый интерес представляет освещение в книге вопроса о роли войн в истории Британской империи. Апологеты английско-го империализма создали миф о том, что Британская империя — «фактор мира». Они утверждают, что само существование им-перии всегда якобы оказывало «стабилизи-рующее влияние» на мировую политику. Датт разоблачает подобную фальсифика-цию. Он показывает, что Британская им-перия возникла и существовала в результате непрерывных войн. В течение четырехсот лет (до конца XIX в.), отмечается в книге, Англия вела «из-за империи» в общей сложности 230 войн.

После второй мировой войны английские правящие круги вовлекли Англию в агрес-сивный союз с американским империализ-мом, направленный против социалистичес-ких стран и национально-освободительного движения, взвалили на народные массы тя-желое бремя расходов на вооружение и со-держание многочисленных военных баз за границей. Одной из причин этого, указы-вает Датт, было стремление монополий Ан-глии во что бы то ни стало сохранить им-перию, пусть даже «под общей сюзеренной властью и контролем Соединенных Шта-тов» (стр. 201). Колониальные цели пресле-

[2] J. Seeley. Expansion of England. Lon-on. 1883; B. Williams. The British Empi-e. London. 1928, 1931, 1937, 1944; J. Wil-iamson. A Short History of British Ex-ansion. London. 1941—1943; его же. reat Britain and the Empire. London. 944; Lord Elton. Imperial Commonwealth. ondon. 1945; W. Churchill. A History f the English-speaking Peoples. New York. 956, и др.

[3] «The Cambridge History of the British mpire». Vv. 1—8. London. 1929—1958.

довали английские империалисты и в войнах, имевших место в послевоенные годы в Малайе, Египте, Кении и на Крите.

В отличие от английских буржуазных авторов, которые чаще всего рассматривают колониальные страны Британской империи как пассивные объекты английской политики, Датт видит в них активных участников исторического процесса. В этой связи он останавливается на национально-освободительном движении в колониальных странах Британской империи, характеризует роль местного рабочего класса, крестьянства и буржуазии, уделяет большое внимание успехам освободительной борьбы после второй мировой войны. Датт подчеркивает, что английский империализм был вынужден под давлением национально-освободительного движения согласиться на предоставление независимости таким странам, как Индия, Пакистан, Бирма, Цейлон, Гана, Малайя, на некоторое расширение прав местного населения в ряде других колоний (предоставление колониальных конституций). Не может быть и речи о «добровольном освобождении» английскими империалистами их колоний, что тщетно пытается доказать английская буржуазная историография.

В послевоенные годы идеологи английского империализма вообще и английские буржуазные историки в частности упорно развивают теорию «трансформации Британской империи» (иногда они употребляют термины «эволюция» и даже «революция» империи). Эта «теория» ведет свое начало еще со времен первой мировой войны. Тогда в связи с первыми симптомами кризиса Британской империи в буржуазной историографии появилось течение, представители которого (Э. Григг, Л. Кертис, Р. Керр и др. [4]) перешли от прямой апологии английского колониализма к несколько иным методам обоснования необходимости существования и сохранения империи (при этом допускалось изменение ее формы и структуры). Они обосновывали нечто вроде «исторической закономерности» постепенного превращения («трансформации») Британской империи в «Британское содружество наций» (авторство этого термина приписывается Л. Кертису) — «ассоциацию самоуправляющихся и равноправных членов», связанных, однако, тесными узами с Англией. Эти авторы утверждали, что главной целью английской политики в отношении народов империи всегда была якобы помощь последним в достижении такого уровня развития, при котором становится возможным «получение» независимости. В то же время они обосновывали «право» Англии на «особое» (то есть господствующее) положение в «Содружестве». Теория «трансформации империи» стала ведущей в английской историографии после второй мировой войны [5].

Из книги Датта видно, насколько далека от истины подобная «теория». Он разоблачает софистику современных апологетов империализма, которые, делая упор на факты предоставления независимости и конституций колониям, «преподносят их как результат милости или «перерождения» империалистов, а не как результат мощи национально-освободительной борьбы» (стр. 212). Таким путем они пытаются затушевать вопрос о решающей причине, вынудившей английских империалистов согласиться на признание независимости ряда бывших колоний.

В частности, характеризуя обстоятельства ликвидации английского колониального режима в Индии, автор приводит мнение английской газеты «Daily Mail», которая признавала, что если бы английское правительство захотело остаться в этой стране, то «ему потребовались бы оккупационные силы численностью в 500 тысяч человек» (стр. 273). «Таким образом,— указывается в книге,— политическое урегулирование в 1947 году не было со стороны империализма великодушным, добровольным даром свободы. Это было вынужденное отступление, продиктованное кризисом, сила которого превосходила мощь правителей, стремящихся совладать с ним, и который лишил правящую державу возможности сохранить свое господство в его старой форме» (стр. 275).

[4] E. Grigg. The Greatest Experiment in History. London. 1924; его же. The Faith of an Englishman. London. 1936; его же. The British Commonwealth: Its Place in the Service of the World. London. 1944; L. Curtis. The Commonwealth of Nations. London. 1917.

[5] Одной из последних работ, в которой развивается эта «теория», является книга профессора Кембриджского университета Н. Мэнсерга (N. Mansergh. Survey of British Commonwealth Affairs. Problems of Wartime Co-operation and Post-War Change 1939—1952. London. 1958). В ней проводится мысль о том, что английское правительство «с готовностью» шло на предоставление независимости английским колониям и что после второй мировой войны «усилилась» трансформация империи в содружество».

Предоставление независимости Бирме, Цейлону, Гане, Малайе также явилось результатом длительной и упорной борьбы народов этих стран против английских колонизаторов (в Малайе борьба вылилась в кровопролитную войну между прогрессивными силами страны и английскими войсками).

Что касается конституций, «дарованных» колониям, то Датт характеризует их как «побочный продукт национально-освободительной борьбы» (стр. 224). Автор показывает, что английские империалисты прилагали и прилагают все усилия, чтобы сохранить экономическую и иную зависимость новых государств от Англии. Следует иметь в виду, что английский империализм использует систему «Содружества» для сохранения своего политического и экономического влияния в новых независимых государствах, бывших ранее колониями Англии (все они, кроме Бирмы, входят в состав «Содружества»). Буржуазные «теоретики» стремятся обосновать эту практику, выдвигая концепцию «взаимозависимости» стран — членов «Содружества» [6].

Датт выражает глубокую уверенность в неизбежности полного освобождения народов колониальных и зависимых стран Британской империи и вообще всех колониальных народов от гнета империализма. В то же время он считает, что на пути к освобождению этим народам предстоит еще преодолеть серьезные препятствия. Одной из главных особенностей национально-освободительного движения в современных условиях, отмечается в книге, является то, что вследствие новой расстановки сил в капиталистическом мире, где старые колониальные державы попали в зависимость от США, народам колоний приходится теперь бороться не только против непосредственно угнетающих их империалистов Англии, Франции или какой-либо другой страны, но и против империалистов США. «Американский империализм установил свое господство в империалистическом мире и в весьма значительной степени втянул в свою орбиту английскую и французскую империи. Следовательно, борьба народов Британской империи за свою независимость является не только борьбой против английского империализма, она одновременно является борьбой против американского и английского империализма» (стр. 563). В этой же связи Датт указывает, что современные империалистические военные блоки преследуют цели объединения империалистов для борьбы против народов колониальных и зависимых стран.

В книге подчеркивается, что империалисты Англии не отказываются от попыток насильственного подавления национально-освободительного движения, стремясь там, где им это кажется возможным, к сохранению системы колониального гнета в старых его формах. Датт вкратце освещает историю колониальных войн в Малайе, Кении, на Кипре, разоблачает роль английских империалистов в агрессии против египетского народа в 1956 г., показывает провал их попыток восстановить колониальное господство Англии на Ближнем и Среднем Востоке. Однако, предупреждает автор, «было бы иллюзией воображать, будто английский империализм, ослабевающий и явно идущий к упадку, перестал быть агрессивным и отказался от стремления к экспансии» (стр. 355).

Важная особенность рецензируемой книги состоит в том, что проблемы Британской империи анализируются в ней в тесной связи с проблемами Англии. Англия и Британская империя рассматриваются в ней как единое целое, ибо процессы исторического развития метрополии и стран империи тесно связаны между собой.

Датт раскрывает воздействие колониальной системы британского империализма на английское рабочее движение. Он показывает, что передовые представители английского пролетариата всегда выступали против колониальных захватов и поддерживали борьбу угнетенных народов за независимость. В Англии, подчеркивает автор, «традиции подлинного социализма и рабочего движения всегда были антиимпериалистическими» (стр. 483).

В то же время Датт прослеживает связь между оппортунизмом и реформизмом в английском рабочем движении и господством английского империализма над огромной колониальной империей. В книге разоблачается «лейбористский империализм» (открытый союз реформистов с империалистами) и, в частности, поддержка правым руководством лейбористской партии колониальной политики английского империализма. «...Экономические основы лейбористского империализма,— пишет Датт,— коренятся во временном привилегированном положении, в каком находятся часть рабочего класса и его руководство, которым достается частица сверхприбылей, полученных

[6] См. «The Round Table», № 183, p. 220.

от эксплуатации огромных масс рабочих в мировом масштабе и особенно разоренных и нещадно эксплуатируемых народов колониальных и полуколониальных стран» (стр. 495—496).

На страницах книги опровергаются аргументы лейбористских защитников колониализма. В этой связи следует сказать, что в работах праволейбористских теоретиков, начиная с самых ранних трудов представителей Фабианского общества [7], история Британской империи рассматривается с позиций оправдания английского колониализма. Несколько позже правые лейбористы пропагандировали и развивали теорию «деколонизации», выдвинутую перед первой мировой войной реформистскими лидерами II Интернационала. Суть этой «теории» сводилась к доказательству «прогрессивной роли» империализма, способствующего якобы развитию производительных сил в колониях [8].

После второй мировой войны лейбористы, занимающиеся колониальным вопросом (Крич Джонс, Рита Хинден и др.), выдвинули теорию «империи без империализма» [9]. Они утверждали, что если в период создания Британской империи существовал «захватнический империализм» и ее история имела немало черных страниц, то к настоящему времени все это будто бы стало делом прошлого. «Отказ» Англии от империи, по их мнению, противоречил бы интересам самих колониальных народов, которые теперь получают якобы только выгоды от сохранения связей с «опекающей» их Англией.

Совсем недавно с работой «Конец империи» выступил один из виднейших праволейбористских теоретиков Джон Стрэчи [10]. Он занимается рассуждениями о трудности соизмерения положительных и отрицательных сторон английского колониального господства (прежде всего в Индии). В конечном счете в его изложении «положительные стороны» оказываются превалирующими. Итогом английского колониального господства объявляется «подготовленность» колоний к самостоятельному развитию.

Кроме того, в последнее время в работах праволейбористских авторов, в которых затрагиваются вопросы истории Британской империи, чаще всего в разных вариантах излагается теория «трансформации империи».

Рецензируемая книга наносит удар по праволейбористским концепциям. Опираясь на факты и цифры, Датт последовательно раскрывает лживость выдвигаемых праволейбористской пропагандой доводов о том, что капиталистическая эксплуатация колоний и империализм якобы ушли в прошлое, что колониальная политика «выгодна» зависимым народам, способствуя будто бы их экономическому, социальному и культурному развитию и «подготовке» к самоуправлению, что с колоний больше не взимается никакой дани и английское правительство расходует деньги в интересах колониальных народов, действуя «из филантропических побуждений».

Анализируя колониальную политику лейбористских правительств, Датт показывает, что она была все той же империалистической политикой колониальной эксплуатации и репрессий.

Теории и практике правого лейборизма в колониальном вопросе Датт противопоставляет подлинно социалистическую, марксистско-ленинскую теорию и практику. Борьба за социализм, подчеркивает он, включала и включает развитие национально-освободительного движения колониальных народов. Маркс и Энгельс, отмечается в книге, указывали, что освобождение колоний является необходимой предпосылкой торжества социализма. Положения марксизма-ленинизма о путях освобождения колониальных народов, пишет Датт, нашли блестящее практическое воплощение в СССР, где народы бывших колониальных окраин стали равноправными членами социалистического государства и добились огромных успехов в экономике и культуре.

Большое внимание автор уделяет проблеме «кризиса Британии», проявляющегося в экономической, политической и социальной областях. Он неоднократно подчеркивает, что разобраться в причинах этого кризиса можно, лишь исходя из того, что английский империализм развился как империализм колониальный. «Основная истина о кризисе Англии состоит в том, что это кризис паразитической метрополии мировой империи; что вся экономическая и социальная структура Англии построена на этом принципе паразитизма; что эта основа империи начинает сейчас ру-

[7] «Fabianism and the Empire». London. 1900.

[8] См. А. М. Дьяков, Г. З. Соркин. Национально-колониальный вопрос в решениях конгрессов Коминтерна. «Проблемы востоковедения», 1959, № 2.

[9] См. «The Fabian Colonial Essays». London. 1945; R. Hinden. The Empire and its Future. London. 1949.

[10] J. Strachey. The End of Empire. London. 1959.

диться и что поэтому вся традиционная кономическая и социальная основа Англии аталкивается на углубляющиеся трудно-ти; что отчаянные усилия сохранить осно-у имперского господства и эксплуатации ишь ухудшают внутреннее экономическое оложение Англии, и только радикальное зменение политики с учетом новых условий ожет открыть перед Англией новые, ра-ужные горизонты» (стр. 593). К таким вы-одам приходит в своей книге Датт.

Он описывает провал попыток лейборист-кого и консервативного правительств пред-твратить развитие кризиса английской эко-омики, стабилизировать ее путем усиле-ия эксплуатации народов колоний и рабо-его класса метрополии. Провал этих попы-ок, по словам Датта, объясняется тем, что се усилия были направлены на «восстанов-ление империалистической экономики», в о время как для ликвидации «кризиса ританин» требуется отказ от агрессивной олитики, что, в частности, приведет к ликвидации огромных военных расходов, и оренное изменение международных эко-омических отношений Англии, то есть пе-евод их «со старой, империалистической сновы паразитической зависимости от да-и колоний на здоровую, устойчивую осно-у всемерного развития производительных ил страны и равноправного обмена со транами, нуждающимися в продукции ан-лийской промышленности» (стр. 659—660). Путь к счастливому будущему — социализ-му — лежит, указывается в книге, через коренную экономическую и социальную ре-конструкцию».

Датт развенчивает утверждения англий-ких апологетов колониализма о «разоре-нии» Англии, о ее «закате» как великой ержавы в результате освобождения ко-тониальных и зависимых народов. Англия, орвавшая с политикой колониальной экс-плуатации, пишет он, получит возможность становить с этими народами взаимовыгод-ые и прочные экономические связи, кото-ые необходимы для здорового развития нглийской экономики. При отказе от им-ериалистической внешней политики для нглии возникнет возможность «продолже-ия в новых формах своей великой истори-еской роли как одной из ведущих держав ира» (стр. 732).

Датт проводит мысль об исторической неизбежности окончательного освобождения колониальных народов империи. Анализируя перспективы отношений между Англией и странами нынешней империи, он подчеркивает, что сотрудничество между Англией (после осуществления в ней «коренных перемен») и этими странами на условиях равноправия и добровольности может способствовать их общему социальному и экономическому прогрессу. «Ликвидация отношений антагонизма и эксплуатации и замена их отношениями экономического сотрудничества в целях наилучшего использования ресурсов и обмена продуктами на основе эквивалентности сделала бы возможными быстрые успехи в экономической реконструкции и повышении уровня жизни к огромной общей выгоде для всех заинтересованных стран» (стр. 717).

В этой связи необходимо отметить, что XXV съезд Коммунистической партии Великобритании, состоявшийся в апреле 1957 г., уделил большое внимание вопросу о будущих отношениях между Англией и добившимися независимости странами Британской империи. В пересмотренной и принятой съездом программе «Путь Британии к социализму» ставится задача «добиваться тесных добровольных братских отношений для развития взаимовыгодного экономического, политического и культурного сотрудничества на базе национальной независимости, равноправия и невмешательства во внутренние дела между Британией и освободившимися колониальными странами и всеми странами существующего Содружества, желающими развивать такие отношения»[11].

Рецензируемая книга представляет собой глубокое марксистское исследование проблем английского империализма и его колониальной системы. Труд Датта, несомненно, имеет большую практическую ценность, так как он помогает английскому рабочему движению, прогрессивным силам страны правильно ориентироваться в исключительно важном в условиях Англии вопросе — вопросе об отношении к империи, к национально-освободительному движению в английских колониях.

И. А. Лебедев

[11] См. П. Датт. Английские коммунисты и Британская империя. «Коммунист», 1957, № 17, стр. 84.

Заметки о книгах

«Великая Октябрьская социалистическая революция. Борьба за власть Советов в период иностранной военной интервенции и гражданской войны». Указатель литературы, изданной в 1957—1958 гг. в связи с 40-летием Великой Октябрьской социалистической революции. М. 1959. Вып. 1, 2, 3, 4. Ротапринт Фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР. Тираж 1 000

ЦК КПСС, рассматривая вопрос о состоянии и мерах улучшения библиотечного дела в стране, справедливо отметил, что у нас пока крайне мало библиографических пособий для различных категорий читателей, а по ряду отраслей знаний нет полного учета литературы, не налажена текущая библиографическая информация[1]. Особенно велико значение библиографических изданий для научной и преподавательской работы. Выпущенный недавно в свет указатель литературы по истории Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны[2], вышедшей в 1957—1958 гг. в связи с 40-летием Октября, кладет начало устранению недостатков с изданием научных библиографий по наиболее важным проблемам истории.

Глубокое изучение истории пролетарской революции в России и ее значения является одной из важнейших задач исторической науки. В нынешней семилетке должны быть созданы капитальные труды, монографии, документальные сборники по этой проблеме. Рецензируемый указатель окажет определенную помощь в решении этой задачи.

Указатель составлен по поручению и под руководством Научного совета Отделения исторических наук Академии наук СССР по проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции» и предназначен в помощь научным работникам, преподавателям, аспирантам, студентам, лекторам, пропагандистам, а также всем, кто изучает историю Октябрьской революции. В нем названа и систематизирована советская историческая литература на русском и других языках народов нашей страны, посвященная периоду 1917—1921 годов. Составителями учтены 4 653 книги и статьи из журналов и сборников, в том числе на языках народов СССР 688. Если добавить 399 книг и статей и 282 рецензии на языках народов СССР, не вошедших в общую нумерацию, то окажется, что всего в указатель включено 5 334 названия.

Книга открывается разделом «Владимир Ильич Ленин — вождь Коммунистической партии, организатор и руководитель Советского государства». Сюда вошли ленинские работы, относящиеся к периоду с марта 1917 по 1920 г., которые были переизданы в 1957—1958 гг., публикации ленинских документов, 165 воспоминаний о Владимире Ильиче, ряд обзоров и других материалов. Литература о жизни и деятельности В. И. Ленина и его произведениях отнесена к другим разделам указателя. С источниковедческой точки зрения такое выделение трудов и документов В. И. Ленина и воспоминаний о нем в самостоятельный раздел вполне обоснованно.

Следующая часть книги — «Общий отдел. Великая Октябрьская социалистическая революция. Советская страна в период иностранной интервенции и гражданской войны». Здесь приведены документальные издания, воспоминания и литература общего характера, относящиеся ко всему периоду. Затем названы работы, систематизированные по девяти важнейшим тематическим рубрикам: 1. Коммунистическая партия Советского Союза — вдохновитель и организатор Великой Октябрьской социалистической революции; 2. Союз рабочего класса и крестьянства в Великой Октябрьской социалистической революции; 3. Комсомол в Великой Октябрьской социалистической революции; 4. Экономика. Экономические преобразования Советской власти; 5. Советы. Советское государственное строительство; 6. Разрешение национального вопроса. Развитие национальной государственности народов СССР; 7. Международное положение. Внешняя политика Советского государства; 8. Культура; 9. Участники Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны.

[1] См. «Правда», 2 октября 1959 года.

[2] Составители: сотрудники сектора истории ФБОН АН СССР А. Н. Байкова, З. Д. Виноград, Т. А. Волжина, И. П. Доронин, З. Л. Серебрякова и Е. Я. Шрейбер, при участии Д. Я. Брилон, В. В. Носковой и Л. Д. Юрцевой; сотрудники научно-библиографического отдела ГПИБ М. Д. Жезмер, М. Л. Иткин, Н. Ф. Чернышева и А. М. Штутина, при участии З. Д. Фаустовой и Н. А. Шокиной. Редакторы: М. Л. Иткин и Е. Я. Шрейбер. Ответственный редактор А. Е. Иоффе.

Не все тематические рубрики богаты по ержанию, поскольку по некоторым те- м литература очень скудна. Например, истории комсомола в 1917—1921 гг. еются только три работы; всего семь внительно небольших трудов посвящено ждународному положению и внешней по- тике Советского государства за тот же иод. Это говорит о том, что советские орики не уделяют должного внимания нным проблемам. Указатель помогает, ким образом, раскрыть некоторые слабые ета советской исторической науки в об- сти изучения Октябрьской революции и жданской войны.

Обширен раздел «Победа Великой Ок- брьской социалистической революции арт—октябрь 1917 года)». Он открывает- перечнем обзоров фондов, источников. поминаний и литературы общего харак- ра, затем материал распределяется по матическим рубрикам, охватывающим все новные вопросы проблемы: предпосылки циалистической революции, партия боль- виков, Советы, рабочий класс и профсою- , союз рабочего класса и трудового кре- ьянства, крестьянство и борьба партии льшевиков за него, армия и флот, внеш- я политика и борьба народных масс про- в войны, Октябрьское вооруженное вос- ание в Петрограде, Второй Всероссий- ий съезд Советов, разгром контрреволю- онного мятежа Керенского — Краснова. ставителями приведено свыше 520 на- аний книг и статей по этим вопросам, из х около 200 — на историко-партийные те- . Отрадно отметить появление в печати 1957—1958 гг. большого количества до- ментальных сборников и воспоминаний, обенно об Октябрьском вооруженном вос- нии в Петрограде.

Два следующих раздела — «Развитие циалистической революции и упрочение ветской власти (октябрь 1917 года — ле- 1918 года)» и «Советская страна в пе- од иностранной военной интервенции и жданской войны (лето 1918 года — 20 год)» — также имеют тематические брики, причем в последнем разделе на- тывается сравнительно небольшое ко- ество трудов, так как многие из них е не вышли в свет к концу 1958 г. и не гли, естественно, попасть в данный ука- ель.

Отдельно собрана литература о подго- ке и проведении Октября, упрочении ветской власти в Петрограде, Москве и прилегающих к ним районах. По нашему мнению, такое обособление вполне обосновано, так как трудящиеся Петрограда и Москвы занимали ведущее место в революции. Правда, составителям пришлось для этого дублировать наименования работ, отраженных в других разделах.

Второй и половину третьего выпуска занимает раздел «Борьба за власть Советов в отдельных районах страны». Систематизация литературы по союзным республикам, а затем автономным республикам, краям и областям не вызывает возражений. К сожалению, составители не дали вспомогательного географического указателя со ссылками на прежнее административное деление России. Это может затруднить подбор литературы, касающейся той или иной территории.

Очень интересен раздел «Движение солидарности международного пролетариата с Советской Россией», в котором отражены источники, воспоминания, литература и историографические работы об участии трудящихся зарубежных стран в борьбе за власть Советов в России, их помощи советскому народу, об интернациональных отрядах, действовавших на фронтах гражданской войны.

В разделе «Всемирно-историческое значение победы Великой Октябрьской социалистической революции» названо свыше сотни книг и статей, освещающих проблему в целом, и более 240 работ, раскрывающих влияние Октябрьской социалистической революции на страны всех континентов.

Третий выпуск указателя завершается разделом «Изучение истории Октябрьской социалистической революции и гражданской войны».

В четвертом выпуске содержатся вспомогательные указатели: предметный; авторов, составителей, комментаторов, редакторов, рецензентов и заглавий работ; имен; схема классификации.

Издание, по нашему мнению, не лишено некоторых недостатков. Так, лишь выборочно учтены лекции, напечатанные на правах рукописи Обществом по распространению политических и научных знаний. Не попали в указатель статьи об Октябрьской революции и гражданской войне, опубликованные в бюллетенях, издаваемых областными отделениями Общества. О принципах, которыми в данном случае руководствовались составители, следовало бы сказать во «Введении».

Не вошли в указатель и некоторые другие материалы. Например, не названы работа В. М. Чхиквадзе «Роль В. И. Ленина в создании советского социалистического права» (в книге «Вопросы советского государства и права. 1917—1957». М. Изд. АН СССР. 1957), сборник документов «История Советской Конституции». 1917—1957 (М. Изд. АН СССР. 1957), очерк А. Старкова «Они среди нас» (журнал «Огонек» № 10 за 1957 г.), рассказывающий о подпольщиках Крыма в 1920 году. Назван № 4 журнала «Юность» за 1958 г., где помещена статья А. Мильчакова «Первое десятилетие (Из истории комсомола)», а № 5, в котором опубликовано продолжение этой статьи, пропущен.

Составители перечислили много журнальных статей и рецензий. Было бы, по нашему мнению, полезно пополнить вспомогательный аппарат издания специальным указателем к этим материалам, чтобы исследователи могли быстро узнать, что опубликовано по любой интересующей их теме.

Несмотря на перечисленные недочеты, следует сказать, что указатель составлен с большим знанием дела, продуманно. Жаль только, что такое ценное библиографическое пособие издано ротаторным способом и очень ограниченным тиражом. Можно надеяться, что Научный совет Отделения исторических наук АН СССР по проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции» примет меры к тому, чтобы публиковать дополнения к указателю, в которые была бы включена литература, вышедшая в свет в последующее время.

Опыт издания настоящего труда позволяет высказать мнение о необходимости подготовки и опубликования научных библиографий по таким важным проблемам, как «Социалистическое строительство в СССР», «Великая Отечественная война советского народа» и другие.

П. И. Рощевский

НОВЫЕ РАБОТЫ ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ ПОЛЬШИ *

Научная историческая картография Польши ведет свое начало от исследований известного польского историка-демократа первой половины XIX в. Иоахима Лелевеля. Крупным событием в истории ее развития было появление в 1904 г. «Исторического атласа Польши» (ч. II. «Украинские земли Польши») Александра Яблоновского. В этом атласе была сделана попытка не только показать все населенные пункты, существовавшие на рубеже XVI—XVII столетий, но и обозначить различные категории земельной собственности.

В 20—30-х годах XX в. развернулась работа по составлению научного академического атласа Польши. Но из-за недостатка ассигнований дело подвигалось вперед медленно и после оккупации Польши гитлеровской Германией в 1939 г. было совсем прекращено.

В Польской Народной Республике подготовка исторического атласа страны была возобновлена на новой методологической основе. В качестве главной была поставлена задача отразить в атласе географию производительных сил и производственных отношений. Задуман атлас в границах народно-демократической Польши с теми небольшими отклонениями, какие в отдельных случаях необходимы для точного указания границ исторических территориальных единиц.

Для работы над атласом была создана в Институте истории Польской Академии наук специальная группа в составе 14 научных работников под руководством проф. С. Гербста.

План предусматривает составление комплекса карт, охватывающих крупные эпохи в истории Польши. В качестве таких эпох были выбраны: середина XIII в. (для более раннего периода источники крайне скудны), конец XVI в., конец XVIII века. Предполагается составить карты и для более позднего времени. Сопоставление карт различных эпох между собою должно показать динамику развития тех явлений, которые отображены на этих картах.

Вышедший ныне в свет первый выпуск атласа является экспериментальным трудом, обсуждение которого должно помочь дальнейшей работе.

---

* «Atlas Historyczny Polski, Województwo Płockie około 1578 r.». Pod kierownictwem S. Herbsta opracowali: L. Gieysztorowa, I. Humnicki, I. Lemene, A. Żaboklicka. Warszawa. 1958; «Исторический атлас Польши Плоцкое воеводство около 1578 г.»; «Studia z Historii Społeczno-Gospodarczej Małopolski» pod redakcją Celiny Bobińskiej. Helena Madurowicz i Antoni Podraza Regiony Gospodarcze Małopolski Zachodniej w drugiej połowie XVIII wieku. Kraków—Warszawa. 1958. «Исследования по социально-экономической истории Малой Польши. Экономические районы Западной Малой Польши во второй половине XVIII века».

Рассматриваемый выпуск состоит из двух частей. Первая представляет совокупность карт и картограмм Плоцкого воеводства, относящихся к 1578 г., вторая — комментарий к ним.

На основной карте (масштаб 1 : 200 000) изображены рельеф, леса, болота, луга, реки; нанесены все населенные пункты с указанием, в чьем владении они находились (собственность короля, духовенства, шляхты), и числа жителей в каждом из них. На карте указаны также дороги, мосты, броды, места взимания таможенных пошлин, промышленные предприятия. Обозначены центры земель, уездов, староств, ключей (хозяйственных единиц, на которые делились латифундии магнатов), местонахождение каштеляний, судов городских и сельских, сеймиков. Границы показаны как административные (государственных земель и уездов), так и церковные (архидиаконатов, деканатов и приходов). За основной картой следуют девять карт и картограмм (масштаб 1 : 500 000). Первая из них представляет собою геоморфологическую карту Плоцкого воеводства с нанесением городов и границ уездов. На второй показаны процентное отношение пашни ко всей земельной площади воеводства и основные категории почв. Третья карта дает плотность населения, его социальный состав, а также распределение пашни между различными социальными группами. Четвертая показывает соотношение между численностью сельского населения и количеством пашни. Пятая посвящена распределению земли по основным категориям собственности. Шестая определяет географию фольварочно-барщинного хозяйства. Седьмая представляет собой картограмму удельного веса безземельного и малоземельного крестьянства. Восьмая и девятая карты посвящены ремеслу. Последняя карта озаглавлена «Размещение производства железа».

Вторая часть выпуска дает общую характеристику источников, на основании которых построены карты и картограммы, и указывает, благодаря каким материалам и методу получены данные, положенные в основу каждого из картографических изображений. Здесь же содержится комментарий к этим изображениям и приведен ряд дополнительных сведений, характеризующих явления, представленные в атласе. Следует отметить, что первый выпуск Польского исторического атласа по своему содержанию резко отличается от традиционных исторических атласов. В них обычно даются лишь карты по политической истории, изображаются главным образом изменения государственных или административных границ, а также места сражений и маршруты военных походов. Изредка к ним добавляются карты народных движений и размещения промышленности. В атласе Плоцкого воеводства показано размещение производительных сил и характеризуется состояние производственных отношений. Особое внимание посвящено географии социальной жизни воеводства периода второй половины XVI века. Это — весьма крупное достоинство атласа. Вторая его особенность — обилие и исключительная детальность историко-географических данных. На главной карте нанесены все населенные пункты Плоцкого воеводства в 1578 году. Для каждого из них указаны его социальная принадлежность и размеры. Картограммы составлены по таким мелким территориальным делениям, как церковные приходы.

Для человека, не изучившего подробно источников, по преимуществу архивных, на основании которых составлен рассматриваемый атлас, невозможно сделать какие-либо критические замечания о тех неточностях, которые, возможно, и допущены составителями. Я могу высказать некоторые критические замечания относительно картографической стороны издания. Мне кажется, не всегда удачно совмещены на одном и том же листе атласа картограммы с картодиаграммами. По-видимому, составители хотели таким путем предоставить читателю возможность сопоставить изучаемые явления. Но это затрудняет восприятие. Целесообразнее было бы дать листы двойного размера и на одной стороне поместить картограммы, на другой — картодиаграммы. На шестой карте, показывающей географию фольварочно-барщинного хозяйства, картодиаграмма построена очень сложно. Она малонаглядна и читается с трудом.

Хотелось бы также, чтобы текст комментария был более подробным.

Интересна с методической точки зрения работа «Исследование по социально-экономической истории Малой Польши» молодых краковских историков Е. Мадурович и А. Подразы. Книга Е. Мадурович и А. Подразы открывает серию монографических исследований по социально-эконо-

мической истории Малой Польши [1] под редакцией профессора Ц. Бобинской.

Польские ученые обычно рассматривали Малую Польшу как территорию, однородную в социально-экономическом отношении. Авторы рецензируемой книги сумели показать, что в действительности эта территория в XVIII в. распадалась на несколько экономических районов, между которыми существовали значительные различия. Исследование начинается с выяснения общего вопроса — понятия экономического района и признаков его выделения. Такими признаками авторы считают: природные условия, отрасли производства, плотность населения, производственные отношения. В последующем изложении они делят изучаемую территорию на районы по каждому из названных признаков. В последней главе Е. Мадурович и А. Подраза синтезируют свои предшествующие наблюдения и устанавливают в Малой Польше второй половины XVIII в. наличие шести экономических районов.

Авторы выяснили тесную связь экономической специализации каждого из районов с его хозяйственным развитием в прошлом, а также значительное усиление этой специализации во второй половине XVIII в., происшедшее под влиянием складывания в Польше капиталистического уклада. К книге приложены карты, на которых показано экономическое районирование Малой Польши во второй половине XVIII столетия.

Рассматриваемая работа основана в значительной мере на архивных источниках. Е. Мадурович и А. Подраза, опираясь в методологическом отношении прежде всего на труд В. И. Ленина «Развитие капитализма в России», сделали попытку разделить на экономические районы сравнительно небольшую территорию Малой Польши — лишь два воеводства — Краковское и Сандомирское. Возможно, что знатоки источников внесут те или иные поправки в нарисованную ими картину. Но, во всяком случае, эта попытка заслуживает внимания с методической стороны и напоминает о необходимости развертывания такой работы в Советском Союзе, где природные и исторические условия чрезвычайно разнообразны.

В. К. Яцунский

[1] Из печати вышла вторая монография этой серии—W. Urban. Sytuacja chłopów i walka klasowa we wsiach drobnej szlachty u Krakowskim województwie w 2 połowie XVII w. Печатаются M. Zgorniak. Sredniowieczne relikty w powinnościach chłopów klasztornych w XVIII wieku и I. Rychlikowa. Monografia dóbr Wodzickich: Poreba Wielka w 2 połowie XVIII wieku.

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ О РЕВОЛЮЦИОННОМ НАРОДНИЧЕСТВЕ

22—23 октября 1959 г. состоялась конференция ученых Москвы, Ленинграда и других городов нашей страны по истории революционного народничества, организованная Институтом истории АН СССР и историческим факультетом МГУ.

Открывая конференцию, А. Л. Сидоров сказал, что в течение тридцати лет, которые прошли со времени первой дискуссии о революционном народничестве, эта важная область русского освободительного движения не находила должного освещения в литературе. Только в последнее время усилился интерес к данной проблеме. Большое значение для правильного освещения вопроса о народничестве имеет выход в свет нового учебника по истории партии. А. Л. Сидоров призвал исследователей к еще более глубокому овладению богатым ленинским наследием для дальнейшей разработки темы.

Ю. З. Полевой выступил с докладом на тему «К. Маркс, Ф. Энгельс и революционное народничество». Интерес К. Маркса и Ф. Энгельса к русскому освободительному движению особенно усилился в период революционной ситуации 1879—1881 годов. Именно в это время вожди пролетариата гениально предсказали перемещение центра революционного движения в Россию. Маркс и Энгельс подчеркивали мировое значение грядущей русской революции, считая, что ее победа сыграет решающую роль в освободительной борьбе народов Европы и Азии. Падение царизма должно было привести, по их мнению, к общеевропейской, а затем и к социалистической революции, что, в свою очередь, оказало бы влияние на переход России к социализму. К. Маркс и Ф. Энгельс считали предстоящую русскую революцию по ее целям, задачам и движущим силам буржуазно-демократической.

Докладчик отметил противоположность марксистской и народнической точек зрения на русское крестьянство. Революционные народники, как известно, верили в крестьянскую социалистическую революцию. К. Маркс считал русское крестьянство того времени лишь носителем буржуазно-демократических идей, союзником пролетариата в революции. Русские утопические социалисты не видели самостоятельной исторической роли рабочего класса, тогда как К. Маркс и Ф. Энгельс не сомневались в том, что в России растет и развивается новый класс — пролетариат.

Далее докладчик отметил, что К. Маркс и Ф. Энгельс подводили русских революционеров к мысли о том, что община в России уже подорвана развитием капитализма и гибель ее близка. Однако, поскольку утопическая идея о социалистическом перевороте на базе крестьянской общины вдохновляла в то время русских революционеров на борьбу с царизмом, К. Маркс и Ф. Энгельс не считали целесообразным немедленно разрушить эту веру. Более важной им представлялась необходимость ускорить революцию в России. Противопоставляя народнической утопии свои взгляды, К. Маркс и Ф. Энгельс воздерживались тогда от открытой и резкой полемики с народниками, так как в России не было еще другой революционной силы. Они верили, что русская революция поднимет к политической жизни новые слои народа и приведет к полному краху народнических иллюзий.

Докладчик говорил далее о связях вождей пролетариата с отдельными представителями и группами русского революционного народничества. В частности, Ю. З. Полевой осветил малоисследованный вопрос о взаимоотношениях К. Маркса и А. И. Герцена. В докладе было рассмотрено отношение К. Маркса к Бакунину. Борьба Маркса против Бакунина в 70-х годах была вызвана стремлением Бакунина навязать народнические предрассудки международному рабочему движению. В то же время основоположники научного социализма постоянно подчеркивали значение идейной победы над бакунизмом и для русского революционного движения. В период 70—80-х годов свя-

зи русских революционеров с К. Марксом и Ф. Энгельсом значительно окрепли. В спорах между «деревенщиками» и «политиками» в «Земле и Воле» К. Маркс встал на сторону последних, усматривая несомненный прогресс в переходе части революционных народников к политической борьбе с правительством.

В заключение Ю. З. Полевой сказал, что, помогая русским революционерам, К. Маркс и Ф. Энгельс положили начало идейному разгрому народничества. В этом прежде всего и состоит значение борьбы К. Маркса с герценовской теорией «русского социализма», с анархизмом Бакунина, бланкизмом Ткачева, эклектизмом Николая-она. Эта идейная борьба сыграла большую роль в подрыве влияния народничества в России и оказала прямое воздействие на тех русских революционеров, которые впервые подняли знамя марксизма в нашей стране.

Вторым был прослушан доклад М. Г. Седова «В. И. Ленин о революционном народничестве». Докладчик показал, как В. И. Ленин определял народничество в целом и отдельные этапы в его развитии. Разночинский, или буржуазно-демократический, этап есть, по В. И. Ленину, этап народнический. То обстоятельство, что разночинцам была присуща народническая идеология, позволяет понять, почему В. И. Ленин говорил о народничестве как о целой полосе общественной мысли — от Герцена до Николая-она включительно. Составными элементами идеологии этого течения были демократизм, утопический социализм и буржуазный реформизм. В разное время и в зависимости от условий удельный вес каждого из них менялся.

Народничество проделало сложную эволюцию. Вызванное к жизни реформой 1861 г., оно прошло два крупных этапа, имевших свои специфические черты. В. И. Ленин определял их как «старое» (революционное) и «современное» (либеральное) народничество. Первому были присущи демократизм, утопический социализм и непримиримая ненависть к реформизму. Члены тогдашних организаций вели борьбу с царизмом, шли в народ, чтобы готовить крестьянскую революцию. Деятельность революционного народничества хронологически простиралась от отмены крепостного права до крушения «Народной Воли» (1881 г.). В начале 80-х годов оно пережило глубокий кризис, приведший к укреплению позиций либерального народничества. Такое перерождение объяснялось социально-экономическим развитием России, ростом капитализма и перестановкой классовых сил в стране. В. И. Ленин внимательно проследил особенности революционной борьбы первого двадцатилетия после крестьянской реформы. Это время он разделил на два этапа — 60-е и 70-е годы, показав как общие, так и своеобразные черты каждого из них.

Уже в первых своих работах, выступая против либерального народничества, В. И. Ленин раскрыл те нити, которые связывали русских социал-демократов с предшествующим этапом революционной борьбы. Проблема наследства решалась им в широком плане, применительно к деятелям 60-х и 70-х годов. И это естественно, ибо те и другие действовали в обстановке относительно слабого развития капитализма, неразвитости его противоречий. В. И. Ленин называл этот период эпохой 60—70-х годов. В работе «От какого наследства мы отказываемся?» он ставил задачу определить наследство с точки зрения его исторического содержания, найти тот отрезок времени после отмены крепостного права, который прежде всего характеризовался бы антифеодальной борьбой. Такой эпохой были 60-е годы. Термин «просветительство» наиболее точно характеризовал идеологию этого периода.

Горячая вражда к крепостному праву и всем его порождениям в экономической, социальной и юридической области, защита просвещения, самоуправления, свободы, европейских форм жизни и вообще всесторонней европеизации России, защита интересов народных масс, главным образом крестьян,— эти три признака отличали общественное движение 60-х годов и составляли понятие «просветительства». Как течение общественной мысли оно, по мнению М. Г. Седова, не было похоже на народничество, которое отрицало развитие капитализма в России, признавало самобытность русского экономического строя вообще, игнорировало связи интеллигенции и юридическо-политических учреждений страны с материальными интересами общественных классов.

Указанными чертами не исчерпывались мировоззрение и практическая деятельность А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского, организаций «Земля и Воля» и «Народная Воля». Вывод, по мнению М. Г. Седова, может быть лишь тот, что в работе В. И. Ленина «От какого наследства мы отказываемся?» наследство 60-х годов про-

вопоставлено в основном либеральному
родничеству.

Определяя сущность наследства термином
росветительство», но не отождествляя од-
с другим, В. И. Ленин не рекомендовал
ать наследство от Скалдина. Одно упо-
инание им имени Н. Г. Чернышевского
азывает на революционно-демократиче-
ое содержание наследства, на то, что со-
альной основой последнего являлся кре-
ьянский демократизм, то есть то, что бы-
главным в деятельности революционеров
-х годов. Под наследством В. И. Ленин
дразумевал крестьянский демократизм,
впадавший по своему историческому со-
ржанию с «просветительством».

Таким образом, выделение В. И. Лени-
м 60-х годов не означает отгораживания
от 70-х. Это две фазы одного и того же
апа революционного движения.

Далее М. Г. Седов рассмотрел особенно-
и революционной борьбы 70-х годов и
опрос о родоначальниках и теоретиках на-
одничества. В. И. Ленин указывал, что
одоначальниками революционного народ-
ичества были А. И. Герцен и Н. Г. Черны-
евский. Выработанная ими система взгля-
ов сочетала в себе демократизм и социа-
изм, служила идейной основой для целой
олосы революционного движения в Рос-
ии. Опираясь на высказывания В. И. Ле-
ина, сущность этой системы можно свести
признанию следующих положений: 1) воз-
ожность для России миновать капита-
изм; 2) поземельная община и рабочая
тель могут служить исходным пунктом
оциалистического развития; 3) победа со-
ализма может быть достигнута только
еволюционным путем и 4) человеком бу-
ущего в России является крестьянин, по-
обно тому как на Западе — рабочий.

Неразвитые капиталистические отноше-
ия в России в период падения крепостного
рава не могли быть почвой для появления
одлинно научной теории революции. На
ападе марксизм только пробивал себе до-
гу, в России рабочее движение почти от-
тствовало, а критика капитализма с мел-
буржуазных позиций не могла быть на-
ной. Вот почему стройные теоретические
стемы просветителей сменились в 70-х го-
х известным спадом философской, поли-
ческой и социологической мысли. В связи
возникновением проблемы капитализма
явились теории, сущность которых была
ормулирована Бакуниным, Лавровым и
ачевым. Бакунизм (его влияние хроноло-
чески простиралось вплоть до образова-
ния «Народной Воли») на практике сводил-
ся в России в известной мере к борьбе с
самодержавием и остатками крепостниче-
ства. В этом состояло его рациональное
зерно. Менее распространенным, но доста-
точно сильным было лавристское направле-
ние. Система взглядов Ткачева, по мнению
В. И. Ленина, означала своеобразное сочета-
ние идей якобинства и бланкизма. Ткачев, его «Набат» и руководимая им орга-
низация сыграли, по словам М. Г. Седова,
важную роль в преодолении революцион-
ными народниками неверного отношения к
политической борьбе.

Направления и организации революцион-
ных народников 70-х годов по своим так-
тическим планам довольно сильно отлича-
лись друг от друга. Выдвигая лозунг
«Освобождение народа — дело рук самого
народа», они в то же время считали, что
пробудить и организовать народ может
только интеллигенция.

Революционеры 70-х годов не придавали
должного значения формам политического
устройства общества. Это объяснялось сла-
бостью классовой борьбы в России, индиф-
ферентностью крестьянства к форме госу-
дарственного строя. Революционные народ-
ники рассматривали предстоящий перево-
рот как социалистический, считали, что поли-
тические свободы будут побочным продуктом
социальной революции. Придерживаясь та-
ких взглядов, народники вступали в про-
тиворечие со своей революционной практи-
кой. Образование «Народной Воли» в
1879 г. явилось шагом вперед в преодоле-
нии этого противоречия, так как народо-
вольцы поставили перед собой задачу овла-
деть государственной властью. На почве
политических требований они стремились
привлечь на свою сторону всех недоволь-
ных царизмом. В этом В. И. Ленин видел
их великую историческую заслугу.

Социализм народовольцев продолжал
оставаться утопическим. Политическую
борьбу они понимали очень узко, отожде-
ствляя ее с захватом власти революционной
организацией, не связанной с массами. Оши-
бочным был и метод этой борьбы — террор.
В. И. Ленин допускал, что в определенных
условиях террор может быть средством дез-
организации врага. Но он решительно осу-
ждал народнические взгляды на террор как
на основное средство решения социальных
проблем. Индивидуальный террор «Народ-
ной Воли» вызывался неверием в массовое
движение. Усиливая кризис верхов, террор
не способствовал, однако, пробуждению

масс. В. И. Ленин указывал, что главнейшая слабость «Народной Воли» заключалась в том, что она не сумела связать политической борьбы с классовой борьбой внутри развивавшегося капиталистического общества.

Революционные народники в целом и в особенности такие организации, как «Земля и Воля», «Народная Воля», выражали требования крестьян, боровшихся против пережитков крепостничества. Поэтому В. И. Ленин не раз подчеркивал, что крестьянская демократия — основа, суть революционного народничества. Утопические идеи народничества В. И. Ленин рассматривал исторически. Появление марксизма в России явилось той гранью, когда утопический социализм стал реакционным. До этого идеи утопического социализма были знаменем и лозунгом борьбы с царизмом.

До возникновения марксизма народничество оказывало влияние и на рабочее движение. Так как рабочее движение 70-х годов было очень слабым и мелкобуржуазные черты его идеологии еще сильно обнаруживали себя, оно не могло выделиться из общедемократического движения. Поэтому рабочее движение и народничество составляли единую революционную волну. С появлением марксизма народничество превратилось в тормоз для революционной борьбы рабочего класса. Ленинская критика народничества преследовала цели соединения социализма с рабочим движением.

Для В. И. Ленина революционные народники в определенной мере, так же как В. Г. Белинский, Н. Г. Чернышевский и А. И. Герцен, являлись предшественниками социал-демократии. Он писал, что усилия и жертвы революционных народников не пропали даром: они послужили революционному воспитанию русского народа. О том, что марксизм в России был поистине «выстрадан», ярко свидетельствовала героическая борьба революционных народников.

Открывший своим выступлением прения И. Д. Ковальченко отметил, что в докладе М. Г. Седова поставлен ряд важных и интересных проблем. Вместе с тем, по его мнению, в докладе проявились тенденции, характерные для исторических исследований о народничестве последнего времени, но вызывающие сомнения. Так же как и Б. П. Козьмин в статье «Народничество на буржуазно-демократическом этапе освободительного движения», докладчик считает, что под народничеством следует понимать весь разночинский этап общественного движения. Народничество характеризуется тремя чертами: демократизмом, утопическим социализмом и буржуазным реформизмом. Доклад был направлен прежде всего на то, чтобы доказать тождественность движения 60-х и 70-х годов. Три черты народничества, отмеченные в статье В. И. Ленина «От какого наследства мы отказываемся?», докладчик считает применимыми только к либеральному народничеству. Однако конкретные факты говорят о том, что те же особенности были присущи и революционным народникам 70-х годов. Правда, М. Г. Седов и сам признает, что в какой-то мере эти черты имелись у революционного народничества. По мнению И. Д. Ковальченко, отождествлять 60-е и 70-е годы можно было бы в том случае, если бы наследство революционной практики 60-х и 70-х годов было одним и тем же. Между тем 70-е годы оставили в практике много такого, с чем марксизму пришлось бороться.

Утопический социализм и демократизм, по словам И. Д. Ковальченко, не были специфически народническими чертами. Таковыми являются именно те три черты, о которых В. И. Ленин писал в статье «От какого наследства мы отказываемся?». Характеризуя разночинский период освободительного движения в целом, В. И. Ленин действительно выделял общие для всего периода признаки: преобладание разночинца в революционном движении, буржуазно-демократический характер программы преобразований, наличие теории крестьянского утопического социализма. Но он выделял вместе с тем в этом периоде три этапа, а не два: 60-е, 70-е и 80—90-е годы. Они отличались между собой основными вопросами, которые ставились перед общественной мыслью, и тем, с позиций каких классов они решались. Поскольку революционеры 70-х годов выражали интересы крестьянства, продолжали традиции 60-х годов, они были революционерами-демократами. Но им пришлось решать новый вопрос — о капитализме. Именно решение этой проблемы с точки зрения интересов мелкого производителя породило реакционные стороны народнической теории, которая отличалась в этом смысле от революционной теории 60-х годов.

П. С. Ткаченко подчеркнул правильную постановку в докладе М. Г. Седова вопроса о революционном народничестве. По его мнению, докладчик в соответствии с

нцепцией В. И. Ленина говорит о един-
е народнического движения 60-х и 70-х
ов и верно рассматривает народничество
к целую полосу общественной мысли, ха-
ктеризуемую демократизмом, утопическим
ализмом и мелкобуржуазным рефор-
змом. П. С. Ткаченко отметил также не-
ходимость для более глубокого понима-
я статьи В. И. Ленина «От какого на-
дства мы отказываемся?» привлечения
инской переписки с современниками.

Б. С. Итенберг поддержал и развил
новную мысль докладчика о том, что ре-
люционное народничество есть демокра-
ческое движение, точно так же как ре-
люционное движение 60-х годов есть на-
дническое движение. 60-е и 70-е годы
тавляли один период русского революци-
ного движения. Б. С. Итенберг указал на
щность революционно-демократических
ей, которыми руководствовалось движе-
е как 60-х, так и 70-х годов. Идейные
жди 60-х годов — Н. Г. Чернышевский,
А. Добролюбов — были вождями и для
волюционеров-семидесятников. Оратор
вел высказывания самих народников-се-
десятников об огромном влиянии идей
овременника» на формирование их взгля-
в. Правда, подчеркнул Б. С. Итенберг,
70-е годы на революционное движение
яли не только идеи Чернышевского и
бролюбова, но и П. Л. Лаврова и
Н. Бакунина. Однако господствующими
авались все же идеи революционного де-
кратизма — вера в крестьянскую рево-
цию, признание решающей роли народа
бщественных преобразованиях. Останов-
шись на периодизации народнического
жения, Б. С. Итенберг согласился с до-
адчиком, что 70-е годы были временем
цвета народничества, окончательного
рмления основных его направлений. По
сли Б. С. Итенберга, под «хождением
арод» надо понимать не только события
4 г., но и весь землевольческий период,
да народники вели активную деятель-
ть в деревне.

. С. Итенберг рассмотрел далее полеми-
И. Д. Ковальченко с Б. П. Козьминым.
следний, по его словам, никогда не
ерждал, что три признака, которыми
И. Ленин характеризовал народничество
аботе «От какого наследства мы отка-
аемся?», относятся только к либераль-
у народничеству. Ленинская оценка при-
кима как к революционному, так и к ли-
альному народничеству. Революционное
народничество имело еще один отличи-
тельный признак — боевой демократизм, который назван В. И. Лениным в статье «Мелкобуржуазный и пролетарский социализм». Б. С. Итенберг сказал далее, что в разные периоды развития народнического движения соотношение этих признаков народнической идеологии, их проявление были различными. В 60—70-е годы преобладали революционные черты; либеральные тенденции начали усиливаться с 80-х годов XIX века.

Я. И. Линков отметил, что советская историческая периодика снова обратилась к теме революционного народничества, актуальность которой никогда не потеряет своей силы, так как она связана с вопросом об исторических судьбах русского крестьянства.

Я. И. Линков поднял ряд методологических вопросов освоения ленинского наследства. Недопустимо использовать ленинские высказывания, вырывая их из контекста, не представляя себе основной идеи, основной направленности той или иной статьи В. И. Ленина. Я. И. Линков напомнил далее ленинскую мысль о необходимости отличать реальное содержание народничества от словесной его оболочки.

Большое внимание Я. И. Линков уделил проблеме соотношения движения 60-х и 70-х годов, оказавшейся в центре внимания конференции. Он критиковал тех историков, которые отделяют революционеров-шестидесятников от народников 70-х годов. А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов — это идейные учителя народников 70-х годов. Правда, ученики не всегда и не во всем следовали учителям, сделав в некоторых отношениях шаг назад. Но, тем не менее, следует изучать движение 60-х и 70-х годов как один революционный период. Именно так рассматривал его В. И. Ленин, считая революционеров-шестидесятников родоначальниками народничества. По словам Я. И. Линкова, в 60-е годы не только сложились основы народнической идеологии, но и было положено начало организационному оформлению народничества («Земли и Воли» 60-х годов).

Литературовед А. И. Белкин развил мысль М. Г. Седова о том, что проблемы народничества — это проблемы не только истории революционного движения, но и культуры русского народа второй половины XIX века. Оратор указал на отставание советского литературоведения в разработке проблем народнической литературы и журналистики. В ряде работ по истории рус-

ской литературы революционеры-демократы противопоставляются народникам 70-х годов. Таких выразителей народнической идеологии, как М. Е. Салтыков-Щедрин, Г. И. Успенский, литературоведы определяют часто как только революционеров-демократов, иногда со стыдливым добавлением «с народническими иллюзиями». В подтверждение своих слов А. И. Белкин привел многочисленные примеры. Так, в исследовании Баскакова «Социологические воззрения классиков русской философии XIX в.» умалчивается о том, что А. И. Герцен и Н. Г. Чернышевский были родоначальниками народников 70-х годов. Оратор критиковал также работы Я. Е. Эльсберга о Салтыкове-Щедрине («Салтыков-Щедрин. Жизнь и творчество». М. 1953, и др.) за то, что их автор усмотрел в редакции «Отечественных записок» 70-х годов борьбу революционного демократизма (Н. А. Некрасов, М. Е. Щедрин) и либерализма (Михайловский). С этой же точки зрения А. И. Белкин говорил и о работе Н. А. Глаголева «Г. И. Успенский» (М. 1953), в которой Г. И. Успенский изображен как революционный демократ без упоминания о его народническом мировоззрении. Антиисторизм в оценке деятелей 70-х годов, по мнению А. И. Белкина, объясняется в какой-то мере реакцией советского литературоведения на известную концепцию либерально-буржуазных исследователей, которые объявляли М. Е. Салтыкова-Щедрина, Г. И. Успенского, Н. А. Некрасова, В. Г. Короленко, В. М. Гаршина выразителями идей либерального народничества.

А. М. Ладыженский поднял вопрос о переиздании ряда произведений революционных народников. Он огласил также неопубликованное письмо В. Н. Фигнер шлиссельбуржцу М. Р. Попову, относящееся к 1907 г. и показывающее, что и в эти годы в среде старых революционеров-народников продолжались споры, которые были причиной раскола «Земли и Воли» в 1879 году.

Ш. М. Левин отметил, что Ю. З. Полевой в своем докладе почти не затронул такую проблему, как отношение народников к К. Марксу и его учению. Ш. М. Левин остановился на оценке К. Марксом «Черного передела». По его мнению, в ряде последних работ по истории революционного народничества наметилась тенденция преувеличенного внимания к «Народной Воле» в ущерб чернопередельческой организации. Ш. М. Левин высказал ряд соображений по поводу оценки К. Марксом «Черного передела» (письмо к Зорге 1880 г.). Специфика чернопередельческой программы, по словам оратора, состояла в отказе от непосредственного скачка в социализм, в идее постепенной подготовки социалистической революции.

Ш. М. Левин сделал ряд важных замечаний и по докладу М. Г. Седова. Касаясь вопроса периодизации народничества, он возразил докладчику, считающему, что 80-е годы — время господства либерального народничества. Это, по мнению Ш. М. Левина, переходный период, когда еще громким эхом отзывалась борьба революционного народничества, но когда либеральное народничество все более усиливалось. В самом революционном народничестве происходило известное перерождение в сторону преобладания в нем либеральных тенденций.

Центральным в выступлении Ш. М. Левина был вопрос о наследстве 60-х годов в свете ленинской концепции. Надо, по мнению оратора, учитывать всю совокупность того, что писал В. И. Ленин о наследстве и о народничестве. Следует также хорошо разобраться в исторической обстановке появления статьи «От какого наследства мы отказываемся?», в полемике марксистов с «Русским богатством», вокруг которого блокировались представители различных направлений в народничестве. Ш. М. Левин не согласился с теми, кто относит оценку народничества, данную В. И. Лениным в этой работе, только к либеральным народникам. Хотя статья написана в основном на материалах, относящихся к либеральному народничеству, В. И. Ленин имел в виду в ней и либеральное и революционное народничество.

По вопросу об окончательном оформлении народничества Ш. М. Левин полемизировал с Б. П. Козьминым, считающим, что это произошло в 60-е годы. Ш. М. Левин относит данный процесс к рубежу 60—70-х годов. Об этом он писал в своей работе «Общественное движение в 60—70-х гг. XIX в.» (М. 1958), в которой дана следующая периодизация разночинского этапа русского освободительного движения: революционно-просветительский, революционно-народнический и либерально-народнический периоды. В заключение Ш. М. Левин сказал, что он считает неправильной оценку М. Г. Седовым роли П. Н. Ткачева и группы «Набат».

С. С. Волк посвятил свое выступление

еменному политическому значению лемы народничества. Русское народни-зо изучается за рубежом весьма широ-Только за последние годы во Франции, ии, Америке, Испании, Австралии и их странах вышли десятки книг о Ба-не, Лаврове, Ткачеве, Кропоткине, айловском, о русском революционном кении 70—80-х годов. С. С. Волк оста-лся на извращениях, имеющих место в тах современных буржуазных исследо-лей. Одни из них стремятся представить дничество течением, идейно близким еменному ревизионизму, который они или иначе поднимают на щит; другие ются доказать, будто народники, в ча-сти Ткачев и Нечаев, положили начало шевистской тактике в революции. и такие историки, которые утверждают, что революционное народничество зя якобы рассматривать как одно из жений, предшествовавших русскому со-ц-демократическому движению. В Аме- объявлено о выходе в свет больших книг, посвященных рас-риваемой проблеме: «Ленин и русские олюционные традиции» и «Якобинские иции в русском революционном дви-ии». Антимарксистская направленность этих исследований открыто реклами-тся. В тексте, помещенном на суперобложке книги американского ученого Бил-тона (James H. Billington «Mikhailovsky Russian Populism». Oxford. 1958), ерждается, что это исследование помо-якобы понять «проблемы, стоящие в и дни перед интеллектуальными лидера-во многих полузападных и отсталых онах». О том же заявляет и другой аме-анский историк, Фишер (G. Fischer ssian Liberalism: From Gentry to lligentsia». Cambr. Mass. 1958). Не айно книги Биллингтона и Фишера бы-поддержаны крупнейшими буржуазны-газетами США («Нью-Йорк Таймс», о-Йорк Геральд Трибюн» и т. д.), под-ивавшими, что эти исследования имеют й целью оторвать антиимпериалистиче-движения от марксизма-ленинизма.

С. Волк подчеркнул необходимость езного научного исследования проблем дничества, последовательной марксист-критики попыток буржуазных ученых сифицировать его историю в политиче-целях. Советские исследователи долж-торгнуться в самый арсенал реакцион-ученых Запада — обстоятельно изу-источники, которыми те пользуются: социалистическую прессу 70—80-х годов, частные и государственные архивы, где хранятся народнические документы (архив М. Н. Бакунина в Амстердаме, архив народовольца В. И. Иохельсона в Нью-Йорке, архив Публичной библиотеки в Швейцарии, Национальной библиотеки в Париже). С. С. Волк высказался за организацию более широкой публикации документов по истории народничества, завершение издания биобиблиографического словаря русских революционных деятелей 80-х годов. Он внес также предложение создать рабочую группу по изучению революционного народничества.

Э. С. Виленская говорила о необходимости конкретного подхода к изучению ленинских работ, то есть учета обстановки написания произведения и его политического замысла. Примером этого может служить изучение статьи В. И. Ленина «От какого наследства мы отказываемся?». Э. С. Виленская рассказала, как из переписки Владимира Ильича с современниками вырисовывается основной замысел указанной работы и условия его осуществления. Из писем В. И. Ленина видно, что он имел в виду характеристику народничества вообще.

Е. Р. Ольховский, обратившись к ленинскому определению признаков народнической идеологии, сказал о необходимости диалектической характеристики 70-х годов. Он привел примеры, показывающие, что среди народников с началом кризиса их идеологии появились отдельные революционеры, не отрицавшие господства капитализма в России и роли фабрично-заводских рабочих. Отрицание значения буржуазных политических свобод, по мнению Е. Р. Ольховского, также не было чертой, присущей всем революционным народникам этого периода. Таким образом, среди разноголосицы мнений, которая существовала в 70-е — начале 80-х годов, звучали и такие голоса, которые по отдельным вопросам предлагали решения, не типичные для народников. Правда, все они были далеки от марксизма. Но в этом нашли свое выражение упорные поиски правильной революционной теории. Е. Р. Ольховский поддержал предложение о создании группы историков, занимающихся революционным народничеством, и высказался за издание сборников работ по истории народничества.

Закрывая конференцию, А. Л. Сидоров отметил, что она должна сыграть положи-

тельную роль, дав творческую зарядку историкам, изучающим революционное народничество. К сожалению, на конференции не присутствовали экономисты и философы. Конференция не затронула ряда конкретных вопросов истории народничества, сосредоточив всю полемику вокруг доклада М. Г. Седова, в частности по вопросу о наследстве 60-х годов. Не была поставлена и проблема историографии.

А. Л. Сидоров отметил неправильную тенденцию к идеализации народничества в отдельных выступлениях. Он поддержал также предложение о создании в Институте истории АН СССР группы по изучению революционного движения второй половины XIX в. и организации в ближайшее время конференции по истории народничества с бо́льшим количеством участников и обсуждением более конкретных вопросов.

Д. А. Колесниченко
В. А. Твардовская

О РАБОТЕ НАУЧНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ПО ИЗУЧЕНИЮ СОВРЕМЕННОГО СЕКТАНТСТВА

Летом прошлого года Институт истории АН СССР направил в Тамбовскую область научную экспедицию под руководством А. И. Клибанова для изучения современного сектантства. Экспедиция носила историко-этнографический характер и собрала материал, характеризующий идеологию, тактику, состав, а также прошлое тамбовского сектантства. Обследованию подверглись советские и дореволюционные архивы, рукописная литература современных сектантов и пр. Экспедиции предстояло выяснить, в какой среде городского и сельского населения наиболее живучи религиозные предрассудки и какие именно, какова особенность учений и пропагандистских приемов современных сектантских деятелей и т. д.

Тамбовщина отличается большим разнообразием сектантских течений и их относительной активностью. Кроме того, она являлась одним из старейших и крупнейших центров сектантства. Экспедиция установила, что в настоящее время в Тамбовской области имеются баптисты, адвентисты, пятидесятники, молокане, субботники, хлысты и религиозные группы истинно-православной церкви (ИПЦ), истинно-православных христиан (ИПХ) и молчальников.

Отдельные отряды экспедиции были посланы в районы наибольшей концентрации или наивысшей активности религиозных сект и групп. Первый отряд работал в г. Рассказово, Тамбовской области, бывшем еще в XIX в. центром духоборчества, молоканства, субботничества и отчасти хлыстовства. Остатки этих сект существуют здесь до сих пор. Второй отряд изучал сектантство в Мичуринске и его районе, где сконцентрированы преимущественно группы ИПЦ и ИПХ, деятельность которых достигла наибольшей активности в 1947—1952 годах. В Мичуринском районе есть секты молокан и баптистов, существовавшие в Козловском уезде и в XIX веке. Третий отряд работал в северных районах Тамбовской области: Сосновском, Дегтянском, Ламском — там, где расположен основной очаг религиозно-фанатичной группы молчальников. В XIX в. именно в этих районах была распространена изуверско-мистическая секта скопцов.

По сведениям, собранным рассказовским отрядом в местном архиве, в Рассказове и его волости в 1915 г. молокан и субботников было 4 763 чел. В 1924—1926 гг. молокан осталось немногим более 1 000, субботников — около 800, а хлыстов (постников) — около 150. В настоящее время молокан в Рассказово и районе насчитывается всего около 100 человек (то есть за 30 лет с небольшим число их уменьшилось в 10 раз), а субботников — около 40 (уменьшение в 20 раз!), группа баптистов вот уже ряд лет насчитывает около 60 чел., а постников — около 100. Изменился и возрастной состав сектантских общин. Среди субботников 1924—1926 гг. люди в возрасте до 30 лет составляли 41%, от 30 до 50 лет — 36%, старше 50 лет — 23%. Из имеющихся ныне в Рассказово субботников нет ни одного моложе 60 лет. Еще в 1949 г. молокан в Рассказово и районе было 157 чел., из них 15% молодежи, около 35% — в возрасте от 30 до 50 лет, остальные — старше 50 лет

оставшихся ныне в Рассказово молокан
ди пожилого и преклонного возраста со-
вляют 85% и среднего — 15%. Такое же
ожение в сектах постников и баптистов.
арактерен социальный состав сектант-
х общин. Обычно сектанты не занимают-
общественно полезным трудом, некото-
из них — пенсионеры, подавляющая
ть живет за счет доходов от своих при-
дебных участков. Численность всех сект
чительно сократилась и продолжает
вать.
Мичуринске в 1915 г. было 600 молокан.
не осталось около 40; практически ис-
ла секта субботников, от баптистов отде-
лась группа пятидесятников. Но наибо-
характерным для Мичуринского райо-
в последние годы явилось действие ре-
иозных групп ИПЦ и ИПХ. Истоки идео-
ии группы ИПЦ лежат в антисоветской
тельности православной церкви в 20-е
ы (так называемой тихоновщине). Из
участников секты ИПЦ, о которых уда-
ь собрать сведения, всего 8 человек име-
возраст до 40 лет. Входят в группу пре-
ущественно женщины. Что касается ИПХ,
эта секта сложилась в 40-х годах, вобрав
ебя уцелевшие остатки кулацких элемен-
, вербуя сторонников главным образом
ди лиц, не занятых общественно полез-
м трудом. У секты ИПХ отсутствует ин-
тут священства, что формально отличает
от ИПЦ. Однако для обеих групп харак-
ны отказ от работы в колхозах и на
едприятиях, бойкотирование выборов, не-
желание служить в армии, отказ от пенсий, запрещение детям учиться в школах. В настоящее время деятельность ИПХ, ИПЦ резко сократилась.

На той же базе, что и секты ИПХ и ИПЦ, основано молчальничество, появившееся в Тамбовской области в 1955 году. Своим поведением и прежде всего обетом молчания они изолируют себя от населения. Молчальников в области всего около 80 человек. Это преимущественно женщины. Никто из молчальников не работает.

Изучение сектантства в Тамбовской области показало изолированность и резкое количественное сокращение сект, по сути дела, их отмирание. Собранный участниками экспедиции большой материал, в том числе и рукописная литература сектантов, записи и полевые дневники свидетельствуют о полезности проведения подобных обследований. Такие сведения позволяют сделать вывод, что очаги сектантства уменьшаются и оказываются в изоляции больше там, где шире и лучше поставлена политико-просветительная и культурная работа среди населения, где советская интеллигенция, и в частности учителя истории, биологии, химии, физики и др., активно участвует в научно-атеистической пропаганде. Сотрудниками экспедиции подготавливается сборник статей о современном сектантстве Тамбовской области, выход которого должен способствовать развертыванию и углублению научно-атеистической пропаганды в СССР.

И. А. Малахова

роникальные заметки

В Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК ССС хранится записка М. Урицкого о вые удостоверения Ф. Э. Дзержинскому, бранному в Учредительное собрание по тебской губернии. Ф. Э. Дзержинский одил в число кандидатов в депутаты Учительного собрания, намеченных ЦК ДРП(б). В Центральном государствен- историческом архиве БССР (Могилев) наружены интересные документы о ходе итогах выборов в Учредительное собра- в Витебской губернии. Большевистские ндидаты проходили здесь по списку № 5. списки избирателей по Витебску было сено свыше 49 тыс. гражданских лиц и тые. военных. В выборах участвовало 533 человека, в том числе 21 564 от граж-ского населения и 12 969 от военнослущих. Большевики получили свыше трети всех голосов (11 875), эсеры — только 3 053, или в четыре раза меньше. Аналогичное положение было и в других избирательных округах губернии. Эти факты свидетельствуют об огромном влиянии, которое имела большевистская партия среди трудящихся Белоруссии осенью 1917 года.

На историческом факультете Ленинградского университета состоялась научная сессия, посвященная истории советского рабочего класса. В сессии приняли участие ученые Москвы, Ленинграда, Минска, Ростова-на-Дону и других городов страны. Среди ее участников были также новаторы производства, члены бригад коммунистического труда, авторских коллективов, работающих над созданием истории заводов и фабрик Москвы и Ленинграда. Заслушано десять докладов и свыше двадцати сообщений. Проректор университета С. И. Тюль-

панов, открывая сессию, указал на огромные изменения, которые произошли в жизни рабочего класса нашей страны за годы Советской власти, рассказал о революционном творчестве масс, их участии в управлении государством. Доклад о возрастании руководящей роли КПСС в период развернутого строительства коммунизма сделал В. А. Чумичев (Ленинград). А. В. Митрофанова охарактеризовала основные этапы развития рабочего класса в советском обществе.

◆ В Государственной публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград) ведется большая работа над созданием путеводителя по иностранным библиографиям всеобщей истории. Путеводитель учитывает только те библиографии, которые имеются в крупнейших библиотеках нашей страны. Его первый выпуск (издание намечено на 1961 г.) охватит библиографии по истории стран Европы (кроме СССР) и Америки. Материал в томе будет расположен по периодам (в общей части) и по странам. В приложении будет дан перечень иностранных и библиографических журналов, систематически публикующих информацию о новых работах по истории стран Европы и Америки. Второй выпуск предполагается посвятить библиографии по истории стран Азии и Африки.

◆ Казанский государственный педагогический институт подготовил к изданию несколько исторических трудов. Дипломатической деятельности М. И. Кутузова в 1798—1813 гг. посвящена книга Н. П. Мунькова «М. И. Кутузов — дипломат», основанная на архивных материалах и опубликованных документах. Книга Р. М. Бикметова «Борьба за оживление деятельности Советов Татарии в первые годы индустриализации страны (1926—1929 гг.)» ознакомит читателей с интересной страницей из истории советской Татарии. Монография Ю. Г. Трунского «Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в конце XIX—XX вв.» снабжена методическими разработками и документами. Ее можно использовать как пособие для спецсеминара на тему: «Крестьянский вопрос во Франции в эпоху империализма и общего кризиса капитализма».

◆ Академия наук УССР выпустила в свет монографию И. А. Петерса «Содружество чехословацкого и советского народов в борьбе против фашизма в годы второй мировой войны». Автор широко использовал материалы архива Министерства обороны СССР, Закарпатского областного государственного архива, воспоминания участников партизанского движения. Книга является первым обстоятельным исследованием боевого содружества братских народов.

◆ В Ереване состоялась совместная научная сессия историков Армении и Украины на тему исторические связи армянского и украинского народов, организованная Академией наук Армянской ССР. Было прослушано двадцать выступлений, в том числе доклады: «Ленинская дружба народов СССР» (А. Б. Арутюнян), «Садок Баронч — историк армян бывшей Галиции» (И. П. Крипякевич), «Роль древней Руси в Украины в жизни армян (XI—XVII вв.)» (В. К. Восканян), «Армянские поселения на западноукраинских землях» (В. В. Грабовецкий), «Совместная борьба украинского и армянского народов за победу Советской власти» (Л. Н. Мнацаканян), «Армянские источники об Украине и украинцах» (В. А. Акопян) и другие.

◆ «О происхождении и значении слова «Сибирь» — под таким названием выпущена в свет работа сотрудника Томского университета З. Я. Бояршиновой. Автор освещает историю вопроса о происхождении термина «Сибирь», отвергая существовавшие в прошлом ошибочные предположения, в частности связывавшие его со словом «север», или «сивер». З. Я. Бояршинова доказывает, что термин «Сибирь» возник в начале I в. до н. э., обозначая название этнической группы («сипыр»). С XIII в. летописи называли этим именем местность, где жила народность «шибир», или «сапыр». В XV столетии, когда было совершено пять походов отрядов русских служилых людей в сибирские земли, оно обозначало небольшой район по нижнему течению Тобола и среднему течению Иртыша, где жили потомки древних «сипиров». В XIV—XV вв. «Сибирью» назывался и городок на берегу Иртыша — ставка Сибирского ханства. В первой четверти XVI столетия территория Сибирского ханства была расширена за счет включения в нее бассейна реки Туры, где ранее существовало Тюменское ханство. Во второй половине века Кучум присоединил к нему Барабинскую степь. Разгром Сибирского ханства в 80-х годах XVI в. дружиной Ермака и дальнейшее продвижение русских на восток привело к распространению термина «Сибирь» на всю территорию от Урала до Тихого океана.

◆ Археологическая экспедиция Академии наук Казахской ССР ведет раскопки на дне озера Иссык-Куль. Обнаружены остатки древних строений, много предметов домашнего обихода. Ответ на вопрос о том, откуда взялись здесь эти строения и предметы, дают китайские летописи II в. до нашей эры. Они сообщают, что на юго-восточном берегу Иссык-Куля стоял большой город Чигу-Чен — город Красной Долины. В X—XII вв. на берегах озера имелось четыре больших и несколько малых городов. Позднее здесь была построена крепость и возник город Иссык-Куль. В результате катастрофы, происшедшей в этих местах, уровень воды в озере резко поднялся и города оказались под водой.

◆ Новые данные о древних связях Казахстана и Китая обнаружены в китайских хрониках сотрудниками Института истории, археологии и этнографии Казахской Академии наук. Эти хроники преподнесли в дар академии пекинские ученые. Китай с древнейших времен поддерживал экономические и культурные связи с племенами и народностями, населявшими территорию Казахстана. Великий шелковый путь шел из Китая на запад не только через Восточный

стан и Фергану, но и через Джунга-
и долину реки Или. Из Казахстана в
ввозились лошади, оттуда вывозили
бумагу, украшения из нефрита и дру-
емесленные изделия. По историческим
ям «Ши Цзи» Сыма Цяня удалось
овить, что известный китайский путе-
венник Чжан Цянь, открывший Китаю
на запад, побывал в долине Сыр-
и, завязал отношения с усуньскими и
йскими племенными союзами, насе-
ими обширную территорию Казахста-
десь в 108 г. до н. э. был заключен
овор о мире и родстве», который дей-
ал свыше ста лет, а впоследствии не-
ко раз возобновлялся. Примечательно,
ведения, сообщаемые в хронике Чжан
«Описание похода за Великую стену»
Цзюнь-чжи), подтверждаются мате-
риалами археологических раскопок, проведенных в Казахстане в советское время. Связи Казахстана и Китая развивались и в VII—XII вв. нашей эры. В период Караханидов (XI—XII вв.) города Казахстана играли роль важных посредников в торговле Китая с Поволжьем и Русью. Основной торговый путь на Восток пролегал из Киева на Белую Вежу (Саркел) и далее через города Итиль, Саксин, Ургенч, Отрар, Тараз, Кулан, Мерки, Баласагун, Суяб, Барсхан, через Восточный Туркестан в Китай. Многие из этих городов в XIII в. были полностью разрушены монголами. Для восстановления экономических и культурных связей между Китаем и Казахстаном потребовалось несколько веков. Институт подготовит ряд публикаций на тему о связях Китая и Казахстана в древности.

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

В первом номере журнала «Вопросы истории» за 1959 г. была опубликована
ензия В. К. Попова на книгу Г. К. Селезнева «Тень доллара над Россией». По по-
у рецензии автор книги обратился в редакцию с письмом, в котором оценивает
годы критики рецензента как недобросовестные и многие его утверждения, как
боснованные. В связи с этим редколлегия считает необходимым заявить сле-
ющее.

Рецензия В. К. Попова имела целью привлечь внимание научной общественно-
к необходимости дальнейшего исследования роли империалистических держав
одготовке и осуществлении антисоветской интервенции. В то же время рецензия
раведливо вскрыла существенные недостатки работы Г. К. Селезнева (нечет-
в ряде мест книги формулировки о роли американского и японского империализма
интервенции и другие).

Вместе с тем редколлегия отмечает, что по вине автора рецензии в ней до-
щены преувеличения и необоснованные обвинения. Так, рецензия неправильно об-
яет Г. К. Селезнева в том, что он отстаивает концепции о пассивном участии
ША в антисоветской интервенции и что содержание книги не раскрывает захватни-
ких целей американского империализма в отношении России. Неправильно и
ерждение рецензента, что основные положения книги перекликаются со взглядами
кционных американских историков. Недостатком рецензии является также ее нето-
рищеский тон, который не способствует объективной оценке книги и неприемлем
научной полемике между советскими историками.

Редколлегия считает необходимым повышение научного уровня публикуемых
журнале рецензий, проведение научных дискуссий и обсуждений по важнейшим
облемам истории гражданской войны и иностранной интервенции в нашей стране.

БОРИС НИКОЛАЕВИЧ ЗАХОДЕР

7 января на 62-м году жизни скоропостижно скончался крупный советски ученый-востоковед, доктор исторических наук, профессор, заведующий сектором Иран Института востоковедения Академии наук СССР Борис Николаевич Заходер.

Борис Николаевич родился в 1898 г. в селе Баки, Горьковской области, в семь врача. По окончании гимназии в Москве в 1917 г. он служил в политико-просветитель ных учреждениях. В 1927 г. окончил Московский институт востоковедения. В 1930 г Б. Н. Заходер был назначен доцентом и заведующим кафедрой персидского языка МИВ. С 1934 г. он читал лекции в Московском государственном университете.

Борис Николаевич является создателем первого курса по средневековой истори Востока и автором первого в Советском Союзе учебника по истории народов Ближ него и Среднего Востока в средние века.

Б. Н. Заходер был старшим научным сотрудником Института востоковедения АН СССР, заведовал там сектором Ирана и руководил отделом стран Ближнего и Среднего Востока. Борис Николаевич состоял также в редакционной коллегии жур налов «Советское востоковедение» и «Проблемы востоковедения», являлся членом экспертной комиссии ВАК.

Крупный знаток истории, литературы, искусства Ирана, арабских стран и Сред ней Азии, арабско-персидской исторической географии, он, как исследователь, отли чался необычайной добросовестностью и тщательностью и был, кроме того, блестящим переводчиком и тонким текстологом арабской и персидской историко-географическо и художественной литературы.

Борисом Николаевичем написано свыше 40 работ. Самыми значительными из них являются «Низам ал-Мульк (Очерки по истории сельджукского государства)» (ма 1941, докторская диссертация), полный перевод «Трактата о каллиграфах» Кази Ахме да и комментарии к нему» (М. 1947), перевод «Сиасет-намэ» Низам ал-Мулька с об ширным введением и комментарийным текстом (М.-Л. 1949). В последние годы своей жизни Борис Николаевич Заходер изучал арабские и персидские источники по исто рии Восточной Европы. Им опубликована серия статей на эту тему. Незадолго до кон чины Борис Николаевич сдал в издательство свой капитальный труд «Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Горган и Поволжье IX—X вв.».

За безупречную научную, педагогическую и общественную деятельность Борис Николаевич Заходер был награжден орденом «Знак почета» и медалью «За доблест ный труд».

Память о Б. Н. Заходере навсегда сохранится в сердцах всех, кто знал его и работал с ним.

内 容

論 文

列宁的工农监察改組計划及其在1923—1925年的实現……謝・尼・伊康尼科夫
改进学校中的历史教学工作……阿・提・金庫里金
奴隸劳动在拉加沙国薩尔貢王朝以前寺院經济中的比重……瓦・瓦・斯特魯維院士（列宁格勒）
中国工人阶級在国民党統治区的地位和斗爭（1937—1945年）…中华人民共和国全华总工会附設工会运动史研究組
工人阶級在捷克斯洛伐克历史中的地位……英德治赫・維謝雷（捷克斯洛伐克）

討 論

論拜建廷历史中的若干社会經济問題……第・安格洛夫（保加利亚）

編史学

現代資产阶級历史学論十四到十六世紀罗斯的对外貿易……安・列・霍罗什凱維奇

情 报

摘自伊尔庫茨克国民經济委員会活动史……国民經济委員会主席米・尼・馬尔凱洛夫（伊尔庫茨克）
关于第四次国家杜馬中布尔什維克党团的新資料……費・伊・卡里內切夫
俄国棉紡織业垄断化的过程（1900—1914年）……弗・雅・拉維雷切夫
1918—1919年俄国共产党（布）侨法小組的活动……柳・瑪・查克
白朗領导下的中国农民起义（1912—1914年）……叶・亚・別洛夫

書 評

历史科学在苏联

关于革命民粹派的科学会議……吉・阿・科列斯尼欽科，瓦・亚・特瓦尔多夫斯卡雅
研究現代教派的科学攻察工作……伊・亚・瑪拉霍娃

編輯委員会
波里斯・尼古拉叶維奇・查霍捷尔

CONTENTS

Articles: **S. N. Ikonnikov.** The Lenin Plan of the Reorganization of Workers' and Peasants' Inspection and Its Implementation in 1923-25; **A. T. Kinkulkin.** Perfect History Studies in School; **Academician V. V. Struve** (Leningrad). Slave Labour's Role in the Temple Economy of Pre-Sargon Lagash; **The Group Studying the History of the Trade Union Movement at the All-China Federation of Trade Unions** (China). Position and Struggle of China's Working Class in Kuomintang-held Areas in 1937-45; **Jindřich Veselý** (Czechoslovakia). The Role of the Working Class in the History of Czechoslovakia. Discussion: **D. Angelov** (Bulgaria). Some Questions of the Social and Economic History of Byzantium. Historiography: **A. L. Khoroshkevich.** Russia's Foreign Trade in the 14th-16th Centuries in the Light of Contemporary Bourgeois Historiography. Reports: **M. N. Markelov** (Chairman of the Irkutsk Economic Council). The Activity of the Irkutsk Economic Council; **F. I. Kalinichev.** New Materials About the Bolshevik Faction in the Fourth State Duma; **V. Y. Laverychev.** The Process of the Monopolization of Russia's Textile Industry (1900-14); **L. M. Zak.** The Activity of the French Group of the Russian Communist Party in 1918-19; **E. A. Belov.** The Peasant Uprising in China Under the Leadership of Pai Lan (1912-14). Historical Science in the U.S.S.R.: **D. A. Kolesnichenko** and **V. A. Tvardovskaya.** The Scientific Conference on the Revolutionary Narodnik Movement; **I. A. Malakhova.** On the Research into Contemporary Sectarianism by a Scientific Expedition. From the Editorial Board. Obituary. Boris Nikolayevich Zakhoder.

SOMMAIRE

Articles: **S. N. Ikonnikov.** Plan léniniste de la réorganisation de l'Inspection des ou vriers et des paysans et sa réalisation en 1923—1925; **A. T. Kinkoulkin.** Perfectionner l'en seignement historique à l'école; **V. V. Strouvé, de l'Académie des Sciences de l'U.R.S.S** (Léningrad). Poids spécifique du travail d'esclave à l'économie de temple de Lagach avant Sargon; **Groupe des études de l'histoire du mouvement syndical près de la Fédera tion Syndicale de toute la Chine** (R.P.C.). Situation et lutte de la classe ouvrière de l Chine aux régions de la domination du Kuomintang (1937—1945); **Jindřich Veselý** (Tché coslovaquie). Rôle de la classe ouvrière à l'histoire de la Tchécoslovaquie. Discus sions: **D. Anguélov** (Bulgarie). Sur quelques questions de l'histoire sociale-économiqu de la Byzance. Historiographie: **A. L. Horochkévitch.** Le commerce extérieure d la Russie des XIV—XVI siècles selon l'historiographie bourgeoise d'aujourd'hui. Com munications: **M. N. Markélov,** président du Conseil de l'économie nationale (Irkoutsk) De l'histoire de l'activité du Conseil de l'économie nationale d'Irkoutsk; **F. I. Kalinitchev** Nouveaux matériaux sur la fraction bolchévique de la IV-e douma d'Etat; **V. J. Lavéri tchev.** Procès de la monopolisation de l'industrie cotonnière de la Russie (1900—1914) **L. M. Zak.** L'activité du groupe communiste français près du P.C.R.(b.) en 1918—1919 **E. A. Bélov.** L'insurrection de paysan en Chine sous la direction de Pai Lan (1912—1914) Critique et bibliographie. Science historique en U.R.S.S. **D. A. Kolesnitchenko, V. A. Tvardovskaïa.** Conférence scientifique consacrée au populism révolutionnaire; **I. A. Malahova.** A propos du travail de l'expédition scientifique des étude des sectes d'aujourd'hui. Du collège de rédaction. Nécrologe: Boris Niko laévitch Zahoder.

INHALT

Beiträge: **S. N. Ikonnikow.** Der Leninsche Plan zur Reorganisation der Arbeiter- und Bauerninspektion und seine Verwirklichung (1923—1925); **A. T. Kinkulkin.** Die Verbesse rung des Geschichtsunterrichts in der Schule; **Akademiemitglied W. W. Struwe** (Lenin grad). Anteil der Sklavenarbeit in der Tempelwirtschaft von Lagasch in der Zeit vo Sargon; **Die Gruppe zum Studium der Geschichte der Gewerkschaftsbewegung beim Allchi nesischen Gewerkschaftsbund** (Volksrepublik China). Die Lage und der Kampf der Arbeiter klasse Chinas in den Gebieten der Kuomintangherrschaft (1937—1945); **Jindřich Vesel** (Tschechoslowakei). Die Rolle der Arbeiterklasse in der Geschichte der Tschechoslowakei Diskussionen: **D. Angeloff** (Bulgarien). Einiges über die sozial-ökonomische Ge schichte Byzanz's. Historiographie: **A. L. Choroschkewitsch.** Der Außenhande Rußlands im 14. — 16. Jahrhundert im Lichte der gegenwärtigen bürgerlichen Historiogra phie. Mitteilungen: **M. N. Markelow, Vorsitzender des Volkswirtschaftsrates** (Irkutsk) Über die Tätigkeit des Volkswirtschaftsrates Irkutsk; **F. I. Kalinytschew.** Neue Materialien über die bolschewistische Fraktion in der IV. Reichsduma; **W. J. Lawerytschew.** Der Mono polisierungsprozeß in der Baumwollindustrie Rußlands (1900—1914); **L. M. Sak.** Die Tätigkeit der französischen kommunistischen Gruppe der KPR(B) (1918—1919); **E. A. Be low.** Der Bauernaufstand in China unter Führung von Pai Lan (1912—1914). Kritik und Bibliographie. Die Geschichtswissenschaft in der UdSSR **D. A. Kolesnitschenko, W. A. Twardowskaja.** Wissenschaftliche Konferenz über die revolu tionäre Volkstümlerbewegung; **I. A. Malachowa.** Die Tätigkeit der wissenschaftlichen Expe dition zur Erforschung des gegenwärtigen Sektierertums. Vom Redaktionskolle gium. Nachruf für Boris Nikolajewitsch Sachoder.

Редакционная коллегия:

С. Ф. НАЙДА (главный редактор), Ю. В. БОРИСОВ (заместитель главного редактора) Р. П. ДАДЫКИН, Л. М. ИВАНОВ, Н. И. МАТЮШКИН (первый заместитель главного редактора); А. Л. НАРОЧНИЦКИЙ, И. А. ОРБЕЛИ, Г. Н. СЕВОСТЬЯНОВ С. Д. СКАЗКИН, Н. А. СМИРНОВ, П. Н. СОБОЛЕВ, П. Н. ТРЕТЬЯКОВ П. И. ФЕДОТОВ, И. А. ХРЕНОВ, Л. В. ЧЕРЕПНИН.

Адрес редакции: Москва, К-6. М. Путинковский пер., 1/2, тел. Б 8-96-21.
А 00819. Подписано к печати 8/II 1960 г. Тираж 22 700
Изд. № 159. Заказ № 3162. Формат бум. 70×108¹/₁₆. 7 бум. л.— 19,18 печ. л

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.

Продолжается подписка на 1960 год

на ежемесячный журнал

«ВОПРОСЫ ИСТОРИИ»

Журнал является научно-теоретическим, проблемным органом Бюро отделения исторических наук АН СССР. В нем публикуются научные статьи и сообщения, ведутся дискуссии и обсуждения по важнейшим вопросам отечественной и зарубежной истории, систематически помещаются критические обзоры, рецензии и заметки о книгах.

Журнал рассчитан на научных работников, преподавателей истории высшей и средней школы, лекторов, пропагандистов и всех интересующихся историей.

Подписная цена: на год — 84 руб., на 6 мес.— 42 руб., на 3 мес.— 21 руб.

Продолжается подписка на 1960 год

на журнал

«ИСТОРИЯ СССР»

В журнале публикуются статьи и сообщения по всем периодам отечественной истории, материалы по историографии и источниковедению, а также обзоры, рецензии и аннотации работ по истории СССР, выходящих в нашей стране и за рубежом.

Журнал рассчитан на научных работников, преподавателей высшей и средней школы, лекторов и пропагандистов. Журнал выходит один раз в два месяца.

Подписная цена: на год — 72 руб., на 6 мес. — 36 руб.

Подписка на журналы принимается во всех отделах «Союзпечати» и отделениях связи, общественными распространителями по подписке на фабриках и заводах, шахтах и стройках, в колхозах и совхозах, в учебных заведениях и учреждениях.

Цена 7 руб.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА
на
СЛЕДУЮЩИЕ ИЗДАНИЯ:

МАРКС К. и ЭНГЕЛЬС Ф. **Сочинения в 30 томах, 32 книгах.** Госполитиздат. Цена тома — 10 руб.

ЛЕНИН В. И. **Полное собрание сочинений в 55 томах.** Госполитиздат. Цена тома — 6 р. 50 к.

Всемирная история в 10 томах. Соцэкгиз. Цена тома — 40 руб.

Дипломатический словарь в трех томах. Госполитиздат. Цена тома — 25 руб.

Документы внешней политики СССР в десяти томах. Госполитиздат. Цена тома — 15 руб.

ИВАНОВ В. **Собрание сочинений в 8 томах.** Гослитиздат. Цена тома — 11 руб.

История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг. в 6 томах. Воениздат. Цена тома — 30 руб.

КРУПСКАЯ Н. **Педагогические сочинения в десяти томах.** Изд-во Академии педагогических наук. Цена тома — 14 руб.

Малая советская энциклопедия в 10 томах. БСЭ. Цена тома — 35 руб.

ПЛЕХАНОВ Г. **Избранные историко-социологические произведения в шести томах.** Соцэкгиз. Цена тома — 13 р. 50 к.

СЕРАФИМОВИЧ А. **Собрание сочинений в семи томах.** Гослитиздат. Цена тома — 10 р. 50 к.

Словарь русского языка. В четырех томах. Изд-во иностранных и национальных словарей. Цена тома — 33 руб.

Словарь языка Пушкина. В четырех томах. Изд-во иностранных и национальных словарей. Цена тома — 25 руб.

Современная драматургия. Альманах. Вторая серия. Тома 11—22. Изд-во «Искусство». Цена тома — 12 руб.

Съезды Советов. Сборник в трех томах. Госюриздат. Цена за три тома — 38 руб. Задаток — 7 руб.

Товарный словарь в 9 томах. Госторгиздат. Цена тома — 30 руб.

При подписке вносится задаток в размере стоимости одного тома.

Оплата выходящих томов производится при их получении.

Задаток засчитывается при выдаче последнего тома.

По желанию подписчиков выходящие из печати книги могут быть доставлены на дом. Доставка книг и пересылка их по почте производится за счет подписчиков.

Подписка принимается магазинами книготорга и потребительской кооперации.

«СОЮЗКНИГА»